РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА СЕДЬМАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

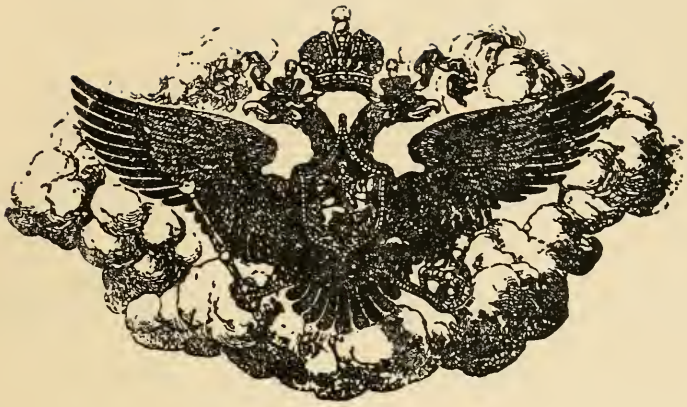
1925

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK265
.A15
kn.7



РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/russkaialietopis07russ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА СЕДЬМАЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1925

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XIe)

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и принцесса Алиса Гессенская
Виндзоръ, Іюнь 1894 г.

Изъ собранія Союза ревнителей памяти Императора Николая II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга «Русской Лѣтописи» посвящена памяти Императора Николая Александровича, «наиболѣе оклеветаннаго изъ монарховъ», какъ назвалъ Его англійскій генералъ Вильямсъ, состоявшій при Государѣ во время великой войны.

Въ очеркѣ С. С. Ольденбурга читатель найдетъ правдивую повѣсть о молодости будущаго Императора, о трогательномъ романѣ Его жизни и о первыхъ годахъ царствованія, начавшагося столь неожиданно, въ столь трудной и сложной политической обстановкѣ; въ этюдѣ П. П. Стремоухова—анализъ сужденій иностранныхъ наблюдателей о личности Императора, которому они, къ стыду нашему, дали несравненно болѣе справедливую оцѣнку, чѣмъ русское общество, не желавшее понять тѣхъ трудностей, съ какими Государю приходилось бороться въ теченіе своего бурнаго царствованія; въ статьѣ П. С. Боткина—сводку свѣдѣній о благородныхъ попыткахъ англійскаго и испанскаго Королей придти на помощь томившемуся въ заключеніи Государю, о недостойномъ образѣ дѣйствій печальной памяти Временнаго правительства, и о позорномъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ бывшаго Императорскаго посла въ Парижѣ; въ воспоминаніяхъ С. Я. Офросимовой—

свѣтлый образъ Царской Семьи, воспринятый чистой душой русской дѣвушки, такъ трогательно и такъ безкорыстно Ихъ любившей.

За время, протекшее отъ выхода въ свѣтъ послѣдней книги «Русской Лѣтописи», стали достояніемъ гласности исключительной важности документы,—акты произведеннаго судебнымъ слѣдователемъ Соколовымъ предварительнаго слѣдствія объ убійствѣ Царской Семьи въ Екатеринбургѣ. То, что извѣстно было ранѣе изъ частныхъ источниковъ и слуховъ, что горячо оспаривалось, чему не вѣрили, чему не хотѣли вѣрить, подтверждается теперь, во всемъ его ужасѣ, результатами слѣдствія, произведеннаго, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, законной судебной властью. И хотя послѣдняя ступень правосудія—Верховный Уголовный Судъ—не могъ произнести въ этомъ дѣлѣ своего приговора, но желѣзная цѣпь доказательствъ, собранныхъ слѣдователемъ и объединенныхъ безпощадной его логикой, не оставляетъ болѣе мѣста сомнѣніямъ въ гибели Царской Семьи. Надежда, что Государь живъ и гдѣ то скрывается, должна отнынѣ исчезнуть. Если и можно было находить основаніе для нея въ чудовищной невѣроятности самого факта, въ невозможности, въ неспособности вѣрить, что подобное злодѣяніе могло быть совершено въ Россіи, рукою человѣка, хотя бы и самаго окаяннаго, то нынѣ и оно отпадаетъ. Мы даемъ въ настоящей книгѣ обзоръ отчета Н. А. Соколова и дополняющихъ его, ранѣе опубликованныхъ, сообщеній.

Акты слѣдствія, шагъ за шагомъ, рисуютъ намъ развитіе этой трагедіи, по глубинѣ и силѣ, не знающей себѣ равной ни въ исторіи, ни въ художественномъ вымыслѣ писателей и поэтовъ. Царь величайшей въ мірѣ державы, вчера еще кумиръ народа, низвергнутый съ высоты величія въ глубину униженія, лишенный не только свободы, но и всѣхъ правъ человѣка, угнетаемый страданіями семьи, ясно сознающій, какъ съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе смыкается вокругъ него роковое кольцо свирѣпой злобы и звѣрскихъ страстей—съ какимъ христіанскимъ смиреніемъ, съ какой вѣрностью завѣтамъ чести, съ какою непоколебимою вѣрою въ Россію и любовью къ своему заблудшему народу ждетъ Онъ страшной минуты конца, прощая своимъ гонителямъ, молясь за нихъ... И, если Ему не довелось, по примѣру благочестивыхъ Московскихъ

Царей, принять предъ кончиною схиму, то мученическій вѣнецъ Онъ пріялъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы, недѣли и дни, и Государь, и вся Его Семья уже при жизни своей воистину стали святыми и, когда проснется совѣсть народная, не будетъ въ сознаніи ея болѣе высокаго образа, чѣмъ образъ великомученика Царя Николая, искупившаго страданіями своими грѣхи всей Россіи.

Мы знаемъ изъ слѣдствія и всѣ подробности убійства. Онѣ ужасны, но есть въ нихъ и то, что у каждаго русскаго невольно вызываетъ вздохъ облегченія. Мы знаемъ теперь, что Государь убитъ былъ не русской рукою. Его убійство задумано, рѣшено и содѣяно не русскими, а евреями и намъ извѣстны ихъ имена..... И даже глумительный стихъ, который убійцы, въ знакъ своего торжества, начертали на обагренной Его кровью стѣнѣ, взятъ ими у поэта—еврея.....

Православный Царь, Царь всея Россіи, пріялъ свой мученическій вѣнецъ изъ тѣхъ самыхъ рукъ, которыя возложили терновый вѣнецъ на Христа.....

Но и своей вины мы забыть не должны.

Всѣ мы виновны въ томъ, что инородцы овладѣли Россіей, правятъ въ Кремлѣ и попираютъ наши святыни. Всѣ мы виновны въ томъ, что чужіе намъ люди похитили сердце народа, что корыстными посулами сумѣли затмить его разумъ и совѣсть и отвратили его отъ Царя. На насъ на всѣхъ лежитъ отвѣтъ за кровь Государя и за гибель нашей Земли. Одни, въ безуміи своемъ, возстали на власть, создавшую Россію; другіе, по нерадѣнію и малодушію, не сумѣли этотъ мятежъ подавить; третьи, въ невѣжествѣ своемъ, равнодушно взирали на крушеніе вѣковыхъ устоевъ нашей державы. И всѣ, и каждый изъ насъ виновны въ томъ, что не сумѣли сохранить и уберечь Царя своего.

И Богъ караетъ за это Русскій народъ.....

Съ паденіемъ Престола, со смертью Царя, всего лишилась Россія. Величіе и славу, святыни и богатства... все, все... и даже имя свое она потеряла... Все потеряла и сама отлетѣла, какъ сонъ.....

И тамъ на далекомъ Сѣверѣ, гдѣ въ безымянной, неотпѣтой могилѣ покоится прахъ ея послѣдняго Государя, тамъ же легла и сокрылась Россія. И будетъ лежать тамъ дотолѣ, доколѣ не склонитъ передъ этой могилой колѣни весь Русскій народъ и не ороситъ ее живой водой своего покаянія.

VIII

И встанетъ тогда изъ Царской могилы Россія и грозно будетъ ея пробужденіе.....

Пусть же правдивая повѣсть о послѣднихъ дняхъ Государя, о Его праведной жизни, Его любви къ народу, Его смерти безстрашной станетъ для потомства ключемъ живой воды, которая разбудитъ Россію.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ
(1886 г.)

Изъ собранія Союза ревнителей памяти Императора Николая II.

Императоръ Николай II

(опытъ біографіи)

С. С. Ольденбургъ.

Сообщено Союзомъ ревнителей памяти
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Великій Князь и Наслѣдникъ Цесаревичъ

(1868-1894).

Великій Князь Николай Александровичъ, старшій сынъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Его Супруги Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, родился 6-го мая, въ день св. Іова Многострадальнаго, въ Царскомъ Селѣ, въ 1868 году.

Какъ старшій сынъ Наслѣдника, Онъ съ первыхъ своихъ дней находился на прямомъ пути къ престолу. Инымъ было положеніе державныхъ Его предшественниковъ: ни Императоръ Николай I, ни отецъ Великаго Князя не знали съ дѣтства и въ юности, что имъ предстоитъ нести бремя Царскаго служенія; они готовились быть вѣрноподданными своихъ братьевъ, судьба возвела ихъ на Престолъ. Даже Императоръ Александръ II не съ первыхъ лѣтъ своихъ былъ намѣченъ для Царства: онъ увидѣлъ свѣтъ какъ сынъ второго брата правившаго тогда монарха, и только съ восьми лѣтъ сталъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

А передъ Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ былъ начертанный въ законѣ ясный путь къ Престолу. Прямой путь — и дальній: и дѣдъ Его, и отецъ были не стары и въ цвѣтѣ своей силы.

Великій Князь былъ какъ бы обрученъ Россіи съ перваго своего дня. Это налагало особый отпечатокъ на воспитаніе, на отношеніе окружающихъ, на всю духовную Его жизнь. Онъ былъ единственнымъ отъ рожденія. Все его обученіе съ дѣтства было задумано и проведено, какъ обстоятельная подготовка къ державному труду.

Дѣтство Великаго Князя протекало въ Гатчинѣ и въ Анич-

ковомъ дворцѣ. Ближайшими сверстниками были Ему братъ и сестра, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна. Воспитателемъ, когда Ему исполнилось 9 лѣтъ, сталъ Г. Г. Даниловичъ; англійскій языкъ преподавалъ англичанинъ Хисъ (Heath).

Объ этомъ времени мы знаемъ очень мало. Жизнь за оградами дворцовыхъ парковъ одновременно и на виду у всѣхъ и закрыта: ея внѣшнія очертанія отмѣчаетъ ежедневно печать, — пріѣзды и отъѣзды, пріемы и торжества, — и въ то же время по существу извѣстно о ней не много. Можетъ быть, развѣ, впослѣдствіи она откроется въ воспоминаніяхъ современниковъ.

Воспитатель Великаго Князя, К. І. Хисъ, который горячо полюбилъ своего воспитанника, разсказывалъ о Немъ своимъ дѣтямъ; съ его словъ зять К. І. Хиса, А. Мордвиновъ, передаетъ, что Великій Князь въ дѣтствѣ былъ оченѣ застѣнчивъ и трудно было узнать, о чемъ онъ задумывался; но при этомъ онъ былъ и очень упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ и разубѣдить его въ нихъ бывало не легко; однако, даже мальчикомъ, онъ почти никогда не горячился и не терялъ самообладанія.

«Бывало, во время крупной ссоры съ братьями или товарищами дѣтскихъ игръ»,—разсказываетъ Карлъ Іосифовичъ,— Николай Александровичъ, чтобы удержаться отъ рѣзкаго слова или движенія, молча уходилъ въ другую комнату, брался за книгу, и только успокоившись, возвращался къ обидчикамъ и снова принимался за игру, какъ будто ничего не было».

Онъ былъ очень любознателенъ и прилеженъ, вызывая даже этимъ добродушныя насмѣшки другихъ и чрезвычайно увлекался чтеніемъ, проводя большую часть свободнаго времени за книгою. Любилъ также, чтобы ему читали и самъ отлично читалъ вслухъ.

«Однажды, — разсказываетъ Карлъ Іосифовичъ, — мы читали вмѣстѣ съ маленькимъ Николаемъ Александровичемъ одинъ изъ эпизодовъ Англійской исторіи, гдѣ описывался въѣздъ короля (King John), любившаго простонародье и которому толпа восторженно кричала: «Да здравствуетъ король народа».

Глаза у мальчика заблистали, онъ весь покраснѣлъ отъ волненія и воскликнулъ: «Ахъ, вотъ я хотѣлъ бы быть такимъ», на что К. І. Хисъ ему замѣтилъ: «Вы не должны быть Государемъ одного лишь простого народа, для Васъ всѣ классы населенія должны быть равны, одинаково дороги и любимы».

За скудостью точныхъ данныхъ о жизни Великаго Князя въ

дѣтствѣ, необходимо возстановить хотя бы внѣшнюю канву событій и впечатлѣній, проходившихъ передъ Нимъ, когда Онъ выросталъ.

На десятомъ году жизни — война за освобожденіе Славянъ, долгая осада Плевны и геройская оборона Шипки; и отецъ и дѣдъ — тамъ, на войнѣ; побѣда, достигнутая съ такимъ напряженіемъ—и такъ мало давшая Россіи. Затѣмъ, съ конца войны, начинается постоянная угроза жизни дѣда, — та роковая травля Царя-Освободителя кучкой фанатиковъ, которая внесла такой глубокій разладъ и распадъ въ русское общество, легкомысленно принявшееся въ значительной своей части за романтическую идеализацію цареубійцъ; — угроза, силою ставшихъ необходимыми предосторожностей, положившая между Царемъ и народомъ новую грань бытового разобщенія; угроза со стороны невѣдомыхъ, непонятныхъ мальчику злоумышленниковъ — приводящая къ страшному исходу 1 марта — вотъ общая обстановка отрочества Великаго Князя Николая Александровича.

Ему было къ этому роковому дню почти 13 лѣтъ. Такія впечатлѣнія — не забываются. Будущій Государь видѣлъ съ отроческихъ лѣтъ, какъ терніи вплетены въ русскій Царскій вѣнецъ.

Къ этому времени уже былъ начатъ прохожденіемъ обстоятельный курсъ, составленный и проводимый лучшими представителями русской науки, долженствовавшій дать Великому Князю, — отнынѣ Наслѣднику Цесаревичу — какъ общее образованіе, такъ и спеціальныя государственныя и военныя знанія.

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, бывшій воспитателемъ Великаго Князя-Наслѣдника за гимназическіе годы, былъ выдающимся педагогомъ, много сдѣлавшимъ въ свое время для расширенія русскаго военнаго образованія. Онъ работалъ въ 1860-хъ годахъ по созданію военныхъ гимназій, и въ теченіе 12 лѣтъ стоялъ во главѣ педагогическихъ курсовъ, подготовлявшихъ учителей для этихъ гимназій. К. В. Ельницкій, въ книгѣ «Русскіе педагоги второй половины XIX-го вѣка», а также бывшій ученикъ ген. Даниловича, М. Прокопьевъ въ «Русской Старинѣ», отмѣчаютъ, что онъ былъ прежде всего «психологомъ не только по теоріи, но и по жизни» и умѣлъ поэтому всегда находить подходящихъ къ дѣлу людей, что сказывалось при подборѣ педагогическаго состава руководимыхъ имъ гимназій и курсовъ. Это свойство было особенно существенно для наставника-воспитателя, на которомъ лежалъ и выборъ учителей для Наслѣдника.

Съ осени 1877 года Великій Князь проходилъ русскій гим-

назическій курсъ, — съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, однако: была расширена программа по исторіи, а также по русской литературѣ; вмѣсто двухъ, проходилось три иностранныхъ языка (французскій, нѣмецкій, англійскій); кромѣ того, курсъ естественныхъ наукъ былъ поставленъ значительно многостороннѣе, чѣмъ вообще въ средней школѣ. Всѣ эти увеличенія программы были проведены отчасти за счетъ исключенія изъ нея классическихъ языковъ; хорошая память и рано намѣтившаяся способность быстро и легко усваивать преподаваемое дополнили остальное и помогли Великому Князю-Наслѣднику пройти расширенный гимназическій курсъ въ положенный срокъ.

Высшее образованіе — по особой программѣ, какъ бы соединявшей курсъ государственнаго и экономическаго отдѣленій Юридическаго Факультета Университетовъ съ курсомъ Академіи Генеральнаго Штаба—заняло періодъ съ 1885 по 1890-й г. Въ то же время, Наслѣдникъ знакомился на практикѣ съ русской военной жизнью, состоя въ рядахъ Л.-Гв. Преображенскаго полка; онъ отбылъ два лагерныхъ сбора, первый —субалтернъ-офицеромъ, второй — ротнымъ командиромъ. Привязанность къ своему полку — историческому Петровскому «потѣшному» — всегда оставалась впослѣдствіи у Государя; передаютъ Его слова, что Онъ «родился преображенцемъ». Два лѣта, кромѣ того, Наслѣдникъ провелъ въ составѣ Л.-Гв. Гусарскаго Е. В. полка, равнымъ образомъ въ должностяхъ субалтернъ-офицера и эскадроннаго командира.

Отвѣтственная задача—ввести будущаго правителя сложнѣйшей въ мірѣ страны въ кругъ вопросовъ государствовѣдѣнія —была возложена на рядъ выдающихся русскихъ ученыхъ.

Статистику и политическую экономію преподавалъ Н. Х. Бунге; выдающійся теоретикъ, онъ въ то же время, на основаніи непосредственнаго опыта, зналъ русскую хозяйственную жизнь этой эпохи, такъ какъ стоялъ съ 1881 по 1886 г. во главѣ министерства финансовъ. Русскую исторію и исторію русскаго права велъ Е. Е. Замысловскій; международное право и исторію внѣшне-политическихъ отношеній преподавалъ М. Н. Капустинъ (оба были въ большей мѣрѣ хорошими знатоками историческаго матеріала, чѣмъ самостоятельными теоретиками, отголоски вліянія которыхъ можно было бы искать въ міровоззрѣніи Наслѣдника). Курсы каноническаго права и богословія были поручены протопресвитеру І. Л. Янышеву; бывшій 13 лѣтъ настоятелемъ при русской церкви въ Висбаденѣ, Іоаннъ Леонтьевичъ хорошо изучилъ протестантизмъ; въ 1864-65 г. онъ знакомилъ будущую Императрицу Марію Ѳеодоровну, тогда еще невѣсту

Въ лагерѣ при с. Русское Копорское (іюль 1890 г.).
Слѣва на право: Е. Н. Волковъ, Б. М. Петрово-Соловово, М. Е. Крупенскій, П. Н. Свѣчинъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, А. А. Орловъ, Кн. Д. П. Гагаринъ.

Изъ собранія Союза ревнителей памяти Императора Николая II.

старшаго сына Императора Александра II-го, съ основами православнаго вѣроученія; участвовалъ въ 1870-хъ годахъ въ переговорахъ со старо-католиками о соединеніи ихъ съ православной церковью и съ 1883 г. былъ духовникомъ Государя Александра III и Его Семьи; авторъ ученыхъ трудовъ по нравственному богословію, онъ былъ, по взглядамъ своимъ, поклонникомъ «эпохи великихъ реформъ». Изъ преподавателей курса военныхъ знаній можно отмѣтить наиболѣе значительнаго русскаго военнаго историка, проф. Г. А. Леера, «Опытъ краткаго изслѣдованія законовъ искусства веденія войны» котораго былъ переведенъ на главнѣйшіе европейскіе языки; М. Н. Драгомирова, обладавшаго, кромѣ спеціальныхъ знаній, несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ и ѣдкимъ остроуміемъ. Особо стоялъ курсъ химіи, преподававшійся проф. Бекетовымъ и являвшійся продолженіемъ того расширеннаго гимназическаго курса естественныхъ наукъ, который Императоръ Александръ III счелъ необходимымъ для общаго образованія монарха XIX-го вѣка.

Безъ сравненія важнѣйшимъ изъ преподавателей являлся, однако, К. П. Побѣдоносцевъ. Его вліяніе выходило,несомнѣнно, за предѣлы его—весьма обширнаго—предмета преподаванія.Общія основы права, государственное право, гражданское право — все это лежало на немъ; а сила и четкость его мысли, и тотъ авторитетъ, которымъ властный оберъ-прокуроръ Синода пользовался у самого Императора, придавали его ученію особый вѣсъ. Для пониманія многаго въ отношеніи Императора Николая II къ ряду явленій, для оцѣнки мотивовъ многихъ актовъ и фактовъ Его царствованія, необходимо знакомство съ воззрѣніями К. П. Побѣдоносцева. Этотъ жестокій критикъ современной ему жизни, обличитель «великой лжи нашего времени», наложилъ свой отпечатокъ на отношеніе Наслѣдника къ ряду важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Въ отрицаніи такъ называемыхъ «современныхъ» формъ государственности державнымъ ученикомъ К. П. Побѣдоносцева — Императоромъ Николаемъ II — проявлялось не ихъ незнаніе, а совершенно сознательное отверженіе, основанное однако не только на критикѣ теоріи, — но и на эмоціональныхъ переживаніяхъ Его молодости.

Сильнѣе и властнѣе самыхъ выдающихся преподавателей была среда, была историческая обстановка.

Наслѣдникъ Цесаревичъ выросталъ въ 80-е годы. Позади — была «эпоха великихъ реформъ», одно изъ самыхъ радикальныхъ преобразованій въ исторіи; соціальный строй Россіи былъ измѣненъ, пожалуй, сильнѣе, чѣмъ строй Франціи революціей

1789 г., уже не заставшей тамъ крѣпостного права; отвѣтомъ — со стороны интеллигенціи — былъ терроръ «Народной воли», были попытки внести революцію въ деревню — разбившіяся о здоровое правосознаніе крестьянства, тогда еще вѣрнаго своему Царю-Освободителю.

Полоса реформъ, приведшая къ революціонному броженію — (сила котораго многими еще переоцѣнивалась); слабое, колеблющееся общественное мнѣніе, слишкомъ склонное сочувствовать террористамъ (вспомнить хотя бы суды присяжныхъ, оправдывавшіе Вѣру Засуличъ, стрѣлявшую, по выраженію русскаго крестьянина, отмѣченному К. Н. Леонтьевымъ, «въ заслуженнаго слугу Государева, какъ въ какого то пса!»); окровавленное тѣло Державнаго Дѣда, — Царя-Освободителя; и народная скорбь, огромныя толпы на погребеніи своего Государя — это все отпечатлѣлось на слагавшемся въ ту пору міровоззрѣніи. И дальше: мужественное рѣшеніе Отца: — или одолѣть смуту или погибнуть; и смута, разсѣявшаяся дымомъ передъ фактомъ этой рѣшимости. Конечно, событія были сложнѣе и эта побѣда не даромъ далась, а куплена была дорогою цѣною — еще большаго расхожденія съ образованными слоями населенія, при этомъ безъ ощущительнаго сближенія съ народной массой. Но фактъ былъ налицо: угрозы не испугались — и призракъ разсѣялся. Императоръ не уступилъ, и смута прекратилась: смута, не только не прекращенная, но какъ будто вызванная «эпохой великихъ реформъ»! Въ такомъ видѣ вставалъ передъ молодымъ Наслѣдникомъ итогъ царствованій Его Дѣда и Отца...

А внѣ Россіи — за эти же «университетскіе» годы Наслѣдника — Онъ могъ наблюдать ростъ соціализма въ Германіи, — и партійную борьбу въ рейхстагѣ на почвѣ законовъ о государственной оборонѣ (септеннатъ и т. д.); во Франціи — демократической республикѣ — міровой Панамскій скандалъ, и безсмысленныя покушенія анархистовъ, бросавшихъ бомбы въ кафе, чтобы «протестовать противъ существующаго соціальнаго строя». Все это, разсматриваемое при этомъ сквозь призму побѣдоносцевскаго преподаванія, не могло внушать и не внушило Наслѣднику ни уваженія, ни симпатіи къ «передовымъ» государственнымъ учрежденіямъ.

Не менѣе знаменательными были впечатлѣнія отъ внѣшней политики того времени.

80-е годы были періодомъ мира. Только небольшія столкновенія при колоніальныхъ экспедиціяхъ, далеко внѣ Европы, напоминали о томъ, что существуютъ войны. Но военная техника

продолжала совершенствоваться, арміи росли, исканія политическаго равновѣсія продолжались.

Во внѣшне-политическихъ отношеніяхъ Россіи происходилъ сдвигъ. Традиція почти семидесяти лѣтъ, — отъ временъ Императора Александра I и короля Фридриха-Вильгельма Ш-го, — русско-прусская дружба, — казалось, пережила себя. Объединеніе Германіи, создавшее у западныхъ границъ Россіи первоклассную военную державу, почти вдвое сильнѣе старой Пруссіи; глубокое разочарованіе, вызванное въ русскомъ обществѣ германской политикой на Берлинскомъ конгрессѣ; «оптація» Германіи въ пользу Австріи, выразившаяся въ заключеніи Тройственнаго Союза (которому т. н. «договоръ обратнаго страхованія» служилъ еще въ тѣ годы — правда, неравноцѣннымъ — противовѣсомъ); все это мѣняло обстановку и побуждало искать новыхъ путей въ международныхъ отношеніяхъ.

Кромѣ общаго настроенія, распространявшагося въ самыхъ разныхъ кругахъ Россіи, и въ ближайшемъ семейномъ кругу Наслѣдникъ встрѣчалъ то же отрицательное отношеніе къ Германіи: мать Его прибыла въ Россію черезъ 2-3 года послѣ того, какъ Пруссія — тогда еще вмѣстѣ съ Австріей — отняла у ея родной страны герцогства Шлезвигъ и Гольштинію; хотя эти области, кромѣ небольшой сѣверной полосы, были населены нѣмцами, въ Даніи запомнили прежде всего тотъ фактъ, что двѣ великихъ державы пошли на нее войной и насильно завладѣли ея землями.

Такъ какъ Англія тогда еще не искала сближенія ни съ кѣмъ, — къ тому времени относится терминъ «splendid isolation,» — а «единственный другъ Россіи», князь Николай Черногорскій, не могъ быть серьезной опорой, — отходъ отъ Германіи приводилъ къ сближенію съ Франціей, несмотря на всю противоположность государственнаго строя обѣихъ странъ, — долго являвшуюся препятствіемъ для прочнаго союза.

По окончаніи Наслѣдникомъ курса высшаго образованія, Онъ совершилъ — въ 1890-91 годахъ — большое путешествіе, причемъ къ посѣщенію были намѣчены не дворы другихъ державъ, не столицы Европы, — а страны Средняго и Дальняго Востока. Наслѣдникъ раньше уже бывалъ въ Германіи, Австріи, въ Греціи; но это были скорѣе визиты, чѣмъ путешествія. Въ выборѣ пути (подробности котораго были разработаны географомъ А. И. Войковымъ и морскимъ министромъ И. А. Шестаковымъ) сказывалось новое пониманіе предназначенія Россіи: мысль о томъ, что она — не только европейская держава; что ея будущему правителю существенно имѣть непосредственное

впечатлѣніе отъ культурныхъ странъ Азіи, — быть можетъ, даже болѣе существенно, чѣмъ отъ западной Европы.

Путешествіе Наслѣдника, подробно описанное — съ внѣшней стороны — Его спутникомъ, кн. Э. Э. Ухтомскимъ, является исключительнымъ по богатству впечатлѣній. Начинаясь съ посѣщенія — въ ноябрѣ 1890 г. — Вѣны, гдѣ будущаго русскаго Императора принимали Императоръ Францъ-Іосифъ и эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ — и гдѣ чешская молодежь встрѣчала славянскаго Царевича криками «слава», къ огорченію вѣнскихъ нѣмцевъ — оно ведетъ черезъ Адріатическое море (на крейсерѣ «Память Азова»), съ заѣздомъ въ Грецію и посѣщеніемъ Олимпіи, мѣста древне-греческихъ игръ — въ Египетъ. Тамъ Наслѣдника, Его брата Великаго Князя Георгія Александровича и греческаго королевича Георга привѣтствуютъ греческая и ф р а н ц у з с к а я колоніи (уже къ этому времени Бисмаркъ уволенъ, съ нимъ отпалъ «договоръ обратнаго страхованія», и русско-французское сближеніе «носится въ воздухѣ»). Египту посвящаютъ двѣ недѣли. Наслѣдникъ поднимается первымъ на пирамиду Хеопса; по Нилу ѣдутъ въ древнія Ѳивы; смотрятъ храмы Карнака и Луксора, усыпальницу фараоновъ въ знойной «долинѣ смерти»; поднимаются до Ассуана, до пороговъ Нила, тамъ посѣщаютъ островъ Филы; на обратномъ пути — Мемфисъ, съ храмомъ Аписа. Дальше путь лежитъ въ Индію, черезъ Красное море. Не очень охотно видятъ англійскія власти русскаго Великаго Князя въ Индіи; принимаются мѣры, чтобы не допустить до Него нѣкоторыхъ болѣе оппозиціонно-настроенныхъ индійскихъ князей. Въ Индіи Наслѣдникъ проводитъ два мѣсяца. Сухое подробное перечисленіе видѣнныхъ Имъ мѣстъ только тѣмъ скажетъ что нибудь, кто Индію хорошо знаетъ; назовемъ только главнѣйшее: Ахмедабадъ, Бенаресъ, Джейпуръ; мусульманскіе памятники сѣверо-индійской равнины, Дели, съ дворцами «Великихъ Моголовъ» и мавзолеями мусульманскихъ властителей Индіи; Агра, съ знаменитымъ Таджемъ — мавзолеемъ шаха Джехана. Калькутта (съ пріемомъ у тогдашняго вице-короля Индіи, маркиза Лэнсдоуна); изъ Южной Индіи — Мадрасъ, Трихинополи — всего не перечесть; а между посѣщеніями храмовъ, дворцовъ, старинныхъ городовъ, вплетаются охоты на дикованныхъ звѣрей: на пантеру, на тигра (а на островѣ Цейлонѣ — еще и на слоновъ). Цѣлый другой міръ, сложной чужой культуры на мгновеніе пріоткрывается передъ глазами Наслѣдника. (Въ своемъ описаніи восточныхъ странъ князь Ухтомскій неоднократно подчеркиваетъ духовную близость русскихъ къ азіатскимъ народамъ. Насколько то же ощущалъ и самъ Наслѣдникъ — сейчасъ трудно установить).

За Индіей — Ява, съ тропическими богатствами знаменитаго Бейтензоргскаго Ботаническаго сада, съ восхожденіемъ на вулканъ и охотой на крокодиловъ; и посѣщеніе Сіама, съ королевской семьей котораго завязана была долголѣтняя дружба (сіамскіе принцы затѣмъ учились въ Пажескомъ корпусѣ), нѣсколько дней отдыха, при дворѣ въ Банкокѣ, — какъ зрѣлище — ловля слоновъ. Въ Сайгонѣ — столицѣ французскаго Индо-Китая — опять французскія привѣтствія — предвѣстія Кронштадта и Тулона. Изъ Китая Наслѣдникъ посѣтилъ только самый Югъ — Кантонъ, Хонанскій монастырь и поднимался по Янтсекіангу до города Ханькоу, гдѣ былъ въ то время центръ русской чайной торговли (Молчановыхъ и другихъ). Страстную недѣлю и Пасху провели въ Нагасаки, гдѣ русская церковь; путешествіе по Японіи, начавшееся осмотромъ храмовъ Кіото и озера Бива, было прервано — 11 мая н. ст. — покушеніемъ японскаго фанатика - націоналиста. Наслѣдникъ ѣхалъ въ рикшѣ, въ ряду другихъ, когда японскій жандармъ Санзо Цуда бросился на него съ саблей; Онъ успѣлъ выскочить изъ экипажа, и ударъ только скользнулъ по головѣ, а королевичъ Георгъ обезоружилъ нападавшаго. Сохранивъ самъ полное присутствіе духа, Наслѣдникъ тутъ же сталъ успокаивать окружавшихъ, взволнованныхъ происшедшимъ. (Это былъ второй случай, когда непосредственная опасность грозила Его жизни: первый была извѣстная жел. дор. катастрофа въ Боркахъ, 17 окт. 1888). Рана оказалась легкой; даже путешествіе по Японіи было прервано не столько изъ за раны, сколько въ виду обнаружившагося враждебнаго настроенія части японскаго населенія, относившагося, несмотря на изъявленія дружбы со стороны японскаго Императора, съ явнымъ недоброжелательствомъ къ русскимъ гостямъ. Изъ Японіи Наслѣдникъ вернулся въ Россію — во Владивостокъ, гдѣ присутствовалъ при открытіи памятника адм. Невельскому и — уже черезъ 20 дней послѣ покушенія — принялъ участіе въ заложеніи начала постройки дальневосточнаго отрѣзка Великаго Сибирскаго пути, собственноручно свезя первую тачку песка къ насыпи.

Послѣдняя часть путешествія — по трактамъ и рѣкамъ безконечной Сибири — черезъ казачьи станицы, черезъ бурятскія поселенія, — двухмѣсячное странствованіе до предѣловъ Европейской Россіи, которое въ послѣдніе годы Его царствованія можно было затѣмъ продѣлать въ 5-6 дней — Чита, Иркутскъ, Тобольскъ, гдѣ 22 іюля Наслѣдника встрѣчалъ хлѣбъ-солью на пристани народъ — послѣднія Сибирскія казачьи станицы — Оренбургъ, Уральскъ — и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Гатчину. Будущій Императоръ Николай II первымъ изъ русскихъ Го-

сударей проѣхалъ черезъ всю Сибирь, и не забывалъ объ этомъ дивномъ и суровомъ краѣ за все свое царствованіе.

За ученіемъ, за вхожденіемъ въ военный бытъ, за необычнымъ по замыслу путешествіемъ, слѣдующей ступенью подготовленія къ Престолу должно было явиться участіе въ работахъ законосоставительныхъ учрежденій. Уже съ 1889 г. — съ 21 года — Наслѣдникъ былъ назначенъ къ присутствованію въ Государственномъ Совѣтѣ; съ конца 1891 г. Онъ принималъ постоянное участіе въ его работахъ, — какъ и въ засѣданіяхъ комитета министровъ; Онъ присматривался къ «ходу державнаго правленія» и передъ нимъ проходили обсужденія новаго Городового положенія (1892 г.), закона о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, подготовительныхъ мѣръ по винной монополіи, и т. д.

Въ 1892 г. Наслѣдникъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Гр. Витте въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, будто Императоръ Александръ III считалъ въ ту пору Наслѣдника еще недостаточно зрѣлымъ для активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, и не сразу рѣшился на это назначеніе; однако, отмѣчаетъ Витте далѣе, когда Наслѣдникъ вступилъ въ должность, то «уже черезъ нѣсколько засѣданій было замѣтно, что Онъ овладѣлъ положеніемъ предсѣдателя». «Фактъ тотъ, — пишетъ онъ затѣмъ, — что самъ Наслѣдникъ всегда зналъ дѣло, которое въ Комитетѣ обсуждалось».

Послѣдніе годы передъ восшествіемъ Государя на Престолъ — 1891-94 — были во внутренней жизни Россіи ознаменованы тяжелыми неурожаями 1891 и 1892 годовъ, во внѣшней политикѣ — открытымъ сближеніемъ съ Франціей и заключеніемъ съ нею союза, остававшагося первое время тайнымъ.

Необходимо — въ противовѣсъ довольно частымъ тенденціознымъ сближеніямъ—отмѣтить, что неурожаи 1891-92 г.г. застали русскую государственность въ періодъ нормальнаго развитія и поэтому тѣхъ картинъ голода, которыя наблюдались хотя бы за послѣдніе годы,—съ людоѣдствомъ, кочеваніемъ голодныхъ толпъ и т. д. — не было тогда и въ поминѣ. Если до нѣкоторой степени сходными были природныя условія, — самый размѣръ неурожая — то общее положеніе населенія потерпѣвшихъ мѣстностей и степень той помощи, которая была оказана государствомъ и обществомъ, совершенно не сравнимы съ тѣмъ, что наблюдалось въ наши дни. Но на общество того времени и голодъ 1891 г. произвелъ большое впечатлѣніе; — онъ запомнился и перешелъ въ исторію; и усиленно выдвигался какъ доказательство того, что Россія и при Царскомъ режимѣ голода-

ла. Это — не единственный случай сравненій несравнимаго: какъ часто говорятъ о казняхъ «стараго порядка», забывая, что именно Россія до первой революціи была единственной великой державой, не знавшей смертной казни за общія преступленія. Въ одномъ изъ совѣтскихъ музеевъ есть комната съ «мартирологомъ русской революціи» — въ немъ собраны данныя о всѣхъ подвергшихся смертной казни за время отъ возстанія декабристовъ и до революціи 1905 г. И за всѣ эти восемьдесятъ лѣтъ, со всѣми покушеніями и заговорами (если только исключить оба возстанія въ Царствѣ Польскомъ), смертной казни подверглось около ста человѣкъ — во много разъ меньше, чѣмъ гибло ежедневно — за годы господства совѣтской власти! Это отступленіе, это сопоставленіе существенно для пониманія психологіи того времени, — когда человѣческая жизнь цѣнилась по иному, чѣмъ въ наши дни, и событія, которыя теперь прошли бы незамѣченными, казались потрясающими.

Наслѣдникъ Цесаревичъ принималъ въ 1891-92 г. участіе въ работѣ помощи голодающимъ мѣстностямъ, состоя предсѣдателемъ Комитета попеченія о голодающихъ.

Насколько можно судить, Императоръ Александръ III считалъ необходимымъ планомѣрную и очень постепенную подготовку своего сына къ государственнымъ дѣламъ, и не вводилъ его до самаго послѣдняго времени въ вопросы «большой политики», которыми вѣдалъ Самъ (какъ извѣстно, Императоръ Александръ III былъ въ значительной мѣрѣ «собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ»). Онъ полагалъ — и многіе думали то же — что Наслѣднику еще въ теченіе долгихъ лѣтъ предстоитъ, выйдя изъ времени ученичества, быть сначала наблюдателемъ, потомъ сотрудникомъ своего отца, но тяжелая болѣзнь, такъ преждевременно прервавшая жизнь Императора, — была неожиданностью, разрушившей его планы.

Все, что здѣсь было сказано относительно образованія и подготовки Наслѣдника, въ достаточной мѣрѣ опровергаетъ не только нелѣпыя представленія, упорно распространявшіяся въ русскомъ обществѣ, о невѣжественности и недоразвитости будущаго Государя — но и указанія нѣкоторыхъ довольно благожелательныхъ критиковъ, вродѣ А. П. Извольскаго, выражавшаго въ своихъ мемуарахъ сожалѣніе о томъ, что Государь, при Его большихъ природныхъ дарованіяхъ, не получилъ надлежащей подготовки, что Его воспитаніе было поручено «ничѣмъ не замѣчательному» ген. Даниловичу и т. д. Можно не соглашаться съ міровоззрѣніемъ Императора Александра III, можно считать взгляды К. П. Побѣдоносцева ошибочными, но нельзя отрицать, что воспитаніе будущаго монарха было ими прове-

дено совершенно сознательно и планомѣрно; что, быть можетъ, немногимъ правителямъ было дано такое систематическое образованіе; и если въ свое время воспитаніе Императора Александра II велось, въ общемъ, людьми болѣе л и б е р а л ь н ы х ъ взглядовъ, то это уже разница направленія, а не разница въ высотѣ духовной культуры.

Весною 1894 г. — 6 апрѣля — состоялось обрученіе Наслѣдника съ Принцессою Алисой Гессенъ-Дармштадтской, младшей сестрой Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, супруги Великаго Князя Сергѣя Александровича.

На высотахъ власти браки обычно заключаются не по любви, а по внѣшне-политическимъ соображеніямъ,—но мало можно найти въ современной исторіи такихъ задушевно живыхъ страницъ, какъ повѣсть о Русскомъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ и принцессѣ Аликсъ.

Начало этой повѣсти еще въ 1884 году, когда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка пріѣхала въ Петербургъ на свадьбу своей старшей сестры, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, и Наслѣдникъ — ему было тогда 16 лѣтъ — подарилъ ей сѣрую брошку. Маленькая принцесса была смущена, рѣшила, что ей нельзя этого подарка принять, и на дѣтскомъ балу въ Аничковомъ Дворцѣ, танцуя съ Наслѣдникомъ, она вложила ему въ руку комочекъ бумаги, въ которомъ была подаренная брошка — чѣмъ очень огорчила Цесаревича. Тогда и рѣчи еще не было о возможности женитьбы, вся жизнь еще была въ предчувствіяхъ, но этотъ случай запомнился обоимъ и «милая брошка» упоминается въ письмахъ Государыни черезъ десятки лѣтъ, еще въ тяжелые годы войны и глухого наростанія смуты — памятка раннихъ дней, незатемненныхъ заботою и человѣческою злобою: «32 года назадъ уже мое дѣтское сердце исполнилось глубокой любовью къ тебѣ» писала Государыня въ началѣ 1916 года...

Придворная жизнь, ученье, планы будущаго, строившіеся родителями, не могли заглушить памяти обоихъ другъ о другѣ и каждая встрѣча дѣлала маленькую сестру «тети Эллы» дороже и ближе сердцу Цесаревича. Внѣшняя обстановка была вся противъ нихъ. Императоръ Александръ III не особенно хотѣлъ женитьбы на нѣмецкой принцессѣ — хотя бы и воспитанной въ Англіи; намѣчался союзъ съ Франціей и одновременно выдвигался планъ брака Наслѣдника съ Еленой, принцессой Орлеанскаго дома, дочерью претендента на французскій престолъ... На пути какихъ несбывшихся ожиданій стала тутъ любовь?....

Въ 1889 г. принцесса пріѣзжала на пять недѣль въ Петербургъ, и съ этого времени рѣшеніе Наслѣдника было принято.

Въ «Дневникѣ Государя» объ этомъ стоятъ слова (помѣченныя 21 Декабря 1891 г.) «Разсуждали о семейной жизни... Невольно этотъ разговоръ затронулъ самую живую струну моей души, затронулъ ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня въ день. Уже полтора года прошло, съ тѣхъ поръ, какъ я говорилъ объ этомъ съ Папа въ Петербургѣ, а съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось ни въ дурномъ ни въ хорошемъ смыслѣ. Моя мечта — жениться на Аликсъ Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнѣе съ 1889 г., когда она провела шесть недѣль въ Петербургѣ. Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью моей завѣтной мечты». «Я почти убѣжденъ» — говорится далѣе — «что наши чувства взаимны».

Годъ за годомъ, Наслѣдникъ ведетъ свою линію, противопоставляя всѣмъ планамъ свою мягкую въ проявленіяхъ, но упорную и настойчивую волю. Принцессѣ Аликсъ также приходится отстранять предложенія другихъ брачныхъ союзовъ (о ея двоюродномъ братѣ принцѣ Эдуардѣ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ упоминается въ «Дневникѣ» Государя). Какъ онъ добился согласія родителей на бракъ, какъ онъ побѣдилъ препятствія — о томъ свѣдѣній нѣтъ, но весною 1894 года Наслѣдникъ ѣдетъ въ Кобургъ на свадьбу брата принцессы Аликсъ уже съ намѣреніемъ просить руки той, которая была для Него съ такихъ раннихъ лѣтъ — Его нареченной.

Оставалось еще одно, послѣднее, препятствіе: разница вѣръ. Принцесса долгое время считала для себя невозможнымъ переходъ въ православіе, а это было — и по Русскимъ Основнымъ Законамъ и по міровоззрѣнію Наслѣдника — совершенно необходимымъ условіемъ брака.

Они встрѣтились въ Кобургѣ 5-го апрѣля. «Около 10 часовъ утра пришли Эрни и Аликсъ. Насъ оставили вдвоемъ», — говорится въ «Дневникѣ», — «и тогда начался между нами тотъ разговоръ, котораго я давно сильно желалъ и вмѣстѣ очень боялся. Говорили до 12 часовъ, но безрезультатно; она все противится перемѣнѣ религіи. Она, бѣдная, много плакала». Весь этотъ день пришлось обоимъ проводить на людяхъ, среди празднествъ и парадовъ. «Я душою усталъ сегодня», стоитъ въ концѣ «Дневника» за этотъ день.

Два дня еще вопросъ оставался нерѣшеннымъ и Наслѣднику казалось, что надежды нѣтъ: «Хорошо еще, что она согласна разговаривать со мною»...

Но 8-го апрѣля въ «Дневникѣ» говорится: «Чудный, незабвенный день моей жизни — мы объяснились между собою... Я цѣлый день ходилъ, какъ въ дурманѣ, не вполнѣ сознавая, что со мною приключилось...»

Этотъ день явился переворотомъ въ жизни Наслѣдника и черезъ многіе годы объ этомъ днѣ вспоминается съ благодарностью — въ послѣдній разъ въ Тобольскѣ передъ отъѣздомъ въ Екатеринбургъ...

Наслѣдникъ провелъ съ своей невѣстой въ Кобургѣ еще двѣнадцать дней. Потомъ она уѣхала въ Англію. «Какъ пусто мнѣ показалось, когда я вернулся домой. Погода, какъ нарочно, поправилась, солнце стало припекать. Поѣхали въ Розенау: вездѣ по дорогѣ и тамъ въ особенности, на каждомъ шагу воспоминанія о моей Аликсъ. Я бродилъ одинъ по знакомымъ и дорогимъ мнѣ теперь мѣстамъ и собралъ ея любимые цвѣты, которые отправилъ ей въ письмѣ вечеромъ...»

Они вообще переписывались каждый день. Въ эту первую разлуку, какъ и въ послѣднюю, — тогда, въ роковые дни отреченія.

Черезъ мѣсяцъ, 8-го іюня, Наслѣдникъ пріѣхалъ въ Виндзоръ, гдѣ принцесса Аликсъ жила у своей бабушки, королевы Викторіи. Мѣсяцъ, проведенный въ Англіи, былъ однимъ изъ такихъ немногихъ и короткихъ досуговъ въ жизни Государя, временемъ свободнымъ отъ заботъ правленія, безоблачнымъ и свѣтлымъ. Они гребли, катались на моторной лодкѣ по Темзѣ, проводили вмѣстѣ долгіе вечера. Она вписывала въ его «Дневникъ» на еще свободныя страницы то нѣжныя слова, то отрывки стиховъ или пѣсенъ — двѣ изъ нихъ, которыя она слышала въ Виндзорѣ тихими іюльскими вечерами, вспоминаются еще въ письмахъ временъ войны: («I love you, I love you, 'tis all that I can say» и «With unending true devotion, — Deeper far that I can say, — Better, better every day»...)

Но время шло. 11 іюля надо было уѣзжать, снова писались каждый день письма, но еще долго среди «Дневника» Наслѣдника попадались надписи, сдѣланныя рукою невѣсты — инкрустаціи среди текста, который постепенно заполнялъ страницы Виндзорской тетради.

Встрѣтиться послѣ этого имъ пришлось уже при другой, при тяжелой обстановкѣ.

Лѣтомъ 1894 г. здоровье Императора Александра III рѣзко ухудшилось; осенью стало ясно, что дни Его сочтены. Вся Царская Семья собралась въ Ливадіи къ началу октября; туда же прибыла — уже незадолго до кончины Императора, — и нарѣченная невѣста Наслѣдника, которая и была съ Нимъ въ эти тяжелыя минуты — помогала Ему переносить испытаніе.

20 октября 1894 года пробилъ смертный часъ для Императо-

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ у Королевы Викторіи, въ Фрогморѣ 28 іюня 1894 г.

Изъ собранія Союза ревнителей памяти Императора Николая II.

ра Александра III. 21 октября вступилъ на Всероссійскій Престолъ Государь Императоръ Николай II.

Есть много попытокъ начертать образъ Государя; Его мало знали при восшествіи на Престолъ, Его мало узнали и впослѣдствіи, и предвзятая вражда однихъ, искреннія заблужденія другихъ, создали о Немъ глубоко неправильныя ходячія представленія. Если не считать фантастичныхъ характеристикъ иностранныхъ журналистовъ, вродѣ хотя бы Гардена (посвятившаго Государю нѣсколько статей и въ 1905, и въ 1914-16 годахъ), есть три болѣе обстоятельныхъ попытки начертать Его образъ, со стороны людей, много видавшихъ Государя лично. Одна изъ нихъ — въ воспоминаніяхъ гр. Витте — проникнута прямою ненавистью и явнымъ стремленіемъ очернить монарха, который, по мнѣнію автора, не сумѣлъ его оцѣнить, и которому гр. Витте не смогъ простить, что у Государя оказалась своя воля, свой взглядъ на вещи, часто иной, чѣмъ у Его министра. Другая характеристика, уже болѣе объективная, принадлежитъ перу А. П. Извольскаго; и, наконецъ, горячей любовью къ своему Государю проникнуты воспоминанія А. Мордвинова. Мы до сихъ поръ имѣемъ мало писемъ Государя; а тѣ отрывки изъ дневника, часть которыхъ была въ умышленномъ подборѣ опубликована въ московскихъ большевистскихъ газетахъ въ августѣ - сентябрѣ 1918 г. и затѣмъ издана въ Берлинѣ, уже сама по себѣ показываетъ, что эта краткая запись внѣшней канвы жизни только въ рѣдкихъ случаяхъ отражаетъ переживавшееся Имъ. Впрочемъ, еще Меттернихъ написалъ въ предисловіи къ собранію документовъ, которое называютъ его мемуарами: «Тѣ, кто дѣлаютъ исторію, не имѣютъ времени ее писать». (Между тѣмъ, есть довольно избитый, шаблонный пріемъ: изъ отсутствія отраженія въ записанномъ, дѣлать выводы о недостаткѣ глубины переживанія. Извѣстно, какъ изъ записи въ охотничьей записной книжкѣ Людовика XVI, отмѣтившаго 14 іюля 1789 г. «rien» т. е. «не охотился», нѣкоторые памфлетисты сдѣлали выводъ, что король не замѣтилъ взятіе Бастиліи!). Главными памятниками для сужденія о Государѣ остаются и, вѣроятно, останутся поэтому дѣла Его царствованія, изданные Имъ государственные акты.

Какъ основною чертой всего ранняго періода Его жизни была подготовка къ Престолу, такъ и основною чертой Его характера и міровоззрѣнія являлось сознаніе лежащаго на Немъ Царскаго долга, чувство личной отвѣтственности «передъ Богомъ и исторіей» — какъ Онъ писалъ однажды Имп. Вильгельму. Онъ не имѣлъ ни властолюбія, ни честолюбія — иные ставили Ему это даже въ укоръ; но въ Немъ жила идея самодержавнаго Царя, который не вправѣ уклониться отъ возложеннаго на Него

бремени; не вправѣ передать другимъ часть священныхъ правъ-обязанностей. Эта идея въ Немъ неразрывно сочеталась съ глубокой религіозностью и покорностью волѣ Божіей.

Горячая любовь къ Россіи, въ ея живомъ историческомъ образѣ, проникала Его всецѣло. Отъ жертвы властью и жизнью до самыхъ внѣшнихъ мелочей — она проявлялась на каждомъ Его шагу. Характерную подробность передаетъ въ своихъ запискахъ А. Мордвиновъ. «Вспоминаю, — пишетъ онъ, — одинъ разговоръ во время обмѣна мнѣніями послѣ прочитанныхъ Его Величествомъ «Собственноручныхъ записокъ Императрицы Екатерины II», гдѣ она, говоря о перенесенномъ во время леченія кровопусканіи, выражала шутливо радость, что «хотя она и обезкровлена, но зато у ней не осталось больше ни одной капли нѣмецкой крови, и она стала совсѣмъ русскою». На Государя этотъ эпизодъ произвелъ большое впечатлѣніе: «Какая изумительная женщина она была, — говорилъ Государь, — даже судя по этимъ шутливымъ словамъ. Я такъ понимаю это ея стремленіе при всякихъ обстоятельствахъ не только быть, но и сознавать себя русскою».

Искреннюю и горячую любовь Государя къ своей странѣ можно отрицать только по явной недобросовѣстности.

Но зналъ ли Онъ Россію такъ же, какъ Онъ ее любилъ? Такъ трудно вообще знать Россію! Кромѣ того, у с л о в н ы я представленія о многомъ являлись, къ сожалѣнію,роковой чертой того взаимнаго непониманія,которое наросло за послѣднія десятилѣтія между Царемъ и народомъ. Россія не знала своего Царя, и Царь многаго не зналъ о своемъ народѣ. Императоръ Николай II, вмѣстѣ съ Побѣдоносцевымъ и многими другими, считалъ, что высокіе идеалы христіанской государственности въ чистотѣ своей сохранились въ массѣ русскаго простого народа; что всѣ явленія распада остались на поверхности, что можно и должно править помимо образованныхъ классовъ, опираясь на преданность народной массы. Поэтому — во многомъ основательное — недовѣріе къ «интеллигенціи» сочеталось въ немъ съ непосредственной любовью къ русскому крестьянину, къ солдату, котораго Онъ идеализировалъ и чувствовалъ духовно ближе, роднѣе. А. Мордвиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ по этому поводу пишетъ: «Его простую, незлобивую, безпритязательную, глубоко вѣрующую, застѣнчивую натуру тянуло болѣе къ безхитростнымъ людямъ, съ душою простого русскаго человѣка. Во внутреннемъ мірѣ крестьянства, составлявшемъ три четверти его подданныхъ, Государь видимо искалъ всѣ тѣ черты, которыя были ему дороги, и которыя онъ такъ рѣдко встрѣчалъ въ окружавшей его средѣ. Это любовное чувство къ простому народу

мнѣ приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленныхъ разговоровъ Государя съ крестьянами. Оно всегда проявлялась въ особой, легко уловимой, задушевной интонаціи его голоса, въ чуткомъ выборѣ задаваемыхъ вопросовъ, въ высказывающихся затѣмъ по окончаніи разговора впечатлѣніяхъ — неизмѣнно довѣрчивыхъ, добродушныхъ, ласкательныхъ и заботливыхъ».

Бремя огромной отвѣтственности, и строгія условія воспитанія, при желѣзномъ характерѣ Его Отца, и природныя данныя привели къ тому, что духовный обликъ Государя Николая Александровича пріобрѣлъ черты, которыя поверхностные наблюдатели считали безхарактерностью, слабостью воли. Онъ умѣлъ спокойно выслушивать мнѣнія, съ которыми не былъ согласенъ; не любилъ въ разговорѣ итти напроломъ, не любилъ рѣзкихъ открытыхъ столкновеній. Поэтому, при первыхъ встрѣчахъ многіе министры думали, что на Него чрезвычайно легко вліять, что Онъ не имѣетъ собственныхъ мнѣній; и когда обнаруживали, что въ бархатной перчаткѣ была твердая рука, что отсутствіе рѣзкаго отпора не означало еще согласія, что Государь умѣлъ вести свою линію — они недоумѣвали, иногда негодовали, и обычно изощрялись въ догадкахъ о всевозможныхъ вліяніяхъ, не желая сознаться, что просто недооцѣнили Государя, что Онъ отлично знаетъ, чего хочетъ, и не способенъ стать игрушкой ни въ чьихъ рукахъ.

Этотъ своеобразный оттѣнокъ воли Государя — подобной струѣ воды, бьющей съ горы, — которая огибаетъ препятствія, но неизмѣнно стремится къ цѣли, въ долину — сказались во всей политикѣ Его царствованія. Онъ зналъ, чего онъ хочетъ. Онъ умѣлъ уклоняться отъ опасныхъ путей; когда считалъ нужнымъ, бывалъ и твердъ въ отпорѣ. Пассивное мужество, столь свойственная русскому человѣку выносливость въ страданіи, были развиты въ Государѣ въ высшей степени. Но быстрыя и категорическія рѣшенія, закрывавшія возможность исправить, внести коррективъ, были всегда Государю не по душѣ. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ огромной сложности государственныхъ вопросовъ, и слишкомъ ясно видѣлъ pro и contra, чтобы съ легкимъ сердцемъ принимать большія рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, когда было надо — Онъ умѣлъ ихъ принять.

Была также одна область вопросовъ, гдѣ Ему бывало всего труднѣе. Монархъ — въ то же время и глава Императорскаго Дома, обладающій широкими правами въ отношеніи его членовъ.

Въ ту пору, когда Наслѣдникъ выросталъ, Царская Семья уже была многочисленна; было много Великихъ Князей поко-

лѣніемъ или даже двумя поколѣніями старше него; первый у Престола, Онъ былъ однимъ изъ младшихъ въ семьѣ; обычное уваженіе къ старшимъ, господствовавшее во Дворцѣ, не давало развиться властности, которая и вообще мало отвѣчала характеру Наслѣдника. Поэтому особое отношеніе къ старшимъ — по возрасту — членамъ Семьи долго — отчасти навсегда — сохранилось у Государя и впослѣдствіи.

Другою природной чертой, — не облегчавшей подбора сотрудниковъ—была большая замкнутость Его характера. Единственный, Онъ былъ отдѣленъ отъ всѣхъ глубокой психологической гранью; можетъ быть только одна Государыня Александра Ѳеодоровна дѣйствительно знала Его.

Но съ этой замкнутостью Государь соединялъ и удивительную привѣтливость, ласковость, теплоту обращенія, о которыхъ одинаково отзываются друзья Его и враги. «Я не знаю такихъ людей, которые, будучи первый разъ представлены Государю,не были бы Имъ очарованы; Онъ очаровываетъ какъ своей сердечной манерой, обхожденіемъ, такъ и въ особенности удивительной воспитанностью, ибо мнѣ въ жизни не приходилось встрѣчать по манерѣ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нашъ Государь», — пишетъ такой недоброжелатель Его, какъ гр. Витте «Лица, наименѣе расположенныя къ Николаю II, никогда не отрицали очарованіе Его лица, кротость выраженія Его глазъ, которые сравнивали съ глазами газели, совершенную простоту Его обращенія; лично я испытывалъ это очарованіе въ полной мѣрѣ, и болѣе всего, когда видѣлъ Его въ присутствіи Императора Вильгельма, который, съ шумной суетливостью и театральными манерами, составлялъ полную Его противоположность», — говоритъ А. П. Извольскій въ своихъ мемуарахъ.

Этотъ даръ обращенія съ людьми, очаровыванья, которымъ изъ русскихъ Царей былъ еще извѣстенъ Императоръ Александръ I, сочетался у Государя съ огромной памятью на лица и имена, дававшей Ему возможность запоминать людей, которыхъ встрѣчалъ хотя бы разъ и проявлять къ нимъ вниманіе черезъ годы, показывая, что не забылъ ихъ.

Умѣніе въ совершенствѣ владѣть собою, сохранять спокойствіе и достоинство въ самыя трудныя минуты придавали простой и привѣтливой манерѣ обращенія Государя черты подлинной царственности.

Внѣшній обликъ Государя около времени Его восшествія на Престолъ — лучше всего передавалъ удивительный портретъ Сѣрова; ласковое, немного грустное молодое лицо, простая сѣрая военная тужурка, и при этомъ — всякій, не зная даже, что передъ нимъ — Царь, сказалъ бы, что это не лицо обыкновенна-

го человѣка. При взятіи Зимняго Дворца въ ночь на 26-е октября 1917 г. толпа матросовъ и солдатъ, уничтожая Царскіе портреты, порвала и это мастерское произведеніе великаго русскаго художника...

По своимъ привычкамъ, Государь никогда не увлекался спортомъ, хотя владѣлъ съ дѣтства многими его видами (обучалъ его этому К. І. Хисъ); въ частности, Онъ отлично ѣздилъ верхомъ.

Государю было двадцать шесть съ половиною лѣтъ, когда Ему выпалъ жребій царствовать. Если не законченъ былъ намѣченный Его отцомъ путь подготовки къ Престолу, то характеръ Его во всякомъ случаѣ уже вполнѣ сложился, и какимъ Государь былъ въ первые годы своего царствованія, такимъ, по существу, Онъ оставался и до конца.

II.

Первое десятилѣтіе Царствованія (1894-1904)

«Въ дни бурные державу ты пріемлешь»....

Императоръ Николай I, вступая на Престолъ, — долженъ былъ сломить революціонный заговоръ гвардейскаго офицерства. Императоръ Александръ II началъ царствовать въ дни Крымской войны. Императоръ Александръ III принялъ власть послѣ злодѣянія 1 марта, среди смуты, которая тогда казалась грозной. Правленіе Государя Николая Александровича начиналось въ дни затишья; но еще никому изъ Его державныхъ предшественниковъ не приходилось принимать на себя такого огромнаго, тяжелаго бремени, такой сложной задачи.

Подходилъ къ концу своему XIX-й вѣкъ; его достиженія во многихъ областяхъ казались огромными, непревзойденными. Развитіе техники обогатило міръ въ невиданной степени; цѣлые города выростали въ нѣсколько лѣтъ; сообщенія все ускорялись, желѣзнодорожные пути и пароходныя линіи охватывали весь міръ, извѣстія передавались менѣе чѣмъ въ сутки по всему земному шару; сложившіяся вѣками соотношенія силъ мѣнялись въ короткій срокъ. Населеніе росло, въ старыхъ границахъ многимъ народамъ становилось тѣсно. На землѣ почти не оставалось уже неизслѣдованныхъ мѣстъ; человѣческое знаніе проникало и вглубь прошлаго, за четыре, за пять тысячъ лѣтъ. Одновременно съ ростомъ научнаго знанія шло и его развитіе въ массахъ; учились читать и писать тѣ, кто раньше бы и не думалъ объ этомъ; число книгъ, являвшихся на свѣтъ, росло въ геометрической прогрессіи.

Но въ этомъ быстромъ превращеніи внимательный наблюдатель могъ уже тогда различить и признаки глубокаго недуга. Упадокъ всякой положительной вѣры, который съ XVIII вѣка подтачивалъ верхніе слои общества, только во второй полови-

нѣ XIX-го сталъ широко распространяться въ массахъ. И одновременно, существовавшее и ранѣе чувство соціальной зависти получало свое теоретическое обоснованіе, какъ бы свое оправданіе, въ соціалистическомъ ученіи. Исходя какъ будто изъ высокихъ соображеній человѣколюбія, оно, однако, обращалось не столько къ имущимъ, говоря «отдайте», — а къ неимущимъ, со словами «берите». Идея классовой борьбы, частичная правда которой была въ томъ, что она отмѣчала — въ преувеличенной, «стилизованной», формѣ — существующее соотношеніе, — возводилась къ догму, изъ сущаго обращалась въ должное. Государственную власть открыто стремились обратить въ орудіе соціальной нивеллировки. И Европа двигалась по наклонной плоскости «при кликахъ радости, съ распущенными знаменами надеждъ». Въ парламентахъ шло скольженіе налѣво; вчерашніе радикалы сегодня уже казались отсталыми. И общая увѣренность въ томъ, что это и есть «прогрессъ», что ему нѣтъ конца и надо ему отдаться и по мѣрѣ силъ содѣйствовать — была настолько всеобщей, что надъ тѣми, кто говорилъ иначе, было легко иронизировать при благосклонномъ одобреніи общества. Такъ, о К.Н. Леонтьевѣ писалъ П.Н. Милюковъ: «Онъ безпокойно мечется... и вездѣ находитъ неопровержимыя доказательства всемірнаго пожара... А вокругъ него жизнь идетъ своимъ чередомъ; все остается спокойно и тихо; пожара никто не хочетъ замѣтить. Въ старыя времена, одинокій мыслитель навѣрное попалъ бы въ пророки; а отъ неблагодарныхъ современниковъ онъ рискуетъ получить кличку помѣшаннаго...»

Отпора не было. «Мы теперь всѣ соціалисты», — говорилъ одинъ видный англійскій дѣятель. И королевѣ (Елизаветѣ Румынской — поэтессѣ Карменъ-Сильва) принадлежатъ слова о томъ, что «вѣкъ, зарю котораго мы встрѣчаемъ, не увидитъ на своемъ закатѣ ни одной коронованной главы».

Ненасытная жажда матеріальныхъ благъ, только возраставшая по мѣрѣ ихъ накопленія, и упадокъ духовныхъ интересовъ, приводили къ тому, что противорѣчія между слоями общества углублялись, отношенія становились отравленными. Высшіе классы становились просто — богатыми.

А въ Россіи? Славянофилы 40-хъ годовъ любили противоставлять «дремлющій Востокъ» разлагающемуся Западу. Въ 80-е годы К. П. Побѣдоносцевъ еще противополагалъ — уже не всю Россію, но массу русскаго народа отравленной «духомъ времени» Европѣ. «Не молоды и мы...», — писалъ однако еще въ 1891 г. К. Н. Леонтьевъ. «Оставимъ это безумное самообольщеніе! Быть въ 50 лѣтъ моложе 70-ти лѣтняго старика еще не значитъ быть юнымъ...» Но задачи, стоявшія передъ Россіей, были

много сложнѣе. Не могла Московская Русь оставаться, какою была; она должна была облечься въ броню европейской цивилизаціи, чтобы сохранить свою національную независимость. Не могла и Россія конца XIX вѣка не приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ мірового положенія, иначе ей грозилъ разгромъ, быть можетъ — и раздѣлъ. Поэтому задача охраненія русской самобытности пріобрѣтала двойной характеръ: не подпасть подъ отрицательныя вліянія запада — и воспринять то, что было необходимо для самозащиты въ условіяхъ современности.

Страна, раскинутая на огромныя пространства, просторная, какъ ни одна другая въ мірѣ, съ десятками народностей и вѣрованій, Россія являла искони для власти задачи невѣроятной трудности. Надо было непрестанно преодолѣвать разстоянія, побѣждать бураны и вьюги и разливы рѣкъ, чтобы д е р ж а т ь в м ѣ с т ѣ Имперію Россійскую. Надо было считаться съ сотнями разныхъ обычаевъ и навыковъ, чтобы, претворяя въ единство составныя части, не уничтожить полезнаго и нужнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мѣшало общему устроенію.

Главный стволъ Имперіи — русскій народъ — въ громадномъ большинствѣ составляло крестьянство. Передъ властью стоялъ вопросъ о томъ, какъ улучшить его положеніе, — далеко неудовлетворительное и тогда, какъ показали еще разъ голодные годы — 1891-92 г. Но всякая честная и разумная власть отлично должна была знать, что волшебныхъ средствъ с р а з у улучшить положеніе ста милліоновъ — въ природѣ нѣтъ; что проповѣдывавшееся нѣкоторыми демагогами уничтоженіе культурныхъ крупныхъ имѣній въ итогѣ ухудшитъ положеніе тѣхъ же крестьянъ, понизивъ общій уровень сельскаго хозяйства. Надо было искать менѣе показныхъ, но болѣе вѣрныхъ путей.

Для того, чтобы не зависѣть отъ сосѣдей въ минуту опасности и не платить имъ ежегодной дани, Россія должна была имѣть собственную промышленность. Ее насаждали разными подчасъ — крутыми мѣрами со временъ Петра, но до конца XIX вѣка она росла медленно. А въ то же время ростъ промышленности приносилъ съ собою и тѣ опасности, которыя уже выявились въ западной Европѣ: созданіе класса, оторваннаго отъ земли, отъ родной природы, теряющаго постепенно свое національное своеобразіе.

Чтобы о в л а д ѣ т ь Р о с с і е й, надо было также прежде всего облегчить, — ускорить возможности общенія между ея частями. Положеніе, при которомъ изъ Англіи или Америки можно было скорѣе попасть въ восточную Сибирь, чѣмъ изъ Москвы, могло считаться нормальнымъ, пока на азіатскія владѣнія смо-

трѣли, какъ на декоративный придатокъ, увеличивающій Россію на міровой картѣ. Съ инымъ взглядомъ на окраины, вопросъ о путяхъ сообщенія также становился на первую очередь. А для того, чтобы оздоровить хозяйственную жизнь, чтобы государство могло удовлетворять своимъ задачамъ, безъ постоянныхъ перебоевъ, надо было поставить на прочную основу государственные финансы. Россія и до Императора Николая II не находилась въ томъ хроническомъ финансовомъ разстройствѣ, которое характерно для дореволюціонной Франціи, но каждая война вызывала паденіе курса бумажныхъ денегъ, а дефициты были нерѣдкимъ явленіемъ.

Образованіе народное — было дѣломъ особенно труднымъ. Тѣ, кто видятъ духовную культуру только въ грамотности и въ запасѣ заученныхъ свѣдѣній, обычно чернятъ русскую Императорскую власть за ея будто бы малыя заботы въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, дать школьное образованіе, соотвѣтствовавшее нравственному и религіозному міровоззрѣнію народа — было не легко, при томъ настроеніи, которое преобладало въ образованныхъ и полуобразованныхъ слояхъ населенія, изъ которыхъ въ силу необходимости должны были черпаться преподаватели. «Настроить школъ и посадить въ нихъ учителями тысячи озлобленныхъ невѣждъ — значитъ дать камень вмѣсто хлѣба». И, однако, образованіе было необходимо. Надо было вооружить русскій народъ для мірового соревнованія, пріобрѣтавшаго съ каждымъ годомъ болѣе напряженный характеръ.

Всѣ эти задачи стояли передъ Царской властью; и именно передъ нею, такъ какъ силы общественныя были устремлены въ другую сторону. Отъ рокового декабрьскаго бунта 1825 г., положившаго грань недовѣрія между монархомъ и значительной частью дворянства, до попытокъ поднимать крестьянство на новыя пугачевщины, до цареубійства 1 марта, русское общество въ наиболѣе активной своей части боролось съ русской государственностью. Это была борьба за власть, борьба преимущественно политическая; при этомъ, идеалъ, во имя котораго она велась, становился все болѣе крайнимъ; всѣ достиженія разсматривались только какъ первыя выигранныя позиціи. Русскому интеллигенту отъ Герцена, черезъ Чернышевскаго до современниковъ Императора Николая II, какъ Михайловскій, Плехановъ и другіе, даже радикалы французской республики представлялись пошлыми «буржуа». Студенчество, этотъ реактивъ господствующихъ въ обществѣ настроеній, революціонно до глубины, и постоянно, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, возникаютъ съ нимъ драматическіе конфликты.

А суровое правленіе Императора Александра III еще болѣе

сдѣлало интенсивнымъ политическое устремленіе русскаго общества; еще болѣе «западническимъ» застаетъ его вступленіе на Престолъ новаго Государя. Первая и главная мысль, занимающая умы: дастъ ли Онъ представительныя учрежденія.

Императоръ Николай II сознавалъ всю огромность задачъ и всю сложность положенія. Онъ относился отрицательно къ западноевропейскимъ формамъ «прогресса», но сознавалъ въ то же время, болѣе чѣмъ многіе изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императора Александра III, всю трудность борьбы съ гипнозомъ «духа времени» и необходимость какого-то творчества, а не только охраненія. Но мало посвященный въ государственныя дѣла до самаго послѣдняго времени, Онъ былъ въ то же время проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ мнѣніямъ своего отца; и на первое время Онъ, пока не составилъ себѣ самостоятельнаго мнѣнія о главныхъ вопросахъ, сохранилъ всѣхъ сотрудниковъ Императора Александра III и не вносилъ никакихъ измѣненій въ общую политику страны. Однако, какъ отмѣчаетъ сэръ Д. Макензи - Уоллесъ:

«Безшумно совершилась большая перемѣна въ способахъ проведенія въ жизнь законовъ и министерскихъ циркуляровъ. Походя на своего отца въ многихъ чертахъ характера, молодой Царь имѣлъ болѣе мягкія гуманныя наклонности и былъ въ меньшей степени доктринеромъ. Сочувствуя стремленіямъ своего отца — созданію изъ святой Руси однородной Имперіи, онъ не одобрялъ основывавшихся на этомъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, сектантовъ и раскольниковъ, и онъ далъ понять, безъ формальнаго приказа или провозглашенія, что примѣнявшіяся дотолѣ суровыя мѣры не встрѣтятъ его одобренія». (1)

Состоявшійся черезъ три мѣсяца по воцареніи Государя, 17 января 1895 г., пріемъ депутацій отъ земствъ, два-три изъ которыхъ включили въ свои адреса намеки на желательность созданія народнаго представительства, далъ Императору Николаю II возможность ясно и недвусмысленно высказать, что Онъ не намѣренъ отступать отъ политики своего Отца. «Мнѣ извѣстно, — сказалъ Онъ, — что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный Родитель». По существу эти слова являлись только выраженіемъ прямоты и честности молодого

---

1) British Cyclopedia, 1911 («Russia»)

Государя, не хотѣвшаго, чтобы отношеніе къ Нему покоилось на неправильныхъ представленіяхъ, на ожиданіяхъ, которыя Онъ не намѣревался удовлетворить. Но русское общество, и безъ того предубѣжденное, запомнило ихъ какъ обиду, какъ вызовъ, и еще глубже ушло въ свою злорадно критикующую фронду, предоставляя работать Государеву правительству.

Чтобы войти въ кругъ идей, среди которыхъ начиналось новое царствованіе, существенно ознакомиться съ вышедшимъ въ свѣтъ въ началѣ 1896 г. «Московскимъ Сборникомъ» К. П. Побѣдоносцева, о которомъ одна французская газета выразилась такъ: «Книгу эту надо прочесть, во-первыхъ, такъ какъ г. Побѣдоносцевъ думаетъ глубоко, во-вторыхъ потому, что онъ думаетъ иначе, чѣмъ мы, и въ третьихъ, потому что Императоръ Николай II и его народъ думаютъ какъ онъ». Кромѣ словъ о «народѣ», — это опредѣленіе въ то время было точнымъ.

Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, Государь сохранилъ прежній курсъ. «Его Величество, — говорилось въ циркулярной депешѣ русскимъ представителямъ заграницей отъ 28 октября 1894 г., — посвятитъ свои усилія развитію внутренняго благосостоянія Россіи и не уклонится ни въ чемъ отъ миролюбивой по существу, прямодушной и твердой политики, которая столь могущественно содѣйствовала общему успокоенію; Россія пребудетъ неизмѣнно вѣрна своимъ преданіямъ: она приложитъ старанія къ поддержанію дружественныхъ отношеній ко всѣмъ державамъ и по прежнему въ уваженіи къ праву и законному порядку будетъ видѣть вѣрнѣйшій залогъ безопасности государствъ».

Но съ перваго же года оттѣнокъ — уклонъ въ сторону поддержанія мира, смягченія противорѣчій, обнаружился въ попыткѣ положитъ начало примиренію между Франціей и Германіей; если вѣрны сообщенія французскихъ журналистовъ,иниціативой Россіи объясняется участіе французскаго флота въ торжествахъ открытія Кильскаго канала въ іюнѣ 1895 г. Около того же времени, въ апрѣлѣ 1895 г., Россія, Франція и Германія предприняли совмѣстное дипломатическое выступленіе на Дальнемъ Востокѣ: побѣда Японіи надъ Китаемъ грозила опрокинуть создавшееся тамъ равновѣсіе, и названныя европейскія державы потребовали отъ Японіи оставленія Портъ-Артура и отказа отъ особыхъ правъ въ Кореѣ.

Внѣшняя политика перваго десятилѣтія царствованія Императора Николая II, остававшаяся неизмѣнной при министрахъ иностранныхъ дѣлъ кн. Лобановѣ-Ростовскомъ, гр. Муравьевѣ, гр. Ламздорфѣ — характеризуется тремя основными чертами: 1) стремленіе къ сохраненію мира въ Европѣ; 2) поддержаніе

союза съ Франціей; 3) укрѣпленіе положенія Россіи на Д. Востокѣ.

Государь послѣдовательно отклонялъ всѣ предположенія, которыя могли бы привести къ нарушенію мира въ Европѣ. Гр. Витте передаетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ ноябрѣ 1896 г. происходило совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Государя, въ которомъ всѣ участники, военный и морской министры, управляющій мин. ин. дѣлъ, начальникъ главнаго штаба и посолъ въ Константинополѣ Нелидовъ (всѣ — кромѣ самого Витте), — высказывались за желательность осуществленія захвата сѣверной части Босфора русскимъ флотомъ. Государь выслушалъ всѣ эти мнѣнія, призналъ всю ихъ относительную вѣскость — однако, въ итогѣ далъ Нелидову предписаніе воздержаться отъ какихъ либо дѣйствій въ этомъ направленіи.

То же стойкое миролюбіе Государь проявилъ и во время греко - турецкой войны, а также, впослѣдствіи, отказался отъ всякихъ попытокъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Англіи во время бурской войны для расширенія русскаго вліянія (Проф. Шиманнъ въ своей политической лѣтописи за 1901 г. отмѣчаетъ: «Военный министръ Куропаткинъ и гр. Муравьевъ считались ревностными сторонниками мысли объ использованіи англійскихъ затрудненій въ Трансвалѣ, но Императоръ Николай II противоставилъ этому свое вето»). Попытки болгаро - македонскихъ революціонныхъ круговъ въ началѣ 1900-хъ годовъ побудить Россію выступить противъ Турціи также встрѣтили опредѣленный отпоръ, и убійство двухъ русскихъ консуловъ на Балканахъ вызвало только требованія объ удовлетвореніи, не носившія политическаго характера.

Въ исторіи съ именемъ Императора Николая II неразрывно связана также первая попытка положить предѣлъ войнамъ путемъ международнаго соглашенія. Въ 1898 г. русское правительство обратилось ко всѣмъ державамъ съ нотой, въ которой указывалось на грозящія человѣчеству опасности, — о которыхъ, подъ впечатлѣніемъ почти трехъ десятилѣтій безъ большихъ войнъ, многіе начинали забывать:

«Возростающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ, отвлечены въ большей своей части отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну, въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

«Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ растутъ вооруженія, каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ». И пророчески звучатъ дальнѣйшія слова ноты: «Если бы такое положеніе продолжилось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрагается мысль человѣка.

Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастья — таковъ высшій долгъ для всѣхъ государствъ»...

Починъ русскаго Царя былъ встрѣченъ довольно холодно большинствомъ державъ; и во Франціи, и въ Германіи печать стала указывать, что Россіи, при ея пространствахъ, легче говорить о разоруженіи, чѣмъ государствамъ, находящимся подъ болѣе непосредственной угрозой; состоявшаяся въ 1899 г. первая Гаагская конференція не привела къ практическимъ результатамъ. И, дѣйствительно, чрезвычайно трудно было сговориться о прочномъ мирѣ правительствамъ, которыя въ большинствѣ совершенно не могли ручаться за свой завтрашній день: полномощные монархи въ началѣ XIX-го вѣка отвѣчали за свое слово, считали себя имъ связанными, могли сговариваться; но правительства, которыя свое сохраненіе у власти должны были покупать уступками настроеніямъ данной минуты, не могли знать, куда будутъ клонить тѣ, кто ихъ замѣнитъ. Поэтому, попытка сговора въ главныхъ вопросахъ осталась безрезультатной; были только созданы международные органы для рѣшенія «малыхъ дѣлъ». Сдѣлать, чтобы было иначе — было не въ волѣ Государя.

Принятый въ наслѣдіе отъ Императора Александра III союзъ съ Франціей, Государь Николай Александровичъ свято сохранялъ; несмотря на многократныя попытки Императора Вильгельма — внушить Ему недовѣріе къ Франціи. «Не забудь, — писалъ Имп. Вильгельмъ, — что Форъ сидитъ на престолѣ французскихъ королей Божіей милостью, головы которыхъ отрубили республиканцы... Я боюсь, что люди, при частыхъ посѣщеніяхъ Франціи, незамѣтно вдыхаютъ республиканскія идеи.... Позаботься о томъ, чтобы твои генералы не слишкомъ любили R. F....» Государь выслушивалъ все это, при своихъ неоднократныхъ встрѣчахъ съ Имп. Вильгельмомъ (въ Петербургѣ въ 1897

году, въ Данцигѣ въ 1901 г. и въ Ревелѣ въ 1902 г. и т. д.), — но продолжалъ прежнюю политику. Въ 1896 г., Государь и Государыня впервые посѣтили Францію, проведя въ Парижѣ около недѣли; во время отвѣтнаго визита президента Фора, Государь впервые назвалъ въ своей рѣчи Россію и Францію союзными странами. Посѣщая Францію вторично — въ сентябрѣ 1901 г., — Онъ въ рѣчи, произнесенной въ фортѣ Витри, въ теплыхъ словахъ говорилъ о французской арміи, которую назвалъ «могучей опорой началъ справедливости, на которыхъ покоится общій порядокъ, миръ и благополучіе народовъ».

Въ то же время, мирный, чисто оборонительный характеръ франко-русскаго союза былъ настолько очевиденъ, что часть французской печати неоднократно высказывала недовольство этимъ союзомъ, якобы мало дающемъ Франціи и «компрометтирующимъ» ее связью съ абсолютной монархіей. Видя въ союзѣ орудіе мира, Государь старался достигнуть сближенія между Франціей и Германіей черезъ Россію, вынуть изъ сердца Европы отравленную стрѣлу этой давней вражды — но въ этомъ отношеніи усилія Его остались безплодными.

Придерживаясь политики мира, Государь, однако, не считалъ возможнымъ отказываться отъ осуществленія національныхъ задачъ Россіи. Выходъ къ незамерзающему морю, первенство въ Сѣверной и Средней Азіи стояли въ то время на очереди. Но раньше чѣмъ говорить объ этой сторонѣ русской внѣшней политики, необходимо коснуться той работы, которая была за эти первые годы царствованія произведена во внутренней жизни Россіи.

Созданіе устойчиваго денежнаго обращенія, котораго Россія не знала почти за весь XIX-й вѣкъ, подготовлялось уже въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра III; однако, въ возможность реформы многіе не вѣрили, а круги, заинтересованные въ колебаніяхъ валюты — противились ей. Государю подавались записки, доказывавшія вредность этой мѣры. Но Государь въ данномъ случаѣ противостоялъ всѣмъ вліяніямъ. Гр. Витте пишетъ по этому поводу: «Я имѣлъ за себя только одну силу, но силу, которая сильнѣе всѣхъ остальныхъ. это — довѣріе Императора... Россія металлическимъ золотымъ обращеніемъ обязана исключительно Императору Николаю II». Указомъ 3 января 1897 г., была произведена девальвація; прежнія 66 2/3 копеекъ золотомъ были названы рублемъ, 10 р. золотомъ — 15 рублями. Такъ какъ предварительными мѣрами ассигнаціонный рубль былъ уже стабилизованъ на высотѣ 66 2/3 к. золотомъ, а свободная чеканка серебра — уже ранѣе отмѣнена, то въ Россіи, почти незамѣтно для широкой публики,

введена была золотая валюта, которая оказалась настолько устойчивой, что ни русско-японская война, ни революція 1905-1906 г. г., не поколебали ее, и только въ міровую войну свободный размѣнъ на золото былъ пріостановленъ — какъ почти во всѣхъ воюющихъ странахъ.

Другою важною мѣрой финансоваго характера было окончаніе проведенія въ жизнь винной монополіи. Государю «винный доходъ» казны никогда не былъ особенно по душѣ, и въ болѣе позднее время Имъ были, какъ извѣстно, приняты радикальныя мѣры въ этомъ отношеніи. Но въ началѣ царствованія положеніе казны было таковымъ, что отказаться отъ этого вида дохода — существовавшаго во всѣхъ странахъ — было невозможно, и рѣчь шла только о формахъ его взиманія. Въ финансовомъ отношеніи винная монополія себя оправдала, ставъ крупной доходной статьей казны.

Нижегородская выставка 1896 г. явилась смотромъ русской промышленности въ началѣ ея быстраго роста. Всероссійская перепись 1897 г., бывшая первой и до сихъ поръ оставшаяся единственной всесторонне проведенной, дала огромный матеріалъ для познанія Россіи, возможность «осмотрѣться» въ обширной Имперіи.

Почти ежегодныя превышенія доходовъ государства надъ обыкновенными расходами дали министерству финансовъ возможность развить широкое кредитованіе промышленности и ускорить въ небывалыхъ размѣрахъ желѣзнодорожное строительство. За одно десятилѣтіе съ 1895 по 1904 г. (1) добыча угля, марганца, желѣзной руды — болѣе чѣмъ удвоилось, нефти и мѣди — увеличилась болѣе, чѣмъ въ полтора раза; выработка стали — болѣе чѣмъ утроилась. Особое развитіе металлургической промышленности стояло въ прямой связи съ политикою казны, стремившейся давать заказы въ первую очередь русскимъ заводамъ.

Желѣзнодорожное строительство приняло особенно интенсивный характеръ за 1898-1901 годы, когда въ четыре года было построено новыхъ желѣзныхъ дорогъ на 15.000 верстъ,

	1895	1904
Уголь	554,5	1.197,1
Марганецъ	12,4	26,3
Нефть	430,7	664,7
Мѣдь	0,35	0,60
Сталь	53,6	168,9

тогда какъ къ 1894 г. вообще было въ Россіи около 30.000 верстъ рельсовыхъ путей.

Заграничный журналъ «Освобожденіе», который трудно заподозрить въ пристрастіи въ пользу «стараго порядка», сравнивая бюджеты 1892 и 1902 г., приводитъ любопытныя цифры: за указанное десятилѣтіе, расходы на оборону страны, на внутреннее управленіе, на платежи по государственному долгу въ процентномъ отношеніи понизились; наоборотъ, расходы на содѣйствіе экономическому развитію страны (земледѣлія, путей сообщенія и т. д.) — значительно выросли (1).

Осязательные результаты экономической политики, руководимой С. Ю. Витте, упорядоченіе государственныхъ финансовъ, развитіе ж.-д. сѣти, подъемъ промышленности, — долгое время побуждали Государя сохранять за Витте важный постъ министра финансовъ, несмотря на то, что у Него не было къ нему того нравственнаго довѣрія, которое столь важно между монархомъ и его ближайшими подчиненными. Всѣ таланты Витте не могли замѣнить недостававшихъ ему нравственныхъ качествъ: у него не было ни какихъ-либо опредѣленныхъ убѣжденій, ни подлинной лойяльности (что такъ ярко обнаруживается почти на каждой страницѣ его мемуаровъ). Однако, и экономическая его политика имѣла свои тѣневыя стороны: она приводила къ гипертрофіи государства, къ чрезмѣрной централизаціи, и, кромѣ того, переносила центръ тяжести вниманія власти съ деревни — на городъ и фабрику. Русское общество, лишенное возможности активно участвовать въ строительствѣ и отчасти поэтому спеціализовавшееся на критикѣ, уже къ началу 1900-хъ годовъ подмѣтило это и въ рядѣ книгъ и журнальныхъ статей стало указывать на переобремененіе деревни, на непосильность ж.-д. строительства въ тѣхъ размѣрахъ, которые оно приняло съ 1898 г. и т. д.

Правда, и для деревни было сдѣлано кое-что; наиболѣе существенной мѣрой было созданіе (въ 1896 г.) переселенческа-

---

	1892	1902
Внѣшняя безопасность	32,2	22,1
Внутреннее управленіе	11,2	7,4
Духовная культура	3,5	3,3
Матеріальная культура	12,7	33,2
Фискъ	12,8	17,9
Платежи по займамъ	25,6	14,7
Общіе расходы	1,7	1,4

(«Освобожденіе» 1903 г. ном. 18).

го управленія и оказываемое имъ содѣйствіе переселенію въ свободныя мѣстности Азіатской Россіи. Сельское хозяйство вообще не такъ легко поддается воздѣйствію извнѣ; особенно при мелкомъ землевладѣніи оно—наименѣе подверженная быстрымъ сдвигамъ отрасль народной жизни. Поскольку, однако, промышленное развитіе отражалось на сельскомъ хозяйствѣ — росло и оно. Это особенно сказывалось въ области спеціальныхъ культуръ. Площадь посѣва сахарной свекловицы съ 1894 по 1904 г. почти удвоилась, посѣвы хлопка въ Туркестанѣ — увеличились даже болѣе, чѣмъ вдвое. Однако, для города и фабрики было за эти годы, все таки, сдѣлано больше — и въ смыслѣ расширенія производства, и въ отношеніи соціальнаго законодательства. Въ 1897 г. былъ введенъ законъ, ограничившій время труда въ заводахъ 11½ ч. для взрослыхъ мужчинъ (въ Германіи, напр., въ то время вообще не было нормировки рабочаго дня); была расширена фабричная инспекція; въ 1903 г. былъ введенъ институтъ старостъ, и установлена отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими на ихъ заводахъ.

Конечно, и для будущаго русскаго крестьянства имѣло большое значеніе то развитіе желѣзнодорожной сѣти, которое въ тѣ годы начинало чуть ли не вызывать ропотъ; но облегченіе сбыта, и, главное, открытіе новыхъ областей для переселенія, принесли свои плоды, нѣсколько позже, уже во второе десятилѣтіе царствованія. А къ концу перваго — и правительственныя комиссіи заговорили объ «оскудѣніи центра»; это вызвало тревогу, въ 1902 г. было создано особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства; а въ 1903 г. былъ сдѣланъ первый шагъ къ раскрѣпощенію общины — отмѣна круговой поруки. Однако, многіе государственные дѣятели того времени (въ томъ числѣ Побѣдоносцевъ), еще видѣли въ общинѣ гарантію отъ «пролетаризаціи» русскаго народа, и этотъ взглядъ въ ту пору видимо раздѣлялъ и Государь.

Работа строительства, такимъ образомъ, двигалась: Россія получила устойчивое денежное обращеніе, упорядоченные финансы; въ невиданныхъ размѣрахъ росли желѣзныя дороги, развивалась промышленность; крѣпла на русскомъ тѣлѣ «броня европейской цивилизаціи». Но работа эта шла не безъ помѣхи, и не безъ новыхъ осложненій.

Ростъ въ городахъ болѣе многочисленнаго рабочаго населенія, оторваннаго отъ родного быта, создавалъ новый резонаторъ для западнически - революціонныхъ настроеній образованныхъ классовъ, для возникшей въ 90-е годы русской соціалъ-демократіи (тогда еще — безъ дѣленія на «большевиковъ»

и меньшевиковъ). Студенческія волненія стали сливаться съ рабочими демонстраціями. Начали свою дѣятельность и наслѣдники «народовольцевъ» — соціалисты - революціонеры (сокращенныя названія «эсеры», «эсдеки» привились позже). Въ 1901 году былъ убитъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Государь сдѣлалъ попытку повліять добромъ на студенчество и назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія мягкаго и сердечнаго ген. Ванновскаго. Однако, волненія продолжались. А весною 1902 г., былъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягинъ. Послѣ этого, и особенно въ виду того полу - сочувственнаго отношенія, которымъ широкіе общественные круги встрѣчали эти убійства и студенческіе безпорядки, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ В. К. Плеве, являвшійся сторонникомъ крутыхъ мѣръ борьбы со смутой.

Но В. К. Плеве, насколько извѣстно, не былъ убѣжденнымъ сторонникомъ самодержавной власти, а только придерживался того мнѣнія, что Россія «не созрѣла» для другихъ формъ. Это должно было неизбѣжно придавать его политикѣ характеръ охраненія безъ творчества, такъ какъ трудно развивать извѣстныя начала, не вѣря въ нихъ, считая ихъ временной, переходной формой.

Если правый министръ внутреннихъ дѣлъ такъ смотрѣлъ на положеніе вещей, то легко себѣ представить отношеніе другихъ круговъ. Правда, наиболѣе выдающіеся по уму сотрудники Государя за этотъ періодъ — К. П. Побѣдоносцевъ и С. Ю. Витте — были одного мнѣнія съ Государемъ въ вопросѣ образа правленія: «Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ всероссійскаго парламента», — стоитъ въ «Московскомъ Сборникѣ», а Витте, въ своей запискѣ о «Самодержавіи и земствѣ», возставалъ даже противъ распространенія земскаго самоуправленія на области, его лишенныя, и писалъ: «Можно вѣрить — и лично я исповѣдую это убѣжденіе — что конституція вообще «великая ложь нашего времени», и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія непримѣнима безъ разложенія государственнаго режима». Но и Витте собственно вѣрилъ только во всесиліе и разумность руководимаго имъ бюрократическаго правленія, и въ его пониманіи и Царь, и народъ были только объектами его воздѣйствія: того пониманія Царской власти, которое было у Государя, Онъ почти не встрѣчалъ, такимъ образомъ, и у своихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Новыми осложненіями явились событія въ Финляндіи. Императоръ Николай II считалъ своимъ долгомъ продолжать

политику своего отца по объединенію, по централизаціи русскаго государства, и окраина, имѣвшая самобытный правовой укладъ — Финляндія — подверглась при немъ ряду мѣръ, въ корнѣ мѣнявшихъ ея жизнь: отмѣнѣ особыхъ финскихъ войскъ, назначенію русскихъ уроженцевъ на государственную службу въ Финляндіи, и т. д. Эти мѣры были встрѣчены въ Финляндіи протестами населенія, подававшаго Государю адреса (одинъ въ 1899 г. — за 500.000 подписей), съ просьбой объ отмѣнѣ новыхъ законовъ, — затѣмъ началось пассивное сопротивленіе; и окраина, бывшая еще не такъ давно одной изъ самыхъ лойяльныхъ (достаточно вспомнить ея поведеніе въ Крымскую войну), стала однимъ изъ главныхъ центровъ сепаратизма.

Террористическіе акты и волненія вызвали въ началѣ 1900-хъ годовъ попытку побѣдить смуту лишь механическими средствами — попытку, связанную съ именемъ В. К. Плеве въ Россіи и Н. И. Бобрикова въ Финляндіи. Въ то же время, экономическій и культурный ростъ Россіи продолжался вопреки всѣмъ мрачнымъ предсказаніямъ оппозиціи; и какъ разъ именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыми характеризуется «прогрессъ», въ его шаблонномъ пониманіи («европеизація», грамотность, матеріальный расцвѣтъ...). Но глубокіе недуги русской государственности въ ту пору отмѣчали не только революціонеры и «западники».

«Съ упраздненіемъ соціально - исторической роли дворянства, около верховной власти остались только служебно - бюрократическіе элементы... Она (бюрократія) все дѣлала. Она вдохновляла верховную власть. Она все рѣшала за Россію. И вотъ, въ теченіе 40 лѣтъ, она успѣла вырыть такую яму между Царемъ и народомъ, какой никогда не было за всѣ предыдущіе 1000 лѣтъ существованія Россіи...»

«Безпрерывно и безконечно возростающая административно - бюрократическая опека, превзошедшая всѣ примѣры, бывшіе дотолѣ, приводитъ общественныя силы къ разслабленію... Такъ воспитываемая нація, не можетъ не терять постепенно политическаго смысла, и должна превращаться все болѣе въ «толпу». Въ толпѣ же непремѣнно возобладаютъ демократическія понятія о верховенствѣ».

Эти строки написаны въ началѣ 1905 года редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» Л. А. Тихомировымъ, въ его книгѣ «Монархическая государственность».

Въ такомъ положеніи застало Россію первое большое испытаніе Царствованія Императора Николая II — война съ Японіей.

Давнее стремленіе Росіси — достичь выхода къ свобод-

нымъ незамерзающимъ морямъ сочеталось съ сознаніемъ огромнаго значенія для будущаго нашихъ азіатскихъ владѣній; желаніе сохранить миръ въ Европѣ, не поступаясь русскими интересами въ эпоху общаго роста государствъ и колоніальной политики указывало, въ какомъ направленіи должна итти «экспансія» русской державы. Поѣздка Наслѣдника на Востокъ, постройка Великаго Сибирскаго пути, вето, наложенное въ 1895 году на пріобрѣтеніе Японіей опорныхъ пунктовъ на азіатскомъ материкѣ, все это факты, стоящіе на той же прямой. Монголія и Маньчжурія были естественными сферами вліянія Россіи; Китай въ войну 1894-95 года показалъ свою непрочность, Японія — свою растущую силу; и поэтому тѣ области, въ которыхъ Россія была заинтересована, она должна была быть готовой защищать сама, не полагаясь на дружбу безсильной китайской власти.

Въ 1896 году былъ заключенъ съ Китаемъ договоръ о проведеніи Великаго Сибирскаго пути прямо черезъ Маньчжурію. Въ началѣ 1898 г., послѣ занятія нѣмцами Кіао - Чао, русскій флотъ занялъ Портъ-Артуръ; началась работа по оборудованію порта, проведена была туда вѣтка отъ Харбина. Такъ называемое возстаніе «боксеровъ» вызвало необходимость ввести въ Маньчжурію болѣе многочисленныя войсковыя части.

Для всякаго, кто близко знакомъ былъ съ дѣлами Востока, было совершенно ясно, что рано или поздно, Россіи придется столкнуться съ Японіей — кромѣ того случая, если бы силы Россіи на Востокѣ были бы настолько подавляющими, что Японія на борьбу бы не рѣшилась. Послѣ «вето» наложеннаго на Симонесекскій миръ и постройки Маньчжурской желѣзной дороги, Японія и технически, и психологически, всемѣрно готовилась къ борьбѣ съ Россіей; и тѣ, кто приписываютъ возникновеніе войны какимъ - то дипломатическимъ промахамъ или пресловутымъ «концессіямъ на Ялу», просто принимаютъ (при этомъ, какъ гр. Витте, едва ли всегда искренне)—*предлогъ за причину*. Смыслъ концессій на Ялу, вызвавшихъ столько сплетенъ, состоялъ въ томъ, что пріобрѣтеніе полосы вдоль корейской границы съ правомъ содержать тамъ охранную стражу, создавало бы стратегическое прикрытіе для остальныхъ русскихъ владѣній и сферъ вліянія. Это встрѣтило возраженія, главнымъ образомъ, со стороны министра финансовъ; въ 1903 г., столкнулись два взгляда на дальневосточную политику: одинъ, наиболѣе опредѣленно представленный статсъ-секретаремъ Безобразовымъ, исходилъ изъ военныхъ приготовленій Японіи и необходимости быть готовыми къ отпору; другой поддерживался С. Ю. Витте, кото-

рый утверждалъ — еще на чрезвычайномъ совѣтѣ 26 марта 1903 года — что предположенія русскаго военнаго агента на Д. Востокѣ ген. Вогака « могутъ и не сбыться» и что вообще положеніе тамъ «вовсе не столь угрожающее». И это говорилось, несмотря на всѣ подготовительныя мѣры Японіи, еще за десять мѣсяцевъ до начала войны!

Въ борьбѣ вокругъ дальневосточной политики сказался организаціонный недостатокъ русской государственной машины: отсутствіе единства, возможность работы одного вѣдомства — вразрѣзъ съ другимъ, противодѣйствіе министра финансовъ — осуществляемымъ Россіей задачамъ внѣшней политики. Витте долженъ былъ или стать властнымъ премьеромъ, — или уйти; и Государь, долго колебавшійся, въ виду несомнѣнныхъ заслугъ его въ области финансовой, вынужденъ былъ его уволить, такъ какъ общая линія политики Витте — ведшая къ дальнѣйшей бюрократизаціи управленія, и въ то же время подвергавшая опасностямъ державное положеніе Россіи на Востокѣ — совершенно не отвѣчала намѣреніямъ Императора. Этого увольненія Витте Государю не простилъ — и вся его дальнѣйшая дѣятельность была проникнута глубокой враждебностью къ Нему.

Послѣ ухода Витте, приведеніе русскихъ дальневосточныхъ владѣній въ обороноспособное состояніе ускорилось, но времени уже оставалось мало: въ началѣ 1904 года, Японія, — закончивъ свою судостроительную программу, пріобрѣтя два новыхъ крейсера въ Южной Америкѣ, и заручившись поддержкой Англіи, — начала войну неожиданнымъ нападеніемъ на русскую эскадру, стоявшую на портъ-артурскомъ рейдѣ. Дальнѣйшее теченіе и исходъ войны уже относятся ко второму десятилѣтію царствованія.

Въ личной жизни Государя первымъ и важнѣйшимъ событіемъ со времени его вступленія на Престолъ было Его бракосочетаніе, состоявшееся 14 ноября 1894 года. Принцесса Алиса Гессенская, — это имя еще упоминается въ манифестѣ 21 октября 1894 г. — стала отнынѣ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной.

Государынѣ было въ то время 22 года (Она родилась 25 мая 1872 года). О ея раннемъ дѣтствѣ есть краткія упоминанія въ письмахъ Ея матери, носившей то же имя, — дочери англійской королевы Викторіи. Принцесса значительную часть жизни провела въ Англіи, при дворѣ своей бабушки, и ея обычнымъ языкомъ былъ англійскій, а не нѣмецкій. Въ Россіи — Она сразу стала Императрицей, не пройдя подготовительной ступени — положенія Великой Княгини при Императорскомъ

Дворѣ. Ея характеръ, по своей замкнутости, былъ сходнымъ съ характеромъ Государя, и взаимное пониманіе между Ними всегда поддерживало ихъ среди внѣшняго міра, такого чуждаго и во многомъ враждебнаго. Но въ то время, какъ Государю было свойственно проявлять ласку, внимательность, задушевность — внутренняя замкнутость Государыни сочеталась съ большою сдержанностью, съ нѣкоторой внѣшней холодностью; держать себя иначе — она не умѣла, — это значило бы для нея — притворяться, а гордая искренность и прямота были въ ея природѣ. Горячая любовь къ людямъ и серьезная доброта, проявлявшіяся всегда, когда нужно было помочь, такъ ярко сказавшіяся позже на Ея уходѣ за ранеными,—все это было въ Ней не показное; наоборотъ, въ общеніи съ людьми своего круга извѣстная застѣнчивость первыхъ лѣтъ перешла въ привычную сдержанность; Она могла быть — и была — центромъ своей семьи, — но не общества. Всего счастливѣе — какъ и Государь — Она чувствовала себя въ самомъ тѣсномъ кругу своихъ.

При вступленіи Ея на Престолъ, одинъ русскій либеральный журналъ писалъ, что «молодая Государыня, какъ носительница западно - европейскаго просвѣщенія, къ которому Россія стремилась съ давнихъ поръ», должна будетъ содѣйствовать сближенію Россіи съ Западомъ. Произошло не то: Россія, русская культура, съ ея вѣковымъ укладомъ, завоевала свою новую Государыню: Императрица Александра Ѳеодоровна стала глубоко русской, глубоко православной; Она содѣйствовала развитію русскихъ самобытныхъ художественныхъ промысловъ; — и Она всецѣло была проникнута идеей русской Царской самодержавной власти. «Она, — писалъ въ своихъ мемуарахъ французскій посолъ Палеологъ, — выдѣляется будто на византійскомъ фонѣ древней Руси». И быть можетъ болѣе, чѣмъ Екатерина II, о которой тѣ строки написаны, Государыня могла бы сказать о себѣ словами поэта: «Я больше русскою была — чѣмъ многіе Цари, по крови вамъ родные!»

Не отъ всѣхъ встрѣчала Государыня доброжелательное отношеніе; это еще болѣе увеличивало Ея замкнутость; но Государю — Она всегда была и доброю любящею женой, и вѣрнымъ другомъ - помощникомъ въ трудныя минуты. Личная жизнь Государя — особенно за это первое, менѣе тревожное десятилѣтіе — была счастливой, почти безоблачной. Бывали, конечно и тяжелыя минуты: такъ, во время коронованія — 14 мая 1896 г. — имѣла мѣсто извѣстная Ходынская катастрофа, — во время празднествъ произошла давка въ толпѣ, стоившая многихъ жизней. Эта трагическая черта въ картинѣ торжествъ

глубоко запала въ душу и Государя и народа, какъ дурное знаменіе.

28 іюня 1899 г. скончался въ Аббасъ-Туманѣ любимый братъ Государя, Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровичъ. Возникъ впервые вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія: братъ Государя, Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровъ совѣщаніи, происходившемъ въ іюлѣ въ Петергофѣ, управлявшій министерствомъ юстиціи сенаторъ Завадскій, основываясь на спорности статей закона, отстаивалъ необходимость провозглашенія Наслѣдницей Великой Княжны Ольги Николаевны. Но Государь высказалъ мнѣніе, что самодержавная власть болѣе подобаетъ мужчинѣ, и согласился съ предложеніемъ гр. Фредерикса, стоявшаго за объявленіе Наслѣдникомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Какъ въ государственной жизни, такъ и въ придворной, Государь, въ первое время, сохранилъ все безъ измѣненія какъ оно было при Его Отцѣ. Только въ 1897 году, министръ двора гр. Воронцовъ - Дашковъ былъ замѣненъ графомъ — тогда барономъ — Фредериксомъ. Первенство положенія было сохранено за Вдовствующей Императрицей, Государыней Маріей Ѳеодоровной; дни рожденія и тезоименитства ея продолжали праздноваться; Она сохранила право давать шифръ воспитанницамъ институтовъ, и другія права царствующей Императрицы. Графиня Клейнмихель отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ что это лишило молодую Государыню одного изъ традиціонныхъ путей воздѣйствія на окружающую среду, связующаго звена съ подроставшими поколѣніями. За эти годы, Государь былъ только однажды тяжело боленъ: осенью 1900 года, когда у Него былъ брюшной тифъ, и врачи одно время опасались за Его жизнь.

Источникомъ заботы было долгое время отсутствіе у Государя прямого мужескаго потомства: четыре дочери, — Ольга (род. 3 ноября 1895), Татьяна (род. 29 мая 1897), Марія (род. 14 іюня 1899) и Анастасія (род. 5 іюня 1901 г.) составляли Царскую семью къ началу японской войны.

Любимыми мѣстами жительства Государя были: на сѣверѣ — Царское Село и Петергофъ, на югѣ — Ливадія.

За первое десятилѣтіе Царствованія еще имѣли мѣсто пріемы и балы въ Зимнемъ Дворцѣ. Одинъ изъ нихъ — зимою 1901-1902 года — особенно запомнился своимъ богатствомъ красокъ и выдержанностью стиля : это былъ праздникъ при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича, — Тишайшаго Царя, котораго Государь особенно любилъ изъ своихъ предковъ. Самъ Императоръ — въ облаченіи Московскаго Царя, Государыня — какъ Царица Наталія Кирилловна, бояре и боярыни, рынды и стрѣль-

цы, все это являло своеобразное, неповторимое зрѣлище. Государь всегда интересовался русской стариной; Онъ самъ предсѣдательствовалъ въ Русскомъ Историческомъ обществѣ, хорошо зналъ старинную иконопись, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за работой учрежденійи обществъ, работавшихъ въ области изученія древней Руси, всегда щедро отпуская средства на соовѣтственныя изслѣдованія и изданія. Труды Императорскихъ Археологической и Археографической комиссій, изданія Имп. Русскаго Историческаго О-ва и другихъ, вышедшія за царствованіе Государя Николая II, ярко о томъ свидѣтельствуютъ.

Государь не остался чуждъ и нѣкоторымъ современнымъ умственнымъ «модамъ». Въ 90-хъ и 900-хъ годахъ, по всей Европѣ почти не было интеллигентной семьи, гдѣ въ той или иной формѣ не занимались бы попытками «изслѣдовать неразгаданное»: спиритизмомъ, гипнозомъ и т. д. Въ Англіи возникло даже особое большое общество «психическихъ изслѣдованій». И при русскомъ дворѣ былъ тоже принятъ въ 1902-1903 годахъ медіумъ — предсказатель, нѣкій д-ръ Филиппъ, — «сеансы» котораго привлекали интересъ Государя и Государыни. Любопытно, что общество, не менѣе, если не болѣе, интересовавшееся подобными явленіями, по своей обычной предвзятости, ставило эти сеансы въ вину Государю! Что касается толковъ о политическомъ воздѣйствіи, то они даже не пріобрѣли въ данномъ случаѣ особаго распространенія, такъ какъ слишкомъ была видна ихъ безпочвенность: не было фактовъ, которые можно было приписывать «вліянію» д-ра Филиппа! Русская церковь не осуждаетъ, — какъ то дѣлаетъ католическая, — исканій въ этой области. Иначе Государь, который былъ всегда человѣкомъ истинно церковнымъ, конечно, не сталъ бы допускать ихъ.

Церковная жизнь была всегда близка Государю. Однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ и радостныхъ для Него событій было прославленіе преподобнаго Серафима Саровскаго, состоявшееся 19 іюля 1903 года. Государь глубоко почиталъ преп. Серафима, и дни, проведенные Имъ и Государыней въ Саровѣ, навсегда оставили свой слѣдъ въ Его памяти.

Уже въ дни войны, на грани второго десятилѣтія, Государь испыталъ великую радость — послѣднюю большую радость! — рожденіе Наслѣдника. 30 іюля 1904 года, у Государыни родился сынъ, получившій имя Алексѣя, — въ память преп. Серафима Саровскаго, въ міру Алексѣя.

— Трудныя времена настали для Россіи и ея Государя...

С. С. Ольденбургъ.

Императоръ Николай II

и

русское общество въ концѣ Его царствованія,

въ освѣщеніи иностранцевъ.

П. П. Стремоухова.

Сообщено Союзомъ ревнителей памяти Императора

Николая II.

Императоръ Николай II и русское общество въ концѣ Его царствованія, въ освѣщеніи иностранцевъ.

"Свѣтлой памяти *наиболѣе оклеветаннаго Монарха*".
Вильямсъ (стр. 9).

"Воздадите убо Кесарева Кесареви".
Отъ Матѳея XX, стр. 21.

ГЛАВА I.

Вступленіе и матеріалы.

Существуютъ двѣ философскія школы, изъ которыхъ одна умаляетъ, а другая возвышаетъ значеніе личности въ историческихъ событіяхъ, но нѣтъ ни одной, которая бы его отрицала.

Исходя изъ этого положенія, весьма интересно было бы теперь же выяснить значеніе личности послѣдняго Россійскаго Вѣнценосца, Императора Николая II, въ исторіи послѣднихъ лѣтъ Императорской Россіи.

Въ предшествующее революціи и непосредственно послѣдовавшее за нею время, широкіе круги общества склонны были возлагать на него всю за нее отвѣтственность: нынѣ это настроеніе какъ будто бы начинаетъ разсѣиваться и все больше и больше раздается голосовъ въ пользу почившаго мученическою смертью Монарха, не только погибшаго, но и принесшаго на алтарь чести и любви къ родинѣ то, что было для него самымъ дорогимъ — свою семью.

И хотѣлось бы закрѣпить на бумагѣ это, еще витающее въ подсознаніи русскихъ людей и не принявшее еще конкретной формы, настроеніе.

Обращеніе къ даннымъ русской исторической литературы, или къ живымъ еще дѣятелямъ, какъ бюрократическимъ, такъ и общественнымъ, близко знавшимъ Государя, едва ли было бы цѣлесообразно. Врядъ ли со стороны названныхъ лицъ можно ожидать вполнѣ объективнаго отношенія къ личности Государя. Иные изъ первыхъ были чрезмѣрно имъ обласканы, другіе теряли его расположеніе; общественные же дѣятели, правые, лѣвые ли, безразлично, оцѣнивали и оцѣниваютъ его лишь подъ угломъ своего политическаго «credo». Поэтому, болѣе осторожно искать справедливой оцѣнки Императора Николая II въ другихъ источникахъ. Таковыми, повидимому, представляются мемуары иностранцевъ и въ особенности воспоминанія иностранныхъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при Россійскомъ Дворѣ, имѣвшихъ возможность входить въ оцѣнку и уясненіе этого донынѣ неразгаданнаго сфинкса, скромнаго до простоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутаго мистическимъ сознаніемъ божественнаго происхожденія своей власти; какъ говорили, упрямаго, но слабохарактернаго, легко будтобы жертвовавшаго своими ближайшими сотрудниками, но, какъ оказалось, и самимъ собою, когда того потребовали интересы родины, умнаго, по мнѣнію однихъ, и ограниченнаго, по замѣчанію другихъ, незначительнаго въ полубожественномъ одѣяніи монарха, въ порфирѣ и коронѣ, но преисполненнаго царственности подъ надзоромъ звѣроподобныхъ красноармейцевъ, смягчающихся передъ величіемъ его смиренія, какъ дикіе звѣри передъ сіяющимъ нимбомъ христіанскихъ мучениковъ на аренѣ Колизея.

Иностранные дипломаты могли ошибаться, да и ошибались, въ его оцѣнкѣ, но она является результатомъ напряженія всей ихъ наблюдательности и разумѣнія, т. к. разгадка характера Царя представлялась факторомъ, способствовавшимъ успѣху ихъ миссіи. Они могли ошибаться, но всякая предвзятость должна была быть исключена изъ ихъ мышленія.

Къ сожалѣнію, интересующій насъ матеріалъ пока весьма незначителенъ и сводится къ слѣдующимъ сочиненіямъ:

1. La Russie des Tzars pendant la guerre, par Maurice Paléologue, ambassadeur de France.

2. My Mission to Russia and ather diplomatic memories, сэра Джорджа Бьюкенена, англійскаго посла при Россійскомъ Дворѣ, въ переводѣ П. Я. Блоха.

3. The Emperor Nicolas II as I knew Him, by Major General sir John Hanbury-Williams, K.C.B., K.C.V.O., C.M.G., Chief of the British

Military Mission in Russia, 1914-1917. London, Arthur Z. Humphreys 1922.
4. Mémoires de Russie, Jules Legras.
5. Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille, Pierre Guillard.
6. Mes cahiers Russes, Maurice Vestrade.
7. Leurs Majestés, Xavier Paoli.
8. Le dernier Romanoff, Charles Rivé. 1918.

Наиболѣе обширнымъ изъ вышеупомянутыхъ трудовъ являются записки французскаго посла М. Палеолога, которыя каждому русскому, интересующемуся исторіей, рекомендуется прочесть въ подлинникѣ.

Если, къ сожалѣнію, мемуары Палеолога являются, можно сказать, единственнымъ трудомъ, всецѣло посвященнымъ интересующему насъ вопросу, то за то нельзя не признать всю его значительность.

Конечно, Палеологъ иногда и ошибается, какъ въ фактической сторонѣ имъ сообщаемаго, такъ и, нѣсколько болѣе, въ его оцѣнкѣ. Однако приходится удивляться не тому, что онъ ошибается, а тому, какъ мало онъ ошибается. Прибывъ въ Россію лишь за полъ - года до начала войны, онъ сразу былъ ввергнутъ въ сложную интригу международныхъ отношеній и борьбы. Разобраться въ этой обстановкѣ, въ особенности иностранцу, дѣйствительно было мудрено. Вѣдь и русскіе люди, по своему положенію отвѣтственные передъ Россіею, жестоко въ то время ошибались.

Вторымъ по значительности трудомъ, давшимъ матеріалъ для настоящаго этюда, являются записки англійскаго посла сэра Джоржа Бьюкенена. Къ изученію ихъ невольно приступаешь съ большимъ предубѣжденіемъ. Во-первыхъ, вся вѣковая политика Англіи, всегда, вообще, была направлена противъ Россіи, во - вторыхъ, многіе убѣждены, что Англія вовлекла насъ и въ міровую войну, и, въ - третьихъ, на Бьюкененѣ тяготѣетъ обвиненіе въ томъ, что онъ способствовалъ нашей революціи, а, слѣдовательно, и гибели Россіи.

Второго и третьяго пункта мы коснемся на своемъ мѣстѣ, здѣсь же слѣдуетъ отмѣтить, что самый тонъ записокъ Бьюкенена производитъ, въ противность ожиданію, благопріятное впечатлѣніе. О Россіи онъ говоритъ въ духѣ сердечной и подкупающей благожелательности. Насколько это искренно, насколько демонстрируемыя сэромъ Джоржемъ чувства были въ соотвѣтствіи съ его дѣйствіями, вопросъ — подверженный сомнѣнію и, быть можетъ, самый этотъ тонъ благожелательности явится для изслѣдователя наибольшей помѣхой къ выясненію истины: онъ побѣждаетъ и... затемняетъ. Сопоставляя

труды этихъ двухъ дипломатовъ, аккредитованныхъ при Россійскомъ Дворѣ отъ странъ, имѣвшихъ для нея въ то время наибольшее значеніе, нельзя не замѣтить значительной между ними разницы. Мемуары Палеолога представляютъ литературную работу, нерѣдко весьма изящную и красочную. У Бьюкенена сухое изложеніе воспринятыхъ имъ событій. У Палеолога неустанно работаетъ мысль, ищущая объясненія всего окружающаго, онъ думаетъ передъ читателемъ, дѣлаетъ выводы. Для того, чтобы притти къ какому-нибудь заключенію, Палеологу, повидимому, нужна большая работа, для Бьюкенена этого не требуется: для него все ясно и просто, часто даже слишкомъ просто... Однако, достиженія перваго гораздо интереснѣе и блещутъ деталями привходящихъ обстоятельствъ. Возможно, что это послѣдствія разницы между латинскимъ и англо-саксонскимъ способомъ мышленія, а, можетъ быть, объясняется и проще: Бьюкененъ пробылъ въ Россіи передъ войною болѣе трехъ лѣтъ, а Палеологъ прибылъ лишь за полъгода. Велика разница и въ объемѣ этихъ работъ: у Палеолога 1.060 страницъ, тогда какъ у Бьюкенена за тотъ же періодъ ихъ всего около 260.

Слѣдующимъ по значенію трудомъ являются воспоминанія англійскаго военнаго представителя при Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Вильямса. Записки эти производятъ безусловно отрадное впечатлѣніе своею непосредственностью: это не записки дипломата съ оговорками и отступленіями, а прямого солдата. Нижеслѣдующія выписки характеризуютъ трудъ Вильямса:

«Я вѣроятно видѣлъ Государя чаще и знаю его ближе, чѣмъ большинство другихъ, за исключеніемъ его непосредственныхъ приближенныхъ, въ теченіе періода его верховнаго главнокомандованія, когда его длительныя отлучки изъ столицы вынуждали меня быть посредникомъ и въ дѣлахъ, прямо до войны не касавшихся.» (стр. 1).

«Я ожидалъ встрѣтиться вообще съ затрудненіями и таинственностью на каждомъ шагу и увидѣть Императорскую семью подавленной гнетомъ заботъ, страховъ и опасеній анархистскихъ бомбъ или кинжала убійцъ».

«Мое общеніе съ Императоромъ, Императрицей и дѣтьми явило мнѣ совсѣмъ другое. Это была, по наружному виду, счастливая и несомнѣнно благочестивая семья.—Слово «революція» стало такимъ ходячимъ въ этой странѣ и ея пророки были такъ многочисленны, что это обстоятельство никого болѣе не пугало». (Стр. 2).

«Первое впечатлѣніе (16 октября 1914 года), произведенное на меня Государемъ, было абсолютно отлично отъ того, которое я ожидалъ. Я всегда рисовалъ его себѣ какъ нѣсколько грустнаго и озабоченнаго монарха, подавленнаго и государственными и другими заботами, тяжко его удручающими. Вмѣсто этого я увидѣлъ оживленное, открытое, счастливое выраженіе лица и исполненнаго юмора здороваго человѣка». (Стр. 15).

Не лишено интереса, какъ самъ Вильямсъ характеризуетъ свои записки:

«Послѣдующее изложеніе не представляетъ изъ себя попытки апологіи или спора съ другими, писавшими о покойномъ Государѣ и его критиковавшими. — Но многое было сказано о немъ лицами, не соприкасавшимися съ нимъ такъ близко, какъ я, и много было сказано враждебнаго. Одинъ изъ критиковъ, проведя въ Россіи 24 часа, далъ мнѣ о немъ такой отзывъ, что я подумалъ, что онъ эти часы провелъ въ помойныхъ ямахъ Петербурга, ибо иначе онъ нигдѣ не могъ собрать свѣдѣнія болѣе лживыя, несправедливыя и столь же ошибочныя, какъ и злобныя. И это было еще до революціи. Какія бы ни были ошибки Государя, онѣ не происходили отъ недостатка его преданности родинѣ и дѣлу союзниковъ (стр. 8). Многія изъ моихъ замѣтокъ, конечно, по множеству причинъ, еще не могутъ быть напечатаны, но тѣ, что предлагаются читателю, не сфабрикованы съ цѣлью дать одностороннее освѣщеніе наиболѣе оклеветанному монарху, *) а лишь являются штрихами его характера, думается небезинтересными, которые мнѣ удалось подмѣтить». (стр. 9).

Авторъ « Mémoires de Russie », профессоръ Дижонскаго университета Легра былъ командированъ въ Россію для пропаганды на фронтѣ и въ тылу тѣхъ усилій, которыя проявляла Франція въ міровой войнѣ. Легра объѣхалъ весь фронтъ, читалъ лекціи въ штабахъ фронтовъ, армій, корпусовъ и даже дивизій и полковъ, а затѣмъ занималъ штабныя должности въ I Сибирскомъ корпусѣ и въ VIII арміи . Два раза онъ побывалъ въ Могилевѣ, гдѣ былъ представленъ Государю, о которомъ записалъ слѣдующія впечатлѣнія:

«Послѣ обѣда... Государь спрашиваетъ меня о предметѣ моей лекціи, буду ли я говорить по русски и не смущаетъ ли это меня?» Я отвѣчаю, что привыкъ говорить публично, но что его присутствіе нѣсколько меня взволнуетъ.

---

*) Курсивъ нашъ

— «Тогда, восклицаетъ онъ, я не приду, чтобы васъ не смущать!»

— «Ваше Величество», отвѣчаю я, улыбаясь, «я не къ тому велъ!» *)

— «Ладно! Итакъ я приду! До свиданія!»

«Я привожу эту мелкую деталь, чтобы показать мягкую и ласковую деликатность этого монарха. Что было ему до сообщенія иностраннаго профессора, въ незначительномъ чинѣ? **) Тѣмъ не менѣе, онъ пожелалъ устранить отъ этого лектора неожиданное волненіе и онъ, по своему, создалъ ему пріятную обстановку. Очевидно, такое вниманіе объясняется тѣмъ кредитомъ, которымъ пользуется при Дворѣ мой начальникъ, генералъ Лагишъ. Тѣмъ не менѣе, это является доказательствомъ одной черты характера Николая II: въ мелочахъ жизни онъ полонъ вниманія къ окружающимъ, но, какъ говорятъ, онъ немилосерденъ къ тѣмъ, которые не оказываютъ такого-же вниманія относительно его». (34).

Слѣдующій случай еще болѣе мелокъ и имѣетъ лишь отраженное значеніе къ характеристикѣ Государя.

«Легра вновь обѣдаетъ у Государя въ Ставкѣ. Послѣ обѣда «когда закурили папиросы», Наслѣдникъ началъ играть спичками, извлеченными изъ трехъ коробокъ, изображая ими войска, которыя онъ ведетъ въ атаку: тутъ убитые, тамъ раненые... Однако, когда встали со стола, вмѣсто того, чтобы бросить на столѣ свою импровизированную игрушку, Наслѣдникъ спѣшно положилъ спички въ коробки, что стоило не малыхъ хлопотъ; мнѣ понравилась эта черта порядка. Этотъ ребенокъ имѣетъ много моральныхъ свойствъ своего отца: онъ имѣетъ его привѣтливую любезность» (97-8).

Этими двумя краткими замѣтками ограничиваются личныя впечатлѣнія Легра о Царѣ. Приходится только сожалѣть, что онъ такъ мало зналъ и видѣлъ Государя... При его объективности и наблюдательности отзывъ его явился бы несомнѣннымъ вкладомъ въ характеристику «наиболѣе оклеветаннаго монарха». Сожалѣя объ этомъ пробѣлѣ, мы воспользуемся однако трудомъ Легра для выясненія общей атмосферы того времени, столь отразившейся на образѣ дѣйствій Государя.

Огромный интересъ представляютъ записки швейцарца, Петра Жильяра, сначала учителя французскаго языка, а затѣмъ

---

*) «Ce n'est pas de jeu!» — буквально «это не по правиламъ игры».

**) Профессоръ Легра, какъ призывный, состоялъ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ.

гувернера Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, пробывшаго при Дворѣ тринадцать лѣтъ и послѣдовавшаго за царскою семьею въ ссылку въ Сибирь, а затѣмъ и въ Екатеринбургъ. Должность Жильяра ставила его въ близость къ Императорской семьѣ, недоступную не только для другихъ иностранцевъ, но и для самыхъ приближенныхъ. Непосредственный кругъ наблюденій его, разумѣется, касался воспитанія Цесаревича, но Алексѣй Николаевичъ былъ не только ребенкомъ, но и Наслѣдникомъ Престола, а его отецъ былъ не только отцомъ, но и Государемъ, а потому наблюденія Жильяра далеко выходятъ за предѣлы дѣтской. Чтобы понять Жильяра, лучше всего привести выдержку изъ его вступленія къ своимъ запискамъ.

Жильяръ отмѣчаетъ, что большинство сочиненій, появившихся въ послѣднее время объ Императорѣ Николаѣ и его семьѣ только сборникъ нелѣпостей и лжи, самая низкопробная литература, опирающаяся на самую недостойную клевету. «Когда я познакомился», пишетъ онъ,«съ нѣкоторыми изъ этихъ сочиненій, я былъ возмущенъ; мое возмущеніе стало еще больше, когда я съ изумленіемъ убѣдился, что они были съ довѣріемъ встрѣчены широкой публикой... Я попытался въ этой книгѣ представить Императора Николая II и его семью, таковыми, какими я ихъ зналъ, пытаясь оставаться все время безпристрастнымъ и представить съ полною независимостью событія, коимъ я былъ свидѣтелемъ. Быть можетъ, что въ моемъ стремленіи къ истинѣ я представлю ихъ политическимъ врагамъ новое противъ нихъ оружіе, но я имѣю полную надежду, что изъ моего разсказа выявится ихъ настоящая личность, т. к. не престижъ ихъ императорскаго достоинства привлекъ меня къ нимъ, а благородство ихъ чувствъ и чудное моральное величіе, которое они проявили въ постигшихъ ихъ страданіяхъ». (стр. 7-9).

Воздавая должное благородной задачѣ, возложенной на себя бывшимъ воспитателемъ Наслѣдника, слѣдуетъ отмѣтить подвигъ, принятый на себя Жильяромъ, послѣдовавшимъ за Царской семьей въ ссылку, морально ее поддерживавшимъ, претерпѣвшимъ съ нею всѣ невзгоды, и лишь случайно не раздѣлившимъ съ нею ея трагической участи. Нельзя и не отмѣтить при этомъ его поразительную скромность: онъ почти не говоритъ о себѣ и даже будто бы и не понимаетъ своего подвига.

К. Паоли занималъ въ Парижѣ должность особаго комиссара, назначавшагося французскимъ правительствомъ для охраны Высочайшихъ Особъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ.

Такая спеціальность не могла не развить въ г. Паоли исключительной наблюдательности. Его характеристика Государя касается эпохи, значительно предшествовавшей нами разсматриваемой, но она заслуживаетъ вниманія потому, во первыхъ, что въ ней упоминается весьма цѣнное мнѣніе о Государѣ быв. Президента Французской республики Лубэ, во вторыхъ, что въ ней заключается анализъ почерка Государя, имѣющій не только временное значеніе и, въ третьихъ, что эта характеристика вполнѣ подтверждается всѣмъ послѣдующимъ. Приведя эту выдержку, къ Паоли мы болѣе не вернемся.

«Первое впечатлѣніе (дѣло касается пріѣзда Государя и Императрицы въ Парижъ въ 1901 году), которое произвели на меня Царь и Царица, совершенно противоположно, тому, котораго я ожидалъ. По фантастическимъ мѣропріятіямъ и таинственности, которую создавали кругомъ нихъ, невольно слагалось представленіе о нихъ, какъ о существахъ серьезныхъ, торжественныхъ, высокопарныхъ, мистическихъ и подозрительныхъ. Внезапно, при первомъ съ ними соприкосновеніи, это представленіе измѣнилось. Предъ вами оказались два существа очень между собою близкія, очень простыя, очень добрыя, весьма озабоченныя тѣмъ, чтобы понравиться всѣмъ и ко всѣмъ приноравливающіяся; имѣющія, повидимому, отвращеніе къ оффиціальной торжественности и сожалѣющія о безконечныхъ барьерахъ, отдѣляющихъ ихъ отъ остального міра. Замѣчалось, что они охотно были экспансивны, что у нихъ были сердечные порывы, безконечная деликатность мысли, въ особенности по отношенію къ обездоленнымъ. Въ смѣхѣ глазъ Императора чувствовалась свѣжая и молодая веселость, стѣсненная необходимостью быть постоянно сдерживаемой; въ меланхоліи взгляда Императрицы угадывалась драма, тайная драма нѣжности, всегда встревоженной судьбою, омраченной тяжестью короны, въ которой всегда было болѣе терній, нежели розъ. И, признаюсь, если я даже буду осужденъ за это нѣкоторыми лицами, самодержавіе, олицетворенное этой молодой четой, которая столь очевидно была бы болѣе счастливой между самоваромъ и колыбелью, чѣмъ между двойными шпалерами штыковъ, самодержавіе, въ этомъ неожиданномъ видѣ, не заключало въ себѣ ничего удручающаго: напротивъ, въ немъ была нѣкоторая прелесть.

«Я впрочемъ знаю, что вообще о характерѣ Царя создано было ошибочное представленіе. О немъ говорили и говорятъ еще нынѣ, — что онъ слабъ. Однако по этому поводу, я склоненъ думать, какъ и г. Лубэ, что «слабость» Николая II, болѣе

кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, и что въ немъ, какъ нѣкогда въ Наполеонѣ III, есть «мягкій упрямецъ», который обладаетъ весьма опредѣленными идеями, существо, сознающее свою власть, гордое своей славою и своимъ именемъ. Графологическое изученіе его почерка въ этомъ отношеніи довольно убѣдительно. Если прямолинейное горизонтальное наклоненіе буквъ его почерка обнаруживаетъ существо нѣжное, чувствительное и мечтательное, то замѣтьте напротивъ, энергичную и покровительственную гордость его «Н», упорство крючка его буквы Н), заканчивающаго, творческую силу, указываемую точкою надъ буквою И (по французски — i), мощность широкаго росчерка, свидѣтельствующаго о прямотѣ и великодушіи».

Наконецъ, подлежитъ изученію книга Верстрата « Mes Cahiers Russes ». Авторъ французъ, проживавшій долгое время въ Россіи. По положенію своему директора банка, онъ соприкасался съ обширными кругами, поэтому мемуары его заслуживаютъ вниманія. Отношеніе его къ Императору Николаю отрицательное. Мы не будемъ останавливаться на его характеристикахъ не потому, что онѣ отрицательны, а потому, что онъ никогда въ личномъ контактѣ съ Государемъ не былъ, а говоритъ лишь съ чужихъ словъ и какихъ... Но для характеристики этихъ характеристикъ приводимъ одну:

«Если у Царя нѣтъ друзей, то нѣтъ и любимыхъ женщинъ. Ни одна любовница не возымѣла на него вліянія. Онъ не любилъ ни женщинъ, ни одной женщины въ отдѣльности». (стр. 28)

Можно ли говорить о томъ, что онъ не любилъ женщину въ частности — онъ, который обожалъ жену. Можно ли говорить, что женщина не имѣла на него вліянія, когда вся Россія его упрекала въ томъ, что онъ находился подъ вліяніемъ Императрицы, и ставить ему, давно уже женатому человѣку, въ укоръ, что онъ не любитъ женщинъ вообще! Тѣмъ не менѣе, книга Верстрата имѣетъ серьезный интересъ, ибо, несмотря на то, что приводимое въ ней мѣстами не отвѣчаетъ дѣйствительности, за то, она вполнѣ добросовѣстно отражаетъ то, какъ эта дѣйствительность представлялась въ то время широкой публикѣ. Это не правда, но точное отраженіе той неправды, основанной на злостной клеветѣ, имѣвшей, главнымъ образомъ, въ основѣ сплетню, которая владѣла обществомъ того времени. Правда, и Палеологъ слушаетъ сплетни, но, во-первыхъ, онъ самъ часто и рѣзко даетъ имъ отпоръ, а, во-вторыхъ, всегда проводитъ ихъ черезъ критику, и большинство ихъ отбрасываетъ. Палеологъ пропускаетъ сплетни черезъ себя, а Верстратъ воспринимаетъ

ихъ полностью, но можно ли упрекать иностранца въ томъ, въ чемъ было повинно большинство русскихъ!

Къ такого же рода сочиненіямъ принадлежитъ и книга Шарля Ривэ «Послѣдній Романовъ». Нѣсколько выписокъ изъ нея будутъ приведены на своемъ мѣстѣ, но для ея характеристики цитируемъ здѣсь одну:

«Когда слышался лай въ корридорахъ дворца, то знали, что Маклаковъ, министръ наиболѣе отвѣтственнаго министерства, въ чрезвычайно трудную эпоху, прибылъ и докладываетъ о своемъ прибытіи». (75).

Книга эта, изданная въ 1918 г., вышла уже въ 88 изданіяхъ... Какое она могла дать представленіе о Россіи?!

Покончивъ съ разборомъ матеріала, нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что чѣмъ ближе стояло къ Государю наблюдавшее его лицо, тѣмъ отзывъ о немъ благопріятнѣе. Вотъ эта цѣпь: Вильямсъ въ Ставкѣ, Жильяръ - гувернеръ, видѣвшій его въ семьѣ, Палеологъ, наиболѣе близкій изъ пословъ, потомъ комиссаръ Паоли, англійскій посолъ Бьюкененъ, затѣмъ Легра, видѣвшій его всего два раза, Верстратъ, не говорившій съ нимъ никогда, но жившій въ Петроградѣ, и, наконецъ Ривэ — иностранный журналистъ. Лучъ, исходящій отъ Царя, былъ свѣтелъ; въ широкіе же слои, преломляясь въ призмѣ клеветы и измѣны, онъ выходилъ тусклымъ. Характерно то предубѣжденіе, которое кто то создавалъ противъ Императорской четы. Сопоставьте то каковыми «a priori» представляли себѣ Императрицу Вильямсъ и Паоли съ тѣмъ, что они увидѣли на самомъ дѣлѣ. Замѣчательно то, что презумпція и дѣйствительность очертаны ими почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, а между тѣмъ, вѣдь это люди совершенно разные, принадлежащіе къ различнымъ національностямъ и наблюденія ихъ раздѣлены значительнымъ промежуткомъ времени. Значитъ, какъ обширны были силы, чернившія Государя и его Супругу, и какъ настойчиво онѣ дѣйствовали. Вспомните характеристику, сдѣланную Легра Государю: то, что онъ видѣлъ самъ — было хорошо, но кто-то уже успѣлъ шепнуть ему о «немилосердіи» Государя!

Какъ было уже высказано, наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ представляются воспоминанія дипломатовъ, а потому къ нимъ, ранѣе всего, и обращаемся.

Центральнымъ вопросомъ для обоихъ пословъ антанты являлось выясненіе отношенія Государя къ войнѣ, а въ особенности рѣшимость его довести ее по побѣднаго конца. Въ этомъ, конечно, заключалась служебная обязанность пословъ державъ,

вмѣстѣ съ Россіею вступившихъ въ смертный бой съ Германіею. Мысль о возможной въ этой области слабости Государя занимаетъ всецѣло ихъ вниманіе, переходящее временами и въ мнительность. Трудно упрекнуть ихъ за это, вѣдь отъ того или другого отношенія Царя къ войнѣ зависѣли самые жизненные интересы ихъ родины.

Постоянно затрагивая эту тему въ бесѣдахъ съ Государемъ, Палеологъ, въ особенности, стремится всѣми силами пополнить свою освѣдомленность распросами всѣхъ лицъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, начиная отъ Великихъ Княгинь и кончая таинственными освѣдомителями. Особенное вниманіе, въ этомъ отношеніи, онъ проявляетъ къ великосвѣтскимъ дамамъ. Для этого, впрочемъ, у него были основательныя причины. Какъ видно изъ записокъ нашего бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскаго, *) предмѣстникъ Палеолога Бомпаръ былъ отозванъ, вслѣдствіе будто бы слишкомъ близкихъ сношеній его съ наиболѣе передовыми кругами Думы. Очевидно, Палеологъ перенесъ центръ своихъ наблюденій въ иные круги. Насколько эта среда могла дать вѣрное представленіе о Россіи, свидѣтельствуетъ Легра, который говоритъ: «Россія не была тѣмъ, чѣмъ представляла ее дипломатія. Наши представители въ Петроградѣ, съ точки зрѣнія освѣдомленности, слабо оборудованные, и бывшіе знакомыми лишь исключительно съ салонами столицы, черпали изъ нихъ «свои свѣдѣнія»... (с. VIII).

Въ непрестанномъ опасеніи за вѣрность Россіи союзу, посолъ ищетъ найти ей силы враждебныя и находитъ ихъ въ «нѣмецкой партіи» «la clique de Potsdam», какъ онъ ее образно называетъ. И вотъ, около личности Государя, Императрицы, нѣмецкой партіи и связываемаго съ нею Распутина, все время работаетъ мысль посла, и, потому, признавая его несомнѣнную наблюдательность, изъ воспоминаній Палеолога можно извлечь богатѣйшій матеріалъ по интересующему насъ вопросу.

---

*) Memoires d'Alexandre Isvolsky (73).

ГЛАВА II.

Первый періодъ войны.

Объявленіе войны. — Воспріятіе войны. — Первыя сомнѣнія. — Распутинъ. — Императрица. — Гр. Витте. — Государь въ первые мѣсяцы войны. — Его сотрудники. — Идея самодержавія. — Шептуны и призраки революціи.

7/20 іюля 1914 года въ Россію пріѣзжалъ Президентъ Французской Республики Пуанкарэ. На яхтѣ «Александрія», Государь выѣхалъ въ море на встрѣчу Президенту въ сопровожденіи Палеолога. Послѣдній высказываетъ Государю свои опасенія возможности войны съ Германіею.

Послѣ мгновеннаго раздумья Государь отвѣтилъ:

— «Я не могу повѣрить, чтобы Императоръ Вильгельмъ хотѣлъ войны»... и прибавилъ:

«Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы мы, въ случаѣ кризиса, могли разсчитывать на Англію. Не потерявъ окончательно разума, Германія никогда не посмѣетъ броситься на соединенныя Россію, Францію и Англію». (Ч. I, с. 3).

Изъ этого видно, что Государь опредѣленно высказывалъ мысль, что передъ союзными Россіею, Франціею и Англіею воинственность Германіи спасуетъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что такіе взгляды Государь высказывалъ и своему министру иностранныхъ дѣлъ, и обязанностью дипломатіи было придать этой мысли конкретную форму. Будь это мудрое мнѣніе Государя осуществлено, войны, конечно бы, не было.

По этому поводу сэръ Бьюкененъ замѣчаетъ:

— Если бы Германія знала, что Великобританія будетъ сражаться вмѣстѣ съ Франціею и Россіею, она бы дважды подумала прежде чѣмъ занять позицію, которую она не могла съ честью покинуть. (Ч. I, с. 106).

Въ тотъ же день состоялся въ Петергофскомъ дворцѣ парадный обѣдъ. Палеологъ, сидѣвшій противъ Императрицы, отмѣчаетъ всю тягостность для нея участія въ этой дли-

тельной церемоніи, которую она преодолѣваетъ, чтобы чествовать Президента союзной республики, стараясь завязать разговоръ съ Пуанкарэ, сидѣвшимъ по правую ея руку.

Послѣ обѣда у Государя пріемъ. По этому случаю Палеологъ замѣчаетъ: «Настойчивость, съ которою стремятся представиться Пуанкарэ, доказываетъ мнѣ его успѣхъ. Даже нѣмецкая клика, ультра-реакціонная партія, ищетъ чести приблизиться къ Президенту». (Т. I. с. 6).

Какъ видно, нѣмецкая клика уже появляется въ представленіи посла. Къ сожалѣнію, Палеологъ не называетъ именъ, такъ что трудно придать его заключенію конкретную форму.

Весьма скоро послѣ отъѣзда Президента изъ Петербурга, 11/24 іюля, въ то время, пока онъ еще плылъ къ берегамъ Франціи, что весьма осложняло положеніе дипломатовъ, Австрія, по поводу убійства эрцгерцога Фердинанда въ Сараевѣ, вручила Сербіи ультиматумъ. За этимъ немедленно послѣдовало совѣщаніе между нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ, Палеологомъ и Бьюкененомъ. Палеологъ говоритъ, что война можетъ вспыхнуть каждую минуту, и что это обстоятельство должно опредѣлить всю нашу, т. е. Франціи и Англіи, политику.

Бьюкененъ высказываетъ предположеніе, что его правительство пожелаетъ остаться нейтральнымъ и выражаетъ опасенія, что Франція и Россія будутъ раздавлены тройственнымъ союзомъ.

«При сложившихся обстоятельствахъ», возражаетъ Сазоновъ, «нейтралитетъ Англіи былъ бы равносиленъ самоубійству».

— «Это мое убѣжденіе», печально отвѣчаетъ сэръ Джорджъ, «но я опасаюсь, что наше общественное мнѣніе не скоро пойметъ то, что съ такою очевидностью намъ указываетъ нашъ національный интересъ».

Палеологъ настаиваетъ на рѣшительномъ значеніи того вліянія, которое можетъ возымѣть Англія въ томъ, чтобы потушить воинственный пылъ Германіи, и указываетъ на мнѣніе, высказанное ему Императоромъ Николаемъ четыре дня тому назадъ: **«Не потерявъ окончательно разума, Германія никогда не рѣшится броситься на соединенныя Россію, Францію и Англію».** Сазоновъ съ жаромъ поддерживаетъ тѣ же соображенія.

«Бьюкененъ обѣщаетъ энергично поддержать передъ Греемъ политику сопротивленія Германскимъ претензіямъ. (Т. I, с. 23, 24).

— Вечеромъ Сазоновъ заявляетъ Палеологу, что «онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы избѣжать войны». (Т. I. с. 25).

Выслушавъ совѣтъ Палеолога быть весьма осторожнымъ на предстоявшемъ у Государя совѣщаніи, Сазоновъ говоритъ:

— Не безпокойтесь! Впрочемъ, вамъ извѣстна **мудрость Государя**». (Т. I., с. 26).

Послѣднія слова Сазонова заслуживаютъ особаго вниманія: значитъ, онъ признаетъ Государя мудрымъ. Признавая въ Государѣ мудрость въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, находившимся въ постоянномъ съ нимъ общеніи, Сазоновъ поставилъ бы себя въ весьма неловкое положеніе, если бы это мнѣніе не имѣло подъ собою почвы.

Въ бесѣдѣ министра съ послами, 12/25 іюля, Сазоновъ и Палеологъ вновь настаиваютъ передъ Бьюкененомъ на присоединеніи Англіи къ Россіи и Франціи. На это Бьюкененъ съ огорченнымъ видомъ отвѣчаетъ: что они «убѣждаютъ убѣжденнаго». (Т. I. с. 27).

Вскорѣ послѣ этой бесѣды Палеологъ видится съ Сазоновымъ и говоритъ ему: «Я васъ умоляю не принимать никакихъ военныхъ мѣръ на германскомъ фронтѣ и даже быть весьма осторожнымъ на австрійскомъ, пока Германія не откроетъ своихъ картъ. Малѣйшая неосторожность съ вашей стороны можетъ стоить вамъ сотрудничества Англіи!»

«Это и мое мнѣніе», отвѣчаетъ Сазоновъ, «но нашъ генеральный штабъ проявляетъ нетерпѣніе, и я его съ трудомъ сдерживаю».

Чтобы укрѣпить Сазонова въ этихъ мысляхъ, Палеологъ проситъ его обязаться принять всѣ предложенія, которыя сдѣлаютъ Франція и Англія, чтобы спасти миръ.

Послѣ краткаго колебанія, Сазоновъ на это соглашается. (Т. I. с. 33-34).

Однако всѣ эти попытки къ предотвращенію войны, оказались тщетными.

По этому поводу Палеологъ отмѣчаетъ:

«Мои разсужденія радикально пессимистичны. Какъ я ни старался ихъ опровергнуть, они неминуемо приводятъ къ выводу: война. Время колебаній и дипломатическаго искусства прошло. **Около далекихъ и глубокихъ причинъ, вызвавшихъ современный кризисъ, инциденты послѣднихъ дней ничтожны.** *) Нѣтъ болѣе личной иниціативы, нѣтъ болѣе человѣческой воли, которыя могли бы сопротивляться автоматическому

*) Курсивъ нашъ.

механизму разнуздавшихся силъ. Мы, дипломаты, потеряли всякое воздѣйствіе на событія, мы только можемъ попытаться ихъ предусмотрѣть, а также заботиться о томъ, чтобы наши правительства сообразовали съ ними свой образъ дѣйствій. (Т. I. с. 30).»

Тѣмъ временемъ событія идутъ своимъ чередомъ. Одно зубчатое колесо задѣваетъ за другое. Происходитъ обмѣнъ телеграммами между Петербургомъ и Берлиномъ по поводу мобилизаціи.

«17/30 іюля, Сазоновъ съ докладомъ у Государя. Этотъ историческій докладъ Палеологъ изображаетъ такъ: «Его Величество показываетъ министру угрожающую телеграмму отъ Императора Вильгельма. Прочитавъ ее, Сазоновъ говоритъ:

«Мы не избѣжимъ войны. Германія, видимо, уклоняется отъ посредничества (съ Австріею), которое мы ей предлагаемъ и она только ищетъ возможности выиграть время, чтобы закончить свои приготовленія къ нападенію. При такихъ обстоятельствахъ, я не думаю, чтобы Ваше Величество могли болѣе колебаться въ отдачѣ приказа объ общей мобилизаціи».

Очень блѣдный, глухимъ голосомъ, Государь ему отвѣчаетъ:

«Подумайте объ отвѣтственности, которую вы мнѣ совѣтуете взять на себя. Подумайте о томъ, что это вызоветъ посылку на смерть сотенъ тысячъ людей!»

Сазоновъ отвѣчаетъ:

— »Ни совѣсть Вашего Величества, ни моя, ни въ чемъ себя не упрекнутъ, если вспыхнетъ война. Ваше Величество и ваше правительство сдѣлали все, чтобы міръ избѣжалъ этого ужаснаго испытанія. Но нынѣ я имѣю увѣренность, что дипломатія закончила свое дѣло. Если Ваше Величество остановите предварительныя дѣйствія къ мобилизаціи, то вы только разстроите нашу военную организацію и смутите нашихъ союзниковъ. Война, тѣмъ не менѣе, вспыхнетъ въ тотъ часъ, когда Германія этого захочетъ и застанетъ насъ въ полномъ разстройствѣ сосредоточенія».

Императоръ съ твердостью произнесъ:

«Сергѣй Дмитріевичъ, идите и телефонируйте Начальнику Главнаго Штаба, что я повелѣваю произвести мобилизацію!» (Т. I. с. 39).

Роль, которую сыгралъ Сазоновъ въ моментъ объявленія войны, Бьюкененъ передаетъ еще опредѣленнѣе:

«Только послѣ того, какъ Сазоновъ увѣрилъ его, что онъ можетъ рѣшиться на этотъ поступокъ со спокойной совѣстью,

такъ какъ его правительство пустило въ ходъ всѣ средства, чтобы предотвратить войну, Государь, наконецъ, согласился не оставлять своего государства безъ защиты противъ подготовлявшагося германскаго нападенія». (Т. I. с. 149). *)

Освѣдомленный о только что приведенномъ, Палеологъ сообщилъ о рѣшеніи Государя своему правительству, и немедленно получилъ отвѣтъ: Франція исполнитъ свои обязанности союзницы.

Въ отвѣтъ на мобилизацію слѣдуетъ обмѣнъ телеграммъ между обоими Императорами, по наклонной плоскости ведущій къ катастрофѣ.

19/1 іюля - августа, германскій посолъ Пурталесъ вручаетъ министру иностранныхъ дѣлъ актъ объявленія войны. Въ тотъ же день Бьюкененъ передаетъ Государю телеграмму отъ Короля Георга, обращающагося къ миролюбію Царя, умоляя продолжить свои попытки къ примиренію. Просьба не имѣетъ уже объекта съ того момента, что Пурталесъ передалъ объявленіе войны.

19 іюля (1 августа), въ Зимнемъ Дворцѣ, послѣ торжественнаго молебна, Государь, передъ собранными сановниками и военными, объявляетъ войну.

Вотъ какъ описываетъ эту сцену Палеологъ:

«Государь, приближаясь къ аналою, подымаетъ правую руку къ Евангелію, которое ему подносятъ. Онъ еще серьезнѣе, еще сосредоточеннѣе, какъ бы приступая къ причастію. Медленно и отчетливо подчеркивая каждое слово, онъ объявляетъ:

— «Офицеры гвардіи, здѣсь присутствующіе, въ вашемъ лицѣ я привѣтствую всю мою армію и ее благословляю. Торжественно приношу клятву, что я не заключу мира, пока останется хотя одинъ непріятель на родной землѣ».

Несмолкаемое «ура» отвѣчаетъ на это заявленіе.

Государь выходитъ на балконъ. Мгновенно толпа опускается на колѣни и начинаетъ пѣть русскій гимнъ. Въ эту минуту для этихъ тысячъ людей, тамъ распростертыхъ, Царь дѣйствительно Самодержецъ, Помазанникъ Божій, Глава своего народа, военный, политическій и религіозный, неограниченный владыка тѣла и души». (Т. I. с. 46-47).

23 іюля (5 августа) Англія присоединяется къ Франціи и Россіи.

---

*) Курсивъ нашъ.

Вотъ, вкратцѣ, событія, предшествовавшія войнѣ. Какой можно сдѣлать изъ нихъ выводъ?

Что Сазоновъ и Палеологъ не хотѣли войны и что поэтому по мѣрѣ силъ своихъ стремились ее предотвратить, что, равнымъ образомъ, не хотѣлъ ея и Государь.

Сталкиваясь съ вопросами войны и мира, «Государь», говоритъ Бьюкененъ, «никогда не задумывался положить на чашу вѣсовъ всю силу своего вліянія въ сторону мира. Онъ такъ старался вести мирную политику, такъ искренно готовъ былъ итти на уступки, лишь бы избѣжать ужасовъ войны, что въ концѣ 1913 года, создалось впечатлѣніе, что Россія никогда не будетъ воевать, впечатлѣніе, которое, къ несчастью,, побудило Германію воспользоваться создавшимся положеніемъ». (Т. I. с. 133).

Однако, миролюбіе не давало права Государю отказаться отъ традиціонной роли Россіи, какъ покровительницы славянскихъ государствъ. Весьма знаменательно, что такую роль признаетъ за нею и англійскій посолъ: «Какъ естественная защитница балканскихъ славянъ, она должна была охранять ихъ интересы и слѣдить за тѣмъ, чтобы вмѣшательствомъ державъ они не были лишены плодовъ своихъ побѣдъ». (Т. I. с. 105).

Тѣмъ не менѣе, въ данный моментъ, Государь еще разъ подтвердилъ свое миролюбіе, способомъ, сдѣлавшимъ извѣстнымъ только впослѣдствіи. 16/29 іюля, т. е. за три дня до объявленія войны, «Государь», по словамъ Палеолога, «повинуясь велѣнію своего сердца и не пожелавъ посовѣтоваться ни съ кѣмъ, телеграфировалъ Императору Вильгельму, предлагая ему передать Австро - Сербскій конфликтъ на рѣшеніе Гаагскаго суда. Если бы Кайзеръ принялъ этотъ способъ рѣшенія спора — война была бы окончательно устранена, но онъ даже не отвѣтилъ на это предложеніе Царя». (Т. I. с. 36).

Между тѣмъ, война все таки вспыхнула. Тяжесть отвѣтственности за нее падаетъ на Германію. Однако, Палеологъ намекаетъ еще и на причины внѣ событій послѣднихъ дней, «болѣе далекія и глубокія». Къ сожалѣнію, столь компетентный наблюдатель не поднялъ завѣсы надъ этой загадочной, но полной глубокаго значенія фразою и, тѣмъ самымъ, заставляетъ читателя искать таинственной разгадки. Весьма скоро, т. е. на четвертый день послѣ начала конфликта, онъ сознается уже въ безсиліи дипломатіи и указываетъ на то, что событія совершаются уже внѣ ея вліянія и воздѣйствія. Чьи же силы, въ такомъ случаѣ, дѣйствовали?

Достойнымъ самаго глубокаго размышленія является тотъ фактъ, что Англія присоединилась къ Антантѣ (Россіи и Фран-

ціи) лишь **на пятый день, послѣ объявленія войны.** Представимъ себѣ на мгновеніе, что она сдѣлала бы это 18/31 іюля. Война была бы невозможна. Какъ справедливо указывалъ Государь, Германія должна была обезумѣть, чтобы пойти противъ объединенныхъ Россіи, Франціи и Англіи. Почему Англія этого не сдѣлала? Зная исторію Англіи, разумъ ея народа, многовѣковую послѣдовательность ея политики и мудрость ея государственныхъ мужей, совершенно невозможно допустить, чтобы она не знала, какъ онъ поступитъ черезъ пять дней въ такомъ кардинальномъ вопросѣ, какъ столкновеніе антанты съ средне - европейскими имперіями. Немыслимо, чтобы такая альтернатива не была заранѣе предусмотрѣна. Стоило Англіи написать въ Берлинъ, что она присоединяется къ Петербургу и Парижу, все было бы кончено. Стоило ей сказать намъ, что она будетъ на сторонѣ Германіи — результатъ былъ бы тотъ же самый. Нѣтъ, она предпочла открыть свои карты черезъ пять дней, когда потушить огонь было уже невозможно, но представились шансы предоставить другимъ таскать изъ него каштаны для Англіи. А, между тѣмъ, нашъ мудрый Государь — мудрый по опредѣленію Сазонова, безоговорочно принятому Палеологомъ, — указалъ, что противъ соединенныхъ Россіи, Франціи и Англіи Германія не пойдетъ. Задачею дипломатіи было придать мысли Государя конкретную форму, иначе говоря, вызвать присоединеніе Англіи на пять дней ранѣе. Дать основную мысль, было дѣломъ Государя, что и было имъ выполнено.

Мудро, въ смыслѣ своихъ эгоистическихъ интересовъ, поступила Англія, мудро указывалъ путь къ сохраненію мира Государь, мудро поступимъ мы, вспомнивъ латинскую пословицу: —„cui prodest?“ /« а кому это выгодно?»

Закончивъ бѣглый обзоръ періода передъ объявленіемъ войны, отмѣтимъ ясность взгляда Государя на происходившія событія, на его самообладаніе, на согласіе его принять вызовъ Германіи лишь для того, чтобы не «оставить государства своего безъ защиты» и величавое впечатлѣніе, которое произвелъ онъ даже на иностранца въ торжественный моментъ объявленія войны, когда на вѣсы военнаго счастья была брошена Россія и съ нею вмѣстѣ его собственная судьба.

По свидѣтельству Палеолога война была принята русскимъ народомъ съ энтузіазмомъ:

«Всюду (перечислено свыше десяти городовъ) тотъ же на-

родный восторгъ, та же готовность, серьезная, спокойная и благоговѣйная, то же единеніе съ Царемъ, та же вѣра въ побѣду, тотъ же подъемъ національнаго самосознанія. Никакого противорѣчія, никакого раздѣленія... Коллективная душа Святой Руси никогда не выявлялась такъ сильно со времени 1812 года. (Т. I. с. 71).»

Послѣ засѣданія Государственной Думы, первомъ по объявленіи войны, Палеологъ записываетъ въ свой дневникъ:

«Впечатлѣніе отъ этого засѣданія удовлетворительно. Русскій народъ, который не хотѣлъ войны, твердо рѣшилъ ее осилить». (Т. I. с. 65).

Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, говоритъ Палеологу: «Война положила сразу конецъ нашимъ внутреннимъ разногласіямъ. Во всѣхъ партіяхъ Думы, только и думаютъ о томъ, чтобы биться съ Германіею. Русскій народъ не испыталъ такого національнаго подъема съ 1812 года» (Т. I. с. 49).

23 іюля (6 августа) небезизвѣстный Михаилъ Стаховичъ говоритъ послу: «Никто въ Россіи не допустилъ бы мысли, чтобы мы позволили разбить маленькій Сербскій народъ». Никогда не оставляющая Палеолога мысль о враждебности къ антантѣ правыхъ круговъ, побуждаетъ его спросить своего собесѣдника: «Что думаютъ крайніе правые Государственнаго Совѣта и Думы, эта партія вліятельная и многочисленная, которая устами князя Мещерскаго, Щегловитова, барона Розена, Пуришкевича и Маркова всегда проповѣдывала соглашеніе съ германскимъ имперіализмомъ?» Стаховичъ отвѣчаетъ, что эта мысль, вдохновленная, въ особенности, соображеніями внутренней политики, въ корнѣ уничтожена нападеніемъ на Сербію и дѣлаетъ выводъ: «Начавшаяся война — дуэль, не на животъ, а на смерть между славянствомъ и германизмомъ. Нѣтъ ни одного русскаго, который бы этого не сознавалъ». (Т. I. с. 60).

На слѣдующій день послѣ этого разговора, Палеологъ обѣдаетъ въ Яхтъ - Клубѣ, послѣ чего заноситъ въ свой дневникъ:

«Въ этой крайне-консервативной средѣ, я нахожу подтвержденіе тому, что высказывалъ мнѣ вчера Стаховичъ относительно отношенія крайнихъ правыхъ къ Германіи. Тѣ самые, которые только недѣлю тому назадъ энергично высказывались за необходимость укрѣпленія православнаго самодержавія тѣснымъ союзомъ съ прусскою властью, признаютъ невыносимымъ оскорбленіе, нанесенное бомбардировкой Бѣлграда всему славянству и проявляютъ себя особенно воинственнымъ». (Т. I. с. 51).

«Другіе отмалчиваются, или ограничиваются, высказываясь, что Германія и Австрія нанесли смертельный ударъ монархической идеѣ въ Европѣ». (Т. I. с. 62-63).

Правые и народная масса приняли войну, приняли ее и лѣвые, хотя и по инымъ соображеніямъ.

Одинъ изъ моихъ освѣдомителей, записываетъ Палеологъ, принадлежащій къ передовымъ партіямъ, мнѣ сообщаетъ:

— «Никакія стачки, никакіе безпорядки нынѣ не предвидятся. Слишкомъ великъ національный подъемъ. Такъ, напримѣръ, главари соціалистической партіи проповѣдываютъ на заводахъ подчиненіе воинской повинности; впрочемъ,они убѣждены, что эта война приведетъ къ торжеству пролетаріата».

— «Къ торжеству пролетаріата... даже въ случаѣ побѣды?»

«Да, война заставитъ смѣшаться всѣ классы населенія, она сблизитъ мужика съ рабочимъ и студентомъ, она лишній разъ выявитъ грѣхи нашей бюрократіи, что заставитъ правительство считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Наконецъ, она введетъ въ дворянскую касту офицерства либеральный и даже демократическій элементъ, въ лицѣ запасныхъ прапорщиковъ. Этотъ элементъ сыгралъ уже большую политическую роль во время Маньчжурской кампаніи. Безъ него военные мятежи 1905 года были бы невозможны». (Т. I. с. 49).

Такой патріотическій подъемъ, по мнѣнію посла, вызывается проявляющимися во всей Россіи насиліями и погромами, ненавистью къ нѣмцамъ, въ особенности, къ «балтійскимъ баронамъ»,захватившимъ мало по малу всѣ высшіе посты при дворѣ, первыя мѣста въ арміи, администраціи и дипломатическомъ корпусѣ. Чтобы измѣрить ненависть, которую балтійское дворянство внушаетъ истиннымъ русскимъ, Палеологъ ссылается на директора Церемоніальной части Е., который, посѣтивъ посла по дѣламъ службы, «ругался даже съ большей страстностью, чѣмъ обыкновенно, перечисляя придворныхъ нѣмцевъ: графа Фредерикса — министра Императорскаго Двора, барона Корфа — Оберъ - Церемоніймейстера, генерала Гринвальда — Оберъ - Шталмейстера, графа Бенкендорфа — Оберъ - Гофмаршала и всѣхъ Мейендорфовъ, Будберговъ, Гейденовъ, Штакельберговъ, Нироловъ, Коцебу и Кнорринговъ, переполняющихъ Императорскіе Дворцы».*) Онъ заканчиваетъ, подтверждая свои слова выразительнымъ жестомъ:

---

*) Кстати, слѣдуетъ отмѣтить, что многіе изъ названныхъ лицъ никогда «балтійскими баронами» не были. Напр., Нироды — шведскаго происхожденія.

«Послѣ войны мы свернемъ шею всѣмъ этимъ балтійскимъ баронамъ!»

«Но когда вы имъ свернете шею, увѣрены ли вы въ томъ, что въ этомъ не раскаетесь?»

«Какъ! Что вы хотите этимъ сказать? Развѣ вы думаете, что русскіе неспособны сами собою управлять?»

«Я признаю васъ вполнѣ способными къ этому — но не опасно ли устранять основу лѣсовъ, не имѣя подъ руками балки, чтобы ее замѣнить?» (Т. I. с. 73).

Нельзя не изумиться такому справедливому заключенію иностранца, въ особенности француза!

А въ то время, какъ чиновникъ Императорскаго Двора опорочивалъ своего министра и старшаго сослуживца, вотъ что говоритъ о нихъ Бьюкененъ: «Несмотря на свои близкія отношенія къ нѣмецкому Двору до войны, графъ Фредериксъ, какъ и графъ Бенкендорфъ, были ярыми сторонниками союзниковъ». (Т. II. с. 18).

Стремясь къ выясненію общественнаго настроенія, которое Палеологъ ищетъ въ великосвѣтскихъ салонахъ, онъ, 28 іюля (12 августа) обѣдаетъ съ госпожей X. и графиней Z. *) Графиня разсказываетъ о своемъ вчерашнемъ разговорѣ съ Анной Александровной Вырубовой. «Послѣдняя утверждаетъ, что война, конечно, никогда бы не вспыхнула, если бы Распутинъ былъ въ Петербургѣ, а не умиралъ въ Покровскомъ, въ то время, когда наши отношенія съ Германіею начали обостряться. Она много разъ повторяла: «если бы старецъ былъ тутъ, мы бы не имѣли войны! Я не знаю чтобы онъ сдѣлалъ, но Богъ бы его вдохновилъ, тогда какъ министры не сумѣли разобраться, а также ничего предотвратить!... Вы видите, отъ чего зависитъ судьба имперій: публичная дѣвка хочетъ отомстить грязному мужику и немедленно Царь Всея Руси теряетъ голову. И вотъ весь міръ въ огнѣ и крови!» **)

Госпожа X. съ раздраженіемъ ее останавливаетъ:

«Даже шутя не разсказывай такихъ вещей передъ посломъ. Это постыдно вести такіе разговоры въ средѣ, близкой къ Ихъ Величествамъ!»

---

*) Иниціалы, которыми пользуется Палеологъ, вѣроятно, легко могутъ быть расшифрованы лицами, знакомыми съ Петроградскимъ обществомъ, но могутъ привести и къ ошибочнымъ выводамъ, поэтому мы предпочитаемъ замѣнить ихъ болѣе темными X. Y. Z.; тѣмъ болѣе, что насъ интересуетъ общественное настроеніе, выраженное этими лицами, а не они сами.

**) 16/29 іюня 1914 г. Распутина, прибывшаго на его родину въ село Покровское, ударила ножомъ въ животъ проститутка Гусева,

Сдѣлавшись серьезной, графиня спрашиваетъ посла:«могла ли быть предотвращена война?»

Палеологъ отвѣчаетъ:

«При условіяхъ, въ которыхъ вопросъ былъ поставленъ Германіею, война была неизбѣжна. Въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ все было сдѣлано, чтобы спасти миръ. Нельзя было итти далѣе по пути уступокъ; оставалось только унизиться передъ германскими державами и капитулировать Не это ли посовѣтывалъ бы Распутинъ Государю?»

«Не сомнѣвайтесь въ этомъ!» восклицаетъ г-жа Х. съ гнѣвнымъ взоромъ. (Т. I. с. 75-77)».

Итакъ, первую сплетню о Распутинѣ, въ смыслѣ прикосновенности его къ вопросу о войнѣ, Палеологъ почерпнулъ въ свѣтскомъ кругу, кругу близкомъ ко Двору. Не останавливаясь на томъ, что логически выводы относительно Государя анонимной графини не умны, нельзя не признать ихъ неприличія. Хотя г-жа Х, и останавливаетъ безтолковую болтовню графини, но сама, отвѣчая послу, она дѣлаетъ едва ли не худшую безтактность. Пусть это только свѣтская болтовня, тѣмъ не менѣе, вредоносность ея утверждается уже однимъ тѣмъ, что посолъ считаетъ нужнымъ занести ее въ свой дневникъ. Во всякомъ случаѣ, скверное сѣмя было брошено и принесло плоды, которые многимъ свѣтскимъ дамамъ горько впослѣдствіи пришлось раскусывать.

---

23 іюля (5 августа) Палеологъ принятъ Государемъ въ Александровскомъ Дворцѣ въ Петергофѣ.

Государь говоритъ послу:

«Я хотѣлъ вамъ выразить всю мою благодарность, все мое восхищеніе вашей страной. Показавъ себя вѣрной союзницей, Франція явила міру незабываемый примѣръ патріотизма и чести. Передайте, пожалуйста, Правительству Республики мою самую сердечную благодарность.»

Онъ произноситъ эту фразу голосомъ проникновеннымъ и волнующимся. Его волненіе сильно выражено.

Далѣе Государь говоритъ:

«Намъ нужно вооружиться мужествомъ и терпѣніемъ. Что касается меня, то я буду бороться до конца. Пока будетъ хотя бы одинъ врагъ на землѣ русской или французской, я не подпишу мира».

Это торжественное заявленіе онъ дѣлаетъ тономъ самымъ

спокойнымъ, самымъ ровнымъ. Въ его голосѣ, а въ особенности во взглядѣ, какая то странная смѣсь рѣшимости и спокойствія, чего то непоколебимаго и пассивнаго, неопредѣленнаго и окончательнаго, какъ будто бы онъ выражаетъ не свою личную волю, какъ будто бы онъ повинуется какой то внѣшней силѣ, велѣнію Провидѣнія или судьбы.

Менѣе освѣдомленный въ путяхъ фанатизма, со всею энергіею, на которую я только способенъ, я представляю Государю ту опасность, которой Франція будетъ подвергаться въ первый періодъ войны. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, подчеркивая слова: «Только мобилизація будетъ закончена, я прикажу наступать. Мои войска полны отваги. Наступленіе будетъ поведено со всей возможною стремительностью. Вы, впрочемъ, знаете необычайную стремительность Великаго Князя Николая Николаевича!» (Т. I. с. 54, 55).

Это обѣщаніе Государя было выполнено... и въ какой мѣрѣ!

Бьюкененъ отмѣчаетъ:

«Согласно плану кампаніи, выработанному Генеральнымъ Штабомъ, Россія должна была сразу наступать противъ Австріи на югѣ и занять оборонительную позицію на сѣверѣ, пока она не будетъ готова для болѣе серьезнаго наступленія на Германію. Если бы Россія считалась только со своими собственными интересами, это, несомнѣнно, было бы самымъ благоразумнымъ шагомъ, но она должна была также думать о своихъ союзникахъ. Продвиженіе Германской арміи на западъ заставило ее произвести диверсію на востокъ. Первоначальный планъ кампаніи былъ соотвѣтственно измѣненъ и 17 августа — на слѣдующій день по окончаніи мобилизаціи — генералъ Ренненкампфъ началъ наступленіе на Восточную Пруссію».

«Первые десять дней его дѣйствія сопровождались такимъ выдающимся успѣхомъ, что можно было надѣяться на то, что скоро вся область будетъ въ его рукахъ. Но онъ продвинулся дальше, чѣмъ въ данномъ случаѣ допускало благоразуміе, и германскій генеральный штабъ, испугавшись громаднаго количества бѣженцевъ, устремившихся въ Берлинъ, приказалъ перебросить войска съ запада и передалъ командованіе на востокѣ генералу Гинденбургу. Въ это время, благодаря вынужденному отходу союзныхъ армій на западѣ, французскій посолъ получилъ инструкцію настаивать на томъ, чтобы русское правительство ускорило наступленіе на Восточную Пруссію. По мнѣнію лучшихъ русскихъ генераловъ, подобное вторженіе было преждевременнымъ и было заранѣе обречено на

неудачу. Армія во всѣхъ своихъ частяхъ не была еще окончательно подготовлена. Трудности транспорта были необычайны, войска не были правильно распредѣлены, а страна съ ея лѣсами, озерами и болотами походила на губку, которая легко могла всосать всѣхъ, кто только въ нее входилъ. Но Россія не могла остаться глухой къ призыву союзника, столицѣ которой угрожалъ непріятель, и армія Самсонова получила приказъ наступать. Результатомъ явилась битва у Танненберга... » (Т. I. с. 158-159). Арміи, наступившія на Пруссію, чтобы геройскимъ порывомъ спасти союзниковъ, а въ особенности Парижъ, были разгромлены.

По этому же поводу Легра говоритъ: «Чтобы помочь Франціи защищать Парижъ, Россія самоотверженно бросилась въ Восточную Пруссію...» (с. 444).

Возвратимся къ аудіенціи:

«Затѣмъ Государь разспрашиваетъ Палеолога по военнымъ и техническимъ вопросамъ, о численности германскихъ армій, о согласованіи плановъ русскаго и французскаго генеральныхъ штабовъ, о содѣйствіи англійскихъ арміи и флота, о предполагаемой позиціи Турціи и Италіи и т. п., вопросы, по которымъ онъ мнѣ кажется точно освѣдомленнымъ».

«Аудіенція длится уже около часа. Государь смолкаетъ. Онъ кажется мнѣ нѣсколько смущеннымъ и съ нѣкоторою неловкостью и нерѣшительнымъ движеніемъ рукъ, онъ серьезно смотритъ на меня. Вдругъ онъ обхватываетъ меня руками, и восклицаетъ:

« — Господинъ посолъ, позвольте мнѣ въ лицѣ вашемъ обнять дорогую и славную Францію!» (Т. I. с. 54-55).

Можно ли представить себѣ что либо болѣе возвышенное, чѣмъ обращеніе Государя, нарисованное французскимъ посломъ: тутъ есть и освѣдомленность Государя о положеніи дѣлъ, скромность при сознаніи своего исключительнаго положенія, какъ помазанника Божія, рѣшимость, при покорности волѣ Божьей, и сердечный порывъ.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что образъ этотъ начертанъ лицомъ весьма скептическаго склада ума, лицомъ иронически признающимъ себя «менѣе освѣдомленнымъ въ путяхъ фанатизма», чѣмъ Государь.

Кстати, объ освѣдомленности Государя, нелишне привести здѣсь слова Бьюкенена, правда, по совершенно иному поводу:

«Взявъ атласъ, Государь слѣдилъ за докладомъ Сазонова, точно отмѣчая положеніе каждаго указаннаго города и области съ быстротой, которая меня удивила». (Т. I. с. 166).

5/18 августа Палеологъ присутствуетъ въ Московскомъ Кремлѣ при торжественномъ объявленіи Государемъ войны. Предоставляю слово послу:

«Въ центрѣ зала шествіе останавливается. Государь голосомъ звучнымъ и твердымъ, обращается къ дворянству и народу. Онъ заявляетъ, что, по обычаю своихъ предковъ, онъ пришелъ молиться объ укрѣпленіи своихъ моральныхъ силъ у святынь кремлевскихъ; онъ свидѣтельствуетъ о чудесномъ подъемѣ всей Россіи, безъ различія племенъ и національностей — и заканчиваетъ словами:

«Отсюда, изъ сердца земли русской, я посылаю моимъ доблестнымъ войскамъ и моимъ храбрымъ союзникамъ мой сердечный привѣтъ. Съ нами Богъ!»

Взрывъ «ура» ему отвѣчаетъ». (Т. I. с. 85).

Ниже приводится описаніе Палеологомъ дальнѣйшаго теченія этой сцены, по стилю и по предмету своему достойному Гомеровской Иліады.

«Въ то мгновенье, когда Государь появился на Кремлевскомъ крыльцѣ, буря восклицаній подымается по всему Кремлю, гдѣ безчисленный народъ съ обнаженными головами тѣснится на эспланадѣ. Въ то же время, раздается трезвонъ всѣхъ колоколовъ Ивана Великаго. И мощный звонъ колокола Вознесенія, отлитый изъ металлическаго лома 1812 года, покрываетъ этотъ шумъ грохотаніемъ грома. А тамъ святая Москва съ тысячами церквей, дворцовъ и монастырей, съ лазурными главами, мѣдными шпицами и золотыми куполами сіяетъ подъ лучами солнца, какъ фантастическій миражъ... Ураганъ народнаго энтузіазма едва не покрываетъ звона колоколовъ. Ко мнѣ подходитъ оберъ - гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ *) и говоритъ:

«Вотъ она та революція, которую намъ предсказывали въ Берлинѣ».

Онъ, повидимому, этимъ передаетъ всеобщую мысль.

Лицо Императрицы выражаетъ восторженную радость. Бьюкенэнъ шепчетъ мнѣ на ухо:

«Мы переживаемъ величественную минуту. Подумайте о той исторической будущности, которая здѣсь подготовляется!»

По окончаніи церемоніи Государь подзываетъ обоихъ пословъ и говоритъ:

---

*) Тотъ самый, которому завѣдующій церемоніальной частью собирался, какъ «балтійскому барону» свернуть шею послѣ войны.

«Приблизьтесь, господа послы. Это привѣтствіе столь же относится къ вамъ, какъ и ко мнѣ!»

Восторженныя привѣтствія толпы продолжаются.

Какой красивый и рыцарскій поступокъ Государя, несомнѣнно, вызванный исключительно личными побужденіями: церемоніалъ не могъ этого предусмотрѣть.

На обращеніе посла къ Императрицѣ, она «едва отвѣчаетъ, но сжатыя губы, странный блескъ ея неподвижнаго взгляда, магнетическій и пламенный, свидѣтельствуютъ о внутреннемъ опьяненіи». (Т. I. с. 88).

Посѣщеніе Государемъ Москвы произвело аналогичное впечатлѣніе и на Бьюкенена. Однако, возвращаясь съ Кремлевскаго торжества со своимъ французскимъ коллегой, онъ (Бьюкененъ) «не могъ удержаться отъ мысли, какъ долго продолжится народный энтузіазмъ и каковы будутъ чувства народа къ своему «батюшкѣ царю», если война затянется слишкомъ долго?» (Т. I. стр. 158).

Что это, просто скептицизмъ или вѣхи будущей дѣятельности сэра Джорджа?

Вся вышеописанная красивая, священная обстановка Кремля произвела на Палеолога глубокое впечатлѣніе. Онъ записываетъ:

«Въ политическомъ отношеніи остались во мнѣ два сильныхъ впечатлѣнія: первое сложилось въ Успенскомъ соборѣ, наблюдая Государя стоящимъ передъ иконостасомъ. Его личность, его окруженіе и вся декорація церемоніи краснорѣчиво выражали самый принципъ самодержавія, таковой какимъ его опредѣляетъ императорскій манифестъ отъ 3/16 іюня 1907 года о роспускѣ Государственной Думы второго созыва: «отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ, передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской». Второе впечатлѣніе отъ неописуемаго энтузіазма Московскаго народа къ своему Царю. Я не думалъ, что монархическая иллюзія и императорскій фетишизмъ имѣютъ еще столь глубокіе корни въ душѣ мужика». (Т. I. стр. 91).

Если такое представленіе самодержавія могло сложиться въ сознаніи посла отъ немногихъ видѣнныхъ имъ случаевъ царскаго обихода, такъ какіе же корни сознанія своего исключительнаго положенія Помазанника Божія должны были прорости въ душѣ Императора Николая, не только многократно присутствовавшаго, но бывшаго центромъ и объектомъ этого мистическаго служенія. Не воспринять всего этого потрясенной

душою могъ только глубокій циникъ, благородную же и высокохристіанскую душу Государя все это должно было пронизать и отразиться на всемъ его обликѣ и внутреннемъ складѣ.

Ознакомившись съ впечатлѣніями, которыя произвелъ Государь на иностранныхъ пословъ въ торжественные дни объявленія войны, со словъ Жильяра мы узнаемъ, каковымъ онъ былъ въ то же время въ домашней обстановкѣ.

«Въ то время, когда эта историческая сцена (передача объявленія войны германскимъ посломъ Пурталесомъ Сазонову) происходила въ кабинетѣ министра иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, Государь, Императрица и ихъ дочери присутствовали на вечернемъ богослуженіи въ маленькой церкви въ Александріи. Встрѣтивъ Государя нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, я былъ пораженъ выраженіемъ его необычайной усталости: черты лица его были натянуты, цвѣтъ лица землистый, и мѣшечки, которые образовывались у него подъ глазами, когда онъ былъ утомленъ, казались необычайно увеличившимися. И теперь онъ всей душой молился, чтобы Богъ устранилъ отъ его народа эту войну, которую онъ сознавалъ уже столь близкой и неизбѣжной. Все существо его казалось было напряжено въ порывѣ вѣры, простой и довѣрчивой. Около него Императрица, скорбное лицо которой носило выраженіе глубокаго страданія, столь часто подмѣченное мною у изголовья Алексѣя Николаевича. Она тоже молилась въ этотъ вечеръ съ пламенной вѣрою, какъ бы заклиная ужасную угрозу». (Стр. 85).

«... Несмотря на страшную отвѣтственность, которая тяготѣла надъ нимъ, Государь никогда не проявлялъ столько твердости, рѣшимости и сознательной энергіи, какъ въ періодѣ начала войны. Никогда его личность не выражалась съ такимъ авторитетомъ. Оставалось впечатлѣніе, что онъ отдался всѣмъ тѣломъ и душой огромной задачѣ довести Россію до побѣды. Въ немъ какъ бы чувствовалась лучезарность внутренней силы и упорная воля побѣды, которая заражала всѣхъ тѣхъ, которые къ нему приближались. Государь былъ человѣкомъ скромнымъ и застѣнчивымъ, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые постоянно колеблятся отъ избытка совѣстливости и подъ вліяніемъ чувствительной и чрезмѣрной деликатности лишь съ трудомъ рѣшаются подчинять другихъ своей волѣ. Онъ сомнѣвался въ самомъ себѣ и былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ не можетъ имѣть успѣха. Его жизнь, увы, какъ бы доказывала, что онъ не совсѣмъ былъ неправъ. Отсюда его нерѣшительность и сомнѣнія. Но на этотъ разъ, казалось, что

что-то въ немъ измѣнилось. Откуда же происходило это убѣжденіе?»

«Дѣло въ томъ, что съ одной стороны, Государь вѣровалъ въ святость того, что онъ защищалъ — событія конца іюля дали ему возможность проникнуть въ нѣмецкія плутни, жертвой которыхъ онъ едва не сдѣлался, — а съ другой стороны, онъ никогда не былъ столь близокъ къ своему народу. Его путешествіе въ Москву показало ему насколько эта война была популярна и насколько ему были благодарны за его образъ дѣйствій, преисполненный достоинства, поднявшій за границей престижъ его націи. Никогда энтузіазмъ массъ не проявлялся съ такой внезапностью и такою силою. Онъ испытывалъ ощущеніе какъ будто бы вся страна стоитъ за нимъ и онъ надѣялся, что политическая рознь, прекратившаяся передъ общей опасностью, не проявится вновь, пока длится война!» (Стр. 99).

Два дня спустя, послѣ посѣщенія Москвы, Палеологъ дѣлится своими впечатлѣніями съ Сазоновымъ.

«Какое отличное впечатлѣніе о Государѣ я вынесъ изъ Москвы; онъ былъ проникнутъ волей, увѣренностью и силою».

«Я имѣлъ то же впечатлѣніе», отвѣчаетъ Сазоновъ, « и вывелъ изъ него отличное предзнаменованіе... предзнаменованіе нужное, такъ какъ...»

И онъ внезапно смолкаетъ, какъ бы не смѣя закончить свою мысль. Я вынуждаю его продолжать. Тогда, беря мою руку, онъ говоритъ мнѣ въ тонѣ дружественной довѣрительности:

«Не забывайте, что сущность характера Государя — это мистическая покорность судьбѣ!»

Затѣмъ онъ разсказываетъ мнѣ интересный анекдотъ, переданный ему Столыпинымъ.

Столыпинъ предлагалъ Государю важную политическую мѣру. Выслушавъ его въ задумчивости, Государь махнулъ рукою, какъ бы говоря: это или что-нибудь другое, не все ли равно, и съ грустнымъ тономъ сказалъ:

«Мнѣ не удается ничего, чтобы я ни предпринялъ. У меня нѣтъ удачи. Впрочемъ воля человѣческая такъ безсильна!»

Мужественный и рѣшительный по природѣ Столыпинъ энергично протестуетъ. Тогда Царь его спрашиваетъ:

«Читали ли вы Житіе Святыхъ?»

«Да, отчасти, такъ какъ, если я не ошибаюсь, сочиненіе это занимаетъ томовъ двадцать.»

«Знаете ли вы какой день моего рожденія?»

«Какъ я могъ бы этого не знать! 6 мая».

«А какого святого празднуютъ въ этотъ день?»

«Извините, Ваше Величество, не помню».

«Это патріархъ *) Іовъ».

«Слава Богу! Царство Вашего Величества кончится со славою, такъ какъ Іовъ, претерпѣвъ съ кротостью величайшія испытанія, былъ вознагражденъ благословеніемъ свыше и успѣхомъ».

«Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, Петръ Аркадіевичъ, я имѣю болѣе чѣмъ предчувствіе, а полную увѣренность, что я предопредѣленъ ужаснымъ испытаніямъ, но я не получу награды здѣсь на землѣ. Сколько разъ я примѣнялъ къ себѣ слова Іова: «Едва я предчу́вствую опасеніе — оно осуществляется, и всѣ несчастія, которыхъ я опасаюсь, падаютъ на меня». (Т. I. стр. 95)».

Для успѣшнаго выполненія своей дипломатической миссіи, Палеологъ старается уяснить себѣ личность Государя. Непосредственныя его впечатлѣнія превосходны, но приведенный разговоръ бросаетъ уже въ его душу сомнѣніе.

Послѣ катастрофы у Мазурскихъ озеръ (Танненбергъ), по свѣдѣніямъ Палеолога, настроеніе въ русскомъ обществѣ уже становится пессимистическимъ. 21 августа (4 сентября) онъ заноситъ въ свой дневникъ: «Не сомнѣваются въ томъ, что нѣмцы овладѣютъ укрѣпленіями Парижа. Послѣ чего, какъ говорятъ, Франція будетъ вынуждена капитулировать. Откуда идутъ эти слухи, кѣмъ они распространяются? Разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ изъ моихъ тайныхъ освѣдомителей Н., болѣе чѣмъ ясно проливаетъ на это свѣтъ. Личность эта, какъ всѣ люди его ремесла, подозрительная, но очень освѣдомленная о томъ, что происходитъ и говорится около Ихъ Величествъ. Къ тому же, въ данный моментъ, онъ имѣетъ спеціальную и осязательную причину быть со мною искреннимъ».

Послѣ успокаивающаго завѣренія со стороны посла о положеніи дѣлъ во Франціи, Н. говоритъ:

«Это правда! И мнѣ очень отрадно отъ васъ это слышать. Но есть одинъ элементъ, съ которымъ вы не считаетесь и который имѣетъ большое вліяніе на тотъ пессимизмъ, который я вижу со всѣхъ сторонъ, въ особенности на верхахъ».

«А, въ особенности на верхахъ?»

«Да, въ высшихъ слояхъ общества и при Дворѣ, среди

*) Здѣсь, вѣроятно, произошла ошибка: дѣло касается не патріарха, а многострадальнаго Іова.

лицъ соприкасающихся обычно съ Ихъ Величествами замѣтно большое безпокойство».

«Но почему?»

«Потому что, потому что давно уже убѣждены въ неудачливости Государя. Знаютъ, что всѣ предпріятія ему не удаются, что судьба всегда противъ него, что онъ предопредѣленъ для катастрофъ. Впрочемъ, линіи его рукъ ужасающи!»

«Какъ! неужели поддаются такимъ глупостямъ?»

«Что вы хотите, господинъ посолъ, мы русскіе и, слѣдовательно, суевѣрны. Но развѣ не очевидно, что Государь предопредѣленъ для катастрофъ?»

Затѣмъ Н. перечисляетъ всѣ неудачи, преслѣдовавшія Государя: Ходынка, утопающій на его глазахъ въ Кіевѣ пароходъ съ тремя стами зрителей, смерть въ его поѣздѣ любимаго министра Лобанова. Желая имѣть наслѣдника, онъ послѣдовательно имѣетъ четырехъ дочерей, а когда, наконецъ, наслѣдникъ появляется на свѣтъ, то онъ оказывается больнымъ неизлѣчимымъ недугомъ. Любя тихую семейную жизнь, онъ получаетъ истерическую жену, возбуждающую около себя безпокойство. Мечтая о вѣчномъ мирѣ на землѣ, онъ втянутъ нѣсколькими придворными интригами въ восточную войну, его арміи побиты въ Манджуріи, а флотъ погибаетъ въ Китайскомъ морѣ. Потомъ вспыхиваетъ революція въ Россіи; возстанія и избіенія слѣдуютъ непрерывно другъ за другомъ по всей странѣ. Убійство Великаго Князя Сергѣя Александровича открываетъ серію политическихъ убійствъ. А когда безпорядки начинаютъ утихать, Столыпинъ, обѣщавшій быть спасителемъ Россіи, падаетъ на его глазахъ въ Кіевѣ отъ пули агента тайной полиціи. «Вы признаете, Ваше Превосходительство», заканчиваетъ Н., «что Государь предопредѣленъ для катастрофъ и что мы имѣемъ право дрожать, когда мы думаемъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми угрожаетъ намъ настоящая война». (Т. I с. 110-111).

1/14 октября Палеолога посѣщаетъ одесскій еврей, крупный экспортеръ хлѣба, и говоритъ:

«Патріотическій порывъ не ослабѣлъ въ массахъ. Напротивъ, ненависть къ нѣмцамъ кажется еще болѣе острой, чѣмъ въ первые дни войны. Всѣ полны рѣшимостью продолжать войну до побѣды, въ которой не сомнѣваются. Однако, въ Москвѣ встревожены слухами, идущими изъ Петрограда: подозрѣваютъ Императрицу и ее окружающихъ въ секретныхъ сношеніяхъ въ Германіею; тѣ же подозрѣнія окружаютъ великую княгиню Елизавету Ѳеодоровну, сестру Императрицы.

Строго осуждаютъ Государя за его слабость къ Императрицѣ, Вырубовой и Распутину.» (Т. I. с. 172).

На слѣдующій день послѣ пріема вышеупомянутаго еврея, къ Палеологу пріѣзжаетъ французскій промышленникъ, проживающій въ Москвѣ (предсѣдатель правленія Московскихъ металлическихъ заводовъ), Гужонъ, который говоритъ:

«Многіе изъ моихъ русскихъ друзей, стоящіе во главѣ московской промышленности и торговли, умоляли меня поставить вамъ одинъ вопросъ, который вамъ покажется страннымъ. Правда ли, что придворнымъ удалось поколебать рѣшимость Государя продолжать войну до полнаго разгрома Германіи? Возбужденіе моихъ друзей чрезвычайно. Они до такой степени увѣрены въ справедливости полученныхъ свѣдѣній, что пріѣхали со мною въ Петроградъ и желаютъ получить аудіенцію у Государя. Но предварительно они хотѣли бы освѣдомиться у васъ и были бы очень благодарны, если бы вы ихъ приняли».

Я отвѣчаю Гужону, разъясняя ему вопросъ о тѣхъ интригахъ, которыя куются около Императрицы и за которыми надо очень наблюдать; что же касается твердости намѣреній Государя, я перечисляю ему всѣ тѣ свидѣтельства, которыя я ежедневно получаю въ ихъ подтвержденіе.

«Благоволите увѣрить вашихъ друзей», говоритъ Палеологъ, «что я имѣю безусловную вѣру въ слова Государя, въ его вѣрность союзу и рѣшимость продлить войну до окончательной побѣды... Они, впрочемъ, поймутъ, что я не могу ихъ принять, такъ какъ это имѣло бы видъ, что я становлюсь между Царемъ и его подданными. Если впослѣдствіи вы узнаете что либо опредѣленное о придворныхъ интригахъ, обязательно меня освѣдомьте». (Т. I. ст. 173).

Нельзя не оттѣнить здѣсь по достоинству образа дѣйствій Палеолога, осудившаго безтактную выходку Московскихъ патріотовъ, пришедшихъ къ иностранному послу провѣрять образъ дѣйствій своего Государя, на основаніи сплетень, не имѣвшихъ никакой подъ собою почвы, но спрашиваешь себя о какихъ «интригахъ, которыя куются около Императрицы и за которыми надо очень наблюдать», говоритъ посолъ, о интригахъ ли, которыя хотѣли ее использовать или которыхъ она была жертвою?

Здѣсь не лишено интереса отмѣтить насколько Москва способна была питаться и отравляться вздорными слухами. Вотъ что записываетъ Легра. Правда, приводимое относится къ эпо-

хѣ значительно позднѣйшей, а именно къ веснѣ 1916 года, но вѣдь Москва, всегда была Москвой.

«Я закончилъ вечеръ съ друзьями, принадлежащими къ богатой буржуазіи, людьми, исключительно интеллигентными и культурными. Одинъ изъ нихъ въ страхѣ, но не изъ за Вердена, но по поводу мира, который, по его свѣдѣніямъ, незамедлителенъ: ему это извѣстно отъ Х., который слышалъ Z объявлявшаго въ Думѣ, что переговоры о мирѣ подвинулись, и что интендантство, по этому поводу, перестало дѣлать заказы! Другой прибавляетъ, что Петроградъ будетъ, мало по малу эвакуированъ, что, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что взятіе Риги неминуемо. Наконецъ, третій сообщаетъ слухъ, что Россія продала Германіи нѣсколько милліоновъ пудовъ хлѣба взамѣнъ поставки аспирина, въ которомъ она испытывала настоятельную нужду! Нелѣпость этихъ слуховъ не поражаетъ моихъ друзей; у нихъ въ настоящее время происходитъ, что то такое въ мозгу, что извращаетъ мысли, подобно зеркаламъ, извращающимъ изображеніе. Однако, если сливки интеллигентной и соціальной Москвы, такъ слабо разбираются, то что же происходитъ на низахъ общества?» (Стр. 63).

4/17 октября, французскаго посла посѣщаетъ уже другой его освѣдомитель Б., который разсказываетъ ему о дѣятельности Ленина, основывавшаго торжество своихъ идей на побѣдѣ Германіи и пораженіи Россіи. Резюмируя эту бесѣду, посолъ записываетъ: «Итакъ, оба полюса русскаго общества: главари непримиримаго православнаго самодержавія и апостолы крайняго и безусловнаго анархизма исповѣдуютъ одно и то же желаніе — побѣду Германіи!» (Т. I. с. 174).

Вотъ какими путями и какими разговорами, внѣ личныхъ впечатлѣній, создавалось у Палеолога представленіе о Государѣ и окружавшей его обстановкѣ.

Выше приведено все, что отмѣчено Палеологомъ въ его запискахъ до вышеупомянутаго дня о консервативной партіи въ Россіи, и спрашиваешь себя не вытекаетъ ли такое заключеніе посла относительно дѣятельности правыхъ только изъ предубѣжденій къ нимъ? Дальнѣйшее, отчасти, выяснитъ, кѣмъ питались эти предубѣжденія.

Уже нѣсколько разъ намъ пришлось упомянуть имя Распутина. Личность эта сыграла такую большую роль въ послѣдніе годы Императорской Россіи, что знакомству съ ней прихо-

дится удѣлить нѣкоторое мѣсто. Зорко слѣдитъ за нимъ и Палеологъ.

Въ Сентябрѣ, по свѣдѣніямъ посла, Распутинъ вернулся въ Петроградъ. «Онъ говоритъ о войнѣ только въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, загадочныхъ и апокалиптическихъ, отсюда дѣлаютъ выводъ, что онъ ея не одобряетъ и, что онъ предвидитъ большія несчастія». *) (Т. I. с. 117).

14/27 Сентября Палеологъ спрашиваетъ графиню Х., сестра которой очень близка къ старцу:

— «Правда ли, что Распутинъ увѣрялъ Государя, что эта война будетъ гибельна для Россіи и что ей надо немедленно положить конецъ?»

— «Сомнѣваюсь... Въ Іюнѣ, нѣсколько ранѣе покушенія на него Гусевой, Распутинъ часто повторяетъ Государю, что онъ не долженъ довѣряться Франціи, а сближаться съ Германіей, впрочемъ, онъ только повторялъ фразы, которымъ, съ большимъ трудомъ, его обучалъ старый князь Мещерскій. Но со времени своего возвращенія изъ Покровскаго, онъ держитъ совсѣмъ иныя рѣчи. Третьяго дня онъ сказалъ мнѣ лично: «Я счастливъ этой войнѣ, она избавила насъ отъ двухъ недуговъ: пьянства и нѣмецкой дружбы. Горе Царю, если онъ остановится въ борьбѣ, не раздавивъ Германію!»

— «Браво! Но говорилъ ли онъ тоже самое Ихъ Величествамъ недѣли двѣ тому назадъ? Мнѣ сообщали объ его разговорахъ совсѣмъ противное».

— «Быть можетъ... Распутинъ не политикъ, который имѣетъ систему и программу и который слѣдуетъ имъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Это безграмотный мужикъ, непосредственный, ясновидецъ, фантазеръ, полный противорѣчій. Но такъ какъ онъ очень лукавъ и чувствуетъ, что его положеніе во дворцѣ поколебалось, то я была бы удивлена, если бы тамъ онъ высказывался бы противъ войны». (Т. I. с. 136-138).

13/26 Октября Палеологъ записываетъ свою бесѣду съ Великой Княгиней Маріею Павловной. Онъ спрашиваетъ ее, говоритъ ли Распутинъ о мирѣ?

— «Я не знаю», отвѣчаетъ Великая Княгиня, «но это меня бы очень удивило. Онъ слишкомъ хитеръ, чтобы не понять, что въ этотъ моментъ его не стали бы слушать». (Т. I. с. 179).

Изъ приведенныхъ разговоровъ видно, что фактически въ этотъ моментъ Распутинъ не высказывался за прекращеніе вой-

---

*) Необходимо отмѣтить, что изъ всѣхъ источниковъ видно, что **до того, что война вспыхнула,** Распутинъ опредѣленно высказывался противъ нея.

ны, остальное лишь предположенія, приводящія однако, хотя и путемъ отрицательнымъ, къ тому же выводу.

26 Ноября/9 Декабря, Палеологъ записываетъ свою бесѣду съ посѣтившимъ его «нѣкіимъ старымъ барономъ Н., игравшимъ политическую роль лѣтъ десять тому назадъ, но съ того времени посвятившемуся ничегонедѣланію и свѣтской болтовнѣ. Онъ говорилъ о вчерашнихъ событіяхъ (неудачное Лодзинское дѣло):

— «Дѣла идутъ плохо!... Лодзинская битва, какое безуміе, какой безпорядокъ! Мы потеряли болѣе милліона людей... Мы никогда не преодолѣемъ нѣмцевъ. Нужно думать о мирѣ».

«Я возражаю, что три союзныхъ державы обязаны вести войну до разгрома Германіи, такъ какъ вопросъ идетъ, не болѣе не менѣе, какъ о національной цѣлости; я присовокупляю, что позорный миръ вызоветъ неминуемо въ Россіи революцію, и какую революцію! Я заканчиваю свою рѣчь утвержденіемъ, что имѣю безусловное довѣріе въ вѣрность Государя нашему общему дѣлу. Н. отвѣчаетъ шопотомъ, какъ будто бы кто нибудь можетъ насъ услышать:

— «О Государь, Государь...»

Онъ останавливается, я настаиваю.

— «Что вы хотите сказать? Кончайте же!»

Онъ продолжаетъ съ большимъ смущеніемъ, т. к. вступаетъ на скользкій путь:

«Въ настоящій моментъ Государь возбужденъ противъ Германіи, но онъ скоро пойметъ, что ведетъ Россію къ гибели... Это ему дадутъ понять... Я какъ бы отсюда слышу, какъ эта каналья Распутинъ ему говоритъ: — «Ну долго ли еще ты будешь проливать кровь своего народа? Ты развѣ не видишь, что Богъ тебя оставляетъ. Въ этотъ день, г. посолъ, — миръ будетъ близокъ».

Я рѣзко обрываю этотъ разговоръ:

— «Это глупая болтовня. Государь присягалъ на Евангеліи и на иконѣ Казанской Божьей Матери, что онъ не подпишетъ мира, пока хотя бы одинъ вражескій солдатъ будетъ на русской землѣ. Никогда вы не заставите меня повѣрить, чтобы онъ не исполнилъ такой клятвы. Не забудьте, что въ этотъ день, когда онъ приносилъ эту присягу, онъ хотѣлъ чтобы я былъ около него, чтобы мое присутствіе свидѣтельствовало о томъ, о чемъ онъ клялся передъ Богомъ. Въ этомъ онъ всегда будетъ непреклоненъ. Онъ скорѣе пожертвуетъ жизнью, чѣмъ измѣнитъ своему слову». (Т. I. с. 228).

Пророчески правымъ оказался французскій посолъ и при-

ходится вновь съ отраднымъ чувствомъ отмѣтить его заступничество за Государя, передъ этимъ, къ стыду нашему, русскимъ. Не говоря уже о гнусности его словоизверженій, нельзя не подчеркнуть и ихъ глупости. Только что онъ говоритъ, что «нужно думать о мирѣ», какъ признаетъ Распутина «каналью», навязывая ему совѣтъ Государю прекратить войну, т. е. заключить тотъ же миръ!

И какъ ни глупы, какъ ни низки всѣ эти разговоры, какъ ни находились они въ явномъ противорѣчіи съ впечатлѣніями посла при непосредственномъ общеніи его съ Государемъ и Императрицею, какъ ни возбуждали они его негодованія, они, тѣмъ не менѣе, не могли не оставлять осадка въ его сознаніи, осадка, стоявшаго, какъ мы увидимъ далѣе, въ несоотвѣтствіи съ дѣйствительностью.

Мѣсяца два спустя (11/24 февраля 1915 г.) Палеологъ встрѣчается съ Распутинымъ въ одномъ салонѣ. Между ними происходитъ длинный разговоръ , изъ котораго ниже приводится наиболѣе интересное.

На указаніе посла о вредѣ заключенія при данныхъ обстоятельствахъ мира, Распутинъ отвѣчаетъ:

— «Ты правъ, мы должны биться до побѣды».

— «Я счастливъ отъ тебя это слышать, т. к. я знаю многихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя разсчитываютъ на тебя, чтобы побудить Государя, прекратить войну».

Окинувъ меня недовѣрчивымъ взглядомъ и почесавъ бороду, онъ рѣзко отвѣчаетъ:

— «Всюду есть дураки!»

— «Досадно, что этимъ дуракамъ вѣрятъ въ Берлинѣ. Императоръ Вильгельмъ увѣренъ, что ты и твои друзья всѣмъ своимъ вліяніемъ работаете въ пользу мира».

— «Императоръ Вильгельмъ... Ты развѣ не знаешь, что его вдохновляетъ діаволъ! Всѣ его слова, всѣ его поступки по наущенію діавола. Я знаю, что я говорю: въ этомъ я разбираюсь! Одинъ чертъ его поддерживаетъ, но въ одинъ прекрасный день чертъ его оставитъ, потому что Богу такъ угодно. И Вильгельмъ падетъ, какъ сношенная рубашка, которую бросаютъ въ навозъ».

— «Тогда наша побѣда несомнѣнна! Діаволъ, очевидно, не можетъ побѣдить».

— «Да, мы побѣдимъ».

Затѣмъ Распутинъ переходитъ на страданіе народа и говоритъ:

— «...Когда народъ слишкомъ страдаетъ, онъ дѣлается

ужаснымъ... онъ даже говоритъ о республикѣ... ты долженъ былъ бы сказать объ этомъ Государю».

Потомъ Распутинъ спрашиваетъ будетъ ли Константинополь принадлежать Россіи?

— «Да, если мы будемъ побѣдителями».

— «Навѣрное?»

— «Я въ этомъ убѣжденъ».

— «Тогда русскій народъ не пожалѣетъ о своихъ страданіяхъ и согласится страдать еще больше». (Т. I. с. 308-11).

Оставаясь въ рамкахъ только что приведеннаго разговора и всего того, что до настоящаго момента повѣдалъ намъ Палеологъ, спрашиваешь себя, въ чемъ можно упрекнуть Распутина?

13/26 Мая, т. е. три мѣсяца спустя, посолъ получаетъ о «старцѣ» другія свѣдѣнія. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ въ Галиціи Распутинъ будто бы вновь принялся проповѣдывать свою прежнюю тему: «Эта война оскорбляетъ Бога... Россія вступила въ войну противъ воли Божьей... Генералы ведутъ мужиковъ на убой. Увы, кровь жертвъ падетъ не только на нихъ однихъ: она падетъ и на Царя, потому что онъ отецъ мужиковъ... Я вамъ говорю, кара Божья будетъ ужасна»! (Т.I. с. 362).

Признаніе ужасовъ войны не есть еще проповѣдь ея прекращенія; да кто же былъ за войну? Союзные дипломаты гордились тѣмъ, что сдѣлали все для ея предовращенія, а Вильгельмъ предается анафемѣ за то, что ее вызвалъ!

Нѣсколько дней спустя (17/30Мая) Палеологъ бесѣдуетъ «съ высокопоставленною особою Х., пламенный патріотизмъ котораго вновь приходитъ къ нему изливаться».

Посолъ спрашиваетъ Х почему его сторонники не подкупятъ «старца» для проведенія своихъ цѣлей. И что же оказывается? Въ силу разныхъ, правда отрицательныхъ, соображеній старца подкупить нельзя и что даже «о всякомъ подозрительномъ предложеніи, онъ немедленно доведетъ до свѣдѣнія дворцоваго коменданта, генерала Воейкова». (I.-366)

Здѣсь не мѣсто заниматься личностью Распутина во всей ея совокупности, т. е. его біографіей, обстоятельствами, создавшими его положеніе при дворѣ и его гипнотическою силою. Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ только та роль, которую ему приписывали по отношенію къ войнѣ или, точнѣе, къ ея прекращенію, причемъ его охотно обвиняли въ томъ, что онъ состоялъ нѣмецкимъ агентомъ. Послѣднее обстоятельство, въ виду близости его къ Императрицѣ, имѣло огромное значеніе

въ надвигавшейся трагедіи Императорской Семьи и приходится спросить себя, можно ли изъ приведенныхъ Палеологомъ данныхъ — а онъ очевидно привелъ все, чѣмъ располагалъ, — сдѣлать выводъ, подтверждающій приведенное о Распутинѣ мнѣніе. Разсмотрѣнію вопроса былъ ли Распутинъ нѣмецкимъ агентомъ будетъ отведено мѣсто далѣе, здѣсь же интересно выяснить степень вліянія Распутина на Государя. Объ этомъ Палеологъ говоритъ:

— «Государыня всецѣло подчиняется Распутину»... «Подчиненіе Государя гораздо менѣе полно. Онъ, несомнѣнно, думаетъ, что Григорій Распутинъ «Божій человѣкъ»; однако онъ сохраняетъ относительно послѣдняго большую долю самостоятельности, онъ никогда сразу ему не уступаетъ. Эта относительная самостоятельность проявляется въ особенности, когда старецъ вмѣшивается въ политику. Тогда Николай II замыкается въ молчаніе и сдержанность; онъ избѣгаетъ затруднительныхъ вопросовъ, онъ откладываетъ окончательный отвѣтъ; но во всякомъ случаѣ, онъ подчиняется только послѣ долгой внутренней борьбы, гдѣ его природный здравый смыслъ очень часто одерживаетъ верхъ». (Т. II. с. 91.)

Тоже самое говоритъ и Бьюкененъ:

«Его вліяніе на Государя не было такъ безпредѣльно, какъ на Государыню и скорѣе касалось религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, чѣмъ политическихъ». (Т. I. с. 177).

Отбрасывая гиперболическое прилагательное «безпредѣльно», приходишь къ заключенію, что вліяніе Распутина на Государя было опредѣленно сильно лишь въ вопросахъ религіи и касавшихся его личной жизни.

Между тѣмъ, обществомъ владѣло иное представленіе. Это представленіе постояннымъ кошмаромъ стоитъ около Палеолога. Оно устрашаетъ его, но надо отдать ему справедливость, при ясномъ свѣтѣ критическаго анализа, этотъ кошмаръ всегда разсѣивается.

Задавшись цѣлью уяснить личность Государя изъ представленія о немъ иностранцевъ, необходимо дать значительное мѣсто и Государынѣ. Общая молва приписывала ей большое вліяніе на своего державнаго супруга. Если это дѣйствительно было такъ, то нельзя понять Государя, не понявъ Императрицы.

Въ настоящемъ этюдѣ не предполагается ни изучать, ни изображать всю сложную личность Императрицы. Несомнѣнно, что на эту тему будутъ написаны многія книги компетентными историками, талантливыми романистами и учеными пси-

хіатрами. Впрочемъ, послѣднимъ придется, быть можетъ, болѣе заняться психологіей массъ, чѣмъ личностью Императрицы, т. к. общество того времени было, несомнѣнно, захвачено психозомъ самоуничтоженія. Здѣсь мы коснемся Императрицы лишь въ узкой области приписываемаго ей вліянія на Государя, какъ въ вопросахъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Послѣдняя выявится впослѣдствіи, пока обратимся къ первой.

Въ какомъ направленіи, по мнѣнію общества, выражалось вліяніе Государыни во внѣшней политикѣ? Въ скорѣйшемъ заключеніи сепаратнаго мира съ Германіей. Побудительной къ тому причиною были, будто бы, симпатіи прежней Принцессы Аликсъ Гессенской къ ея нѣмецкой родинѣ. Однако, обвиненія этимъ не ограничивались, они шли гораздо далѣе. Императрицу обвиняли въ томъ, что она, пользуясь своимъ положеніемъ и освѣдомленностью, и будучи въ связи съ Германіей, служила послѣдней, въ ущербъ интересамъ Россіи; словомъ, ее обвиняли въ тягчайшемъ преступленіи — государственной измѣнѣ.

На чемъ было основано это обвиненіе? На томъ, что Государыня — нѣмка. Была ли она такой въ дѣйствительности?

Обратимся для разрѣшенія этого вопроса къ иностранцамъ:

Вотъ, что говоритъ по этому поводу Жильяръ:

«Потерявъ въ дѣтскомъ возрастѣ мать, Принцесса Аликсъ Гессенская, будущая Императрица Александра Ѳеодоровна, воспитаніе свое, по большей части, получила при Англійскомъ Дворѣ, гдѣ въ скоромъ времени сдѣлалась любимой внучкой Королевы Викторіи, которая перенесла на бѣлокурую Аликсъ всю нѣжность, которую она испытывала къ ея матери. Королева Викторія не любила нѣмцевъ и питала особое нерасположеніе къ Императору Вильгельму II, которое передала своей внучкѣ. Послѣдняя всю свою жизнь испытывала болѣе влеченія къ родинѣ матери - Англіи, чѣмъ къ Германіи. Впрочемъ, она осталась очень привязанной къ роднымъ и друзьямъ, которыхъ она тамъ оставила». (с. 35).

«...Императрица восприняла новую родину, такъ же, какъ и новую религію всѣмъ рвеніемъ своего сердца: она была русской по чувству, какъ православной по убѣжденію». (с. 144).

«— Я никогда его (Вильгельма) не любила, говоритъ Императрица Жильяру... Онъ всегда упрекалъ меня, что я ничего не дѣлаю для Германіи, и онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы оторвать Россію отъ Франціи, но я никогда не думала, что это ко

благу Россіи... Эта война..! онъ никогда не проститъ мнѣ ее!» (с. 88).

Вотъ, что говоритъ Бьюкененъ:

«Хотя часто утверждаютъ, что она нѣмка, а потому преслѣдуетъ Германскіе интересы, но это неправда». (Т. II. стр. 43).

Много позднѣе, 23 іюля 1916 года, генералъ Вильямсъ записываетъ въ свой дневникъ, непосредственно послѣ разговора съ Императрицей: «Она такъ горда Россіей!». (с.117).

Но наиболѣе обстоятельныя данныя даетъ намъ, по этому предмету, Палеологъ:

11/24 Ноября 1914 г., онъ спрашиваетъ Великую Княгиню Марію Павловну:

— «А каковы нынѣ чувства Императрицы къ Германіи?»

Великая Княгиня отвѣчаетъ:

— «Я васъ, быть можетъ, удивлю. Она страстная анти - нѣмка. Она отрицаетъ у нѣмцевъ всякую честь, всякую совѣсть, всякую человѣчность. Она мнѣ говорила на-дняхъ: «Они потеряли нравственный смыслъ! Они потеряли христіанское чувство». (I. с. 207).

25 Декабря 1914 г. (7 января 1915 г.), онъ заноситъ въ свой дневникъ:

«Вотъ уже много разъ мнѣ приходится слышать упреки Императрицѣ въ томъ, что она сохранила на тронѣ нѣмецкія симпатіи, предпочтеніе и нѣжность къ Германіи. Несчастная женщина никакимъ образомъ не заслуживаетъ этого обвиненія, которое ей извѣстно и приводитъ ее въ отчаяніе. Александра Ѳеодоровна не нѣмка, ни по уму, ни по сердцу, и никогда ею не была. Конечно, она таковая по рожденію, во всякомъ случаѣ, съ отцовской стороны, ибо ея отецъ Людовикъ IV Великій Герцогъ Гессенскій, но она англичанка по матери, Принцессѣ Алисѣ, дочери Королевы Викторіи. Въ 1878 году, шести лѣтъ отъ роду, она потеряла мать и жила обычно при Англійскомъ дворѣ. Ея воспитаніе, образованіе, сформированіе сознанія и морали стали, такимъ образомъ, совершенно англійскими. И нынѣ она еще англичанка по своей внѣшности, манерѣ себя держать, нѣкоторой натянутости и пуританизму, неуступчивой и воинствующей суровости совѣсти, наконецъ, по многимъ своимъ интимнымъ привычкамъ. Этимъ, впрочемъ, ограничивается то, что принадлежитъ ея западному происхожденію».

«Существо ея натуры сдѣлалось совершенно русскимъ. Ранѣе всего, и несмотря на творимую о ней легенду, я не сомнѣваюсь въ ея патріотизмѣ. Она любитъ Россію горячей любовью.

И какъ было не привязаться ей ко второй родинѣ, которая осуществляетъ и олицетворяетъ всѣ ея интересы женщины, супруги, Государыни и матери? Когда она взошла на престолъ въ 1894 году, всѣ уже знали, что она не любитъ Германію и въ особенности Пруссію. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она въ особенности возненавидѣла Императора Вильгельма и она возлагаетъ на него всю отвѣтственность за войну, ту ужасную войну, «которая (по ея словамъ) ежедневно заставляетъ обливаться кровью сердце Спасителя!» Когда она узнала о пожарѣ Лувена, она воскликнула: «Я краснѣю при мысли, что была нѣмкой!»

«Но ея моральная натурализація еще гораздо глубже. По странному явленію умственнаго зараженія она ассимилировала, мало по малу, самые древніе самые специфическіе элементы русской души, эти элементы темные, эмоціонные и туманные, которые имѣютъ высшимъ проявленіемъ религіозный мистицизмъ». (Т. I. с. 249-250).

Хотѣлось бы, чтобы Палеологъ навсегда остановился на этомъ вѣрномъ и талантливомъ портретѣ Императрицы, написанномъ подъ личнымъ впечатлѣніемъ и бывшимъ результатомъ его недюжинной наблюдательности, отбросивъ все, чѣмъ затемняли этотъ образъ недоброжелательство, сплетня и клевета.

Такъ характеризовали Императрицу тѣ люди, которые были съ нею въ непосредственномъ общеніи, а вотъ каковое представленіе создавалось о ней въ обществѣ, типичнымъ выразителемъ котораго является Вестратъ:

«Интересы самодержавія и династіи Романовыхъ требуютъ соглашенія и союза съ Императоромъ Вильгельмомъ»... высказываетъ Протопоповъ. ...«Такія рѣчи нравятся Императрицѣ, чьи мысли онѣ вѣрно передаютъ». (с. 122).

« . Къ счастью, даже самодержецъ въ дѣйствительности не обладаетъ безграничною властью. Онъ долженъ иногда считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Безъ послѣдняго сепаратный миръ между Россіею и Германіею, благодаря Распутину и Императрицѣ, можетъ быть, былъ бы уже давно заключенъ... Со своей стороны, Императрица, будучи нѣмецкою принцессою, предпочитаетъ новой родинѣ старую, оплакивая въ глубинѣ сердца войну съ Германіею, которая сохраняетъ ея тайныя симпатіи». (с. 33).

Комментаріи, казалось бы, излишни.

Но наиболѣе типично то, что говоритъ Шарль Ривэ.

«Русская реакціонерка, Царица, сверхъ того была нѣмец-

кой патріоткой, поддерживая постоянныя сношенія со своею родиною. Кайзеръ сумѣлъ это использовать. Черезъ Царицу передавалъ онъ свои посланія, свои мысли и вліянія на своего кузена.» (с. 36).

«Нѣмка (Царица) маневрировала въ пользу своего первоначальнаго отечества». (с. 37).

Однако, думается, что вышеприведенныхъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы утверждать, что Государыня нѣмкою не была и, въ качествѣ таковой, на Государя не вліяла.

Между тѣмъ, и не будучи нѣмкой, просто въ силу личныхъ соображеній, хотя бы и ошибочныхъ, можно было желать скорѣйшаго прекращенія войны и заключенія, вслѣдствіе этого, сепаратнаго мира съ Германіей. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что такими мыслями не только былъ проникнутъ графъ Витте, но и широко ихъ пропагандировалъ; значитъ могла бы имѣть таковыя и Государыня.

Была ли она виновна, хотя бы въ этомъ?

Далѣе будетъ приведено все, что въ этомъ отношеніи, было подмѣчено иностранцами. Выводъ будетъ ясенъ.

Быть можетъ, здѣсь было бы умѣстнымъ выяснить себѣ тотъ конфликтъ, который возникъ между обществомъ и Царственной четой и который создалъ ту атмосферу, въ которой недоброжелательство къ Императрицѣ нашло для своего развитія столь благопріятныя условія.

Съ самаго пріѣзда Принцессы Аликсъ Гессенской въ Россію кто то распространилъ о ней слухъ, что она не любитъ страны, которая должна была стать ея вторымъ отечествомъ. Ея застѣнчивый характеръ всѣ приняли за надменность и нежеланіе сближенія съ обществомъ. Къ тому же состояніе ея здоровья, тоже затруднявшее свѣтскія отношенія, усугубило это, создавшееся о ней, представленіе. Появился Распутинъ. Неоднократные и подтвержденные даже иностранцами случаи исцѣленія этимъ мужикомъ припадковъ гемофиліи у наслѣдника, тогда какъ медицина осталась безсильною, вызвало въ Императрицѣ необычайное расположеніе, а потомъ, и преклоненіе передъ «старцемъ».

Много лѣтъ эти отношенія ея къ Распутину не выходили изъ личной жизни Царственной Семьи, и, казалось бы, что до всего этого обществу не было никакого дѣла. Однако, кого то это безпокоило и очень скоро распространилась отвратительная клевета о предосудительной близости Государыни къ грязному мужику. Эта легенда овладѣла обществомъ и распространилась въ широкихъ слояхъ народа. Государь зналъ объ этомъ.

Зналъ онъ и то, какою восторженною любовью любила его Императрица. Конечно, эта клевета, это преступное легковѣріе людей, нерѣдко стоявшихъ у самыхъ ступеней трона, не могли не возмущать Царственныхъ Супруговъ. Всякое дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе, и между Царемъ и обществомъ пробѣжала тѣнь.Наступила война.Пользуясь нѣмецкимъ происхожденіемъ Императрицы, враги (чьи враги?) изобрѣли новую, столь же отвратительную легенду объ ея измѣнѣ Россіи. Государь тоже зналъ каковыми были ея отношенія къ новой ея родинѣ и объ ея нелюбви къ Германіи и антипатіи къ Императору Вильгельму. Все и вся клеветало на Императрицу. . Государь опять не могъ не сознавать всей опасности создаваемаго врагами Императрицы настроенія не только для нея, но и для него самого, какъ Монарха. Компрометтируя Императрицу, чьи то враждебныя силы, мѣтили въ самый режимъ, Императоромъ возглавляемый. Въ представленіи Государя они были врагами и безпредѣльно любимой имъ Россіи. Государь видѣлъ работу своихъ враговъ, страдалъ отъ этого, но, несомнѣнно, страдалъ еще болѣе отъ того легковѣрія, съ которымъ общество принимало клевету, позорящую столь несправедливо самое дорогое, близкое ему существо, и приносящую столь непоправимый вредъ тому, что онъ любилъ еще больше, — что онъ доказалъ своею мученическою смертію — Россію. Государь не былъ бы человѣкомъ изъ плоти и крови, если бы все это не возмущало и не ожесточало его противъ окружавшей его среды. Могли быть ошибки Царя въ управленіи страной, въ выборѣ людей, но справедливость требуетъ признать, что эти вліянія, въ значительной степени, были послѣдствіемъ той обстановки, въ которую поставили его силы, поднявшія противъ него анонимное и подлѣйшее оружіе клеветы.

29 Октября (12 Ноября) Палеологъ посѣщаетъ Яхтъ-Клубъ, гдѣ два собесѣдника ему повѣряютъ, «какъ опасны для Россіи и династіи интриги, которыя непрестанно ткутся около Императрицы». Посолъ отвѣчаетъ имъ, что также озабоченъ этими интригами и спрашиваетъ: «Какъ допускаетъ Государь даже въ стѣнахъ дворца настоящій очагъ измѣны? Почему онъ не наказываетъ? Однимъ словомъ, однимъ почеркомъ пера онъ всѣхъ бы привелъ къ порядку. Онъ все же хозяинъ». (Т. I. с. 191).

7/20 Декабря посолъ отмѣчаетъ: «До меня доходятъ слухи, что въ интеллигентныхъ и либеральныхъ сферахъ о Франціи говорятъ съ недоброжелательностью и ѣдкою несправедливостью (по поводу займа, предоставленнаго Россіи въ 1906

году)... Я реагирую насколько могу противъ этихъ взглядовъ, но мой образъ дѣйствій, по необходимости, ограниченъ и секретенъ. Если бы я слишкомъ развилъ мои отношенія съ либеральными кругами, то я сдѣлался бы подозрительнымъ правительственной партіи и Государю; я далъ бы этимъ страшное орудіе реакціонерамъ крайней правой, шайкѣ Императрицы, которая проповѣдуетъ, что союзъ съ республиканской Франціей смертельная опасность для православнаго самодержавія и что спасеніе можетъ притти только отъ примиренія съ германскимъ кайзеризмомъ». (Т. I. с. 235).

Уже ранѣе приходилось ставить вопросъ откуда почерпалъ Палеологъ неблагопріятныя свѣдѣнія, какъ о дѣятельности правыхъ, такъ и объ интригахъ около Императрицы. Не раскрывается ли, въ вышеприведенномъ абзацѣ, этотъ источникъ? Кто былъ заинтересованъ въ дискредитированіи правыхъ? Очевидно лѣвые. Кому выгодно было работать противъ существовавшаго въ то время строя? — Очевидно лѣвымъ, тѣмъ лѣвымъ, которые уже въ 1906 году поставили на знамени своемъ революцію, тѣмъ лѣвымъ, которые не могли простить Франціи займа 1906 года, способствовавшаго Царскому правительству одолѣть первую революцію.

Работа лѣвыхъ пока еще робко начинаетъ свою тихую сапу противъ Царя и возглавляемаго имъ строя.

Набросавъ, въ мѣрѣ имѣющагося матеріала, значеніе Императрицы и Распутина въ занимающемъ насъ періодѣ, приходится остановиться еще на одномъ лицѣ, сыгравшемъ въ то время довольно интересную, хотя и эпизодическую роль, главнымъ образомъ, потому, что французскій посолъ отводитъ ему значительное мѣсто въ своихъ запискахъ, почему странно было бы отрицать его значеніе, а болѣе всего, потому, что на немъ отражаются нѣкоторыя характерныя свойства Государя.

Въ Сентябрѣ возвращается изъ за границы графъ Витте, который посѣщаетъ французскаго посла и высказываетъ ему, что «война безуміе», что «она не можетъ не быть злополучной для Россіи, что побѣда кажется ему сомнительной» и, что «надо, какъ можно скорѣе, ликвидировать эту глупую авантюру.» (Т.I. с. 119-121).

Недѣли двѣ спустя, Палеологъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Витте продолжаетъ «со спокойной и высокомѣрной смѣ-

лостью свою кампанію въ пользу мира», каковая производитъ большое впечатлѣніе».

Посолъ жалуется Сазонову, указывая на то, что кампанія эта тѣмъ болѣе вредоносна, что Витте не частное лицо, а бывшій предсѣдатель совѣта министровъ, статсъ - секретарь Его Величества, членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель финансоваго комитета. Сазоновъ соглашается съ посломъ, говоря, что интриги Витте не только неприличны, но и преступны, и что онъ не разъ доводилъ о нихъ до свѣдѣнія Государя, который былъ возмущенъ ими.

Посолъ спрашиваетъ Сазонова, почему Государь не караетъ Витте и не отымаетъ у него вышеупомянутыхъ почетныхъ званій и должностей. Сазоновъ отвѣчаетъ:

— «Потому что... потому что...»

«И эта фраза оканчивается вздохомъ безнадежности».

Къ этому министръ прибавляетъ, «что черезъ нѣсколько дней онъ увидитъ Государя, которому посовѣтуетъ пригласить посла, чтобы тотъ услышалъ изъ его устъ, что болтовня графа Витте не имѣетъ никакого значенія». (Т. I. с. 188-190).

28 Октября (11 ноября) Палеологъ записываетъ: «Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, что я посѣщаю русское общество, меня болѣе всего изумляетъ та свобода и та распущенность, съ которой здѣсь говорятъ о Государѣ, Императрицѣ и Императорской Фамиліи. Въ этой странѣ самодержавія, гдѣ государственная полиція, жандармерія и охрана, Петропавловская крѣпость и Сибирь всегда во всей своей грозной наличности, преступленіе оскорбленія Величества обычный грѣхъ свѣтскихъ разговоровъ». (Т. I. стр. 140).

Какъ согласовать это наблюденіе съ замѣчаніемъ Риве, который утверждаетъ, что въ Россіи, изъ боязни охраны, не смѣли даже разговаривать:

«Лишь только разговоръ, всегда оживленный и умный и часто блестящій въ этой странѣ, затрагивалъ нѣкоторые вопросы, всматривались въ сосѣда и слова замирали на устахъ». Нерѣдко люди крупные, интеллигентные, добрые патріоты принижались этой осторожностью. Слишкомъ часто приходилось понижать свой голосъ, отчего онъ терялъ свою звучность». (с. 118).

Палеологъ подкрѣпляетъ свое впечатлѣніе за чаемъ, у г-жи Х, которая приводитъ нѣсколько новыхъ данныхъ о кампаніи, которую Витте ведетъ въ пользу мира и разражается негодованіемъ противъ Государя, который это терпитъ:

— «У него крайній страхъ (peur bleue) говоритъ она передъ Витте, онъ никогда не осмѣлится его тронуть. Впрочемъ, отъ начала своего царствованія, онъ всегда выявлялъ себя, не имѣющимъ ни мужества, ни воли».

Посолъ счелъ нужнымъ опровергнуть возмутительную болтовню этой свѣтской барыни:

— «Имѣется ли право говорить, что онъ не имѣетъ воли? Кажется, напротивъ, онъ неоднократно умѣлъ держать руль рукой довольно твердой».

Но госпожа X не уступаетъ:

— «Нѣтъ, у него нѣтъ никакой воли. И какъ можетъ онъ ее имѣть, разъ у него нѣтъ никакой индивидуальности. Онъ упрямъ, но это совсѣмъ иное свойство. Разъ ему вложена идея въ голову — такъ какъ идеи ему никогда не принадлежатъ — то онъ упрямо ее отстаиваетъ, цѣпляется за нее, потому что у него нѣтъ силъ желать чего либо иного (?). Но что меня особенно возмущаетъ, это то, что у него нѣтъ мужества. Онъ всегда дѣйствуетъ скрытно. Никогда онъ не принимаетъ открытаго и свободнаго спора по предмету, который ему не безразличенъ. Чтобы избѣжать возраженій, онъ неизмѣнно соглашается на все, что ему предложатъ и на то о чемъ его просятъ. Только что повернутъ спину, онъ приказываетъ противоположное». (Т. I. с. 191).

Недѣли три спустя, Палеологъ заноситъ въ свой дневникъ, что со всѣхъ сторонъ ему сообщаютъ о неустанной кампаніи, которую Витте ведетъ въ пользу заключенія мира. Это подтверждаетъ ему графиня Z. Не раздѣляя мнѣній Витте, графиня имѣетъ частые случаи его видѣть и, сверхъ того, она основательно (будто-бы) освѣдомлена о всемъ, что происходитъ за кулисами Двора. Она утверждаетъ, что вліяніе Витте очень сильно въ настоящую минуту и что его рѣчи производятъ большое впечатлѣніе. Еще вчера, у княгини X., онъ въ теченіи часа доказывалъ необходимость немедленнаго заключенія мира и утверждалъ, что въ противномъ случаѣ Россія идетъ къ пораженію и революціи.

Посолъ вновь выражаетъ свое удивленіе тому, что такія рѣчи могутъ произноситься безнаказанно членомъ государственнаго совѣта и статсъ - секретаремъ Его Величества, котораго такъ легко заставить замолчать!

— «Не смѣютъ заставить его молчать», возражаетъ графиня, прибавляя, что «Государь, ненавидящій Витте, очень его боится; онъ опасается его способностей, его надменнаго ума, его манеры говорить, точной и ѣдкой, его эпиграммъ, его ин-

тригъ. Затѣмъ, между ними болѣе одного секрета, разоблаченіе которыхъ было бы невыгодно для престижа Ихъ Величествъ». (Т. I. с. 210).

Изъ всего приведеннаго видно, что французскій посолъ чрезвычайно озабоченъ тѣми лицами и элементами, которые, такъ или иначе, могли повредить дѣлу союза и доведенія войны до побѣднаго конца. Онъ ищетъ ихъ въ Императрицѣ, Распутинѣ, Витте, въ крайнихъ правыхъ и рѣже всего, въ особенности въ началѣ войны, въ средѣ лѣвыхъ. Изъ всѣхъ названныхъ въ первую очередь лицъ и элементовъ, какъ мы видѣли и еще убѣдимся впослѣдствіи, только одинъ Витте оправдывалъ подозрительность посла, а потому впечатлѣніямъ его о дѣятельности графа, здѣсь и отведено, сравнительно, большое мѣсто.

Какіе можно сдѣлать изъ приводимыхъ Палеологомъ свѣдѣній выводы?

Ранѣе всего, что Витте былъ совершенно одинокъ и ни къ какой партіи не принадлежалъ. Здѣсь не мѣсто разбирать вопроса насколько были правильны или неправильны его идеи, для насъ важно выяснить лишь то: имѣли ли онѣ вліяніе на общество, а затѣмъ и на Государя. На оба эти вопроса можно съ опредѣленностью отвѣтить отрицательно. Съ правыми элементами общества Витте ни въ какомъ контактѣ не состоялъ, отъ крайнихъ лѣвыхъ, пораженцевъ ленинскаго толка, его все-же отдѣляла цѣлая пропасть, средніе же элементы, по соображеніямъ разнаго рода, а также и патріотическому подъему, представляли почву крайне неблагопріятную для воспринятія идей графа. Что касается Государя, то онъ, менѣе всѣхъ, склоненъ былъ поддаваться идеологіи Витте, хотя бы по одной уже разности ихъ характеровъ, которую, близко знавшій обоихъ, б. министръ иностранныхъ дѣлъ Извольскій выражаетъ такъ: «Я указывалъ уже на контрастъ натуры Витте и натуры Императора Николая и родѣ физическаго отвращенія, которое они испытывали относительно другъ друга». *) По существу своему дѣятельность Витте въ данномъ случаѣ была недопустимой и иногда даже преступной, чему яркій примѣръ приводитъ тотъ же Палеологъ:

20 Октября (2 Ноября) 1916 года посолъ записываетъ свой разговоръ съ покидавшимъ свой постъ японскимъ посломъ Мотоно, который передаетъ ему свою бесѣду съ посѣ-

*) **Mémoires d'Alexandre Isvolsky.** Стр. 176.

тившимъ его графомъ Витте: «Я знаю, что будутъ просить ваше правительство», говоритъ графъ, «послать войска въ Европу. Пусть оно остережется отъ этого. Это было бы безумiемъ съ его стороны. Вѣрьте мнѣ, что Россiя истощена, самодержавiе погибнетъ. Что касается Францiи и Англiи, то они никогда не побѣдятъ. Побѣда не можетъ ускользнуть отъ Германiи!» Вотъ», восклицаетъ японецъ, «что осмѣлился сказать мнѣ, японскому послу, бывшiй министръ Царя, подписавшiй Портсмутскiй договоръ». (Т. III. с. 73).

Тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ реальныхъ достиженiй, пропаганда Витте не имѣла никакого успѣха и въ этомъ, вѣроятно, кроется одна изъ причинъ, почему она не была пресѣчена Государемъ. Была, несомнѣнно, и другая, основанная на личныхъ отношенiяхъ Государя и Витте.

Государь отлично зналъ, что Витте его ненавидѣлъ и позволялъ себѣ говорить о немъ въ выраженiяхъ самыхъ недопустимыхъ и интриговать противъ него. Такъ подъ вліянiемъ графа, была написана англичаниномъ Диллономъ, книга «Закатъ Россiи», въ которой, по словамъ Бьюкенена, «Диллонъ, говоря о Государѣ, примѣнялъ къ нему всякаго рода оскорбительные эпитеты, приписываетъ ему недостойныя побужденiя и обвиняетъ его въ лицемѣрiи.» (Т. II. с. 60).

Тоже говоритъ и Извольскiй: ... «Въ концѣ жизни графа Витте это чувство (отвращенiя) приняло форму настоящей ненависти, которая побуждала его иногда бросать противъ своего монарха обвиненiя очевидно несправедливыя». (Ib. 176).

Весьма естественно, что отлично освѣдомленный Государь, не могъ, со своей стороны питать къ Витте, возведенному имъ въ графское достоинство, особенно нѣжныхъ чувствъ.

Въ Петербургскомъ обществѣ, столь несправедливомъ къ Государю, охотно объясняли себѣ нерасположенiе Царя къ Витте тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не терпѣлъ, будто бы, около себя лицъ очень крупныхъ и, тѣмъ самымъ, его затмѣвавшихъ. Зачѣмъ искать объясненiй въ причинахъ гадательныхъ, когда объясненiе такъ просто? Могъ ли Государь терпѣть около себя лицо, такъ къ нему относившееся?. На это можно возразить, что ненависть Витте была послѣдствiемъ устраненiя его отъ дѣлъ и личныхъ свойствъ Государя. Если это даже было и такъ, то формы, въ которыхъ Витте проявлялъ свою ненависть, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ о невысокомъ уровнѣ нравственныхъ качествъ графа, дѣлавшихъ его для Николая II непрiемлемымъ.

Надо полагать, что именно личныя отношенiя побудили

Государя проявить, непонятную для Палеолога, терпимость къ недостойному носителю Императорскихъ вензелей.

Господинъ Витте могъ проявлять свою ненависть къ Государю своими интригами. Государю же подобало выражать свои чувства лишь величавымъ презрѣніемъ. И такому заключенію имѣются опредѣленныя данныя, вытекающія изъ того, насколько Государь былъ терпимъ вообще къ личнымъ своимъ врагамъ.

Вотъ, что разсказываетъ Палеологъ:

Извѣстный революціонеръ Бурцевъ, вернувшійся самовольно изъ за границы во время войны, былъ арестованъ и высланъ въ Сибирь. Такъ какъ эта мѣра произвела въ лѣвыхъ кругахъ Франціи неблагопріятное впечатлѣніе, то Вивіани просилъ Палеолога употребить все свое вліяніе на ея отмѣну. Сазоновъ докладываетъ просьбу Палеолога Государю, а затѣмъ передаетъ свою бесѣду съ Царемъ послу:

— «Съ первыхъ же словъ Его Величество сказалъ мнѣ: «Г. Палеологъ знаетъ ли о тѣхъ мерзостяхъ, которыя Бурцевъ писалъ обо мнѣ и Императрицѣ?» — Однако, я настаиваю. Государь былъ такъ милостивъ, у него такое высокое пониманіе своей миссіи какъ монарха, что онъ почти немедленно мнѣ отвѣтилъ: — «Хорошо, скажите французскому послу, что я жалую ему помилованіе этого презрѣннаго (ce misérable)». При этомъ Его Величество не лишило себя лукаваго удовольствія, присовокупить: «Напомните мнѣ, при какихъ обстоятельствахъ мой посланникъ въ Парижѣ предстательствовалъ бы о помилованіи французскихъ политическихъ осужденныхъ?» (Т. I. с. 298).

Читателю остается судить по образу дѣйствій Государя по отношенію къ Витте и Бурцеву, насколько онъ былъ «немилосерденъ къ тѣмъ, которые не оказывали вниманія относительно его», какъ это успѣлъ кто то шепнуть Легра, о чемъ было упомянуто выше.

Соображенія госпожи X. и графини Z., что Государь «боится Витте» и не смѣетъ его тронуть, неблаговидны морально и неосновательны по существу. Если бы между Государемъ и Витте, въ дѣйствительности, были тайны, компрометирующія «престижъ Ихъ Величествъ», то неужели они не выплыли бы наружу при Временномъ Правительствѣ, которое, при посредствѣ комиссіи Муравьева, выискивало все, что только сколько нибудь могло послужить во вредъ Николаю II и его Августѣйшей Супругѣ.

Съ негодованіемъ приходится отбросить сужденія объ от-

сутствіи у Государя мужества и воли. И то и другое свойства онъ ярко проявлялъ, какъ въ стремленіи довести войну до побѣднаго конца, такъ и при невыносимыхъ условіяхъ ареста и изгнанія. Вотъ яркое свидѣтельство этому, приводимое Бьюкененомъ:

«Одной изъ причинъ отмѣны Керенскимъ смертной казни было предупрежденіе возможности требовать казни Государя. Узнавъ объ этомъ, Государь воскликнулъ: «Это ошибка! Уничтоженіе смертной казни подорветъ дисциплину въ арміи. Если онъ это дѣлаетъ для того, чтобы избавить меня отъ опасности, передайте ему, что я готовъ пожертвовать жизнью для блага родины!» (Т. II. стр. 54-55).

Вообще, вмѣстѣ съ Палеологомъ нельзя не возмущаться той непристойности, съ которой позволяли себѣ говорить о Государѣ и не поставить ему въ заслугу, когда онъ эту непристойную болтовню обрывалъ. Но, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить того, что представитель демократической и республиканской страны изумлялся тому, что царская, иногда признаваемая имъ за анахроническую, власть не пользовалась въ достаточной мѣрѣ «Петропавловской крѣпостью и Сибирью, всегда находившихся въ своей грозной наличности».

Въ общихъ чертахъ выше изображена та обстановка, въ которой приходилось жить и дѣйствовать Государю. Не касаясь здѣсь той непомѣрной работы и той нечеловѣческой отвѣтственности, которую ему пришлось нести, нельзя не отмѣтить тѣхъ затрудненій, кои ему создавались нелѣпыми слухами объ его готовности прекратить войну, сплетнями о вліяніи Распутина, возмутительными обвиненіями противъ Императрицы, интригами графа Витте и работою, дѣйствовавшей пока въ тиши, оппозиціи. Интересно теперь показать какимъ онъ, на самомъ дѣлѣ выявляется.

Въ то время, когда шептуны приписываютъ Государю готовность закончить войну, онъ, по свѣдѣніямъ Палеолога, говоритъ А. В. Кривошеину (11/24 Сентября):

— «Я продолжу войну до крайности. Чтобы истощить Германію, я исчерпаю всѣ средства, я отступлю, если нужно, до Волги».

Къ этому Царь прибавляетъ:

«Вызвавъ эту войну, Императоръ Вильгельмъ нанесъ ужасный ударъ монархическому принципу». (Т. I. с. 136).

Замѣтьте, не монархизму Гогенцоллерновъ, а принципу монархизма. Царь отлично понималъ уже тогда къ чему онъ идетъ, но вѣрность слову не позволяла ему сойти съ пути чести, единственному пути Помазанника Божія.

8/21 Ноября французскій посолъ принятъ въ Царскомъ Селѣ и такъ описываетъ свою встрѣчу съ Государемъ:

«Какъ всегда, Государь стѣсняется при первыхъ своихъ фразахъ, преисполненныхъ любезности и вниманія, но скоро онъ оправляется:

— «Ранѣе всего, усядемся поудобнѣе», сказалъ онъ «такъ какъ я задержу васъ продолжительное время... Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, что мы съ вами не видались, совершились великія событія . Чудесная французская и моя дорогая арміи проявили такія доказательства своихъ достоинствъ, что побѣда уже не можетъ отъ насъ ускользнуть... Конечно, я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій относительно тѣхъ жертвъ, которыя война еще отъ насъ потребуетъ, но уже нынѣ мы имѣемъ право и даже обязанность согласоваться о томъ, что намъ придется сдѣлать, если Австрія и Германія попросятъ мира, принимая во вниманіе, что Германія весьма заинтересованна въ томъ, чтобы вступить въ переговоры, пока ея военныя силы еще опасны. Что касается Австріи, то развѣ она уже не истощена? Что же мы сдѣлаемъ, если Австрія и Германія попросятъ у насъ мира?»

— «Основной вопросъ» отвѣчаю я, «заключается въ томъ, придется ли намъ вести мирные переговоры или же продиктовать миръ нашимъ противникамъ. Какова бы ни была наша умѣренность, мы, очевидно, должны потребовать отъ центральныхъ державъ такихъ гарантій и возмѣщенія убытковъ, на которыя они не согласятся, не будучи доведены до послѣдней крайности.

— «Это и мое убѣжденіе. Мы должны продиктовать миръ, и я рѣшился продолжать войну до окончательнаго разгрома Германскихъ имперій. Но я настаиваю на томъ, чтобы условія этого мира были обсуждены между нами тремя: Франціею, Англіею и Россіею, только между нами тремя. Слѣдовательно, никакого конгресса, никакихъ посредниковъ. Потомъ, когда настанетъ часъ, мы продиктуемъ Австріи и Германіи нашу волю.

— «Какъ, В. В., въ общемъ представляете себѣ условія мира?»

Послѣ минутнаго размышленія, Государь продолжаетъ:

— «Прежде всего мы должны предрѣшить уничтоженіе германскаго милитаризма, этотъ кошмаръ, въ которомъ Германія насъ заставляетъ жить болѣе сорока лѣтъ. Надо отнять у нѣм-

цевъ всякую возможность реванша. Если мы дадимъ себя разжалобить — это новая война, черезъ короткій срокъ. Что же касается точныхъ условій мира, то я могу вамъ сказать, что я заранѣе соглашаюсь на тѣ, которыя выразятъ Франція и Англія въ ихъ частныхъ интересахъ».

— «Я благодарю, В. В., за это заявленіе. Я увѣренъ, что со своей стороны Правительство республики благожелательно приметъ пожеланія Императорскаго Правительства».

— «Это побуждаетъ меня высказать вамъ всю мою мысль, но я буду говорить съ вами только лично отъ себя, такъ какъ не хочу рѣшать этихъ вопросовъ, не выслушавъ совѣта своихъ министровъ и генераловъ... Вотъ какъ я представляю себѣ результаты, на которые Россія въ правѣ надѣяться и безъ которыхъ мой народъ не принялъ бы тѣхъ жертвъ, которыя были отъ него потребованы.

Въ Восточной Пруссіи Германія должна будетъ согласиться на исправленіе границы. Мой главный штабъ желалъ бы, чтобы это исправленіе распространилось до устья Вислы; мнѣ это кажется чрезмѣрнымъ, я обдумаю. Познань и, быть можетъ, часть Силезіи будутъ необходимы для возстановленія Польши. Галиція и сѣверная часть Буковины позволятъ Россіи достигнуть ея естественныхъ границъ, Карпатъ. Въ Малой Азіи мнѣ, очевидно, придется заняться армянами, я право же не могу вернуть ихъ подъ турецкое ярмо. Придется ли мнѣ анексировать Арменію? Я это сдѣлаю лишь по просьбѣ армянъ. Въ противномъ случаѣ, я организую для нихъ автономное управленіе. Наконецъ, я вынужденъ буду обезпечить моей Имперіи свободный выходъ черезъ проливы».

Такъ какъ онъ останавливается на этихъ словахъ, я настаиваю на томъ, чтобы онъ объяснился. Онъ продолжаетъ:

— «Я еще ни на чемъ не остановился. Вопросъ такъ важенъ. Однако есть двѣ комбинаціи, къ которымъ я всегда возвращаюсь. Первая, что турки должны быть изгнаны изъ Европы, вторая, что отнынѣ Константинополь долженъ быть нейтральнымъ городомъ съ интернаціональнымъ управленіемъ. Само собою разумѣется, что мусульманамъ будетъ гарантировано уваженіе къ ихъ святынямъ и могиламъ. Сѣверная Фракія до линіи Эносъ — Мидія будетъ предоставлена Болгаріи. Остальное отъ этой линіи, кромѣ окрестностей Константинополя, перейдетъ къ Россіи»

— «Итакъ, если я понимаю вашу мысль, турки будутъ отброшены въ Азію, какъ во времена первыхъ Османливсовъ, съ Ангорой или Коніей, какъ столицей. Босфоръ, Мраморное мо-

ре и Дарданелы опредѣлятъ, такимъ образомъ, западную границу Турціи».

— «Именно».

— «Ваше Величество не изумитесь, если я прерву васъ, чтобы напомнить, что въ Сиріи и Палестинѣ, Франція обладаетъ драгоцѣнными историческими воспоминаніями и интересами моральными и матеріальными. Я надѣюсь, что В. В., соизволите на мѣры, которыя Правительство Республики признаетъ нужнымъ принять, чтобы сохранить свое наслѣдство».

— «Да, конечно».

Потомъ, разостлавъ карту Балканъ, онъ изобразилъ мнѣ, въ широкихъ чертахъ, какъ онъ представляетъ себѣ территоріальныя измѣненія, какихъ мы должны желать.

— «Сербія присоединитъ къ себѣ Боснію, Герцеговину, Далмацію и сѣверную Албанію. Греція получитъ южную Албанію, кромѣ Валлоны, которая должна отойти къ Италіи. Болгарія, если она останется благоразумной, получитъ отъ Сербіи компенсацію въ Македоніи».

Потомъ онъ въ раздумьи спрашиваетъ:

— «А Австро-Венгрія, что будетъ съ нею?»

— «Если побѣда вашихъ армій распространится до Карпатъ, если Италія и Румынія выйдутъ на сцену, то Австро - Венгрія врядъ ли переживетъ тѣ территоріальныя жертвы, на которыя Императоръ Францъ Іосифъ вынужденъ будетъ согласиться. При банкротствѣ Австро - Венгерскаго сліянія, сотрудники не пожелаютъ долѣе работать вмѣстѣ, во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ же условіяхъ».

— «Я это тоже предполагаю. Венгрія, лишенная Трансильваніи, будетъ затруднена держать хорватовъ въ своей зависимости. Чехія, по меньшей мѣрѣ, потребуетъ автономіи. Австрія, такимъ образомъ, придетъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ, Тиролю и Зальцбургу».

Послѣ этихъ словъ, съ надвинутыми бровями и полузакрытыми вѣками, какъ бы внутренно повторяя сказанное, онъ смолкаетъ на минуту. Затѣмъ, онъ бросаетъ быстрый взглядъ на портретъ своего отца, висящій за мною.

— «Въ особенности въ Германіи совершатся большія перемѣны. Какъ я вамъ сказалъ, Россія аннексируетъ территорію прежней Польши и часть Восточной Пруссіи. Франція возьметъ обратно Эльзасъ и Лотарингію и распространится, можетъ быть, на Рейнскія провинціи. Бельгія должна будетъ получить въ раіонѣ Ахена значительное увеличеніе территоріи. Что касается колоній, то Франція и Англія раздѣлятъ ихъ по

своему усмотрѣнію. Я желалъ бы, чтобы Шлезвигъ, въ томъ числѣ и зона Кильскаго канала, былъ возвращенъ Даніи. А Ганноверъ? Не слѣдовало бы его возстановить? Вставляя маленькое независимое государство между Пруссіей и Голландіей, мы очень укрѣпимъ будущій миръ, а въ этомъ должна быть наша руководящая идея. Мое дѣло будетъ оправдано передъ Богомъ и передъ исторіей лишь въ томъ случаѣ, если въ основу его будетъ положена идея надолго укрѣпить миръ въ мірѣ».

«Произнося эту фразу, Государь выпрямляется въ своемъ креслѣ, его голосъ немного дрожитъ въ возбужденіи торжественномъ и религіозномъ; странный блескъ освѣщаетъ его взглядъ. Видимо говорятъ его совѣсть и его вѣра. Но въ его пріемахъ, въ его выраженіи, нѣтъ никакой позы — полная простота». (Т. I. с. 197-202).

Эта длинная выписка приведена, чтобы читатель могъ вывести изъ нея заключеніе о проникновенности Государя въ дѣлахъ политики, пониманіи имъ нуждъ Россіи, знаніи предмета и смиренно - величавомъ сознаніи своего долга.

Давно уже гдѣ-то автору настоящаго очерка пришлось читать воспоминанія предсѣдателя Государственной Думы второго созыва, кадета Головина. Одна фраза изъ этихъ воспоминаній крѣпко засѣла въ его памяти. Головинъ передаетъ впечатлѣнія своего разговора съ Государемъ по поводу дѣятельности Думы и при этомъ говоритъ... «Государь съ тупымъ упрямствомъ ограниченнаго человѣка...»

Въ совѣтской Россіи была издана книга «250 дней въ Царской Ставкѣ», нѣкоего Лемке. Авторъ завѣдывалъ отдѣломъ прессы въ Ставкѣ и работалъ въ комнатѣ рядомъ съ той, въ которой Государь принималъ доклады отъ генерала Алексѣева. Лемке, принадлежавшій къ соціалистамъ революціонерамъ, не стѣсняясь, констатируетъ, что отлично слышалъ или вѣрнѣе, подслушивалъ эти доклады. Въ своихъ воспоминаніяхъ Лемке называетъ Государя — да простится мнѣ это кощунственное выраженіе... — «Коронованный идіотъ». *)

Эти отзывы, несомнѣнно сдѣлавшіеся достояніемъ широкой публики, здѣсь приводятся, чтобы сопоставить ихъ съ вышеприведенными строками, характеризующими, чѣмъ Царь

*) Самъ Керенскій, несомнѣнный недоброжелатель Государя, послѣ свиданья съ Царемъ высказалъ сенатору Завадскому: «А вѣдь Николай II далеко не глупъ, вопреки тому, что мы о немъ думали». (Арх. Русской Революціи, т. XI. ст. 18. Прим.). И всегда было такъ: личное соприкосновеніе съ Царемъ приводило къ положительнымъ о немъ впечатлѣніямъ, а молва, кѣмъ-то (?) созданная, къ отрицательнымъ.

былъ въ дѣйствительности, а также и отзывомъ Бьюкенена. свидѣтельствующимъ, что Царь обладалъ «быстрой сообразительностью, культурнымъ умомъ, систематичностью и усидчивостью въ работѣ и необычайнымъ природнымъ обаяніемъ, которое привлекало всѣхъ, кто близко къ нему подходилъ». (Т. II. стр. 57).

Отлично освѣдомленный о томъ, что творилось около него, Государь на новогоднемъ пріемѣ (1915), говоритъ Палеологу:

— «Считаю необходимымъ высказать вамъ, господинъ посолъ, что мнѣ небезызвѣстны нѣкоторыя попытки, которыя были сдѣланы въ самомъ Петроградѣ, чтобы утвердить мысль, что я потерялъ мужество, что я не имѣю болѣе вѣры въ то, что можно разбить Германію, словомъ, что я хочу открыть переговоры о мирѣ. Это негодяи,*) это нѣмецкіе агенты, которые распространяютъ эти слухи. Но всѣ эти выдумки и махинаціи не имѣютъ никакого значенія. Слѣдуетъ считаться только съ моей волею, и вы можете быть увѣрены, что она не измѣнится». (Т. I. с. 268).

На слѣдующій день, Палеологъ записываетъ:

«Я обдумываю выраженія, въ которыхъ Государь вчера говорилъ со мною и которыя еще разъ утверждаютъ въ моей памяти ту прекрасную моральную позицію, которой онъ не измѣнялъ съ начала войны. Его сознаніе своихъ обязанностей возвышенно и цѣнно, насколько это только возможно, такъ какъ оно непрестанно поддерживается, оживляется и освѣщается въ немъ религіознымъ началомъ. Въ остальномъ, я хочу сказать, въ смыслѣ реальныхъ познаній и практическаго выполненія верховной власти, онъ явно ниже выпавшей на него задачи. Спѣшу прибавить, что никто не могъ бы удовлетворить такой задачѣ, такъ какъ она «ultrà vires» выше человѣческихъ силъ. Отвѣчаетъ ли еще самодержавіе характеру русскаго народа и степени его цивилизаціи? Это вопросъ, по которому самые возвышенные умы не рѣшаются высказаться. Несомнѣнно, однако, что оно несовмѣстимо болѣе съ территоріальными размѣрами Россіи, съ разнообразіемъ національностей, ее населяющихъ и съ развитіемъ ея экономической мощи. Что, по сравненію съ нынѣшней Имперіей, считающей не менѣе 180 милліо-

*) Курсивъ нашъ.

новъ населенія на площади въ 22 милліона квадратныхъ километровъ, Россія Ивана Грознаго, Петра Великаго, Екатерины II и даже Николая I. Чтобы править государствомъ, сдѣлавшимся столь громаднымъ, чтобы управлять двигателями столь громаднаго механизма, чтобы соединить и вызвать къ дѣятельности элементы столь сложные, разнородные и несоединимые, нуженъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, геній Наполеона. Какъ бы ни были велики внутреннія достоинства Царскаго самодержавія оно является географическимъ анахронизмомъ. (Т. I. с. 269-270).

Вотъ наиболѣе сжатая и цѣльная характеристика Палеологомъ Императора Николая II. Возвышенное пониманіе своихъ обязанностей и несоотвѣтствіе его способностей — выпавшей на него задачѣ.

Всецѣло поддерживая первую часть этой характеристики, невольно противополагаемъ второй — аргументъ,самимъ Палеологомъ, приводимый: для выполненія выпавшей на долю Государя задачи надо было быть... Наполеономъ. Императоръ Николай, конечно, Наполеономъ не былъ, но за послѣдній вѣкъ новѣйшей исторіи Палеологъ могъ сослаться только на... Наполеона. Уже одна такая мѣрка, въ значительной степени, смягчаетъ приведенную характеристику.

Ну, а кто же въ наше время оказался на высотѣ своей задачи? Большихъ именъ первая четверть нынѣшняго вѣка исторіи не отмѣтитъ. Нѣтъ ни Меттерниха, ни Кавура, ни Бисмарка, ни Мольтке. Кто на Руси, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, оказался большимъ человѣкомъ? Послѣдній изъ нихъ, П. А. Столыпинъ, сошелъ въ могилу въ 1911 году. Кто изъ нашихъ генераловъ Великой войны заслужилъ себѣ памятники, какъ Суворовъ, Барклай де Толли, Кауфманъ-Туркестанскій, Кутузовъ - Смоленскій, Нахимовъ, Скобелевъ, В. К. Николай Николаевичъ Старшій?

А революція? Неужели сильными и большими людьми оказались Родзянко, Милюковъ, кн. Львовъ, Коноваловъ и Шингаревъ, вмѣстѣ съ Керенскимъ отдавшимъ власть черни. Неужели большими людьми почтутся генералы, владѣвшіе одно время всей Сибирью, Кавказомъ и подступами къ Петрограду, не сумѣвшіе согласовать своихъ дѣйствій и вырвать власть изъ рукъ слабѣйшаго, въ ихъ соединенныхъ силахъ, противника.

Правда, есть дѣйствительно одно большое имя... Но оно не созидательное, а разрушительное и потому некчему его называть...

Нѣтъ. На почвѣ блага и дѣла въ русской современности не

было никого выше оклеветаннаго Государя, а что касается морали, то передъ образомъ Царя намъ всѣмъ приходится преклониться.

Въ самомъ анализѣ характера Государя, Палеологъ указалъ на то, что существовавшій въ то время образъ правленія сталъ для Россіи географическимъ анахронизмомъ. Однако, Государь защищалъ этотъ анахронизмъ. Всякій анахронизмъ вреденъ. Защищать его, слѣдовательно, вредно и даже, можетъ быть, преступно. Поэтому приходится поставить вопросъ насколько царская власть еще отвѣчала жизненнымъ условіямъ Россіи и, поэтому, былъ ли правъ Государь ее защищая.

Въ воспоминаніяхъ иностранцевъ мы находимъ только одно непосредственное заявленія Государя о взглядахъ его на свою власть, а именно у Вильямса.

«26 Января 1916 г. за обѣдомъ Его Величество говорилъ о республикахъ и монархіяхъ. Его личное мнѣніе еще съ юности было, что на немъ, несомнѣнно, лежитъ огромная отвѣтственность, и онъ чувствуетъ, что народъ, коимъ онъ управляетъ, такъ многочисленъ, и разнообразенъ по крови и характеру, такъ отличенъ отъ другихъ Европейскихъ народовъ, что Императоръ для него жизненная необходимость. Его первое посѣщеніе Кавказа произвело на него большое впечатлѣніе и подтвердило эти взгляды. Онъ говорилъ, что Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты совсѣмъ другое дѣло и эти два организма нельзя сравнивать. Въ этой странѣ есть много задачъ и трудностей, которыя основаны на воображеніи; острое религіозное чувство, нравы и обычаи приводятъ къ необходимости сохраненія короны и онъ думаетъ, что это такъ должно быть еще много времени, но, что извѣстная децентрализація управленія, конечно, необходима, но главная и рѣшающая власть должна остаться за короной. Власть Думы должна прогрессировать потихоньку, ввиду трудности скораго развитія воспитанія широкихъ массъ его подданныхъ». (с. 75-76).

Принимая во вниманіе всю важность, которую имѣло отношеніе Государя къ вопросу о характерѣ его власти, приведеннымъ сообщеніемъ Вильямса нельзя ограничиться и приходится искать другихъ указаній косвеннымъ путемъ, путемъ выясненія мнѣній ближайшихъ его сотрудниковъ, которые не могли не быть въ соотвѣтствіи съ міросозерцаніемъ монарха или же непосредственно вліять на него. Остановимся на яркихъ фигурахъ министра юстиціи И. Г. Щегловитова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта А. Н. Куломзина и министра земледѣлія А. В. Кривошеина.

Министръ Юстиціи Щегловитовъ, «глава крайнихъ правыхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, самый крайній и непримиримый изъ реакціонеровъ», посѣтилъ 5/18 Января 1915 года Палеолога, которому, между прочимъ, высказалъ:

«Что же касается Россіи, то вопросъ о моральныхъ силахъ разрѣшается сравнительно просто. Лишь бы русскій народъ не былъ поколебленъ въ своемъ монархическомъ чувствѣ и онъ вынесетъ все, онъ совершитъ чудеса героизма и самоотверженія. Не забывайте, что въ глазахъ русскихъ — я хочу сказать истинныхъ русскихъ, — Его Величество, Государь, воплощаетъ въ себѣ не только Верховную власть, но и религію и отечество. Вѣрьте мнѣ, что внѣ царской власти, нѣтъ спасенія, потому что внѣ ея нѣтъ Россіи... — Царь помазанникъ Божій, избранный Богомъ быть верховнымъ покровителемъ Церкви и всемогущій Глава Имперіи. Въ народной вѣрѣ онъ образъ Христа на землѣ. А, такъ какъ, онъ получилъ власть отъ Бога, то только Богу и обязанъ отчетомъ. Божественная сущность его власти имѣетъ послѣдствіемъ то, что самодержавіе и націонализмъ нераздѣльны... Проклятіе на тѣхъ безумцевъ, которые подымаютъ руку на этотъ догматъ! Конституціонный либерализмъ, ранѣе всего ересь, а потому химера и глупость. Нѣтъ національной жизни внѣ самодержавія и православія. Если политическія реформы нужны, то онѣ могутъ осуществиться только въ духѣ самодержавія и православія».

Палеологъ на это отвѣтилъ:

«Сила Россіи имѣетъ существеннымъ условіемъ тѣсное единеніе Императора съ народомъ. По соображеніямъ, отличнымъ отъ вашихъ, я прихожу къ тому же заключенію. Я не перестаю, поэтому проповѣдывать это единеніе». (Т. I. с. 273-4).

Было бы несправедливо къ памяти Ивана Григорьевича не отмѣтить здѣсь насколько его слова оказались пророческими и свидѣтельствовали о глубокомъ пониманіи ихъ русской дѣйствительности. Уже въ Маѣ 1917 года, при временномъ правительствѣ, Бьюкененъ записываетъ: «Нынѣшній русскій солдатъ не понимаетъ ради чего и ради кого онъ воюетъ. Прежде онъ готовъ былъ отдать жизнь за Царя, олицетворявшій въ его глазахъ Россію, но теперь, когда Царя нѣтъ, Россія, за предѣлами его деревни, ничего для него не представляетъ». (Т. II., стр. 92).

14/27 Января посла посѣщаетъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта А. Н. Куломзинъ. Палеологъ не скрываетъ отъ него опасеній, которыя внушаютъ ему неудовольствіе общества, слу-

хи о которомъ доходятъ до него со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ разговоръ переходитъ на внутреннюю политику:

— «Реформы, о которыхъ я думаю», говоритъ Куломзинъ, «и которыя было бы слишкомъ долго вамъ излагать, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыхъ требуютъ наши конституціоналисты-демократы изъ Думы и — извините мою откровенность — тѣми, которыя намъ рекомендуютъ такъ настойчиво нѣкоторые западные публицисты. Россія не западная страна и ею никогда не будетъ. Весь нашъ національный темпераментъ отвергаетъ ваши политическіе методы. Реформы, которыя я себѣ представляю, внушаются напротивъ двумя принципами, которыя являются основами нашего режима: самодержавіемъ и православіемъ. Не теряйте никогда изъ вида, что Государь получилъ свою власть отъ самого Бога, черезъ таинство миропомазанія (при коронованіи) и, что онъ не только глава Русскаго государства, но еще и высшій покровитель православной Церкви, верховный глава (l'arbitre) Святѣйшаго Синода. Раздѣленіе церкви отъ государства, которое кажется естественнымъ во Франціи, невозможно у насъ: оно противорѣчило бы нашей исторической эволюціи. Царизмъ и православіе сцѣплены у насъ неразрывною связью, связью божественнаго права. Царь также не можетъ отказаться отъ самодержавія, какъ и отступить отъ православія. Внѣ самодержавія и православія есть мѣсто только для революціи, а подъ революціей я понимаю анархію, полное разрушеніе Россіи. У насъ революція можетъ быть только разрушительной и анархической. (Т. I. с. 281-282).

Недѣли черезъ двѣ, Палеологъ бесѣдуетъ на ту же тему съ министромъ земледѣлія А. В. Кривошеинымъ, который говоритъ:

— Въ побѣдѣ нашихъ армій я не сомнѣваюсь, но при одномъ условіи: духовнаго единенія правительства и общественнаго мнѣнія. Это единеніе было совершенно въ началѣ войны; я долженъ, къ сожалѣнію, сознаться, что оно нынѣ находится подъ угрозою. Я объ этомъ еще третьяго дня говорилъ съ Государемъ... Увы, этотъ вопросъ существуетъ не съ сегодняшняго дня. Антагонизмъ между Императорскимъ правительствомъ и обществомъ самый ужасный бичъ нашей политической жизни. Я съ болью наблюдаю это съ давняго времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я выразилъ свое огорченіе въ фразѣ, которая имѣла, въ то время, нѣкоторое распространеніе, я сказалъ: Будущность Россіи ненадежна пока правительство и общественность упорствуютъ во взглядѣ другъ на друга, какъ на два враждебныхъ лагеря, пока каждая изъ сторонъ будетъ обоз-

начать другую словомъ «они», а эти «они» не будутъ примѣнять слово «мы», чтобы обозначить всю совокупность русскаго общества. Чья въ этомъ вина? Какъ всегда ничья и всѣхъ.

Злоупотребленіе и анахронизмы царизма васъ безпокоютъ. Вы не неправы. Но можно ли предпринимать реформу, сколько нибудь значительную, во время войны? Очевидно, нѣтъ. Если царизмъ и имѣетъ важные недостатки, то онъ имѣетъ также первоклассныя достоинства, незамѣнимыя добродѣтели: онъ могущественная связь всѣхъ разнообразныхъ элементовъ, которыхъ работа многихъ вѣковъ собрала около старой Москвы. Только царизмъ созналъ наше національное единство. Выбросьте этотъ могучій принципъ и вы увидите, что Россія немедленно разложится и распадется. Кто отъ этого выиграетъ? Разумѣется не Франція. Однимъ изъ мотивовъ привязывающимъ меня къ царизму, тотъ, что я признаю его способнымъ къ эволюціи. Онъ уже такъ часто эволюціонировалъ. Учрежденіе Думы въ 1905 году фактъ чрезвычайной важности, измѣнившій всю нашу политическую физіономію. Я считаю, что необходимо еще болѣе точное разграниченіе Императорской власти, а также распространеніе контроля Думы надъ администраціею. Я нахожу также, что въ нашемъ правительственномъ аппаратѣ придется произвести широкую децентрализацію. Но, повторяю вамъ, господинъ посолъ, это можно будетъ сдѣлать только послѣ войны». (Т. I. с. 288-290).

Такъ представляется, со словъ Палеолога, идеологія самодержавія Щегловитова, Куломзина и Кривошеина, приводимая здѣсь, такъ сказать, съ праваго до лѣваго фланга. На первыхъ двухъ лежитъ значительная печать мистицизма, какъ будто бы наиболѣе близкая духовному складу Императора Николая II. Въ Кривошеинѣ чувствуется уже нѣкоторый модернизмъ, что дѣлало его наиболѣе пріемлемымъ министромъ въ либеральныхъ кругахъ. Пріемлемъ, но на долго ли?

Можно раздѣлять или не раздѣлять взглядовъ вышеназванныхъ сотрудниковъ Николая II, но нельзя не признать того пророческаго значенія, которое заключалось въ ихъ словахъ. И, если справедливо изреченіе, что «gouverner c'est prêvoir», то нельзя отнять у нихъ права на аттестатъ государственныхъ людей. Было бы мудрено отнять его и у того, кто олицетворялъ и отстаивалъ эти идеи.

Итакъ, нѣкоторые изъ ближайшихъ сотрудниковъ Госу-

даря еще въ началѣ войны исповѣдывали идею самодержавія. Пришлось убѣдиться и намъ, что и послѣдующее дало достаточно основаній поддерживать эту доктрину. Доктрину эту приходилось не только поддерживать, но и защищать. На самомъ дѣлѣ, указываемая Кривошеинымъ въ бесѣдѣ съ Палеологомъ, драма Россіи, заключавшаяся въ раздѣленіи ея на «мы» и «они», была гораздо глубже. Уже почти сто лѣтъ Россія была въ состояніи революціи. Царская власть отстаивала самодержавіе, а тѣ, которые считали себя въ правѣ говорить отъ имени народа, требовали участія народа или, точнѣе, ихъ самихъ, въ управленіи.

Расширеніе правъ народа въ управленіи не есть абсолютное благо, а является лишь средствомъ къ предполагаемому достиженію этого блага, а потому, о степени участія народа въ управленіи страной можно быть разнаго мнѣнія. Гамма начинается отъ прусскаго полицейскаго государства до диктатуры пролетаріата. Каждая политическая партія претендуетъ на патентъ достиженія народнаго блага. Слѣдовательно, и Государь имѣлъ право имѣть по этому предмету свое мнѣніе и его отстаивать. Исторія самодержавія въ Россіи, расширившаго государство отъ предѣловъ Московскаго княжества до Имперіи, въ которомъ дѣйствительно не заходило солнце, давало къ тому достаточное основаніе. И не только Царь и консерваторы стояли на этой точкѣ зрѣнія, но и иностранцы. Въ подтвержденіе сего приходится вновь цитировать Палеолога.

«... Уничтоженіе самодержавія, вѣроятно, откроетъ безконечную эру смутъ, подобно той, какая послѣдовала послѣ смерти Іоанна Грознаго, такъ какъ самодержавіе не только оффиціальная форма русскаго образа правленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе, лѣса и структура всего русскаго строя. Самодержавіе создало историческую индивидуальность Россіи и ее поддерживало. Вся коллективная жизнь русскаго народа слилась съ самодержавіемъ. Внѣ самодержавія ничего нѣтъ». (Т. III. с. 203).

Позднѣе Палеологъ высказываетъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ:

— «Я допускаю, что вы мѣняете Царя,но сохраните самодержавіе... самодержавіе — это лѣса, на которые опирается Россія, броня сопротивленія, незамѣнимая для русскаго общества; наконецъ, оно единственная спайка разнородныхъ народностей Имперіи... если самодержавіе рухнетъ, будьте увѣрены, что оно повлечетъ за собою и всю храмину Россіи». (Т. III. с. 228).

Къ сожалѣнію, приведенныя мысли высказались уже пос-

лѣ переворота, что, однако, не уменьшаетъ ихъ принципіальнаго значенія. Впрочемъ, довольно понятно, что такія заключенія создались вполнѣ опредѣленно въ представленіи западника лишь тогда, когда онъ увидѣлъ къ чему пришла Россія, утративъ самодержавную власть, но тѣмъ цѣннѣе становятся, тѣмъ самымъ, мысли русскихъ государственныхъ людей, а въ томъ числѣ и Государя, которые это предвидѣли.

Защищать самодержавіе Государь не только имѣлъ право, но и обязанность. И онъ защищалъ свое самодержавіе.

Понимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребности своего времени, Государь неоднократно шелъ къ нимъ на встрѣчу. И чѣмъ же отвѣчало на это общество? Сдѣланныя уступки, ослаблявшія правительственный аппаратъ, неизмѣнно обращались въ орудіе противъ ослабленной власти. Кто прослѣдитъ за революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, тотъ убѣдится въ томъ, что усиленіе этого движенія никогда не являлось непосредственнымъ послѣдствіемъ реакціи, а, напротивъ, проявлялось въ моменты болѣе либеральнаго направленія власти. Такъ напримѣръ, убійство Императора Александра II произошло наканунѣ опубликованія его рѣшенія «увѣнчать зданіе великихъ реформъ». Послѣ манифеста 17 Октября 1905 года, который логически долженъ былъ-бы успокоить Россію, безпорядки вспыхнули съ новою силою. Чьи то силы не хотѣли допустить Россію встать на путь либеральныхъ реформъ, обезпечивающихъ ея разцвѣтъ. Въ этомъ заключалась вся великая трагедія послѣдняго столѣтія Императорской Россіи. Въ особенности это проявилось въ царствованіе Императора Николая II и достигло наивысшаго напряженія во время Великой Войны.

«Государь», пишетъ Жильяръ, «давно уже колебался согласиться на либеральныя уступки, которыхъ отъ него требовали: но онъ находилъ, что моментъ дурно выбранъ и что было бы опасно пытаться дѣлать реформы во время войны» (140).

Трудно не согласиться съ такимъ рѣшеніемъ Государя: «на переправѣ лошадей не перепрягаютъ.»

Но общественность смотрѣла на дѣло иначе. Она находила, что, пользуясь тѣми затрудненіями, въ которыя ставило правительство война, легче отъ правительства эти уступки вырвать.

Первыя неудачи войны дали для этого поводъ. Россія оказалась недостаточно къ ней подготовленной. Въ частности, упрекали Государя въ неудовлетворительной дѣятельности въ этомъ отношеніи Сухомлинова, на которую со всѣхъ сторонъ было обращено его вниманіе. На этотъ упрекъ можно отвѣтить,

что одной изъ важнѣйшихъ задачъ военнаго министра была организація мобилизаціи и продовольствія арміи. По этому поводу Легра отмѣчаетъ:

«Какъ же мы должны восхищаться Россіей, въ теченіе трехъ лѣтъ побѣждавшей эти огромныя затрудненія? Имѣемъ ли мы право забывать, что, несмотря на ея неудовлетворительныя средства передвиженія, она осуществила мобилизацію на нѣсколько дней ранѣе расписанія; что она перебросила и продовольствовала свои арміи до Центра Западной Европы и почти до окраинъ Малой Азіи!» (с. 440).

Фактъ готовности нашей арміи, даже ранѣе положеннаго срока, не можетъ не быть поставленъ въ заслугу министру. Онъ далъ намъ возможность осуществить движеніе въ Восточную Пруссію. Прекрасная постановка интендантскаго дѣла обезпечила нашимъ арміямъ проявленіе своихъ боевыхъ качествъ. Дальнѣйшіе же успѣхи войскъ зависили уже отъ новыхъ обстоятельствъ и отъ общихъ условій войны, непредвидѣнныхъ ни одной изъ воюющихъ сторонъ. — Какое же государство, кромѣ Германіи, оказалось къ ней готовымъ? Если бы не героическій стремительный походъ Русской Арміи въ Восточную Пруссію, Франція бы погибла. Англія приняла реальное участіе въ войнѣ лишь черезъ полъ-года. Всѣ военные авторитеты предшествовавшей войнѣ эпохи утверждали, что Европейская война не можетъ продлиться болѣе полугода. Такъ думали и экономисты. Этому тезису посвящены шесть толстѣйшихъ томовъ, извѣстнаго Бліеха. Военные и экономисты ошиблись. Но на полъ-года, даже и въ отношеніи боевыхъ припасовъ, Россія была готова. Правительство обвинялось въ томъ, что своей непредусмотрительностью, оно обрекло Россію на десятки и сотни тысячъ ненужныхъ жертвъ. Если правительство такъ плохо, то — очевидно — нужно взять его власть въ свои руки. Таковъ былъ логическій выводъ. По вышеприведеннымъ соображеніямъ Государь былъ иного взгляда и между нимъ и обществомъ началась борьба.

«Онъ не дорожилъ для себя лично своими прерогативами самодержца», свидѣтельствуетъ Жильяръ, «такъ какъ онъ былъ олицетвореніемъ простоты и скромности, но онъ опасался послѣдствій, которыя радикальныя перемѣны могли бы имѣть при обстоятельствахъ столь исключительной важности». (с. 141).

Люди, которые обвиняли Государя въ упорномъ отстаиваніи того, что онъ считалъ жизненно необходимымъ для блага родины, «въ ослѣпленіи страстей, не понимали какую моральную силу, вопреки всему, представлялъ для русскаго народа, Царь,

непреклонно рѣшившійся побѣдить; не понимали, что мысль, которую онъ воплощалъ въ народныхъ массахъ, только одна могла вести къ побѣдѣ и спасти Россію отъ порабощенія Германіей...» «....забывали,что Россія состоитъ не только изъ четырнадцати, пятнадцати милліоновъ (?) людей, зрѣлыхъ для парламентскаго строя, но и изъ ста тридцати милліоновъ мужиковъ, по большей части нецивилизованныхъ и несознательныхъ, для которыхъ Царь оставался помазанникомъ Божьимъ, тѣмъ, кого Богъ избралъ чтобы управлять судьбами Великой Россіи» (Жильяръ 158-159).

«Николай II не любилъ проявленія своей власти», говоритъ Палеологъ. «Если онъ ревниво защищаетъ прерогативы самодержавія, то единственно по причинамъ мистическимъ. Онъ никогда не забываетъ, что получилъ власть отъ самого Бога и онъ всегда думаетъ о томъ отчетѣ, который ему должно будетъ отдать въ долинѣ Іосафата. Это представленіе о роли монарха, совершенно противоположно тому, которое вдохновило знаменитый отвѣтъ Наполеона Редереру: — «Я люблю власть, но я люблю ее какъ артистъ, я люблю ее какъ музыкантъ любитъ свою скрипку, чтобы вызывать изъ нея звуки, аккорды, гармоніи.» Добросовѣстность, гуманность, кротость, честь — вотъ, мнѣ кажется, выдающіяся добродѣтели Николая II, но у него нѣтъ священнаго огня (правителя)». (Т. III. с. 180).

Когда справедливая исторія начертаетъ образъ благороднаго Николая II, подчеркнутыя слова французскаго посла,несомнѣнно, найдутъ на ея скрижаляхъ свое мѣсто. Что же касается священнаго огня, то такового, каковымъ онъ былъ у геніальнѣйшаго артиста, сценой котораго была вся Европа, а зрительнымъ заломъ весь цивилизованный міръ — у Николая II не было. Онъ не былъ артистомъ, а Богомъ помазаннымъ на царство Государемъ и его священнымъ огнемъ былъ тихій огонекъ лампады, передъ ликомъ святыхъ угодниковъ, передъ образомъ Царя Царей въ терновомъ вѣнцѣ и багряницѣ.

Государя огульно обвиняли въ слабости и безхарактерности, но когда онъ защищалъ свое самодержавіе, то это, почему-то называлось упрямствомъ. Но интересно выяснить былъ ли онъ въ дѣйствительности столь слабохарактернымъ, и не скрывались ли подъ этимъ, приписываемымъ ему свойствомъ, иныя качества?

Лица, бравшіяся характеризовать Государя, подчеркивали, въ отрицательномъ смыслѣ, какую то непонятную его безчувственность. Враги Государя склонны были усиливать эту чер-

ту до признанія въ немъ какъ бы атрофіи моральнаго чувства. *)

Палеологъ (Т. III. с. 22) приводитъ, какъ характерный, случай, что послѣ Ходынской катастрофы, Государь спокойно поѣхалъ на балъ, а, получивъ телеграмму о пораженіи нашего флота у Цусимы, положилъ ее въ карманъ и безмятежно продолжалъ играть въ теннисъ. (Т. III. с. 22).

Если находились люди, допустившіе чудовищную мысль, что Государь относился съ равнодушіемъ къ интересамъ своей родины и страданіямъ своихъ подданныхъ, то не найдется ни одного человѣка, который отказалъ бы ему въ безпредѣльной любви къ своей семьѣ, а въ особенности къ сыну. Враги Государя даже склонны были объяснять его равнодушіе къ другимъ людямъ поглощеніемъ всѣхъ его чувствъ семьей, а между тѣмъ какъ эти чувства проявлялись въ глазахъ постороннихъ?

Осенью 1912 года Наслѣдникъ заболѣваетъ въ Спалѣ припадкомъ гемофиліи. Августѣйшіе родители, по политическимъ соображеніямъ, считали нужнымъ скрывать это даже отъ своихъ ближайшихъ. Въ этотъ вечеръ Великія Княжны принимали участіе въ маленькомъ домашнемъ спектаклѣ.

«Императрица», записываетъ Жильяръ, «въ первомъ ряду, оживленная и улыбающаяся, бесѣдуетъ съ сосѣдями.

По окончаніи спектакля, я вышелъ черезъ заднюю дверь и оказался въ корридорѣ передъ комнатою Алексѣя Николаевича, чьи стоны до меня явственно доносились. Внезапно я увидѣлъ Императрицу, приближавшуюся бѣгомъ и поддерживающую въ поспѣшности обѣими руками, стѣсняющее ее длинное платье. Я прижался къ стѣнѣ, она прошла мимо, не замѣтивъ меня. Лицо ея было взволновано и искажено тревогою. Я вернулся въ залъ; въ немъ царствовало оживленіе; ливрейные лакеи разносили блюда съ прохладительными напитками; всѣ смѣялись , шутили; вечеръ шелъ полнымъ ходомъ. Императрица вернулась нѣсколько минутъ спустя; она вновь надѣла свою маску и силилась улыбаться окружающимъ. Но я замѣтилъ, что Государь, продолжая бесѣду, всталъ такъ, чтобы наблюдать за дверью, и я замѣтилъ на лету взглядъ отчаянія, который бросила ему Императрица съ порога. Часъ спустя, я вернулся къ себѣ, еще глубоко потрясенный этой сценой, которая внезапно обнаружила мнѣ всю драму этого двойного существованія.

---

*) Объясненіе, данное выдержкѣ Государя Диллономъ въ его книгѣ «Закатъ Россіи», написанное подъ вліяніемъ Витте. Извольскій, стр. 221.

«Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что болѣзнь еще ухудшилась, въ жизни Спалѣ не проявилось никакихъ измѣненій. Только Императрица все менѣе и менѣе показывалась, но Государь, преодолѣвая свое безпокойство, продолжалъ свои поѣздки на охоту и за обѣдомъ собирались обычные гости (24).

Такая же «безчувственность» Государя проявлялась относительно Наслѣдника и въ дѣлѣ его воспитанія.

Сдѣлавшись воспитателемъ Цесаревича, Жильяръ пришелъ къ заключенію, что непрестанные страхи за его здоровье могутъ вредно отразиться на его характерѣ и сдѣлать его безвольнымъ, и даже морально калѣкою. «Это было дѣломъ родителей, (предоставленіе ребенку большей самостоятельности) ихъ однихъ, принять окончательное рѣшеніе, которое могло имѣть столь серіозныя послѣдствія для ихъ ребенка. Къ моему великому удивленію, они вполнѣ присоединились къ моимъ мыслямъ и выразили готовность подвергнуться всѣмъ опасностямъ опыта, на который я склонялся не безъ ужаснаго безпокойства. Они, очевидно, сознавали тотъ вредъ, который приносила нынѣшняя система и что именно было наиболѣе цѣннымъ для ихъ сына. И если любовь ихъ къ нему была безпредѣльна, то эта самая любовь давала имъ силы лучше подвергать его риску несчастнаго случая, послѣдствія котораго могли быть смертельными, чѣмъ увидѣть его человѣкомъ безъ мужества и моральной независимости». (Стр. 33).

Однако, опытъ, произведенный Жильяромъ, оказался неудачнымъ. Вскорѣ ребенокъ упалъ со скамейки, ушибъ колѣно и у него начался обычный припадокъ гемофиліи.

«Я былъ подавленъ», записываетъ Жильяръ. «Однако, ни Государь, ни Императрица не сдѣлали мнѣ и тѣни упрека. Напротивъ, они проявили сердечное желаніе, чтобы я не утерялъ надежды въ достиженіи задачи, которую болѣзнь дѣлала столь опасною». (с. 33).

Послѣ двухмѣсячнаго періода выздоровленія — возстановленіе здоровья всегда было очень длительнымъ—«Государь и Императрица рѣшили продолжать, несмотря на весь рискъ, итти по намѣченному пути». (с. 53).

Можно себѣ представить, что чувствовали Государь и Императрица, спокойно и «безчувственно» смотря на Наслѣдника, поставленнаго внѣ условій постоянной охраны отъ неосторожности, что могло его погубить. Они терпѣли эту муку въ сознаніи необходимости дать своему сыну развиться въ условіяхъ нормальныхъ, чтобы сдѣлать изъ него достойнаго наслѣдника

престола. Чувства родителей приносились въ жертву обязанностямъ монарха.

А насколько Государь умѣлъ понимать отцовскія чувства, видно изъ замѣтки генерала Вильямса:

«20 Декабря 1916 года. Я узналъ о кончинѣ моего старшаго сына. Я былъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ Государя, передъ обѣдомъ, когда Цесаревичъ одинъ вышелъ изъ комнаты отца, бросился ко мнѣ и, сѣвъ рядомъ со мною, сказалъ: «Папа сказалъ мнѣ пойти и посидѣть съ вами, т. к. онъ думаетъ, что вы чувствуете себя сегодня вечеромъ одинокимъ». (Стр. 138-139).

Трудно представить себѣ болѣе умилительное и деликатное проявленіе сочувствія къ отцу, потерявшему своего ребенка.

Нечувствительность къ чужимъ страданіямъ, приписываемая Императору Николаю, отрицаетъ и Извольскій.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, послѣ взрыва на Аптекарскомъ островѣ дачи, гдѣ жилъ Столыпинъ, причемъ пострадали дѣти министра, Извольскій отмѣчаетъ:

...«Онъ (Государь) осыпалъ семью Столыпина трогательнымъ вниманіемъ. Бывъ свидѣтелемъ образа дѣйствія Николая II въ этомъ случаѣ, я могу засвидѣтельствовать полную лживость обвиненій, согласно которымъ онъ былъ странно нечувствителенъ къ чужимъ страданіямъ». (243)

Тотъ же Извольскій приводитъ примѣръ удивительной выдержки Государя.

Дѣло происходило во время безпорядковъ 1905 года.

«Въ тотъ день, когда мятежъ достигалъ своего кульминаціоннаго пункта, я находился близъ Императора Николая, которому я дѣлалъ устный докладъ; это происходило въ Петергофѣ, во дворцѣ или, вѣрнѣе на Императорской дачѣ, расположенной на берегу Финскаго залива, напротивъ острова, на которомъ высится, на разстояніи около пятнадцати километровъ, Кронштадтская крѣпость. Я сидѣлъ противъ Государя у маленькаго стола при окнѣ съ видомъ на море. Въ окно виднѣлись вдали линіи укрѣпленій. Пока я докладывалъ Государю разныя очередныя дѣла, мы явственно слышали звуки канонады, которая, казалось, съ минуты на минуту дѣлалась все болѣе интенсивной. Государь слушалъ меня внимательно и ставилъ мнѣ, согласно своему обычаю, вопросы, которые доказывали, что онъ интересуется мельчайшими подробностями моего доклада. И сколько я его, украдкою, ни разглядывалъ, я не могъ подмѣтить въ его чертахъ ни малѣйшаго признака волненія; однако онъ долженъ былъ знать, что въ эти минуты въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, дѣло шло объ его коронѣ. Если бы крѣпость

осталась въ рукахъ возставшихъ, то положеніе столицы сдѣлалось бы не только ненадежнымъ, но и его собственная судьба и судьба его семьи были бы серьезно угрожаемы; орудія Кронштадта могли помѣшать всякой попыткѣ бѣгства моремъ.

Когда мой докладъ былъ законченъ, Государь остался нѣсколько мгновеній спокойнымъ, смотря черезъ открытое окно на линію горизонта. Я же былъ охваченъ сильнымъ волненіемъ и не могъ воздержаться, рискуя нарушеніемъ этикета, чтобы не выразить моего удивленія видѣть его столь спокойнымъ. Государь, повидимому, вовсе не былъ покороблень моимъ замѣчаніемъ. Обративъ на меня свой взоръ, необычайную доброту котораго столь часто отмѣчали, онъ отвѣтилъ мнѣ этими, рѣзко врѣзавшимися въ мою память, словами:

«Если вы видите меня столь спокойнымъ, то это потому, что я имѣю непоколебимую вѣру въ то, что судьба Россіи, моя собственная судьба и судьба моей семьи, въ рукахъ Господа, который поставилъ меня на то мѣсто, гдѣ я нахожусь. Чтобы ни случилось, я склонюсь передъ Его волей, въ убѣжденіи, что никогда не имѣлъ иной мысли, какъ служить той странѣ, которую Онъ мнѣ вручилъ». (221-22)

Одинъ мудрецъ сказалъ, что самой трудной побѣдой является побѣда надъ самимъ собой. Эту побѣду Царь одержалъ: никто болѣе его не умѣлъ владѣть собою. И трудно представить себѣ, чтобы человѣкъ, проявившій такую волю по отношенію къ самому себѣ, не владѣлъ ею вообще.

Въ дальнѣйшемъ теченіи настоящаго изслѣдованія, читатель увидитъ, что Государь до самого конца своего царственнаго служенія проявилъ неуклонную волю къ побѣдѣ. Одержать эту побѣду, даже по признанію иностранцевъ, можно было только при сохраненіи самодержавія. Царь положилъ всю свою волю къ его сохраненію, во всякомъ случаѣ, во время войны. Что произошло бы далѣе — неизвѣстно. Однако изъ вышеприведенныхъ словъ Жильяра и генерала Вильямса, скорѣе можно сдѣлать выводъ, что Государь пошелъ бы по пути расширенія правъ народнаго представительства, но при условіи нѣкоторой постепенности. Уже одно учрежденіе Думы, по выраженію Кривошеина, указало, что самодержавіе способно къ эволюціи... Но Государю опять и опять помѣшали повести Россію къ ея дѣйствительному благу...

А пока Царь всѣми силами боролся за побѣду, обществомъ уже овладѣлъ пессимизмъ. Оно не вѣрило въ возможность побѣды, не вѣрило въ силу нашей исторической власти, критиковало ее, подрывало къ ней довѣріе, желало и боялось, боялось

и желало революціи. Къ дѣйствительнымъ ошибкамъ правительственной власти, присоединились измышленія, ложь и клевета. Усугубляемая этими пріемами тягость обстановки приводила къ желаемому выводу — къ необходимости измѣненія формы правленія. И къ этому были направлены всѣ силы оппозиціи. И вотъ, рядомъ съ воображаемой опасностью интриги, ведущей къ сепаратному миру, выростаетъ новая, уже реальная, хотя еще въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, опасность, революціоннаго воздѣйствія на власть.

Французскій посолъ зорко слѣдилъ за обоими движеніями. Всматриваясь во второе, онъ, какъ западникъ, несомнѣнно болѣе симпатизируетъ либераламъ, чѣмъ консерваторамъ, въ которыхъ онъ склоненъ видѣть нѣмецкую опасность, но не оцѣниваетъ устоевъ того порядка, который единственно могъ довести Россію до побѣднаго конца, а вмѣстѣ съ тѣмъ, симпатизируя либераламъ, какъ умный человѣкъ, онъ все время опасается, чтобы ихъ выступленіе, по своей несвоевременности, не погубило возможности довести войну до разгрома Германіи.

Приблизительно въ это время возникаетъ дѣло по обвиненію въ предательствѣ полковника Мясоѣдова, служившаго по развѣдывательной части при X-ой арміи. Это дѣло дало поводъ Керенскому, по словамъ Палеолога, написать письмо предсѣдателю Государственной Думы, требуя ея созыва. — «Измѣна», пишетъ онъ, «имѣетъ источникомъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ. *) Обществу извѣстно, что руководители этого государственнаго учрежденія только и думаютъ о томъ, какъ бы возстановить, какъ можно скорѣе, прежнее единеніе съ прусской монархіею, необходимой поддержкой нашей внутренней реакціи. Дума должна охранить страну отъ этого удара, который ей наносятъ въ спину. Отъ имени своихъ избирателей, прошу васъ, господинъ предсѣдатель, настоять на немедленномъ созывѣ Думы, чтобы она могла исполнить, въ этотъ важный моментъ, свой долгъ надзора надъ исполнительною властью». (Т. II. с. 325).

И это дерзалъ писать Керенскій, впустившій въ Россію въ запломбированномъ вагонѣ пасифиста и нѣмецкаго агента Ленина!

---

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что, состоя при штабѣ арміи, Мясоѣдовъ ни въ коемъ случаѣ по названному Министерству не служилъ.

Если указанный образъ дѣйствій Керенскаго былъ актомъ планомѣрно веденной противъ правительства кампаніи, то общество того времени всемѣрно, хотя и безсознательно, ей содѣйствовало. Всякіе, самые нелѣпые, слухи, если только они были направлены противъ власти, находили въ обществѣ благодарную почву. Образчикомъ сему можетъ послужить разговоръ Палеолога съ Великой Княгиней Маріей Павловной, имѣвшей, казалось бы, возможность разбираться въ окружающей обстановкѣ.

Она спрашиваетъ посла: «Правда ли, что измѣна Мясоѣдова была открыта французской полиціей и что, дабы говорить съ нимъ объ этомъ, Государь вызывалъ посла въ Барановичи? Правда ли, что Витте покончилъ съ собою, когда онъ узналъ, что въ рукахъ Палеолога находятся документы его переговоровъ съ Германіей?»

На это посолъ отвѣтилъ, что узналъ о дѣлѣ Мясоѣдова лишь три или четыре дня до его осужденія и то по довѣрительному сообщенію русскаго офицера. Что же касается графа Витте, то онъ съ опредѣленностью знаетъ, что графъ умеръ внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ. (Т. I. с. 327).

Революція въ лицѣ Керенскаго и легковѣрное и недоброжелательное общество какъ бы подавали другъ другу руку. Оппозиція тоже дѣлала свое дѣло:

27 Января (9 Февраля) 1915 года, послѣ открытія Думы, Шингаревъ «передаетъ послу довольно точно то, что въ своей здоровой части думаетъ русская публика»: — «Франція имѣетъ въ Россіи вѣрную союзницу, союзницу, которая пожертвуетъ послѣднимъ солдатомъ, послѣдней копѣйкой, чтобы добиться побѣды... Но нужно, чтобы Россія сама не была предана нѣкоторыми тайными заговорами, которые становятся опасными. *) Вы выгоднѣе поставлены, г. посолъ, чтобы видѣть многое, чего мы лишь подозрѣваемъ». (Т. I. с. 291).

Все дальнѣйшее показало, что тайные заговоры были революціонной выдумкой, но какъ было не вѣрить въ ихъ существованіе, когда членъ Государственной Думы, указывалъ на нихъ иностранному послу, подрывая его довѣріе къ власти, и это вполнѣ оправдываетъ всю дальнѣйшую подозрительность Палеолога. «Здоровая часть» русскаго общества того времени не имѣла необходимой стойкости нервовъ, чтобы выдержать всѣ испытанія войны, въ противность войскамъ, которыя все еще

*) Курсивъ нашъ.

бодро дѣлали свое дѣло: на фронтѣ все еще было благополучно. Но былой энтузіазмъ уже остылъ въ тылу. Видѣли только ошибки правительства, даже тамъ, гдѣ ихъ не было... и слово революція повторялось во всѣхъ углахъ.

Ниже приводятся выдержки изъ характернаго по этому поводу разговора, происшедшаго между Палеологомъ и извѣстнымъ промышленникомъ Путиловымъ 19 Мая (2 Іюня) 1915 года, которымъ посолъ заканчиваетъ I томъ своихъ воспоминаній.

«Дни самодержавія сочтены», говоритъ Путиловъ, «оно погибло, неминуемо погибло, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно тѣ лѣса, на которыхъ держится національное единеніе. Революція отнынѣ неизбѣжна. Она только ждетъ случая, чтобы вспыхнуть. Этимъ случаемъ будетъ военная неудача, голодъ въ провинціи, стачка въ Петербургѣ, мятежъ въ Москвѣ, скандалъ или дворцовый переворотъ — безразлично.... У насъ революція можетъ быть только разрушительной, такъ какъ образованная часть общества представляетъ ничтожное количественное меньшинство, безъ организаціи и политическаго опыта, безъ контакта съ массами... Конечно, это буржуазія, интеллигенція и «кадеты» дадутъ сигналъ революціи, думая спасти Россію. *) Но изъ буржуазной революціи мы немедленно подпадемъ подъ революцію рабочую, а затѣмъ мужицкую. Тогда начнется страшная анархія — десять лѣтъ анархіи. Увидимъ эпоху Пугачева и даже гораздо худшую.» (T. I. c. 372).

А вотъ какъ въ передачѣ долго жившаго въ Россіи иностранца Верстрата думало «передовое» общество того времени:

«Чтобы понять внутреннее положеніе Россіи исходите изъ убѣжденія, что правительство ничего не стоитъ, что администрація очень корыстолюбива и вызываетъ пожеланія имѣть лучшую и что нѣмецкое вліяніе остается еще очень сильнымъ въ реакціонной партіи, находящейся у власти и которую Императрица поддерживаетъ. Эта партія ненавидитъ людей честныхъ, серьезныхъ и работающихъ, вродѣ генерала Поливанова... Но есть нація, которая понимаетъ нѣмецкую опасность, либеральная партія, которая съ нами, большой городъ Москва — душа русскаго національнаго напряженія, — и очень храбрая армія, которая, не ослабѣвая, несетъ ужасающія потери и чье настроеніе остается превосходнымъ. Точно также, какъ нѣмцы не предвидѣли французскаго возрожденія, также

*) Курсивъ нашъ.

они не угадали, что появится новая Россія за оффиціальною Россіею, которую они имѣли право презирать. Вопросъ только въ томъ, которая Россія побѣдитъ.» (с. 77).

Побѣдила «новая», «либеральная» Россія. Презиравшая честныхъ людей (!) власть пала, пала власть, боровшаяся до конца и что осталось отъ Россіи, выросшей подъ этой властью?

Но еще болѣе типичной для того времени (весна 1915 г.) представляется слѣдующая бесѣда, передаваемая Палеологомъ:

«Весьма дѣятельный и нѣсколько экзальтированный корифей національнаго либерализма», бывшій гвардейскій офицеръ, посѣщаетъ посла, который, несмотря на привычку къ его пессимизму, пораженъ серьезностью, сосредоточенностью и страдальческимъ выраженіемъ его лица.

«Никогда», сказалъ онъ, «я не былъ такъ обезпокоенъ. Россія въ смертельной опасности! Никогда, въ теченіе всей своей исторіи, она не была столь близка къ гибели. Нѣмецкая зараза, которую она несетъ уже два вѣка въ своихъ жилахъ, готова ее убить. Она можетъ быть спасена только національной революціею».

«Революція во время войны!... Опомнитесь!»

«Да, я объ этомъ думаю. Революція, каковою я ее себѣ представляю и каковою я ее желаю, была бы освобожденіемъ всѣхъ народныхъ силъ, дивнымъ пробужденіемъ всѣхъ славянскихъ энергій. Послѣ нѣсколькихъ дней неизбѣжной смуты, допустимъ даже мѣсяца безпорядка и паралича, Россія воспрянетъ въ величіи, котораго вы и не подозрѣваете. Вы увидите тогда, сколько моральныхъ силъ въ русскомъ народѣ! Онъ заключаетъ въ себѣ неисчислимый источникъ мужества, энтузіазма и великодушія. Это величайшій изъ существующихъ въ мірѣ очаговъ идеализма!...

Это по головѣ слѣдовало бы ранѣе всего нанести ударъ. Государь могъ бы быть оставленъ на престолѣ, хотя онъ и лишенъ воли, но онъ въ сущности довольно патріотиченъ. Но Императрица и ея сестра, Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, Московская настоятельница, должны бы быть заключены въ монастырь на Уралѣ, какъ это дѣлалось въ былое время нашими Царями. Потомъ весь Потсдамскій дворъ, вся клика нѣмецкихъ бароновъ, вся камарилья Вырубовой и Распутина должны быть сосланы въ глубь Сибири».

Онъ заканчиваетъ точнымъ изображеніемъ арміи: она еще великолѣпна въ своемъ героизмѣ и самоотверженіи, но она

больше не вѣритъ въ побѣду; она чувствуетъ себя заранѣе обреченной, какъ стадо, которое ведутъ на убой. Въ одинъ прекрасный день, можетъ быть и очень скоро, произойдетъ всеобщій упадокъ духа, пассивное преданіе себя на волю Божью; она будетъ отступать безконечно, перестанетъ сражаться, не будетъ сопротивляться. Въ этотъ день наша нѣмецкая партія будетъ торжествовать! Мы будемъ вынуждены заключить миръ... и какой миръ...

«Наша послѣдняя ставка къ спасенію — національный государственный переворотъ». (Т. II. с. 40-42).

Комментаріи къ этой болтовнѣ излишни: исторія уже сказала свое слово. И вотъ, когда такіе «патріоты» разносили сплетни о козняхъ, изобрѣтенной вражеской пропагандою нѣмецкой партіи, о пониженіи моральнаго состоянія арміи, продолжавшей исполнять свой долгъ до той минуты, когда «національная революція», вскорѣ оказавшаяся интернаціональной, не освободила ее отъ этого долга и не превратила ее въ «толпу взбунтовавшихся рабовъ», какъ проявлялась слабость Царя, на котораго уже натравливали звѣря революціи?

Гофмейстерина Нарышкина говоритъ Палеологу:

— Государь безподобенъ... Никогда ни малѣйшаго признака унынія; всегда спокойный, всегда твердый, всегда у него слово укрѣпленія, непоколебимая вѣра въ побѣду.

— А Ея Величество? — спрашиваетъ посолъ.

— Она не менѣе тверда, чѣмъ Государь, и еще вчера говорила мнѣ: «Мы сдѣлали все, чтобы избѣжать войны; мы, слѣдовательно, можемъ быть увѣрены, что Богъ намъ дастъ побѣду!» (Т. I. с. 279-80).

Великій Князь Павелъ Александровичъ говоритъ ему тоже самое:

— Они оба превосходны въ своемъ мужествѣ. Никогда ни одной жалобы, никогда ни одного слова унынія. Они только и ищутъ, какъ бы поддержать другъ друга! (Т. I. с. 304).

Наши неудачи въ Галиціи, весною 1915 года, вызываютъ общее недовольство. По словамъ Палеолога: «всѣ политическія партіи, за исключеніемъ, разумѣется, крайнихъ правыхъ, требуютъ немедленнаго созыва Думы, чтобы положить конецъ неспособности военной администраціи и организовать гражданскую мобилизацію». (Т. II. с. 2).

Происходятъ волненія въ Москвѣ:

«На Красной площади толпа поноситъ Царя и Царицу, требуя заключенія Императрицы въ монастырь, низложенія Государя». (Т. II. с. 3).

Пропаганда и болтовня господъ Х., У. и Z.-овъ приноситъ уже свои плоды...

По свѣдѣніямъ Палеолога (изъ откровеній А. А. Вырубовой графинѣ N.) «министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ, министръ юстиціи Щегловитовъ исчерпываютъ всѣ усилія передъ Государемъ, чтобы разубѣдить его отъ созыва Думы и чтобы доказать ему, что Россія не можетъ продолжать войны. Относительно Думы Царь остается непроницаемымъ, несмотря на то, что Императрица всемѣрно поддерживаетъ министровъ. Что касается продолженія войны, то Николай II выражается съ горячностью, до того времени за нимъ невѣдомою: — «Заключить миръ, говоритъ онъ, было бы безчестьемъ и привело бы къ революціи. Вотъ, что осмѣлились мнѣ предлагать!» *) Императрица не менѣе энергично выражаетъ, что если бы Россія теперь оставила своихъ союзниковъ, то она покрыла бы себя вѣчнымъ позоромъ, но она заклинаетъ Государя не дѣлать никакихъ уступокъ парламентаризму и повторяетъ: — «Помни, болѣе чѣмъ когда нибудь, что ты самодержецъ, милостью Божьей. Богъ не простилъ бы тебѣ измѣны тому назначенію, которое Онъ далъ тебѣ на землѣ». (Т. II. с. 5).

Оставаясь непоколебимымъ въ вопросѣ о продленіи войны, Государь въ ближайшемъ времени увольняетъ министровъ: военнаго — Сухомлинова, юстиціи — Щегловитова, внутреннихъ дѣлъ — Маклакова оберъ - прокурора Святѣйшаго Синода — Саблера, замѣняя ихъ, несмотря на противодѣйствіе Императрицы «парламентаризму», болѣе либеральными или популярными, генераломъ Поливановымъ, А. А. Хвостовымъ, княземъ Н. Б. Щербатовымъ и А. Д. Самаринымъ. Вскорѣ послѣ того, созывается Дума.

По свѣдѣніямъ Палеолога она собирается подъ знакомъ: «Довольно преступленій (какихъ?), реформы, наказанія! Образъ правленія долженъ быть измѣненъ сверху до низа! » (Т. II. с. 35).

1/14 Августа происходитъ бурное засѣданіе Государственной Думы. Рѣчь кадета, армянина Аджемова, оканчивается призывнымъ крикомъ: «Ллойдъ Джорджъ недавно выразился въ палатѣ общинъ, что нѣмцы, поливая снарядами русскихъ солдатъ, разбиваютъ ими оковы русскаго народа. Это истинная правда. Русскій народъ, о т н ы н ѣ (?) свободный, будетъ организовывать побѣду». (Т. II. с. 43).

---

*) Это слова Государя доходятъ до насъ уже изъ четвертыхъ рукъ. Поэтому то что Государю кто-то предлагалъ закончить войну остается подъ сомнѣніемъ.

За нимъ говорилъ грузинъ Чхенкели, разражаясь анаѳемою противъ тираніи царизма, приведшаго Россію на край гибели. (Т. II. с. 43).

Пренія закончились рѣчью В. Маклакова, требовавшаго подчиненія правительства одному девизу: «the right men in the right places» (Настоящаго человѣка на настоящее мѣсто) (Т. II., стр. 44). Иначе говоря, предоставить министерскіе портфели кадетамъ!

Мы ихъ видѣли, этихъ министровъ Временнаго Правительства, и знаемъ насколько они оказались right men'ами. *)

«Отнынѣ, замѣчаетъ Палеологъ, между бюрократической кастой и народнымъ представительствомъ началась дуэль. Примирятся ли они въ виду высокихъ общихъ цѣлей? — вся будущность Россіи отъ этого зависитъ! (Т. II. с. 44).

. . . Мы видѣли, какъ отвѣтила Дума на назначеніе министровъ, болѣе отвѣчающихъ ея тенденціямъ и на призывъ къ ея сотрудничеству...

Подполье, близкое однако къ Думѣ, идетъ далѣе. Глава трудовиковъ въ Думѣ, Керенскій, собираетъ конференцію соціалистовъ, которая постановляетъ: Въ случаѣ, если новыя военныя неудачи заставятъ правительство заключить миръ, поставить на своихъ знаменахъ: 1. Немедленное установленіе въ Россіи всеобщаго избирательнаго права, 2. безусловное право самоопредѣленія народностей. (Т. II. с. 51).

Какъ буржуазная, такъ и пролетарская революціи начали уже выпускать свои когти.

Самое замѣчательное заключалось въ томъ, что въ то самое время, когда представители интеллигенціи всѣхъ слоевъ, каркали о революціи во имя спасенія Россіи и достиженія по-

---

*) Вотъ какъ характеризуетъ Верстратъ, котораго нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ нашимъ либераламъ, тѣхъ ожидаемыхъ героевъ, которые замѣнили «ничего не стоющее» правительство:

«Гучковъ (6/19 Мая, т е. два мѣсяца спустя послѣ переворота) впалъ въ такое состояніе пессимизма, что видѣвшіяся съ нимъ уходили въ полномъ уныніи отъ его разговоровъ. Нечего сожалѣть объ его уходѣ. (149). Не думаю, что стоило бы сожалѣть и о Милюковѣ, типѣ профессора доктринера, не имѣющаго, повидимому, необходимой гибкости для столь тревожнаго времени (147), и о Переверзевѣ, который до нынѣ отличался только своей неспособностью (163). Керенскій къ несчастью слишкомъ нервенъ и падаетъ въ обморокъ во время своихъ рѣчей и силы ему измѣняютъ... (на третій мѣсяцъ пребыванія у власти) (149). Керенскій, конечно, ненормальный человѣкъ. Его способности несомнѣнны, но онъ неуравновѣшенъ, у него манія величія. Въ Кіевѣ, когда солдаты несли его съ тріумфомъ, онъ, какъ актриса, бросалъ цвѣты въ толпу. Когда онъ прибылъ 6 Іюля въ Петроградъ послѣ возстанія, онъ приказалъ генералу Половцеву поставить войска шпалерами по его пути и прислать ему на встрѣчу казаковъ и бѣлаго коня для него лично. Онъ работаетъ и даетъ ауденціи въ кабинетѣ Государя, спитъ въ его кровати и воображаетъ себя Царемъ. (179).

бѣды, войска на фронтѣ продолжали дѣлать свое дѣло, а рабочіе, которыхъ хотѣли превратить въ передовыхъ бойцовъ мятежа, привѣтствовали своего Государя:

18/31 Іюля Государь, въ сопровожденіи дипломатическаго корпуса, присутствовалъ на Галерной гавани при церемоніи спуска бронированнаго крейсера «Бородино».

«По окончаніи церемоніала», отмѣчаетъ Палеологъ, «мы посѣтили мастерскія. Государя всюду привѣтствуютъ. По временамъ онъ останавливается, чтобы поговорить съ рабочими и съ улыбкой пожимаетъ имъ руки. Когда онъ продолжаетъ свой обходъ, привѣтствія удваиваются... А еще вчера мнѣ свидѣтельствовали о тревожномъ революціонномъ возбужденіи въ этихъ самыхъ мастерскихъ.» (Т. II. с. 33).

Заканчиваемъ эту главу трезвымъ отзывомъ генерала Вильямса.

«18 Августа 1915 г. Здѣсь (въ Петроградѣ) говорятъ о революціи и сепаратномъ мирѣ съ Германіей. Про Государя говорятъ, что онъ твердъ и непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи когда онъ въ Ставкѣ, а тутъ подверженъ колебаніямъ (мы знаемъ насколько это ложно) изъ за разныхъ вліяній. Во всякомъ случаѣ, насколько я его знаю, онъ останется вѣренъ до конца дѣлу союзниковъ».

Безпристрастно и спокойно оцѣнивая обстоятельства, Вильямсъ приходитъ къ заключенію, «что Петроградъ нервничаетъ и что въ немъ широко распространенъ духъ критики, если не хуже, и, что пресса не дѣйствуетъ такъ, какъ могла бы». — «Все это опасные признаки», прибавляетъ онъ, «которые я не могу скрыть и, хотя я и стараюсь отдѣлить порядочную часть того, что составляетъ болтовню алармистовъ отъ истины, нѣтъ сомнѣнія, что страна сильно взволнована и разстроена и если скоро не будутъ приняты мѣры, дѣла пойдутъ все хуже.» (с. 48-49).

ГЛАВА III.

Второй періодъ войны.

Государь принимаетъ на себя Верховное Главнокомандованіе. — Осада власти. — Попытки склонить Государя къ миру. — Штюрмеръ — Предсѣдатель Совѣта Министровъ. — Заговоры. — Правые и лѣвые. — Штюрмеръ — Министръ иностранныхъ дѣлъ. — Протопоповъ. — Великая клевета. — А. Ф. Треповъ — Предсѣдатель Совѣта Министровъ. — Общее положеніе въ концѣ 1916 года. — Конецъ Распутина. — Девятый валъ. — Революція и отреченіе Государя. — Временное Правительство.

На оппозиціонное и подозрительное настроеніе общества Государь отвѣтилъ принятіемъ на себя Верховнаго Главнокомандованія. Такое рѣшеніе встрѣтило тогда, да и теперь еще, осужденіе многихъ. Если бы даже и согласиться съ послѣдними, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того факта, что Государь принялъ на себя эту огромную и отвѣтственную задачу въ тотъ моментъ, когда наши дѣла на фронтѣ стояли неудовлетворительно; не имѣлось равно и никакихъ данныхъ къ быстрому повороту къ лучшему. Верховное Командованіе не сулило, внѣ всякаго сомнѣнія, въ ближайшемъ времени, Государю никакихъ торжествъ и радостей. Къ принятію такого рѣшенія побуждало его единственно чувство долга. Въ пониманіи своего долга каждому возможно ошибаться, но жертвенное исполненіе долга, въ оцѣнкѣ личности, всегда останется элементомъ положительнымъ. Рѣшеніе это было также и послѣдовательнымъ, такъ какъ, въ первоначальномъ рескриптѣ на имя Великаго Князя Николая Николаевича прямо указано было, что Главное Командованіе поручается ему лишь временно до того момента, когда Государь эту задачу приметъ на себя лично.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что еще въ мирное время было предположено, что, въ случаѣ войны на Западномъ фронтѣ, Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ Государь. Это съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ «Положенія о полевомъ управленіи войскъ во время войны». Со стороны Государя, такимъ

образомъ, не было проявлено никакой импровизаціи, а, напротивъ, подчиненіе заранѣе предусмотрѣнной организаціи. Самъ Государь, по этому поводу, совершенно опредѣленно высказался Вильямсу:

— «Онъ (Государь) сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ намѣреніе съ начала войны принять на себя командованіе надъ арміями, но что давленіе правительства и разныя дипломатическія причины отвели его отъ этого рѣшенія. Онъ нашелъ, тѣмъ не менѣе, что наступилъ моментъ, что его долгомъ стало быть близъ своихъ солдатъ въ это трудное время и что онъ имѣетъ въ генералѣ Алексѣевѣ лойяльнаго и прекраснаго начальника штаба и военнаго совѣтника.» (с. 50).

По этому же вопросу, обстоятельныя объясненія даетъ намъ Жильяръ:

«Государь вернулся 11 Іюля изъ Ставки и провелъ два мѣсяца въ Царскомъ Селѣ, ранѣе чѣмъ притти къ этому рѣшенію. Привожу здѣсь разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ 16 Іюля, потому что онъ ясно показываетъ, какими чувствами онъ уже въ то время (т. е. за два мѣсяца до принятія на себя Верховнаго Главнокомандованія) былъ проникнутъ:

«Вы не можете себѣ представить насколько пребываніе въ тылу меня тяготитъ. Какъ будто бы здѣсь все, до воздуха, которымъ дышешь, включительно, ослабѣваетъ энергію и разслабляетъ характеры. Слухи, самые пессимистическіе, новости, самыя невѣроятныя, принимаются на вѣру и распространяются во всѣхъ слояхъ. Здѣсь только занимаются интригами и заговорами, живутъ лишь интересами эгоистическими и ничтожными; тамъ дерутся и умираютъ за родину. На фронтѣ одно чувство доминируетъ надъ всѣми солдатами: воля побѣдить; все остальное забыто, и, несмотря на потери, несмотря на неудачи, всѣ сохраняютъ довѣріе. Всякій человѣкъ, способный носить оружіе, долженъ былъ бы итти въ армію. Что касается до меня, то я не дождусь момента, когда я присоединюсь къ моимъ войскамъ.»

Далѣе Жильяръ прибавляетъ отъ себя:

«Бросая свою личность въ борьбу, онъ хотѣлъ показать, что война будетъ доведена до конца и подтвердить свою непоколебимую вѣру въ окончательную побѣду. Онъ призналъ, что въ этотъ трагическій часъ, его обязанностью было пожертвовать самимъ собою и принять на себя, Главу Государства, всю отвѣтственность. Онъ хотѣлъ своимъ личнымъ присутствіемъ среди нихъ вернуть довѣріе войскамъ, духъ которыхъ былъ пошатнутъ длинной серіей неудачъ, и которыя

устали драться съ противникомъ, главная сила котораго заключалась въ превосходствѣ вооруженія... Приказъ свой войскамъ о вступленіи въ Главное Командованіе онъ собственноручно дополнилъ: «Съ непоколебимою вѣрою въ милосердіе Господне и неизмѣннымъ убѣжденіемъ въ конечной побѣдѣ мы исполнимъ нашъ священный долгъ, защищая до конца нашу родину и мы не позволимъ осквернить Русскую землю.» (с. 113-114-116).

Но несмотря на очевидность причинъ, опредѣлявшихъ образъ дѣйствія Государя, враги его поспѣшили распространить злостные слухи, что онъ смѣнилъ Великаго Князя подъ вліяніемъ Императрицы, изъ ревности къ его популярности.

«Насколько вѣрно, говоритъ Вильямсъ, что вліяніе Императрицы убѣдило Государя принять Верховное Командованіе, вопросъ большихъ споровъ. Я привелъ лично мнѣ Государемъ объясненныя причины, и не было спеціальныхъ основаній для того, чтобы онъ мнѣ это такъ ясно сталъ излагать, если бы это было не такъ.» (с. 60).

«22 Апрѣля Государь говоритъ мнѣ, что предполагаетъ сдѣлать Великаго Князя Фельдмаршаломъ, но не сейчасъ. Онъ говорилъ о немъ въ самомъ дружескомъ духѣ, что меня очень порадовало, послѣ всѣхъ злостныхъ сплетень, которыя распространяются вокругъ нихъ». (стр. 89).

«14 Мая 1916 года, Государь очень заинтересовался фильмой «взятіе Эрзерума», и говорилъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ о Великомъ Князѣ и его успѣхахъ, которымъ мы всѣ, служившіе при немъ, очень радуемся». (стр. 91).

20 Ноября 1916 года съ Кавказа прибываетъ въ Ставку Великій Князь. По этому поводу Вильямсъ отмѣчаетъ: «Государь потомъ мнѣ сказалъ, что онъ радъ его видѣть и слышать всѣ новости объ его блестящей работѣ». (стр. 130).

Казалось бы, что приведенныхъ выдержекъ, изъ книги генерала Вильямса, достаточно, чтобы опровергнуть тѣ темные слухи, которыми объясняли рѣшеніе Государя смѣнить Верховнаго Главнокомандующаго, и для очищенія атмосферы кругомъ благороднаго Государя и рыцарски преданнаго ему Великаго Князя.

Недѣлю спустя, послѣ принятія на себя Государемъ Верховнаго Главнокомандованія, А. А. Вырубова сообщила Палеологу, что «надняхъ, послѣ литургіи, Государь сказалъ намъ: «Можетъ быть нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россію, я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня».

Когда онъ намъ это сказалъ, онъ былъ очень блѣденъ, но его лицо выражало полную покорность (волѣ Божьей)».(Т. II. с. 62).

И справедливо говоритъ Бьюкененъ: «Если-бы онъ (Государь) жилъ въ классическія времена, его жизнь и смерть послужили-бы сюжетомъ для какой нибудь великой трагедіи древне-греческаго поэта. Онъ изобразилъ бы его жертвой, гонимой рокомъ, при каждомъ послѣдовательномъ шагѣ преслѣдуемымъ безжалостной судьбой вплоть до того момента, покуда не опустился занавѣсъ надъ душу-раздирающей сценой въ подземельи дома въ Екатеринбургѣ...» (Т. II. с. 56).

Приведенную выше мысль Государь впослѣдствіи подтвердилъ Палеологу:

— «Да, это былъ для меня тяжелый часъ. Я думалъ, что Господь меня покидаетъ, и что нужна жертва, чтобы спасти Россію... Я *зналъ, что въ эти минуты вы меня поняли*, и я этого не забылъ». (Т. II. ст. 216).

За этотъ періодъ генералъ Вильямсъ такъ характеризуетъ Государя:

«20 Февраля 1916 года. Государь тутъ (въ Ставкѣ) очень популяренъ среди союзныхъ генераловъ, что очень хорошо, такъ какъ въ другихъ штабахъ полны критическаго къ нему отношенія». (с. 80).

И это немудрено: чѣмъ ближе стояли къ Государю люди, тѣмъ справедливѣе они его цѣнили...

«Онъ всегда такъ преисполненъ хорошаго настроенія, далѣе пишетъ Вильямсъ (17 марта) и такъ чистъ душой, что съ нимъ нельзя не быть хорошо настроеннымъ. Это удивительный характеръ для человѣка, который долженъ быть такъ озабоченъ и у котораго столько тревогъ на душѣ, и я увѣренъ, что это имѣетъ хорошее вліяніе на окружающихъ». (с. 83).

А тѣмъ не менѣе революція подготовлялась...

Желая уяснить себѣ создавшуюся обстановку, французскій посолъ пожелалъ лично убѣдиться въ томъ, что дѣлалось въ кругахъ оппозиціи, для чего встрѣчается въ нейтральномъ домѣ съ Максимомъ Ковалевскимъ, Милюковымъ, В. Маклаковымъ, Шингаревымъ — «цвѣтомъ либеральной партіи», находившихся въ тотъ моментъ въ подавленномъ настроеніи, въ виду полученныхъ свѣдѣній о предстоявшемъ роспускѣ Думы.

Свои впечатлѣнія отъ этой встрѣчи онъ формулируетъ такъ:

«Пониманіе общихъ идей и познаніе политическихъ системъ недостаточны для управленія людьми, надо обладать еще сознаніемъ дѣйствительности, интуюціей возможнаго и нуж-

наго, быстротой рѣшенія, твердостью въ принятомъ рѣшеніи, разумѣніемъ народныхъ страстей, обдуманною смѣлостью — всѣми тѣми качествами, которыми кадеты, не взирая на ихъ патріотизмъ и ихъ добрую волю, какъ мнѣ кажется, лишены...»

Тѣмъ не менѣе, эти люди тянулись къ власти и было извѣстно, что они уже распредѣляли между собою портфели. Палеологъ понималъ всю опасность положенія и умолялъ расточать кругомъ себя совѣты терпѣнія и благоразумія, приводя слова одного изъ вождей монархической оппозиціи временъ іюньскихъ дней 1848 года: «Если бы мы знали, какъ тонки стѣнки вулкана, мы бы не вызывали изверженія...» (Т. II. с. 75).

Уроки исторіи остались глухи... Оппозиція вызвала изверженіе, поглотившее и ихъ и Россію.

Въ Сентябрѣ союзъ земствъ и городовъ постановилъ рѣшеніе, заканчивающееся слѣдующими словами:

«Болѣе чѣмъ когда либо русскій народъ принялъ непоколебимое рѣшеніе продолжать войну до побѣды въ полномъ единеніи съ нашими вѣрными союзниками. Однако, на пути къ побѣдѣ стоитъ зловѣщее препятствіе, заключающееся во всѣхъ старыхъ порокахъ нашего правленія, т. е. въ безотвѣтственности власти, отсутствіи всякой связи между правительствомъ и страной и т. д. Коренная перемѣна настоятельна. На мѣсто нынѣшнихъ правителей намъ нужны люди, облеченные общественнымъ довѣріемъ... Работа Думы должна быть немедленно возобновлена...» (Т. II. с. 80).

А, между тѣмъ, когда союзъ земствъ и городовъ видитъ въ возглавляемомъ Государемъ строѣ «зловѣщее препятствіе» къ побѣдѣ, англичанинъ, генералъ Вильямсъ, отмѣчаетъ:

«Въ вопросѣ о снаряженіи видѣнъ нѣкоторый прогрессъ, безъ сомнѣнія этому обязаны той энергіи, съ которой слѣдитъ за этимъ важнѣйшимъ вопросомъ Государь». (с. 73).

Жестъ Государя въ сторону общественности, выразившійся въ увольненіи, такъ называемыхъ, реакціонныхъ министровъ и назначеніи на ихъ мѣсто болѣе либеральныхъ, уже не удовлетворялъ Львовыхъ и К-о; данъ былъ палецъ, надо было схватить и руку, а главное портфели и созвать Думу вовсе не для производительной работы, а чтобы, при ея посредствѣ, революціонировать страну рѣчами, вродѣ вышеприведенныхъ выступленій Аджемова и Чхенкели. Оппозиціи тоже нужно было увѣрить общество въ полной непригодности правительства, чтобы забрать въ свои руки наиболѣе жизненные интересы страны и арміи и, пользуясь этимъ, захватить власть.

Вотъ, что говоритъ по этому поводу, весьма симпатизирующій общественности, Легра:

«Съ того времени всякая ассоціація частныхъ лицъ, признавшая себя достаточно сильной, стремится въ своей дѣятельности замѣнить правительство, признаваемое неспособнымъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если патріотическій порывъ лежитъ въ основаніи этихъ учрежденій, то задняя политическая мысль не замедлитъ въ нихъ замѣшаться.» (с. 69).

А, между тѣмъ, въ самой общественности тоже не все было благополучно, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ же авторъ:

«Одинъ генералъ говорилъ мнѣ, что онъ прибылъ сюда (на фронтъ), чтобы сдѣлать обширное разслѣдованіе объ «окопавшихся», главная организація которыхъ находится въ Минскѣ и въ земскомъ союзѣ. За различныя суммы устраиваютъ призывныхъ крупнаго собственника въ качествѣ сапожника въ гражданской мастерской, работающей на армію, студентовъ въ кузницѣ или булочной. Такихъ насчитываютъ до 70.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь тайно распространяется энергичная революціонная дѣятельность.» (с. 149).

Вотъ кому давала пріютъ пресловутая общественность и чѣмъ она занималась, дерзая величать власть «зловѣщимъ препятствіемъ» къ достиженію побѣды!

Вновь назначенные либеральные министры, увлекшіе за собою и остальныхъ, подали Государю записку, въ которой указывалось, что «совѣсть не позволяетъ имъ болѣе работать съ Предсѣдателемъ Совѣта Горемыкинымъ». (Палеологъ Т.II. 83).

Это заявленіе вызвало сильное неудовольствіе Государя, который въ Могилевѣ «сурово обошелся съ лицами, подписавшими записку». Онъ объявилъ имъ рѣзкимъ тономъ:

— «Я не допущу, чтобы мои министры заключали стачку противъ моего предсѣдателя Совѣта. Я заставлю всѣхъ уважать свою волю!» (Палеологъ, Т. II. с. 82).

Извѣстно, что Государя упрекали въ двоедушіи и въ отсутствіи рѣшимости высказывать свое неудовольствіе людямъ въ лицо: приведенный случай приводитъ къ иному заключенію.

Происходитъ измѣненіе въ составѣ министровъ. Эта перемѣна приводитъ къ весьма интересной бесѣдѣ Палеолога «съ

ультра - реакціонеромъ», старымъ княземъ Х., который говоритъ: «Прогрессисты, кадеты, октябристы предаютъ существующій строй и лицемѣрно ведутъ насъ къ революціи, которая, впрочемъ, смететъ ихъ въ первый же день, такъ какъ она пойдетъ много далѣе, нежели онъ полагаетъ; она превзойдетъ въ своихъ ужасахъ все, что когда либо имѣло мѣсто. Не одни соціалисты будутъ торжествовать, мужикъ тоже вмѣшается въ дѣло. А когда, мужикъ, который имѣетъ такой кроткій видъ, срывается съ цѣпи, онъ становится дикаремъ. Увидятъ времена Пугачева. Это будетъ ужасно. Нашъ единственный путь къ спасенію это реакція... да, реакція... Самодержавіе судится по описаніямъ нашихъ революціонеровъ. Тамъ (заграницей), не знаютъ, что Россія и самодержавіе нераздѣльны. Цари основали Россію. И наиболѣе суровые и немилосердные были наилучшими. Безъ Іоанна Грознаго, Петра Великаго, безъ Николая I не было бы Россіи. Русскій народъ самый покорный, когда онъ строго управляемъ, но онъ не способенъ на самоуправленіе. Лишь только ослабляютъ поводъ онъ впадаетъ въ анархію. Русскій народъ нуждается въ хозяинѣ, хозяинѣ неограниченномъ: онъ идетъ прямо только тогда, когда надъ его головою желѣзная рука. Малѣйшая свобода его опьяняетъ. Вы не измѣните его природы: есть люди, которые пьяны отъ одного стакана вина. Мы, можетъ быть, восприняли это отъ долгаго татарскаго ига, но это такъ. Нами никогда не будутъ управлять по англійскому способу. Нѣтъ, никогда парламентаризмъ у насъ не укрѣпится.»

Резюмируя приведенныя слова, посолъ отвѣчаетъ: «Я живо желалъ бы, чтобы всякія попытки къ реформѣ были отложены до подписанія мира, такъ какъ я согласенъ съ вами, что въ настоящее время, самодержавіе является наивысшимъ выраженіемъ національности Россіи и ея наибольшею силою.» (Т. II. с. 102-4).

Если и не соглашаться съ крайностями взглядовъ кн. Х., то нельзя отказать ему въ большой прозорливости; въ этомъ отношеніи онъ оказался гораздо выше тѣхъ, кто воображалъ спасеніе Россіи въ западномъ парламентаризмѣ.

Здѣсь умѣстно отмѣтить правильность взгляда на надвигавшіяся событія и Вел. Кн. Павла Александровича, который, въ виду возможности убійства Государя и гибели династіи, говоритъ Палеологу:

«— А что-же посадить на ихъ мѣсто?... Русскій народъ неспособенъ къ самоуправленію: у него нѣтъ никакого политическаго воспитанія: девять десятыхъ населенія не умѣетъ ни чи-

тать, ни писать; рабочіе прогнили въ анархизмѣ; крестьяне только и думаютъ, что о раздѣлѣ земли... Съ этимъ можно опрокинуть образъ правленія, но нельзя создать Правительства!... Если вспыхнетъ революція, то она превзойдетъ по своей дикости все что когда либо происходило... Это будетъ ужасно... Россія этого не переживетъ!» (Т. II. стр. 49).

Итакъ, верхи Москвы, въ лицѣ общественности, стремятся дискредитировать существующую власть, въ средѣ рабочихъ распространяются революціонныя идеи, министры фрондируютъ; вблизи же Государя, какъ будетъ видно далѣе, совершается еще худшее... Онъ же остается неизмѣннымъ.

28 Сентября (10 Октября) Государь принимаетъ Палеолога въ Царскомъ Селѣ. Посолъ отмѣчаетъ: «У Государя хорошій видъ, довѣрчивый и спокойный, какого я давно у него не наблюдалъ». Послѣ чисто политическаго разговора, Палеологъ спрашиваетъ Государя какія онъ вынесъ впечатлѣнія съ фронта.

— «Превосходныя», отвѣчаетъ Государь. «Я болѣе увѣренъ и бодро настроенъ, нежели когда либо. Жизнь, которую я веду во главѣ моихъ войскъ такая здоровая и бодрящая. Какъ чудесенъ русскій солдатъ. Я не знаю чего черезъ него нельзя было бы достигнуть. И у него такое желаніе побѣды, такая вѣра въ побѣду».

— «Я счастливъ слышать это отъ васъ, такъ какъ усиліе, которое намъ нужно осуществить еще огромно, и мы можемъ быть побѣдителями только благодаря упорству».

Государь отвѣчаетъ мнѣ, сжавъ кулаки и подымая ихъ надъ головою:

— «Я углубился въ упорство по самыя плечи, я въ немъ завязъ. И я изъ него вылѣзу только послѣ полной побѣды».

Онъ спрашиваетъ меня о нашемъ наступленіи въ Шампани, восхваляя превосходныя качества французскихъ войскъ. Наконецъ, онъ говоритъ и обо мнѣ, о моей жизни въ Петроградѣ:

— «Я васъ жалѣю, что вамъ приходится жить въ средѣ, столь упавшей духомъ и пессимистически настроенной. Я знаю, что вы мужественно сопротивляетесь отравленной атмосферѣ Петрограда. Но если когда нибудь вы почувствуете себя зараженнымъ, пріѣзжайте ко мнѣ на фронтъ, и я вамъ обѣщаю, что вы немедленно поправитесь.

Вдругъ сдѣлавшись серьезнымъ, онъ говоритъ мнѣ суровымъ тономъ:

«Эти міазмы Петрограда ихъ чувствуешь здѣсь на разстояніи двадцати двухъ верстъ. И этотъ скверный духъ идетъ не изъ

народныхъ кварталовъ, а изъ салоновъ. Какой срамъ! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишеннымъ совѣсти, патріотизма и вѣры!» (Т. II. с. 88-89).

Ясно, что Государь былъ хорошо освѣдомленъ о той обстановкѣ, въ которой ему приходилось жить и работать, и, несмотря на это, онъ находилъ въ себѣ силы быть бодрымъ, спокойнымъ и довѣрчивымъ.

Онъ былъ бодръ, потому что имѣлъ вѣру, былъ спокоенъ, потому что у него была чиста совѣсть, былъ довѣрчивъ, потому что былъ проникнутъ сознаніемъ добродѣтелей широкой массы своего народа.

Общество было подавлено, потому что утратило вѣру, было нервно, потому что совѣсть его была неспокойна, было недовѣрчиво, потому что не чувствовало въ себѣ жертвенной силы.

Въ то же время министръ Двора Германскаго Императора, графъ Эйленбургъ, обратился къ нашему министру Двора, графу Фредериксу, съ письмомъ, въ которомъ предлагалось сближеніе обоихъ монарховъ, съ цѣлью найти базу для заключенія почетнаго мира.

Ознакомившись съ этимъ письмомъ, Государь высказалъ:

«Эйленбургъ какъ будто бы не сознаетъ, что онъ предлагаетъ, мнѣ не болѣе не менѣе, какъ моральное и политическое самоубійство, униженіе Россіи и жертву моей чести.» (Т. II. с. 139).

Письмо это, по повелѣнію Государя, было оставлено безъ отвѣта.

Вслѣдъ за симъ, фрейлина М. А. Васильчикова, оказавшаяся, по объявленіи войны, заграницей, привезла два письма отъ Великаго Герцога Гессенскаго, брата Императрицы, одно на имя Государя, а другое Императрицы Александры Ѳеодоровны. Письма эти имѣли задачею тѣ же цѣли, что и письмо гр. Эйленбурга.

По свѣдѣніямъ Палеолога, Государь страшно разгнѣвался и воскликнулъ:

«— Принять такую миссію отъ враждебнаго монарха! Это женщина или негодяйка или сумасшедшая... какъ она не поняла, что, принимая такія письма, она рисковала скомпрометировать меня и Императрицу.» (Т. II. с. 144).

По Высочайшему повелѣнію, Васильчикова была выслана изъ столицы.

Эти два факта и доходящіе до Государя слухи о готовно-

сти его, будто бы, заключить сепаратный миръ, побуждаютъ его, при всякомъ удобномъ случаѣ, провозглашать свою рѣшимость довести войну до побѣднаго конца. Въ такомъ смыслѣ изложенъ его приказъ войскамъ въ день Георгіевскаго праздника:

«Будьте увѣрены, что, какъ я высказалъ это въ началѣ войны, я не заключу мира, пока послѣдній врагъ не будетъ изгнанъ съ нашей земли. Я не заключу этого мира иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными трактатами, но дѣйствительною дружбою и кровью.. да хранитъ васъ Богъ!»

«Это», замѣчаетъ Палеологъ, «лучшій отвѣтъ на сдѣланные недавно авансы со стороны Германіи, черезъ посредство Великаго Герцога Гессенскаго и гр. Эйленбурга.» (Т. II. с. 147).

Этими же мыслями исполненъ новогодній (1916) приказъ Государя:

«. . . Проникнетесь мыслью, что не можетъ быть и не будетъ мира безъ побѣды. Какихъ бы усилій, какихъ бы жертвъ эта побѣда намъ ни стоила, мы должны дать ее отечеству.» (Т. II. с. 153).

А пока Государь, вѣрный союзникамъ, проявляетъ твердую волю въ выполненіи своихъ обязательствъ, адвокатъ Керенскій, будущій идолъ толпы, оріентируясь на Ленина и Циммервальдъ, собираетъ тайное совѣщаніе соціалистовъ, которое постановляетъ: «Лишь только мы увидимъ окончательное приближеніе кризиса войны, мы должны опрокинуть самодержавіе, взять власть въ свои руки и установить соціалистическую диктатуру.» (Т. II. с. 149).

Въ Январѣ 1916 года, по случаю увольненія предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина и назначенія на его мѣсто Штюрмера, а вслѣдъ за симъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто уволеннаго Хвостова, Палеологъ такъ характеризуетъ Штюрмера:

«67 лѣтъ, личность ниже незначительности, интеллигентность жалкая, умъ ничтожный, характеръ низкій, честность сомнительная: никакой опытности и никакого разумѣнія въ крупныхъ вопросахъ, однако, довольно искусный талантъ въ интригахъ и лести». (Т. II. с. 170)... «Но онъ не лишенъ культуры, онъ интересуется исторіей, особенно анекдотической и бытовой. Каждый разъ, что я имѣю случай съ нимъ соприкасаться, я

разспрашиваю его о прошломъ Россіи и его бесѣда не причиняетъ мнѣ скуки...» (Т. II. с. 270).

Вслѣдъ за симъ Палеологъ отмѣчаетъ, что Штюрмеръ назначилъ «шефомъ своего секретаріата Манусевича - Мануйлова». «Этотъ выборъ, пишетъ онъ, производящій скандальное впечатлѣніе — знаменателенъ.» (Т. II. с. 171).

Характерно,что Бьюкененъ высказываетъ тоже самое: «Чтобы показать, что это былъ за человѣкъ (Штюрмеръ), я укажу лишь на то, что онъ взялъ къ себѣ начальникомъ кабинета прежняго агента охранки (тайной полиціи), по имени Мануйлова.» (Т. II. с. 6).

Очевидно, оба посла не сговаривались, но что ихъ освѣдомляли однѣ и тѣ же лица, подчиненныя одной и той же тенденціи. Дѣло въ томъ, что Мануйловъ никогда ни «шефомъ секретаріата», ни начальникомъ кабинета, ни предсѣдателя совѣта министровъ, ни министра внутреннихъ дѣлъ не былъ, уже по одному тому, что такой должности вообще не существовало, а былъ лишь однимъ изъ многочисленныхъ «состоящихъ по министерству», который, по секретнымъ дѣламъ, ходилъ съ задняго крыльца къ министру. Личность это дѣйствительно была подозрительная, но мало ли кого, по необходимости, приходится принимать государственнымъ людямъ, доказательствомъ чему является уже одно то, что французскій посолъ видѣлся съ нимъ, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Парижѣ. (Т. II. с. 172, 173). Но кто то былъ заинтересованъ дать иностраннымъ дипломатамъ невѣрныя свѣдѣнія, изъ которыхъ они вывели, логичное, повидимому, но неправильное по существу, заключеніе, придавая назначенію Мануйлова симптоматическое и неблагопріятное для Штюрмера значеніе.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, Палеологъ неоднократно высказываетъ подозрѣнія въ склонности Штюрмера къ политикѣ, направленной противъ интересовъ союзниковъ и стремящейся къ заключенію сепаратнаго мира. Такія тенденціи, приписываемыя лицу, избранному Государемъ въ качествѣ своего ближайшаго сотрудника, и другія его свойства, не могутъ быть оставлены безъ внимательнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что обвиненія противъ Штюрмера шли и гораздо дальше.

Въ оппозиціонныхъ кругахъ новаго премьера прямо называли измѣнникомъ. Если въ томъ-же, какъ мы видѣли ранѣе, была взята подъ подозрѣніе и супруга Императора, то весьма понятно, что это колебало и положеніе самаго Царя. А насколько положеніе въ этомъ отношеніи было остро видно изъ словъ Государя о М. А. Васильчиковой, когда онъ выра-

зилъ, что «она рисковала скомпрометировать» его и Императрицу.

Штюрмеръ былъ отчасти таковымъ, каковымъ его характеризовалъ Палеологъ, но не указанныя выше его свойства близко интересовали Французскаго посла, кардинальнымъ вопросомъ для котораго было отношеніе новаго премьера къ Франко-Русскому союзу. Зорко и подозрительно слѣдя, въ этомъ отношеніи, за Штюрмеромъ, Палеологъ озабоченъ и реакціонностью его направленія. Очевидно, внутреннія дѣла Россіи, съ какимъ бы интересомъ ни относился къ нимъ посолъ, были для него вопросомъ второстепеннымъ и привходящимъ; въ реакціонности, въ побѣдѣ консерваторовъ, Палеологъ видѣлъ опасность для союза, а поэтому консервативное направленіе министра вызывало его безпокойство. Измѣна союзу и реакціонность сливались въ одну опасность.

Начнемъ съ реакціонности. Былъ ли Штюрмеръ реакціонеромъ? Конечно — да. Но предосудительна ли реакціонность сама по себѣ? Вѣдь и въ реакціонности есть идея. Ее можно оспаривать, но нѣтъ основанія признавать ее безнравственной. Передъ реакціонностью, въ извѣстные моменты исторіи, какъ напримѣръ передъ реакціонностью Императора Александра III, должно преклониться, ибо это была реакціонность принципіальная. Никогда никакой идейности у Штюрмера не было. Онъ былъ консерваторомъ, потому что въ соотвѣтствующемъ моментѣ его службы это было теченіе преобладающее, ведущее къ почестямъ и карьерѣ; онъ его воспринялъ, былъ имъ воспринятъ и поглощенъ имъ, но создавать изъ него какого-то столпа консерватизма было бы преувеличеніемъ его значенія. Наконецъ, за почти полугодовое его управленіе министерствомъ, никто не сумѣлъ бы указать ни одной органической реакціонной мѣры, имъ принятой: была лишь слабая борьба противъ нахрапа со стороны общественности и больше ничего.

Перейдемъ далѣе къ приписываемому ему отрицательному отношенію къ Антантѣ, тяготѣнію къ Германіи и стремленію къ заключенію сепаратнаго мира.

Былъ-ли Штюрмеръ германофиломъ въ душѣ или нѣтъ, для насъ безразлично, важно то, проводилъ ли онъ свои чувства въ жизнь? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ, тоже весьма къ нему отрицательно относившійся, Бьюкененъ:

«Какъ реакціонеръ и германофилъ, Штюрмеръ никогда не склонялся въ сторону союза съ демократическими правительствами Запада изъ боязни, что это можетъ послужить путемъ

къ проникновенію либеральныхъ идей въ Россію, вмѣстѣ тѣмъ онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы защищать мысль о сепаратномъ мирѣ съ Германіей. Онъ зналъ, что ни Государь, ни Государыня не допускали подобной мысли и что онъ поплатился бы за это своимъ положеніемъ». (Т. II. с. 17).

Къ этому лапидарному заключенію нѣтъ надобности прибавлять ни одного слова.

Былъ ли, наконецъ, Штюрмеръ измѣнникомъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, въ той или другой формѣ, продающимъ Россію? Послѣдующее на это отвѣтило: его политическіе противники, Гучковъ и Милюковъ, были министрами Временнаго Правительства, когда онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и объ его дѣятельности производилось, врядъ ли отличавшееся особымъ безпристрастіемъ, слѣдствіе. И что же? Противъ него, какъ, впрочемъ, и противъ всѣхъ министровъ Императорской Россіи, не было найдено никакихъ обвиненій.

Изъ вышеприведеннаго видно, что то, въ чемъ обвиняли Штюрмера въ бытность его предсѣдателемъ совѣта министровъ, лишено было основанія. Тѣмъ не менѣе, обвиненія эти наполняли чашу испытанія, которую пришлось испить благородному Николаю II, а затѣмъ и всей старой Россіи.

Штюрмеръ не былъ преступенъ, но онъ, дѣйствительно, не отвѣчалъ требованіямъ времени, и невольно спрашиваешь себя, почему на немъ остановился выборъ Государя?

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, Государю пришлось уволить Горемыкина. Министры болѣе либеральнаго направленія, назначенные Государемъ, перестали уже удовлетворять требованіямъ общественности. Наконецъ, выяснилось опредѣленное со стороны послѣдней стремленіе къ захвату власти. Гдѣ же было искать Государю, при такихъ условіяхъ, главы правительства, какъ не въ консервативномъ лагерѣ?

Каково было прошлое Штюрмера? Управляющій церемоніальной частью, предсѣдатель Тверской губернской земской управы по назначенію отъ правительства; по общимъ отзывамъ, съ этой трудной и крайне щекотливой задачей Штюрмеръ справился превосходно. Затѣмъ — губернаторъ Новгородскій и Ярославскій, директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ бытность министромъ столь значительнаго человѣка, какъ Плеве. Наконецъ, почти десять лѣтъ, членъ Государственнаго Совѣта, гдѣ онъ занималъ мѣсто въ правой

группѣ. Казалось бы, что приведенный цензъ давалъ основанія признавать его пригоднымъ для поста министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта?

Насколько внѣшнія данныя были въ пользу Штюрмера, видно изъ словъ Верстрата, отрицательное отношеніе котораго къ старому режиму достаточно ярко:

«Штюрмеръ моложе и крѣпче (Горемыкина), у него придворный чинъ и онъ былъ въ продолжительныхъ связяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ, какъ начальникъ церемоніальной части. Потомъ онъ занималъ важныя должности по министерству внутреннихъ дѣлъ и былъ Тверскимъ (sic) губернаторомъ. Это консерваторъ старой школы... Лично онъ хорошо держится и представителенъ...» (43)

Не лишена нѣкотораго интереса и замѣтка о Штюрмерѣ Легра.

Отправляясь на фронтъ, чтобы дѣлать свои сообщенія, Легра посѣтилъ предсѣдателя совѣта министровъ. Его впечатлѣніе сводится къ слѣдующему:

«Тѣмъ не менѣе, у него внѣшность, которая внушала бы довѣріе, если бы не предупрежденіе быть съ нимъ на сторожѣ» (15) Значитъ непосредственное впечатлѣніе было благопріятнымъ, хотя кто то успѣлъ уже вложить въ сознаніе только что пріѣхавшаго въ Россію иностранца, червя сомнѣнія.

Во всякомъ случаѣ, въ прошломъ Штюрмера было болѣе данныхъ для занятія порученныхъ ему должностей, чѣмъ у чиновника дирекціи Императорскихъ театровъ, Терещенко, чтобы быть сначала министромъ финансовъ, а затѣмъ и иностранныхъ дѣлъ, или у санитарнаго врача Шингарева — министромъ земледѣлія, и, наконецъ, у мелкаго адвоката Керенскаго — верховнымъ главнокомандующимъ!

Если у Штюрмера были дефекты моральнаго свойства, если онъ оказался не на высотѣ задачи, то это, конечно, явилось для Государя неожиданностью. Если повиненъ старый правительственный аппаратъ, доведшій его до такой высоты, то что же сказать объ общественности, доведшей Протопопова до поста товарища предсѣдателя Думы и предсѣдателя парламентской делегаціи, посланной въ Западную Европу, чтобы «людей посмотрѣть и себя показать», и избравшей князя Львова главой Временнаго Правительства!

Допуская, что Штюрмеръ искалъ своего поста при посредствѣ Распутина, казалось бы, что, въ виду приведенныхъ данныхъ,онъ могъ получить портфель и безъ постороннихъ вліяній,

по непосредственному выбору Государя и что, въ данномъ случаѣ, происки Распутина и выборъ Государя совпали на одномъ объектѣ. Такимъ образомъ, творилась легенда о властномъ вліяніи Распутина.

---

29 сентября (11 октября) Палеологъ обѣдаетъ у г-жи Х. На заявленіе посла, что Государь въ хорошемъ настроеніи, г-жа Х спрашиваетъ:

— Значитъ, онъ ничего не подозрѣваетъ, что противъ него готовится?

Съ женскимъ жаромъ она сообщаетъ мнѣ о разговорахъ, которые ей пришлось слышать эти послѣдніе дни, которые она заканчиваетъ словами: «Очевидно надо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ средствамъ прошлаго, единственно возможнымъ и дѣйствительнымъ при самодержавіи: надо низложить Государя и провозгласить на его мѣсто Цесаревича Алексѣя...(Т. II. с. 89).

При невыносимыхъ условіяхъ, которыя складывались около Государя, положеніе его, какъ это видно изъ, ставшихъ достояніемъ всей читающей публики, воспоминаній Палеолога, осложнялось еще отношеніемъ къ нему Императорской фамиліи.

Нѣсколько позднѣе, Палеологъ, записываетъ слѣдующее о госпожѣ Брасовой, морганатической супругѣ Великаго Князя Михаила Александровича, брата Государя:

«Честолюбивая, ловкая, лишенная всякихъ предразсудковъ, она демонстрируетъ въ послѣднее время самыя демократическія убѣжденія. Ея кругъ, несмотря на свою замкнутость, часто раскрывается для лѣвыхъ депутатовъ. Въ придворныхъ сферахъ ее обвиняютъ въ измѣнѣ самодержавію. Она отъ этого въ восторгѣ, такъ какъ это подчеркиваетъ ея позицію и подготовляетъ ея популярность. Она высказывается съ изумительной смѣлостью, которая въ другихъ устахъ привела бы къ двадцати годамъ Сибири.» (Т. П. с. 179).

Далѣе Палеологъ отмѣчаетъ:

Великая Княгиня Марія Павловна давно тайно лелѣетъ мысль увидѣть одного изъ своихъ сыновей, Бориса или Андрея, возсѣдающимъ на престолѣ. Поэтому она не упускаетъ случая исполнять роль, къ которой Императрица отнеслась небрежно. (Т. П. с. 268).

Но, помимо стремленій къ личнымъ достиженіямъ, подрываютъ довѣріе къ существовавшему въ то время режиму и нѣ-

которые великіе князья, такъ Великій Князь Сергѣй Михайловичъ говоритъ:

«Французская промышленность достигла изготовленія 100.000 снарядовъ въ день, мы же изготовляемъ ихъ едва 20.000. Какой срамъ! Когда я думаю, что все наше самодержавіе приводитъ къ такому безсилію, я становлюсь республиканцемъ!» (Палеологъ Т. I. с. 342).

А вотъ, что, съ другой стороны, по вопросу о снабженіи, повѣствуетъ Легра:

«Одинъ русскій артиллерійскій генералъ ходатайствовалъ передъ правительствомъ о постройкѣ завода для выработки снарядовъ, средства на которую давалъ богатый Московскій промышленникъ Второвъ. Разрѣшеніе зависѣло отъ Великаго Князя, (Сергѣя Михайловича) какъ Фельдцейхмейстера. «Великій Князь, — пишетъ Легра, — не далъ благопріятнаго отзыва. О! онъ тоже и не отказалъ. Отъ него зависѣло только протянуть дѣло: эта великая тактика русскихъ. Просителямъ онъ отвѣчалъ: — Зачѣмъ намъ давать себѣ этотъ трудъ? Мы сдѣлали въ Америкѣ и Японіи огромные заказы; мы рискуемъ быть переобремененными». Великому Князю указываютъ на выгоду отечественнаго производства, хотя бы уже со стороны ускоренія дѣла.

— «Нѣтъ, право, къ чему-же? отвѣчаетъ Великій Князь, тономъ любезнымъ и усталымъ. И онъ сплавлялъ просителей».(16)

А крылатое слово о республиканствѣ, слетѣвшее съ устъ Великаго Князя, дѣлало свое злое дѣло...

Болѣе значительную роль въ оппозиціи Государю сыгралъ Великій Князь Николай Михайловичъ.

Вотъ нѣсколько яркихъ характеристикъ, которыя приводитъ о немъ Палеологъ:

«Замѣчаешь въ глубинѣ его души широкую рану (неудовлетвореннаго?) честолюбія, угадываешь броженіе честолюбивыхъ мечтаній и неосуществившихся надеждъ. У него есть сознаніе его личныхъ достоинствъ, которые недюжинны и онъ считаетъ себя подходящимъ для первыхъ ролей. Между тѣмъ, онъ сознаетъ себя неизвѣстнымъ, пренебрегаемымъ, безполезнымъ и безсильнымъ, подозрительнымъ для своего монарха и своей среды, связаннымъ съ образомъ правленія, который онъ презираетъ, но изъ котораго онъ, тѣмъ не менѣе, извлекаетъ огромныя выгоды. Во многихъ отношеніяхъ онъ заслуживаетъ прозвища «Николая-Егалитэ», надъ которымъ онъ охотно подшучиваетъ. Между другими сходными чертами съ герцогомъ Орлеанскимъ онъ обладаетъ слабостью характера послѣдняго.

Онъ слишкомъ предается критикѣ и сплетнямъ, чтобы быть человѣкомъ дѣйствія, иниціативы и власти». (Т. I. с. 364).

«Николай Михайловичъ болѣе критикъ и фрондеръ, нежели заговорщикъ; онъ слишкомъ любитъ салонныя эпиграммы. Ни въ какомъ случаѣ онъ не человѣкъ авантюры или аттаки.» (Т. III. с. 165).

Сильно забѣгая впередъ, приводимъ о немъ еще нѣсколько характерныхъ строкъ.

«8/21 Марта 1917 г., проходя по Милліонной, замѣчаю Великаго Князя Николая Михайловича. Одѣтый въ черное, похожій на стараго чиновника, онъ бродитъ кругомъ своего дворца. Онъ открыто сталъ на сторону революціи и онъ преисполненъ оптимизма. Я знаю его достаточно, чтобы не сомнѣваться въ его искренности, когда онъ утверждаетъ, что гибель самодержавія обезпечиваетъ отнынѣ спасеніе и величіе Россіи, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ надолго сохранилъ эти иллюзіи и я желалъ бы, чтобы онъ не потерялъ ихъ, какъ Филиппъ-Егалитэ!» (Т. III. с. 261).

Увы, эпиграммы и фрондерство привели Великаго Князя къ гибели въ чрезвычайкѣ Петропавловской крѣпости, какъ и «Филиппа-Егалитэ»! на эшафотѣ.

Такое отношеніе нѣкоторыхъ членовъ Императорской фамиліи къ Верховной власти, впослѣдствіи, по свѣдѣніямъ Палеолога, перешло въ настоящій заговоръ. Пока что, это фрондерство оказываетъ уже свое вредное вліяніе, заражая собою и высшіе классы общества.

25 Іюля (7 Августа) Палеологъ передаетъ свой разговоръ съ княземъ Х.

«Князь, типъ стараго русскаго дворянина, важнаго облика, ума широкаго и культурнаго, преисполненнаго горячаго и гордаго патріотизма. Послѣ длинной и пессимистической тирады, онъ съ охотою распространяется о смерти Павла I». (Т. II. с. 332).

Очевидно, такіе разговоры все время слышались около посла, ибо онъ заноситъ въ свой дневникъ:

«Несомнѣнно Императоръ Николай останется до конца вѣренъ союзу, я не испытываю въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній. Но онъ не безсмертенъ. Сколько русскихъ, даже, и въ особенности, въ его ближайшемъ окруженіи, въ настоящій моментъ тайно желаютъ его исчезновенія. Что произошло бы при перемѣнѣ царствованія? Въ этомъ отношеніи я не дѣлаю себѣ иллюзій: разгромъ Россіи послѣдовалъ бы незамедлительно... Если Россія не найдетъ въ себѣ силъ сыграть свою роль союзницы до послѣдняго часа, если она ранѣе времени выйдетъ

изъ борьбы, если она падетъ въ конвульсіяхъ революціи, она неминуемо отдѣлитъ свои задачи отъ нашихъ; она поставитъ себя въ невозможность участвовать въ выгодахъ нашей побѣды и ея пораженіе сольется съ таковымъ же центральныхъ державъ». (Т. II. с. 328-9).

Подъ этими словами проницательнаго иностранца хотѣлось бы подписаться. Увы, не такъ думали многіе русскіе люди... Вольныя и невольныя ошибки и заблужденія Государю не прощались. Всѣ какъ будто бы сговорились создать кругомъ него обстановку совершенно невыносимую, какъ будто бы не понимая, что при такихъ условіяхъ работать совершенно невозможно, а, тѣмъ не менѣе, со сверхчеловѣческимъ самообладаніемъ Царь, продолжалъ свое служеніе Родинѣ и оставался непоколебимо преданнымъ союзникомъ.

«Слабохарактерный» Государь непреклонно ведетъ свою линію:

2/15 Февраля, Палеологъ спрашиваетъ Великую Княгиню Марію Павловну: «Думаете ли вы, что союзъ въ опасности?»

«О нѣтъ», отвѣчаетъ она, «Государь неизмѣнно вѣренъ союзу, въ этомъ я ручаюсь.»

13 Марта, Государь принимаетъ Палеолога. Уходя, послѣ часовой аудіенціи, Палеологъ уноситъ такія впечатлѣнія:

«Ранѣе всего, Государь хорошо настроенъ и смотритъ съ довѣріемъ на будущее. Если бы не такъ, то могъ ли бы онъ такъ охотно предаваться сблизившимъ насъ воспоминаніямъ о войнѣ. Затѣмъ выяснились еще нѣсколько чертъ его характера: простота обращенія, мягкость, способность къ симпатіи, твердость памяти, прямота его намѣреній, мисцитизмъ, малое довѣріе къ самому себѣ и постоянная потребность въ поддержкѣ, посторонней и высшей». (Т. II. с. 216-7).

Слѣдуетъ къ этой характеристикѣ добавить еще: удивительное равновѣсіе и спокойствіе, несмотря на ужасающую обстановку его окружающую.

«У него свѣжій цвѣтъ лица, улыбающійся взглядъ...» отмѣчаетъ Палеологъ. (Т. II. с. 262).

Въ это же приблизительно время послѣдовало увольненіе военнаго министра генерала Поливанова.

Характеризуя Поливанова съ наилучшей стороны, Палеологъ указываетъ, что его уходъ — чувствительная потеря для союза и объясняетъ это въ особенности тѣмъ, что не въ пользу ему «играли» на его отношеніяхъ съ Гучковымъ, «личнымъ врагомъ Ихъ Величествъ»... И еще одинъ разъ, по слабости,

прибавляетъ посолъ, Государь пожертвовалъ однимъ изъ своихъ лучшихъ слугъ». (Т. II. с. 236).

Слова «личныхъ враговъ Ихъ Величествъ» поставлены Палеологомъ въ ковычки, выражающія, повидимому, сомнѣніе. Сомнѣніе это разсѣивается слѣдующей замѣткой Верстрата, — «По поводу отреченія Государя онъ спрашиваетъ себя: «какъ могъ Гучковъ согласиться на отказъ Государя отъ престола и за Цесаревича Алексѣя: «Почему Гучковъ такъ поступилъ? Не хватило ли у него духа, когда онъ оказался лицомъ къ лицу съ монархомъ, котораго онъ ненавидѣлъ, и увидѣлъ передъ собою только человѣка, который просто не хотѣлъ, чтобы его разлучали съ его сыномъ»? (с. 130).
Отлично освѣдомленный Государь зналъ о тѣхъ чувствахъ, которыя питалъ къ нему Гучковъ и весьма понятно его нерасположеніе къ министру, дружившему съ его заклятымъ врагомъ и то, что онъ не могъ довѣрять ему.

18 Августа, Легра записываетъ свой разговоръ съ Гучковымъ, который заканчиваетъ его словами: «Глава, лишенная всякихъ идей, безо всякой силы, поворачивающаяся по всякому вѣтру, рискуетъ быть унесенной. По моему, есть лишь одно рѣшеніе: отреченіе Государя и назначеніе на его мѣсто регентства.» (с. 103).

Вотъ, когда все предстоявшее, уже было задумано!

И будущее доказало основательность недовѣрія къ Поливанову, красному генералу, подписавшему «Права Солдата» и котораго, вѣщимъ сердцемъ, угадала Императрица и раскрыла своему мужу и Государю.

Въ Іюлѣ 1916 года до Палеолога доходятъ слухи о предстоящемъ увольненіи Сазонова отъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Слухи эти, волнующіе посла, скоро получаютъ подтвержденіе. Замѣстителемъ Сазонова назначается Штюрмеръ.

На вопросъ какія причины побудили Государя назначить Штюрмера министромъ иностранныхъ дѣлъ, можно отвѣтить только предположеніями. Во всякомъ случаѣ, это произошло не подъ вліяніемъ Императрицы, которая въ одномъ изъ своихъ, правда позднѣйшихъ, писемъ,*) высказываетъ Государю:

«Онъ (Распутинъ) сказалъ Штюрмеру, что онъ не долженъ былъ принимать назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ, что его погубитъ нѣмецкое имя и что станутъ говорить, что это все я дѣлаю».

---

*) «Письма Императрицы» Т. II. стр. 237, номеръ 389, 10 Ноября 1916 г.

Значитъ, тутъ дѣйствовали не, такъ называемыя, «оккультныя силы», а личныя соображенія Государя, очевидно, перевѣсившія слабыя стороны Штюрмера.

Также отрицательно, какъ и Палеологъ, отнесся къ этому событію Бьюкененъ.

Вотъ впечатлѣніе отъ перваго посѣщенія Штюрмеромъ французскаго посольства, записанное Палеологомъ:

— «Онъ (Штюрмеръ) произноситъ фразу, которую я нѣсколько разъ слышалъ изъ устъ Императрицы: «Никакой милости, никакого милосердія къ Германіи.» Онъ прощается со мною съ долгими и преувеличенными саламалеками. На порогѣ онъ повторяетъ: «Никакой милости, никакого милосердія къ Германіи!» (Т. II. с. 325).

Однородныя впечатлѣнія отъ назначенія Штюрмера у Палеолога и Бьюкенена (см. Т. II. с. 15-17) дѣлаются достояніемъ общества и общимъ мѣстомъ. Отголосокъ общественнаго мнѣнія, Верстратъ, высказывается такъ:

«Штюрмеръ, предсѣдатель совѣта, замѣстилъ Сазонова, получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, къ которому онъ давно стремился. Попавъ къ Пѣвческому мосту подъ эгидой Распутина и по милости Императрицы (?), онъ не можетъ не быть подозрительнымъ союзникамъ. Оффиціально онъ не перестанетъ утверждать о своемъ твердомъ намѣреніи продолжать войну до побѣды, и онъ заявитъ, конечно, что Россія въ единеніи со своими вѣрными союзниками, не сложитъ оружія ранѣе, чѣмъ Германія будетъ побѣждена. Но обмануты будутъ Штюрмеромъ лишь тѣ, которые сами этого пожелаютъ, и, несомнѣнно, внѣшняя политика Россіи пріобрѣтаетъ другую оріентацію, или, вѣрнѣе, другое внушеніе, которое приведетъ къ тому, что союзъ будетъ осуществляться въ иномъ духѣ.» (с. 72).

Первое оказалось вѣрнымъ. Штюрмеръ ни въ чемъ не измѣнилъ политики своего предмѣстника, второе ложнымъ — по той же причинѣ.

Какъ видно изъ записокъ Палеолога, союзники придавали огромное значеніе присоединенію къ Антантѣ Румыніи и оказывали въ этомъ отношеніи давленіе на Штюрмера, встрѣчавшаго сильное сопротивленіе со стороны начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Алексѣева.

По этому поводу Жильяръ сообщаетъ:

«Я лишь впослѣдствіи узналъ, что, чтобы побѣдить сопротивленія, встрѣчаемыя въ Бухарестѣ (присоединиться къ союзу) министръ иностранныхъ дѣлъ Штюрмеръ обѣщалъ, не зару-

чившись согласіемъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, посылку войскъ въ Румынію.» (Прим. къ стр. 146).

Присоединеніе Румыніи къ союзу совершилось, вѣроятно, цѣною вышеуказаннаго обѣщанія и должно почитаться дѣломъ Штюрмера. Насколько присоединеніе къ намъ Румыніи было цѣнно, насколько это присоединеніе компенсировало ослабленіе войсками нашего фронта, вопросъ, котораго мы здѣсь касаться не будемъ.

«Внѣ и вопреки Государю», записываетъ Палеологъ, «камарилья Императрицы (ставленникомъ которой онъ признаетъ Штюрмера) стремится придать русской дипломатіи новую оріентацію, я хочу сказать примиреніе съ Германіей. Главной побуждающей причиной къ этому является опасеніе реакціонной партіи отъ столь тѣснаго и продолжительнаго общенія съ демократическими государствами Запада.» (Т. III. с. 2).

Часто повторяя свои въ этомъ отношеніи опасенія, Палеологъ, въ подкрѣпленіе ихъ, не приводитъ фактическаго матеріала, но для созданія у него такого настроенія, какъ видно изъ всего предыдущаго и хотя бы даже изъ ниже приведеннаго случая, данныхъ было болѣе чѣмъ достаточно.

17 Сентября (1 Октября) на оффиціальномъ раутѣ въ японскомъ посольствѣ «значительное должностное лицо Двора Х. съ трагическимъ лицомъ», показывая на Штюрмера, говоритъ послу:

— «Г. посолъ, какъ вы и вашъ англійскій коллега не положите предѣла измѣнамъ этого человѣка?»

Посолъ его успокаиваетъ и приглашаетъ его переговорить съ нимъ на эту тему въ посольствѣ.

Въ назначенный день г. Х. приходитъ къ послу, начиная бесѣду съ только что цитированной фразы и повторяя всякія гнусныя сплетни о происках консервативныхъ партій и Императрицы. Приводить ихъ прямо таки стыдно. Интересующихся отсылаемъ къ первоисточнику. (Т. III. с. 37, 41-42).

Но какъ назвать тотъ фактъ, что значительный чиновникъ Императорскаго Двора идетъ къ представителю иностранной, хотя бы даже дружественной, державы, и обвиняетъ главу Правительства, избраннаго его Государемъ, въ государственной измѣнѣ, клевещетъ на Императрицу и заходитъ такъ далеко, что послу приходится заступаться даже за его Государя. И это не первый и не послѣдній разъ, что подобныя сплетни побуждаютъ посла къ такому образу дѣйствій:

3/16 Октября онъ записываетъ: «Вотъ уже нѣсколько дней странный слухъ циркулируетъ по Петрограду: Со всѣхъ сторонъ утверждаютъ, что Штюрмеръ указалъ Государю на необходимость прекращенія войны, путемъ заключенія сепаратнаго мира. Всѣ получаютъ отъ меня одинъ отвѣтъ: «Я не придаю этимъ розсказнямъ никакого значенія»! (Т.III.с.51-2).

Вотъ, дѣйствительно, омутъ предательства, въ которомъ приходилось жить и работать благородному Государю!

И не мудрено, если въ этомъ періодѣ Палеологъ отмѣчаетъ: «Въ его (Государя) поступкахъ, въ его физіономіи, въ его внѣшности, во всѣхъ проявленіяхъ его внутренней жизни, чувствуется уныніе, апатія и преданіе себя на волю Божью.» (Т. III. с. 40).

Мы видѣли ту роль, которую сыгралъ Штюрмеръ въ Румынскомъ вопросѣ и видѣли также, что въ приписываемомъ ему стремленіи заключенія сепаратнаго мира не приведено конкретныхъ данныхъ, и вотъ какъ все это представлялось Ривэ:

«Правые стремятся къ заключенію сепаратнаго мира: «Тогда возникъ маккіавелистическій планъ, жертвой котораго должна была сдѣлаться Румынія. Ея пораженіе, по мнѣнію авторовъ махинаціи, неизбѣжно должно было привести къ русско-германскому миру. Предполагалось даже выгодное рѣшеніе, Россія присоединяла къ себѣ Молдавію, Валахія же предоставлялась Австріи.» (с. 158).

«Штюрмеръ, которому Румынія была обязана своимъ разгромомъ, какъ бы оффиціально выдвинулъ лозунгъ, который предполагался окончательно забытымъ: «нѣмецкая дружба.» (с. 219).

«Штюрмеръ, его покровители при Дворѣ, и его клевреты давали себѣ въ этомъ отчетъ. Единственно въ цѣляхъ предотвращенія внутренней катастрофы, мы видѣли ихъ готовящими пути къ сепаратному миру. Это сдѣлалось бредомъ «камарильи», не взирая на всѣ оффиціальныя опроверженія, отмѣченныя нейтральной прессой, не взирая на лицепріятные протесты, повторяемые въ Парижѣ и Лондонѣ. Что было до того нѣкоторымъ русскимъ, что Россія потеряетъ свою честь и даже часть своей территоріи, при перемѣнѣ курса, который былъ бы безпримѣрной подлостью, лишь бы реакція осталась хозяйкой въ Имперіи. Родина для этихъ людей была дѣломъ второстепеннымъ... пусть умираетъ Родина, если ихъ власть должна пасть.» (с. 156).

Нѣтъ, не такъ думали правые. Такъ думали лѣвые, — лишь

бы парламентаризмъ, народоправство и даже власть пролетаріата... А Россія, что было имъ до Россіи, самое имя которой уничтожено побѣдой лѣвыхъ!

---

20 Сентября (3 Октября) Палеологъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ Протопопова на мѣсто уволеннаго Хвостова. Давъ ему отрицательную характеристику и отмѣтивъ, что онъ прошелъ къ власти черезъ Распутина, посолъ заканчиваетъ саркастическимъ восклицаніемъ: «Внутренняя политика Государства значитъ въ хорошихъ рукахъ!» (Т. III. с. 39).

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но почему министерскій портфель попалъ въ руки Протопопова? Объ этомъ подробно говорится въ очеркѣ о письмахъ Императрицы, помѣщенномъ въ VI книгѣ «Русской Лѣтописи», откуда и дѣлаемъ выписку:

«Вина Императрицы за сближеніе съ Протопоповымъ уже всецѣло падаетъ на общественность, которая его вынесла, родила и преподнесла Престолу въ качествѣ государственнаго мужа. Онъ вѣдь былъ избранъ Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, членомъ Думы, товарищемъ ея предсѣдателя, предсѣдателемъ парламентской делегаціи отъ обѣихъ законодательныхъ палатъ для поѣздки во Францію, Англію и Италію, въ цѣляхъ сближенія съ парламентскими кругами нашихъ союзниковъ. Но стоило только этому дѣтищу нашей общественности стать близкимъ ко Двору, какъ противъ него началась травля... Онъ былъ безпринципенъ, лживъ, политически безчестенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменъ, вкрадчивъ и обаятеленъ: не даромъ же онъ сумѣлъ обольстить Симбирское дворянство, думцевъ, членовъ Государственнаго Совѣта и даже Англійскаго Короля Георга, рекомендовавшаго его въ собственноручномъ письмѣ Государю, въ качествѣ выдающагося государственнаго человѣка. Почему эти сотни людей имѣли право ошибаться, виновата же передъ ними оказалась Императрица, которая подпала подъ чары ими же возведеннаго человѣка.»

Въ первый моментъ назначеніе Протопопова не произвело непріятнаго впечатлѣнія въ либеральныхъ кругахъ, что явствуетъ изъ отмѣтки Верстрата:

«Товарищъ предсѣдателя Думы, вліятельный членъ прогрессивнаго блока, Протопоповъ признается за одного изъ вождей либеральной оппозиціи, онъ только что состоялъ въ

составѣ делегаціи, которую Дума посылала въ Лондонъ и Парижъ, чтобы передать англійскимъ и французскимъ парламентаріямъ свой братскій привѣтъ. Онъ былъ другомъ Родзянки, предсѣдателя Думы. Онъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ лидерами кадетской партіи Милюковымъ и Шингаревымъ.» (с. 80).

Да и Палеологъ отмѣчаетъ впослѣдствіи:

«Протопоповъ немного выше Штюрмера умомъ и умѣлостью. Разговоръ съ нимъ не лишенъ пріятности; онъ отъ этого только опаснѣе...» (Т. III. с. 83).

Появленіе у власти Протопопова съ новой силой вызываетъ въ представленіи французскаго посла опасность сближенія Россіи съ Германіею.

21 Октября (3 Ноября) Палеологъ записываетъ:

«Уже нѣсколько дней странный слухъ циркулируетъ въ германофильскихъ кругахъ Петрограда; нѣсколько человѣкъ сообщило мнѣ объ этомъ, изъ которыхъ двое очень серьезныхъ подтверждаютъ, что они имѣютъ источникомъ категорическія утвержденія Протопопова», а именно «о склонности Германіи предоставить Россіи Константинополь цѣною заключенія немедленнаго мира». (Т. III. с. 73-4).

На этотъ разъ подозрѣнія посла находятъ себѣ нѣкоторее подтвержденіе.

«Мой англійскій коллега былъ сегодня принятъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ», записываетъ въ своемъ дневникѣ Палеологъ: «Его Величество выявился столь же рѣшительнымъ въ продолженіи войны до окончательной побѣды нашей коалиціи. Сэръ Бьюкененъ сдѣлалъ тогда намекъ на открыто проявляющіеся со всѣхъ сторонъ и всѣми способами маневры поборниковъ сепаратнаго мира».

Государь отвѣтилъ:

«Руководители этой компаніи измѣнники».

Мой коллега напослѣдокъ спросилъ:

«— Ваше Величество не слышали ли, что если бы Россія согласилась отдѣлиться отъ союзниковъ, Германія предоставила бы ей Константинополь?»

Государь дѣлаетъ неопредѣленный жестъ.

«— Мнѣ дѣйствительно говорили объ этомъ... Но кто мнѣ объ этомъ говорилъ?... Я уже не помню... Не Протопоповъ ли? Во всякомъ случаѣ я не придаю этому никакого значенія.»

По поводу этого сообщенія англійскаго посла Палеологъ телеграфируетъ своему правительству:

«Государь еще одинъ разъ подтвердилъ свою рѣшимость продолжать войну до полной побѣды». (Т. III. с. 76).

«Въ началѣ Ноября (по новому стилю)»,повѣтствуетъ сэръ Бьюкененъ, «послѣдовало открытіе только что преобразованнаго Англо-Русскаго Общества. Когда мнѣ пришлось выступить, я воспользовался случаемъ, чтобы показать, какъ германофильская партія въ Россіи старалась возстановить общество противъ Великобританіи, изображая дѣло такъ, какъ будто бы мы вовлекли Россію въ войну, и обвиняя насъ въ желаніи безконечно затягивать ее въ цѣляхъ эксплоатаціи Россіи и обезпеченія себѣ мірового господства. Указавъ на то, что вся эта ложь распространяется съ тѣмъ, чтобы подорвать нашъ союзъ и подготовить почву для преждевременнаго мира, я заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Не только на поляхъ сраженія нужно довести войну до побѣднаго конца; побѣда должна быть одержана надъ врагомъ и въ нашихъ стѣнахъ». (Т. II. с. 25).

Нѣсколько дней спустя, 1 Ноября, собралась Государственная Дума, въ которой Милюковъ выступилъ съ обвиненіями, явно направленными противъ Штюрмера, а въ скрытомъ видѣ противъ Императрицы.

«Чтобы подкрѣпить свое обвиненіе въ измѣнѣ», записываетъ Палеологъ, «Милюковъ приводитъ провокаторскую роль полиціи въ стачкахъ на заводахъ, работающихъ на оборону, на секретную переписку съ Германіей, на бесѣду Протопопова съ нѣмецкимъ агентомъ Варбургомъ въ Стокгольмѣ..., на злоупотребленія въ дѣлѣ Мануйлова... и дѣлаетъ заключеніе: Если меня спросятъ почему я подымаю эти вопросы во время войны, то потому, что министерство Штюрмера представляетъ опасность во время и для продолженія войны. Значитъ мы должны бороться пока не будемъ имѣть министровъ, достойныхъ нашего довѣрія.» (Т. III. с. 88).

Эта рѣчь, въ которой онъ далѣе по адресу правительства ставилъ вопросъ, «это глупость или измѣна?», была пропитана неправдою. Не было ни измѣны со стороны Штюрмера, ни провокаціи полиціи. Переписка съ Германіей выразилась лишь въ письмахъ, привезенныхъ самовольно фрейлиной Васильчиковой отъ великаго герцога Гессенскаго, которыя съ негодованіемъ были отвергнуты Государемъ и въ письмѣ графа Эйленбурга къ графу Фредериксу, оставленномъ безъ отвѣта; свида-

ніе Протопопова — избранника Думы — бывшаго, по словамъ Верстрата, въ «лучшихъ отношеніяхъ съ Милюковымъ» — не имѣло никакихъ послѣдствій.

Рѣчь Милюкова слѣдуетъ считать исторической. Клевета, обвиняющая все правительство, дѣйствовавшая до того времени лишь изподтишка и брошенная передъ всей Россіей съ высоты Государственной Думы, сдѣлала свое злое дѣло... Она была наиболѣе живучимъ и ядовитымъ сѣменемъ, изъ котораго выросла революція. И если взятіе Бастиліи отмѣчаетъ начало великой французской революціи, то 1 Ноября знаменуетъ начало русской. Если это можетъ доставить удовольствіе Милюкову, то онъ можетъ гордиться... славою Герострата!

Не безъ вліянія, конечно, осталась и рѣчь Англійскаго посла, недавняго почетнаго гражданина города Москвы. Возведенныя имъ обвиненія не были подкрѣплены никакими данными, что можно доказать собственными же словами Бьюкенена:

«Штюрмеръ сказалъ мнѣ, что онъ собирается привлечь Милюкова къ судебной отвѣтственности за рѣчь, въ которой тотъ укорялъ его въ измѣнѣ; онъ обратилъ мое вниманіе на два слѣдующіе отрывка изъ нея: «Для того, чтобы раскрыть всѣ пути и средства германской пропаганды, о которой намъ недавно такъ откровенно говорилъ сэръ Д. Бьюкененъ, мы должны произвести законное разслѣдованіе...«Вотъ почему я (Милюковъ) не былъ удивленъ, когда услышалъ изъ устъ британскаго посла вѣское обвиненіе противъ нѣкоторой группы людей, желающихъ подготовить путь къ сепаратному миру...»

«...Штюрмеръ спросилъ Бьюкенена, кто такіе были руководители антибританской кампаніи. Когда я сказалъ, что именно это я и стараюсь узнать, онъ просилъ меня увѣдомить его, какъ только я получу какія нибудь достовѣрныя свѣдѣнія». (Т. II. с. 26).

Изъ мемуаровъ сэра Джорджа не видно, чтобы эти свѣдѣнія были имъ доставлены...

Итакъ, англійскій посолъ, въ публичной рѣчи, бросаетъ, такъ сказать, на улицу, неподкрѣпленныя никакими данными, свѣдѣнія, компрометирующія въ туманной формѣ русское правительство, прося впослѣдствіи у того же правительства доставить ему эти данныя, а членъ Государственной Думы, играя словами этого самаго посла, уже открыто обвиняетъ главу правительства въ предательствѣ. Что это? приходится спросить и намъ...

Въ то же время, въ обществѣ широко распространяется приводимое Палеологомъ письмо предсѣдателя союза земствъ и городовъ, князя Львова къ предсѣдателю Думы, Родзянко.

«Наше внутреннее положеніе съ каждымъ днемъ дѣлается, все болѣе труднымъ. Дѣйствія правительства, непослѣдовательныя и несогласованныя, еще болѣе увеличили общую дезорганизованность Государства. Народъ приходитъ въ отчаяніе и возмущается. Постоянная перемѣна министровъ парализовала власть. Но это не все... Страшное подозрѣніе, слухи объ измѣнѣ, возмутительныя росказни распространяютъ убѣжденіе, что рука непріятеля тайно проникаетъ въ наше общественное дѣло. Это убѣжденіе подтверждается непрестанными слухами, изображающими правительство, какъ уже готовое заключить сепаратный миръ. Представители земскаго союза съ негодованіемъ отбрасываютъ идею позорнаго мира; они признаютъ, что патріотизмъ и честь обязываютъ Россію продолжать войну до побѣды въ единеніи съ союзниками. Они глубоко вѣруютъ въ побѣду нашей героической арміи, но должны, однако, признать, что главная опасность идетъ не извнѣ, а изнутри. И поэтому они рѣшаются поддерживать Думу въ ея усиліяхъ создать правительство, способное вызвать усиліе всѣхъ средствъ страны. Великая Россія дастъ свою поддержку народному правительству.» (Т. III. с. 89).

Это выступленіе не лучше ранѣе приведенныхъ. Хотя и въ замаскированной, но достаточно прозрачной, формѣ правительству приписывается измѣна и готовность заключить сепаратный миръ, о чемъ правительство никогда и не помышляло и что Государь неоднократно публично высказывалъ... а, поэтому, долой старое правительство и да здравствуютъ кадетскіе министры подъ ферулой князя Львова.

Наконецъ, Гучковъ пишетъ генералу Алексѣеву письмо, копія котораго въ тысячахъ экземплярахъ распространяется въ тылу и въ окопахъ:

«Народъ и армія одинаково вѣрятъ, что если Штюрмеръ еще не измѣнилъ, то онъ готовъ это сдѣлать. Не ужасно ли думать, что всѣ секреты нашей дипломатіи въ рукахъ этого человѣка? Возмутительная политика, которой онъ является орудіемъ, грозитъ намъ потерею всѣхъ нашихъ военныхъ успѣховъ...» (Т. III. с. 90).

Подъ вліяніемъ всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ Штюрмеръ палъ.

Штюрмеру и приписываемой ему измѣнѣ здѣсь отведено,

какъ будто бы, слишкомъ большое мѣсто. Однако, это было необходимо для выясненія личности Государя, что составляетъ предметъ настоящаго этюда. Если бы Штюрмеръ былъ тѣмъ измѣнникомъ, каковымъ изображало его общественное мнѣніе или, вѣрнѣе, дѣйствующая за его спиной революціонная пропаганда, то нельзя было бы не упрекнуть Государя за то, что онъ держалъ около себя такого человѣка, хотя бы по одной только причинѣ неумѣнія разбираться въ людяхъ. Но дѣло въ томъ, что Государь зналъ, что Штюрмеръ не предатель и понималъ, что это приписывалось ему съ цѣлью отвести отъ власти человѣка, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, преданнаго идеѣ неприкосновенности власти Государя, единственно способной довести войну до конца, въ чемъ Государь видѣлъ, въ данное время, цѣль своей жизни. Къ тому же Государь не могъ не понимать, что легенда объ измѣнѣ Штюрмера была однимъ изъ звеньевъ кампаніи, обнимавшей и Императрицу, и направленной къ его, Царя, дискредитированію, въ цѣляхъ захвата власти.

Вмѣсто Штюрмера предсѣдателемъ совѣта министровъ былъ назначенъ министръ путей сообщенія А. Ф. Треповъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ государственный контролеръ Н. Н. Покровскій. Перваго Палеологъ характеризуетъ «энергичнымъ, умнымъ и методичнымъ» (Т. III. с. 98), а Бьюкененъ Покровскаго «либеральнымъ, уважаемымъ и умнымъ». Оба эти назначенія Бьюкененъ называетъ «весьма удачными». (Т. II. с. 27).

Первѣйшей заботой Трепова было удаленіе изъ среды правительства Протопопова и болѣе яркое выявленіе нашей политики въ смыслѣ единенія съ союзниками и рѣшимости довести войну до побѣднаго конца.

Въ первомъ вопросѣ, въ первые же дни своего министерства, Треповъ терпитъ у Государя неудачу; по поводу же второго, онъ высказываетъ Палеологу, что «въ Думѣ, правительство безповоротно обяжется продлить войну до разгрома Германіи. Оно сожжетъ свои мосты.» (Т. III. с. 104).

Произнесенная новымъ предсѣдателемъ совѣта (19 Ноября 2 Декабря) въ такомъ смыслѣ декларація, была встрѣчена сочувственно въ Думѣ, заявленіе же, которымъ онъ закончилъ свою рѣчь, о предоставленіи намъ союзниками Константинополя принимается равнодушно и какъ бы падаетъ въ пустую залу.

По этому поводу Палеологъ записываетъ:

«Часть министерской декларацiи, касающаяся Константинополя, не вызвала въ публикѣ большого отзвука, нежели въ Думѣ. Это впечатлѣніе равнодушія и изумленія, какъ будто бы Треповъ выкопалъ старую утопію, когда то лелѣемую, но уже давно позабытую. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, что я наблюдаю въ народной душѣ это постоянное исчезновеніе Византійской мечты; ея прелесть исчезла... Отказаться отъ своихъ мечтаній, отказаться отъ того, что преслѣдовалъ, чего страстно жаждалъ, наслаждаться даже, съ какой то горькой и ѣдкой радостью своимъ разочарованіемъ, какъ это по русски!»

Г-жа Х. мнѣ говорила сегодня вечеромъ:

«Правительственная декларація нелѣпа. Никто уже болѣе не думаетъ о Константинополѣ. Это было прекрасное безуміе, но только безуміе. И когда вылечиваешься отъ безумія, къ нему болѣе не возвращаются, а дѣлаютъ другое». (Т. III. с. 107).

И въ то же время, когда избранникъ Государя, А. Ф. Треповъ, можетъ быть и несимпатичный такъ называемой общественности, но ничѣмъ не опороченный, стремился къ осуществленію многовѣковой мечты русскаго народа, русское общество уже утратило пафосъ войны; ни исполненіе завѣщанія Великаго Петра, ни Крестъ на Святой Софіи его не интересовали, интересовала его только революція, которой оно хотѣло и боялось, боялось и хотѣло.

А Государь «слабовольный Государь» гордо держалъ курсъ своего корабля въ непоколебимой рѣшимости, подобно своимъ духовнымъ предкамъ, «повѣсить свой щитъ на вратахъ Цареграда»...

Въ приказѣ по арміи и флоту отъ 12 Декабря 1916 года указано:

«Время (для мира) еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ областей. Достиженіе Россіею созданныхъ войной задачъ, обладаніе Цареградомъ и проливами, равно какъ созданіе свободной Польши, изъ всѣхъ трехъ ея разрозненныхъ областей — еще не обезпечено».

Государь еще вѣрилъ въ свою задачу и въ свой народъ.

13/26 Ноября Палеологъ заноситъ въ свой дневникъ:

«Некрасовъ, Милюковъ, Шингаревъ и Коноваловъ пришли къ заключенію, что наступилъ, быть можетъ, часъ, конечно, не для сверженія Императорскаго режима, но для организаціи по-

ражающей манифестаціи, которая, смутивъ Царя, заставила бы его отказаться отъ самодержавныхъ прерогативъ и побудить создать свободное правительство». (Т. III. с. 100).

Однако, «друзья слѣва» думали не такъ:

«Соціалистическая группа», сообщаетъ Палеологу его освѣдомитель, «проявляетъ все болѣе увеличивающуюся склонность дѣйствовать независимо отъ Думы и организовать программу дѣйствій внѣ легальныхъ путей. Чхеидзе и Керенскій повторяютъ: «Кадеты ничего не понимаютъ въ пролетаріатѣ. Съ ними нечего дѣлать». Въ настоящій моментъ главари сосредоточиваютъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на арміи, объясняя ей, что въ ея интересахъ соединиться съ рабочими, чтобы обезпечить крестьянству, изъ котораго она, главнымъ образомъ, происходитъ, торжество аграрныхъ вожделѣній. Поэтому, распространяютъ въ казармахъ въ изобиліи брошюру на классическую тему: «Земля принадлежитъ земледѣльцу»; она принадлежитъ ему по праву, а, слѣдовательно, безъ выкупа; не покупаютъ собственности, которой незаконно были лишены. Только революція можетъ осуществить это огромное соціальное возстановленіе нарушенныхъ правъ.»

Посолъ спрашиваетъ передавшаго ему эти свѣдѣнія, имѣетъ ли ученіе «пораженчества» пресловутаго Ленина, укрывавшагося въ Женевѣ, распространеніе въ арміи.»

«— Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ, «эти доктрины поддерживаются здѣсь только нѣсколькими полуумными, которыхъ подозрѣваютъ въ томъ, что они на содержаніи у Германіи... или о х р а н ы ». (Т. III. с. 114).

И въ то же время, когда легенда о провокаціи охраны принималась многими съ довѣріемъ, удивлялись запрещенію правительствомъ съѣзда въ Москвѣ союза земствъ и городовъ, съѣзда, дѣятели котораго лишь незадолго передъ тѣмъ бросили въ народъ, приведенный выше, революціонный выкрикъ... Впрочемъ, запрещеніе не помѣшало союзу продолжить свое дѣло изданіемъ слѣдующей прокламаціи:

«Наше спасеніе въ глубокомъ сознаніи нашей отвѣтственности передъ отечествомъ. Когда власть дѣлается препятствіемъ на пути къ побѣдѣ, отвѣтственность за судьбы Россіи падаетъ на всю страну. Правительство, сдѣлавшееся орудіемъ тайныхъ силъ, ведетъ Россію къ гибели и потрясаетъ Императорскій престолъ. Надо въ одинъ изъ наиболѣе грозныхъ часовъ нашей исторіи создать правительство, достойное великаго народа. Пусть Дума, въ рѣшительной борьбѣ ею принятой,

оправдаетъ чаянія страны! Нельзя потерять ни одного дня!» (Т. III. с. 126-7).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ выступленій, по словамъ одного изъ друзей посла, въ Москвѣ, «въ салонахъ, въ магазинахъ, кафэ открыто говорятъ, что «Нѣмка» (Императрица) погубитъ Россію, что ее надо заточить какъ сумасшедшую. Относительно Государя не стѣсняются говорить, что онъ хорошо бы поступилъ, если бы задумался о судьбѣ Павла I.» (Т. III. с. 118).

И вотъ, весь этотъ ужасъ, который творится около престола, побуждаютъ Палеолога формулировать болѣе точно характеристику тѣхъ личностей, противъ которыхъ направлено народное негодованіе.

«Что политика Россіи направляется камарильей Императрицы не подлежитъ сомнѣнію. Но кто же руководитъ этой камарильей? Откуда она черпаетъ свою программу и направленіе? Конечно, не отъ Императрицы. Публика, которая любитъ простыя идеи и обобщенія около личностей, не точно судитъ о роли Императрицы; она ее преувеличиваетъ и извращаетъ. Александра Ѳеодоровна слишкомъ импульсивна, слишкомъ способна заблуждаться, слишкомъ неуравновѣшенна, чтобы создать политическую систему и приводить ее къ осуществленію, она политическое и всемогущее орудіе заговора, который я постоянно ч у ю вокругъ себя; она не болѣе, какъ орудіе. Также и личности, которыя суетятся кругомъ нея, — Распутинъ, Вырубова, генералъ Воейковъ, Танѣевъ, Штюрмеръ, кн. Андронниковъ и т. п. — только исполнители, статисты, послушные интриганы и манекены. Министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, который, кажется, болѣе значительнымъ, обязанъ этой иллюзіи лишь перевозбужденію своихъ мозговыхъ оболочекъ. За его экспансивными фанфаронадами и шумною дѣятельностью, нѣтъ ничего кромѣ напряженія спинного мозга. Это мономанъ, котораго скоро посадятъ подъ замокъ».

Въ такомъ случаѣ, кѣмъ же руководится камарилья Царскаго Села?

«Я напрасно допрашивалъ тѣхъ, которые казались мнѣ болѣе способными удовлетворить мое любопытство. Я получилъ только отвѣты неопредѣленные и противорѣчивые, гипотезы, подозрѣнія. *)

---

*) Курсивъ нашъ.

«Если бы я, однако, былъ вынужденъ *) сдѣлать выводъ, я сказалъ бы, что пагубная политика, за которую Императрица несетъ отвѣтственность передъ исторіей, внушается ей четырьмя лицами: предсѣдателемъ крайней правой группы Государственнаго Совѣта Щегловитовымъ, Петроградскимъ митрополитомъ Питиримомъ, бывшимъ директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ и, наконецъ, банкиромъ Манусомъ. Внѣ этихъ четырехъ лицъ, я вижу лишь игру силъ сокрытыхъ, коллективныхъ, разбросанныхъ, иногда безсознательныхъ, которыя выражаютъ можетъ быть, исключительное вѣковое воздѣйствіе самодержавія, его инстинктъ самосохраненія, все что остается въ немъ жизненнаго отъ пріобрѣтеннаго движенія (vitesse acquise). Въ вышеупомянутомъ квартетѣ я придаю спеціальное значеніе банкиру Манусу; онъ обезпечиваетъ связи съ Берлиномъ. Это черезъ него Германія проводитъ и осуществляетъ свои интриги въ русскомъ обществѣ; онъ раздатчикъ нѣмецкихъ субсидій». (Т. III, стр. 110-111).

На этомъ мѣстѣ записокъ французскаго посла приходится особенно остановиться, такъ какъ въ немъ наиболѣе опредѣленно выражается мысль, красною нитью проходящая черезъ три тома его капитальнаго и замѣчательнаго по своей искренности труда. И что же мы видимъ? Палеологу ничего опредѣленно неизвѣстно, онъ только чуетъ. **) И чутье, по самой природѣ своей способное ощущать явленія лишь въ смутныхъ очертаніяхъ, а не въ опредѣленныхъ представленіяхъ, его не обманываетъ: кругомъ Императрицы дѣйствительно творилось темное дѣло всемірнаго «заговора», характеръ котораго, быть можетъ, далѣе выяснится.

Въ тоже приблизительно время посолъ высказывается о Государѣ:

«Кто то сказалъ, что у Цезаря были «всѣ пороки и ни одного недостатка». У Николая II нѣтъ ни одного порока, но у него былъ наихудшій недостатокъ для самодержца: отсутствіе личности. Онъ всегда подчиняется. Его воля всегда связана, взята врасплохъ или подчинена. Она никогда не проявляется дѣйствіемъ непосредственнымъ и самопроизвольнымъ». (Т.III.с.101).

Приведенная оцѣнка не совпадаетъ съ характеристикой другого иностранца, бывшаго президента Французской Респу-

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

блики Э. Лубэ, приведенной С. С. Ольденбургомъ въ его «Словѣ Памяти Государя»: *)

«Обычно видятъ въ Императорѣ Николаѣ II человѣка добраго, великодушнаго, но немного слабаго, беззащитнаго противъ вліяній и давленій. Это — глубокая ошибка! Онъ преданъ своимъ идеямъ, онъ защищаетъ ихъ съ терпѣніемъ и упорствомъ; онъ имѣетъ задолго продуманные планы, осуществленія которыхъ медленно достигаетъ...Подъ видимостью робости, немного женственной, Царь имѣетъ сильную душу, и мужественное сердце, непоколебимо вѣрное. Онъ знаетъ, куда идетъ и чего хочетъ».

Государь, въ разсматриваемомъ періодѣ, имѣлъ одну основную идею: довести войну до конца и проводилъ ее «съ терпѣніемъ и упорствомъ». Для осуществленія этой идеи, онъ считалъ необходимымъ, во время войны, сохранить свою власть и поэтому не прибѣгать къ какимъ бы то ни было кореннымъ реформамъ и это тоже осуществлялъ «съ терпѣніемъ и упорствомъ». Говорили, что онъ совершалъ это подъ давленіемъ Императрицы по слабости своей воли, но кто можетъ доказать, что онъ творилъ не то, чего онъ хотѣлъ самъ, а то, что ему навязывали? Почему нельзя допустить, что стремленія и воли обоихъ царственныхъ супруговъ просто совпадали?

Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда русское общество уже «устало», Государь съ изумительною стойкостью продолжалъ итти по намѣченному пути. Вышеупомянутый приказъ, отъ 12 декабря, онъ кончаетъ словами:

«Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ, и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неувядаемой славой и даруетъ намъ миръ, достойный вашихъ геройскихъ подвиговъ, славныя войска мои — миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословлять вашу священную для нихъ память».

По поводу приведеннаго приказа, Палеологъ говоритъ:

«Это благородное и смѣлое выступленіе не можетъ не отозваться въ національномъ сознаніи. Тѣмъ не менѣе, оно оставляетъ во мнѣ чувство безпокойства. Государь слишкомъ разсудителенъ, чтобы не отдавать себѣ отчета, что Румынскій фронтъ отнимаетъ у него всѣ шансы овладѣть Константинополемъ и, что его народъ давно отказался отъ Византійской мечты. Тогда для чего же этотъ торжественный призывъ къ проекту,

---

*) Ольденбургъ цитируетъ слова Лубэ изъ книги: Ch. Maurras: «Kiel et Tanger», стр. 90.

тщетность котораго онъ лучше всѣхъ сознаетъ? Говоря такъ, не хотѣлъ ли онъ реагировать противъ недоброжелательства, которое выявляется къ нему среди самыхъ преданныхъ слугъ династіи? Или, наконецъ, чувствуя свою гибель и «оставленный Богомъ», онъ пожелалъ выразить въ торжественномъ актѣ, нѣчто вродѣ политическаго завѣщанія, мотивы величія и національнаго достоинства котораго оправдали бы его въ томъ, что онъ возложилъ на русскій народъ испытаніе этой войны?» (Т. III. Стр. 120).

Если безпокойство Палеолога навѣяно на него «міазмами Петрограда», то выводы его, явившіеся послѣдствіемъ его личныхъ впечатлѣній, какъ всегда вѣрны въ признаніи благородства побужденій Императора Николая.

17/30 декабря произошло убійство Распутина. Подробности этого убійства внѣ темы настоящаго этюда. Отмѣтимъ лишь, что этотъ «хирургическій» пріемъ не принесъ никакой пользы. Вотъ какъ оцѣниваетъ это событіе Бьюкененъ:

«Убійство Распутина, хотя и подсказанное патріотическими побужденіями, было роковой ошибкой. Оно сдѣлало Государыню еще болѣе непримиримой и подало опасный примѣръ, побуждая многихъ приводить свои замыслы въ исполненіе. Помимо этого, оно затруднило Государю возможность пойти на уступки, даже если бы онъ намѣревался это сдѣлать, такъ какъ его могли заподозрить въ томъ, что онъ уступаетъ изъ боязни быть убитымъ». (Т. II. Стр. 31).

Во всякомъ случаѣ, это убійство крайне обострило, уже безъ того тяжелыя, отношенія между Государемъ и остальною Императорской фамиліей, ставшей въ защиту, высланнаго за участіе въ убійствѣ, на Персидскій фронтъ, Великаго Князя Дмитрія Павловича.

Такъ или иначе, Распутинъ пересталъ существовать и здѣсь слѣдуетъ подвести итогъ его дѣятельности въ той области, которая насъ интересуетъ, а именно, былъ ли онъ нѣмецкимъ агентомъ? Въ подтвержденіе этого предположенія Палеологъ, фактовъ не привелъ, а Бьюкененъ такъ формулируетъ свое заключеніе:

«Распутина также обвиняли въ томъ, что онъ подкупленъ нѣмцами, — обвиненіе, которое, сказать по правдѣ, не было основательнымъ. Онъ не состоялъ въ непосредственной связи съ Германіей и не получалъ денегъ непосредственно отъ нѣм-

цевъ, но его широко финансировали нѣкоторые еврейскіе банкиры, которые, по всей видимости, были нѣмецкими агентами. Такъ какъ онъ имѣлъ привычку повторять передъ этими еврейскими друзьями все то, что онъ слышалъ въ Царскомъ, и такъ какъ Государыня совѣтывалась съ нимъ по всѣмъ военнымъ и политическимъ вопросамъ, многія полезныя свѣдѣнія доходили до нѣмцевъ такимъ косвеннымъ путемъ». (Т. I. 178).

«Я не думаю», говорилъ Жильяръ, «чтобы Распутинъ былъ въ прямомъ значеніи этого слова, наемнымъ агентомъ Германіи». (Стр. 153).

Итакъ, въ доказательство того, что Распутинъ былъ нѣмецкимъ агентомъ иностранцы подтверждающихъ данныхъ не приводятъ, что не мѣшало тому, что около Распутина ходило много баснословныхъ разсказовъ, о чемъ, послѣ посѣщенія Швейцарскаго посланника, свидѣтельствуетъ тотъ же Жильяръ:

«Я никогда до этого свиданія не подозрѣвалъ ту важность, которую приписывали не только въ русскихъ кругахъ, но и въ посольствахъ и миссіяхъ Петрограда, политической роли Распутина. Ея значеніе сильно переувеличивалось». (106-107).

А сводилась эта роль къ тому, что, подъ вліяніемъ Распутина, Императрица измѣняла Россіи.

Это обвиненіе противъ Императрицы нынѣ опровергнуто какъ чрезвычайной слѣдственной комиссіей, учрежденной Временнымъ Правительствомъ, такъ и опубликованными письмами Государыни, и поэтому, по первому впечатлѣнію, казалось бы, что не стоитъ имъ и заниматься, но это не совсѣмъ такъ.

Распространяемые объ измѣнѣ Императрицы слухи отъ свѣтскихъ салоновъ до полицейскихъ участковъ, отъ учебныхъ заведеній до трактировъ и кабаковъ, отъ штабовъ до окоповъ, вселяли такой развратъ какъ въ высшихъ слояхъ общества, такъ и въ простонародьи, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть, если не главную причину, то, во всякомъ случаѣ, главнѣйшій предлогъ для революціи.

Нельзя, въ данномъ случаѣ, не сослаться на авторитетъ Главнокомандующаго «Вооруженными силами на Югѣ Россіи», генерала Деникина, который въ своей книгѣ «Очерки Русской Смуты» (Т. I., вып. I., стр. 17-18) высказываетъ слѣдующее:

«...Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе произвело роковое слово «измѣна»... Въ арміи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи Императрицей сепаратнаго мира, предательствѣ ея относительно Фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго она,

якобы, сообщила нѣмцамъ, и т. д. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатлѣніе, которое произвелъ въ арміи этотъ слухъ объ измѣнѣ Императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль въ настроеніи арміи и въ отношеніи ея къ династіи и революціи».

То обстоятельство, что Императрица нынѣ очищена отъ возведенной на нее клеветы, не уничтожаетъ того факта, что приписываемая ей легендой «измѣна» владѣла обществомъ того времени и являлась самодавлѣющимъ фактомъ, значеніе котораго не можетъ не быть предметомъ изученія изслѣдователя той эпохи.

Такъ какъ на вопросъ о роли Распутина, какъ нѣмецкаго агента, мы не нашли отвѣта у иностранцевъ, то обращаемся къ русскимъ источникамъ.

Въ № 119 отъ 12 сентября 1924 года, издающейся въ Парижѣ газетѣ «Вечернее Время» напечатана статья, подписанная Григоріемъ Гирчичемъ, *) почетнымъ мировымъ судьей, бывшимъ военнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ Штабовъ Главнокомандующаго Деникина и Врангеля. По его свидѣтельству, по интересующему насъ вопросу, имѣется исчерпывающій матеріалъ въ работахъ «Чрезвычайной Комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій министровъ и другихъ высшихъ чиновъ Имперіи». Предсѣдательствованіе въ Комиссіи соціалиста большевистскаго оттѣнка, адвоката Муравьева и бдительный контроль надъ ея работами со стороны Петроградскаго Совдепа и толпы разнокалиберныхъ евреевъ, при традиціонно - честной работѣ русскихъ судебныхъ чиновъ, сдѣлали результаты работы Комиссіи безспорными. Комиссія обладала исключительными возможностями для выясненія истины и отдѣльное лицо, въ особенности частное, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, не можетъ располагать бывшими въ ея распоряженіи матеріалами и средствами. «До конца сентября 1917 года, я завѣдывалъ 27-й слѣдственною частью Комиссіи, гдѣ были сосредоточены всѣ указанія, даже малѣйшія, на измѣну со стороны представителей власти въ Имперіи и даже Членовъ Царствующей Династіи. Всѣ указанія были провѣрены съ исчерпывающей полнотой, полнымъ безпристрастіемъ...»

---

*) Въ томѣ XI «Архива Русской Революціи» появились воспоминанія сенатора С. В. Завадскаго, состоявшаго товарищемъ предсѣдателя (Муравьева) упомянутой Чрезвычайной Комиссіи. Завадскій безусловно отрицаетъ всякую причастность Императрицы къ «измѣнѣ», а о Гирчичѣ говоритъ какъ объ оставившемъ въ его душѣ «самую лучшую о себѣ память, какъ о дѣятелѣ и человѣкѣ. (стр. 50). Заподозрить С. В. Завадскаго въ особой слабости къ старому режиму, и въ частности къ Императрицѣ, довольно трудно, такъ какъ при такихъ свойствахъ не пригласилъ бы его Керенскій на такую роль.

И что же оказалось?

«Среди близкихъ къ Царской Семьѣ, было мало людей вѣрноподданныхъ въ благородномъ значеніи этого слова, но не было и измѣнниковъ. Распутинъ, этотъ умный, съ огромной волей подтаежный мужикъ, послѣ многолѣтняго аскетическаго стажа, сбитый съ толку Петербургскимъ высшимъ совѣтомъ, не былъ шпіономъ и измѣнникомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ сдѣлался негодяемъ, былъ и предателемъ — но только чести своихъ чистыхъ душою державныхъ покровителей, видѣвшихъ въ немъ вѣрнаго выразителя чувствъ «простого» народа и человѣка, одареннаго свыше таинственной и благодатной силой. Не былъ Распутинъ и дѣльцомъ, а съ еврейской точки зрѣнія, его можно считать и «безсребренникомъ».

Гораздо болѣе подозрительно относится къ Распутину судебный слѣдователь Соколовъ въ своей книгѣ, излагающей произведенное имъ слѣдствіе объ убійствѣ Царской Семьи. Въ этой книгѣ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на князя Юсупова и Керенскаго, въ свою очередь ссылающагося на бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова, онъ указываетъ на связь Распутина съ группой лицъ, несомнѣнно подозрительныхъ въ смыслѣ своей дѣятельности, на разрушеніе Россіи направленной, и въ томъ числѣ съ какой-то организаціей «зеленыхъ», дѣйствовавшихъ въ интересахъ враговъ Россіи въ Швеціи.

Вотъ что говоритъ князь Юсуповъ:

«Мнѣ все же кажется, что, являясь агентомъ нѣмцевъ, онъ, въ своей политической дѣятельности, не былъ вполнѣ сознательнымъ для самого себя и до извѣстной степени поступалъ безсознательно въ своей губительной для Россіи дѣятельности».

Заключеніе агента, приставленнаго для наблюденія за Распутинымъ военными властями, сводится къ слѣдующему:

«Ему было ясно, что его, (Распутина) квартира и есть то мѣсто, гдѣ нѣмцы, черезъ свою агентуру, получали нужныя имъ свѣдѣнія, но (онъ) долженъ сказать по совѣсти не имѣлъ основанія считать его нѣмецкимъ агентомъ. Онъ былъ безусловный германофилъ». (стр. 80).

Керенскій заявляетъ на слѣдствіи:

«Что Распутинъ былъ нѣмецкій агентъ или, правильнѣе сказать, что онъ былъ тѣмъ лицомъ, около котораго работали не только германофилы, но и нѣмецкіе агенты, это для меня не подлежитъ сомнѣнію» (стр. 80).

Вотъ, въ сущности, весь фактическій матеріалъ, указывающій на связь Распутина съ нѣмцами. Насколько онъ оказался имъ полезнымъ, какъ освѣдомитель, не выяснено; не выяснено

также насколько онъ былъ использованъ ими въ качествѣ проводника нѣмецкихъ чаяній и вожделѣній.

Однако существенно важнымъ представляется то обстоятельство, что «А. Н. Хвостовъ», по словамъ В. А. Маклакова, «даже сильно возбужденный противъ Государя, ни на минуту не допускалъ мысли, что Императорская Чета могла бы имѣть соприкосновеніе съ германской интригой; онъ, рядомъ соображеній и фактовъ, это энергично отрицалъ» (стр.79).

Оцѣнивая значеніе Распутина, въ смыслѣ нѣмецкихъ происковъ, мы, повидимому, будемъ гораздо ближе къ истинѣ, послѣдуя словамъ Жильяра:

«Распутинъ, конечно, былъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ Германскаго Генеральнаго штаба, который, имѣя полный интересъ продлить жизнь столь драгоцѣннаго союзника, окружилъ его шпіонами, бывшими, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его охранителями. Нѣмцы нашли въ немъ превосходное средство, чтобы компрометтировать Дворъ и широко это средство использовали». (153).

Дѣло, конечно, было не въ Распутинѣ; ударъ былъ направленъ на Императрицу. «Наихудшія инсинуаціи распространялись на ея (Императрицы) счетъ и встрѣчали довѣріе даже въ кругахъ, которые до того времени отбрасывали ихъ съ презрѣніемъ... Не удовлетворялись нападками, направленными противъ частной жизни Императрицы, но ее открыто обвиняли въ германофильствѣ и давали понять, что ея симпатіи къ Германіи могли стать опасностью для страны. Слово «измѣна» не было еще на устахъ, но намеки, полные недомолвокъ, показывали, что подозрѣніе внѣдрилось уже въ сознаніе многихъ. Я зналъ, что это было результатомъ нѣмецкихъ пропаганды и интригъ... Берлинское правительство, уже осенью 1915 года, дало себѣ отчетъ, что оно никогда не справится съ Россіей, пока она объединена со своимъ Царемъ и съ того времени оно имѣло только одну мысль: вызвать революцію, которая привела бы къ паденію Николая II. Въ виду трудностей, которыя оно встрѣчало къ нападкамъ непосредственно на Царя, нѣмцы направили свои усилія противъ Императрицы, начавъ изподтишка противъ нея кампанію диффамаціи, очень искусно веденную, которая, не замедлила принести свои плоды. Не отступали ни передъ какой клеветой. Прибѣгнули къ классическому пріему, уже вѣдомому исторіи, который заключается въ нападкахъ, направленныхъ на монарха въ лицѣ его супруги; дѣйствительно, легче повредить репутаціи женщины, въ особенности, если она иностранка. Понимая всю выгоду, которую можно было извлечь изъ

того положенія, что Императрица была нѣмецкой принцессой, пытались ловкими провокаціями создать о ней представленіе, какъ объ измѣнницѣ Россіи. Это былъ лучшій способъ скомпрометировать ее въ глазахъ націи. Это обвиненіе встрѣтило благопріятный пріемъ въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ и обратилось въ страшное орудіе противъ династіи». (142-144).

Всѣ приписывали Императрицѣ огромное вліяніе на ея державнаго Супруга. Если бы она стояла за сепаратный миръ, съ цѣлью спасти отъ окончательнаго разгрома свою прежнюю родину, то, конечно, употребила бы на это свое вліяніе. Государь, до послѣдняго дня своего царствованія, стоялъ за продолженіе войны и, даже уже въ плѣну у большевиковъ, въ Тобольскѣ, говорилъ, что не отрекся бы отъ престола, если бы зналъ, что это можетъ привести къ окончанію нашей борьбы съ нѣмцами и тогда въ первый разъ пожалѣлъ о своей жертвѣ. Какой изъ этого слѣдуетъ сдѣлать выводъ? Или тотъ, что Государь вовсе не такъ ужъ былъ послушенъ волѣ своей жены, какъ это говорили, или, что вліяніе Императрицы, въ данномъ случаѣ, не проявлялось въ томъ смыслѣ, которое ей приписывали. Трудно допустить, чтобы столь дружные супруги расходились въ такомъ кардинальномъ вопросѣ. Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ фактовъ, совершенно ясно, что Императрица никогда сторонницей сепаратнаго мира не была.

Что касается вожделѣній нѣмцевъ узнавать черезъ Распутина тайны нашей политики и военныхъ плановъ, то, можетъ быть, къ этому и дѣлались попытки. Допуская даже, что кое что Распутинъ могъ слышать (хотя, что могъ онъ секретнаго слышать изъ неподлежащаго оглашенію?) разбалтывать въ пьяномъ видѣ, нельзя одного не признать, что это зло было неизмѣримо меньшимъ, чѣмъ распространеніе въ обществѣ слуховъ, что Распутинъ, близкій къ Императрицѣ человѣкъ — нѣмецкій агентъ: вѣра въ такую возможность революціонировала страну, а революція въ Россіи была въ то время единственной надеждой нѣмцевъ.

«Я часто мечталъ», — говоритъ Людендорфъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ о войнѣ», «объ осуществленіи русской революціи, которая должна была облегчить наше военное положеніе. Непрестанная химера! Нынѣ она совершилась неожиданно. Я почувствовалъ себя облегченнымъ отъ громадной тягости!» (Жильяръ, стр. 157).

«Большая публика», прибавляетъ отъ себя Жильяръ — «не отдавая себѣ отчета, сдѣлалась послушнымъ агентомъ нѣмецкихъ интригъ». (159).

Русское общество того времени не сумѣло понять, что нѣмецкая интрига, губившая репутацію Императрицы, вмѣстѣ съ нею губила и Россію.

Девятый валъ накатывался на нашу Родину.

Въ началѣ 1917 года Палеологъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ о доходящихъ до него слухахъ о броженіи, начавшемся противъ Государя въ средѣ Императорской Фамиліи, ведущемъ къ его низложенію. (Т. III. стр. 137, 138, 155).

И не мудрено послѣ этого,что, когда посолъ представляется Государю 24 декабря (7 января), онъ пораженъ «усталымъ видомъ Царя, его выраженіемъ сосредоточеннымъ и удрученнымъ», который все еще находитъ въ себѣ силы сказать:

— «Я все еще упорно стою на томъ, чтобы продлить войну до побѣды, до побѣды рѣшительной и окончательной!» (Т. III., стр. 148).

И при этомъ Государь зналъ о всемъ, что около него творилось. (Т. III., стр. 162).

Помимо всѣхъ приведенныхъ затрудненій, положеніе Государя осложнялось, можетъ быть, еще и образомъ дѣйствій Англійскаго посла. Какъ было указано въ началѣ настоящаго этюда, многіе обвиняли Англію въ томъ, что она вовлекла Россію въ міровую войну. Это обвиненіе разрѣшалось лишь словами: « Cui prodest ?» Обвиненія шли и дальше: большое число лицъ утверждало и утверждаетъ, что Англія способствовала нашей революціи. Какія могли быть у нея къ этому побужденія? Въ концѣ 1916 года, военное положеніе Россіи значительно улучшилось. Армія была снабжена снарядами въ изобиліи. Противникъ изнемогалъ. Даже безъ активныхъ съ нашей стороны выступленій, война близилась къ своему концу, и Россія должна была пожать плоды своихъ трехлѣтнихъ жертвъ и усилій. Константинополь, дверь въ Индію, былъ намъ обѣщанъ. Приближалось ультимо для оплаты по векселю. Платить по этому векселю было непріятно. Почему бы не поставить кредитора въ такія условія, чтобы онъ оказался въ невозможности предъявить свои законныя требованія? «Cui prodest?» На этотъ вопросъ многіе отвѣчали — Англіи. Если, дѣйствительно, Англія дѣлала такую политику, то вольнымъ или невольнымъ проводникомъ ея являлся сэръ Джорджъ Бьюкененъ. Было уже указано, что воспоминанія сэра Джорджа производятъ впечатлѣніе обратное, такъ какъ въ нихъ демонстрируются его живыя симпатіи къ Россіи, но, быть можетъ, личныя чувства Бьюкенена одно, а порученная ему политика другое.

По этому поводу, около года тому назадъ, между вдовой покойнаго Вел. Кн. Павла Александровича, княгиней Палѣй и б. англійскимъ посломъ возгорѣлась на страницахъ «Revue de Paris» ,острая полемика, въ которой княгиня обвиняетъ сэра Джорджа въ способствованіи нашей революціи, а онъ противъ этихъ обвиненій защищается. Въ послѣднихъ главахъ своихъ воспоминаній Бьюкененъ тоже старается оправдать себя въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Нельзя не признать, что его оправданія не слишкомъ убѣдительны и скорѣе производятъ впечатлѣніе, что «qui s'excuse s'accuse» а сэръ Джорджъ, пользуясь терминомъ нашей старой юриспруденціи, «остается въ сильномъ подозрѣніи».

Здѣсь не мѣсто заниматься этимъ вопросомъ, который завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, отмѣчаемъ его потому, что образъ дѣйствій Бьюкенена, въ разсматриваемомъ періодѣ, внушалъ многимъ сомнѣніе и поэтому, въ концѣ концовъ, опредѣлялъ къ нему и отношеніе Государя. Къ этому необходимо присовокупить, что, какъ это уже было отмѣчено выше, Государь вообще былъ хорошо освѣдомленъ и кромѣ того, обладалъ особою интуиціей въ томъ, какъ люди къ нему относились.

12 января сэръ Джорджъ былъ принятъ Государемъ.

«Во всѣхъ предшествующихъ случаяхъ», повѣствуетъ посолъ, — «Его Величество запросто принималъ меня у себя въ кабинетѣ, просилъ садиться и, протягивая портсигаръ, предлагалъ закурить. Поэтому я былъ непріятно пораженъ, когда на этотъ разъ меня ввели въ пріемную и я засталъ Его Величество ожидавшимъ меня, стоя посреди комнаты».

Несмотря на такой холодный пріемъ, посолъ рѣшается высказать Государю свои мрачные взгляды на положеніе и о необходимости поставить во главѣ правительства сильнаго человѣка. Государь съ этимъ соглашается. Бьюкененъ, однако, дѣлаетъ оговорку, чтобы стойкость этого лица «не проявлялась въ усиленіи репрессивныхъ мѣръ или въ томъ, чтобы мѣшать прекрасной работѣ земствъ». Воздавая должное земствамъ за услуги, оказанныя ими во время войны, Государь отвѣтилъ, что онъ порицаетъ поведеніе и политическую дѣятельность нѣкоторыхъ ихъ лидеровъ. Посолъ старался защищать ихъ, указывая, что «если они и заблуждались, то руководились только чрезмѣрнымъ патріотизмомъ», но его защита осталась безъ успѣха. Очевидно, восхваленіе земствъ послѣ ихъ недавнихъ чисто революціонныхъ выступленій, не могло не поразить не-

пріятно Государя, но апогея своей безтактности сэръ Джорджъ достигаетъ слѣдующимъ выпадомъ:

— «Ваше Величество, разрѣшите мнѣ сказать вамъ, что вы имѣете передъ собою только одинъ вѣрный путь — уничтожить преграду, отдѣляющую васъ отъ вашего народа и снова заслужить его довѣріе». *)

«Выпрямившись и твердо взглянувъ на меня, Государь спросилъ:

— «Думаете ли вы, что я долженъ заслужить довѣріе моего народа или, что онъ долженъ снова заслужить мое довѣріе?» (Т. II., стр. 36-7).

Нужно удивляться сверхчеловѣческой сдержанности Монарха, который могъ спокойно выслушать эту, уже прямо дерзкую выходку зарвавшагося англичанина.

1/14 января новогодній пріемъ въ Царскомъ Селѣ.

«Николай II появляется, какъ всегда, любезный и простой, даже съ обликомъ развязности,**)но блѣдное и исхудалое лицо выдаетъ природу его тайныхъ помышленій». (Палеологъ. Т. III., стр. 164).

Такимъ же мы видимъ его 21 января (3 февраля) три недѣли спустя, за парадным обѣдомъ въ Царскомъ Селѣ, даннымъ лорду Мильнеру, Думергу, генералу Кастельно и другимъ, когда для каждаго изъ нихъ онъ находитъ любезное слово». (Тамъ же Т. III., стр. 185).

Какой героической силой самообладанія владѣлъ этотъ,такъ называемый, «слабый» человѣкъ и какъ мелки и ничтожны оказались передъ нимъ будущіе властелины Россіи Кн. Львовы и Керенскіе, выдохнувшіеся черезъ мѣсяцъ пребыванія у власти.

Къ концу 1916 года силы таинственнаго «заговора», развернулись во всю свою ширь. Движимая ими оппозиція закусила удила и слѣпо и упорно, въ угоду Людендорфу, потянула Россію въ бездну.

Въ столицѣ не хватало хлѣба. Начинаются волненія въ хвостахъ у булочныхъ, скоро перешедшія въ демонстраціи.

Всѣ бывшіе въ то время въ Петроградѣ должны признать, что никакого голода въ столицѣ въ то время не было. Бывалъ, временами, недостатокъ въ хлѣбѣ, часто добываніе его требовало значительной затраты времени, но всякихъ другихъ питательныхъ веществъ, какъ то капусты, картофеля было вполнѣ достаточно и голода, въ прямомъ смыслѣ этого слова, никто

---

*) Курсивъ нашъ.

(**) affectant même l'air dégagé.

не испытывалъ. Теперь извѣстно, что въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ продовольственное положеніе въ то время было несравненно хуже, но народъ терпѣлъ.Терпѣлъ бы его и нашъ народъ, привыкшій къ терпѣнію и всегда пассивно героическій, вытерпѣвшій и терпящій во сто разъ худшее при большевикахъ, но были силы, которыя не только не хотѣли, чтобы онъ терпѣлъ, но, напротивъ того, жаждали вызвать его неудовольствіе, памятуя слова Редерера: «Ораторамъ стоитъ обратиться къ голоду, чтобы достигнуть жестокости», а также выкрики "le boulanger et la boulangère", послужившіе боевымъ крикомъ Французской революціи.

Здѣсь, кстати, отмѣтить, что много хлѣба было задержано какими то таинственными силами на станціяхъ ж. д. средней полосы Россіи, и стоило появиться у власти Временному Правительству, какъ хлѣбъ, «Deus ex machina» появился на столичныхъ рынкахъ.

Уличныя демонстраціи, сначала мирныя, скоро пріобрѣли революціонный характеръ.

Вновь назначенный, вмѣсто ушедшаго со своего поста А. Ф. Трепова, предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, князь Голицынъ и Командующій войсками, генералъ Хабаловъ, совершенно растерялись. Вызванныя для подавленія безпорядковъ войска, своевременно неиспользованныя, отказались стрѣлять и вскорѣ стали на сторону возставшаго народа. Родзянко телеграфируетъ Государю, пребывающему въ Могилевѣ, о томъ, что династія въ опасности. Образуется исполнительный Комитетъ Государственной Думы; министры стараго правительства арестованы.

Родзянко, Гучковъ, Шульгинъ и Милюковъ совершенно ошеломлены анархическимъ видомъ арміи. «Не таковой они ожидали революцію; они надѣялись руководить ею, сдерживая ее арміею. Теперь войска не признаютъ никакого начальства и распространяютъ ужасъ по всему городу», сообщаетъ Палеологу нѣкій, присланный къ нему Родзянкой значительный чиновникъ Х, которому, въ свою очередь, Палеологъ говоритъ:

«Если самодержавіе падетъ, будьте увѣрены, что оно увлечетъ за собою въ погибель все зданіе русской государственности. (Т. III., стр. 227-8).

Образуется совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ которымъ Исполнительный Комитетъ Государственной Думы начинаетъ работать «въ тѣсномъ единеніи», т. е. безпрекословно исполнять его волю. Постановляется рѣшеніе, требующее отре-

ченіе Государя отъ престола. Предъявить это требованіе командируются члены Государственной Думы Гучковъ и Шульгинъ.

Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь подробно на обстоятельствахъ, непосредственно предшествовавшихъ отреченію Государя, такъ какъ тема эта уже достаточно разработана.

Гучковъ и Шульгинъ прибыли въ Псковъ, гдѣ, по словамъ Палеолога, встрѣтили у Государя «свойственный ему любезный и простой пріемъ». (Т. III., стр. 237).

Оставленный всѣми Государь согласился на отреченіе, но отказался сдѣлать это въ пользу сына, съ которымъ не имѣлъ силъ разстаться, а передалъ престолъ своему брату, Вел. Кн. Михаилу Александровичу. Необходимо отмѣтить, что этому рѣшенію предшествовалъ разговоръ Государя съ лейбъ-медикомъ Федоровымъ, который, на поставленный ему Государемъ вопросъ, отвѣтилъ, что болѣзнь наслѣдника неизлѣчима.

Ни Гучковъ, ни Шульгинъ не сдѣлали противъ этого никакихъ возраженій.

2 марта 1917 года, Государь Императоръ подписалъ актъ отреченія, заканчивающійся слѣдующими благородными словами:

«Во имя горячо любимой Родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи».

Государя много и долго осуждали за отреченіе за своего малолѣтняго сына, на что онъ не имѣлъ юридическаго и, будто бы, нравственнаго права. Находили, что автоматическое возшествіе Цесаревича Алексѣя на престолъ, не оставляя таковаго ни на одну минуту вакантнымъ, обезпечивало сохраненіе трона за династіей Романовыхъ и тѣмъ предотвратило бы Россію отъ постигшихъ ее анархіи и гибели. Государя упрекали въ томъ, что интересы Родины онъ эгоистически пожертвовалъ своимъ родительскимъ чувствамъ.

Рѣшеніе Государя, дѣйствительно, было юридически неправильно. Но можно ли въ такія минуты требовать отъ человѣка холоднаго юридическаго мышленія. Вѣдь никто, а въ томъ числѣ и высоко въ ту минуту отвѣтственные, Гучковъ и Шульгинъ, тоже не подумали объ этомъ.

Было ли рѣшеніе Государя эгоистическимъ?

Въ ту минуту, когда у человѣка вырываютъ все, чему онъ,

по мѣрѣ силъ и разумѣнія, служилъ всю свою жизнь, въ чемъ онъ видѣлъ призваніе свое, ниспосланное Божественнымъ промысломъ, когда все и вся ему измѣняетъ, когда путемъ неслыханнаго насилія ему, отъ имени, будто бы, всей Россіи, говорятъ «уходи», тогда ему же ставятъ въ упрекъ, что онъ не отдаетъ имъ, этимъ людямъ, своего обожаемаго сына, къ тому же, по слабости своего здоровья, неспособнаго царствовать. Гдѣ же, наконецъ, справедливость!

Нѣтъ, этой справедливости не было. Надо было доканать «pollice verso» уже взятаго въ плѣнъ и выведеннаго изъ строя. благороднаго бойца за честь и доблесть Россіи. Вѣдь, по существу, то въ чемъ обвиняли Государя, не имѣло даже реальнаго значенія. Неужели серьезно можно повѣрить, что слабые, ничтожные люди, дорвавшіеся до власти, съ перваго же дня ставшіе игрушкой совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, могли бы сохранить права малолѣтняго Цесаревича? Вѣдь, мы видѣли съ какою легкостью они были вырваны у Вел. Кн. Михаила Александровича.

Нѣтъ, справедливо говоритъ Палеологъ, «актъ его отреченія, который онъ такъ долго обдумывалъ, вдохновленъ самыми лучшими побужденіями и его общій тонъ проникнутъ царственнымъ величіемъ. И его моральное состояніе, при этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, кажется совершенно логичнымъ, если допустить, какъ я это часто отмѣчалъ, что въ теченіи уже многихъ мѣсяцевъ, несчастный монархъ признавалъ себя приговореннымъ, такъ какъ онъ уже давно принесъ себя въ жертву и подчинился року». (Стр. 239).

Указавъ въ актѣ отреченія на «тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды», Государь, уже послѣ отреченія, 8 марта обратился съ прощальнымъ словомъ къ своимъ войскамъ, въ которомъ указывалъ:

«Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды. Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель...»

Но этотъ патріотическій призывъ низложеннаго Государя, Временнымъ Правительствомъ къ распространенію не былъ допущенъ и въ то время остался русскому народу неизвѣстнымъ!

И въ то время, когда благородный и уже лишенный власти монархъ призываетъ свой народъ къ исполненію своего долга, новая власть, обвинявшая его въ неспособности довести войну

до побѣднаго конца, и во имя этого вырвавшая у него власть, уже бьетъ отбой.

Палеологъ отмѣчаетъ 12/25 марта:

«Манифестъ Временнаго Правительства опубликованъ сегодня утромъ. Это документъ длинный, многословный, напыщенный, безчестящій старое правительство, обѣщающій народу всѣ благодѣянія равенства и свободы. Въ немъ едва говорится о войнѣ».

Возмущенный посолъ идетъ объясняться къ Милюкову, который, въ растерянности, только проситъ дать ему время (Т. III. стр. 256-7). Тотъ самый Милюковъ, который обвинялъ Штюрмера и весь старый строй въ измѣнѣ союзникамъ!

По свѣдѣніямъ Палеолога, почерпнутымъ у Милюкова, Государь предполагалъ просить гостепріимства у Англійскаго короля.

«Онъ долженъ бы поторопиться», говоритъ ему Палеологъ. «Въ противномъ случаѣ, бѣсноватые изъ совѣта могутъ вызвать противъ него досадныя осложненія».

Но Милюковъ «не думаетъ, что жизнь Ихъ Величествъ была въ опасности». (Палеологъ, Т.III. стр. 255-6).

На сдѣланное Бьюкененомъ представленіе, король Георгъ предложилъ Государю и Императрицѣ гостепріимство на британской территоріи. (Тамъ же, стр. 263).

Однако, по требованію большевиковъ, Временное Правительство обязалось удержать въ Россіи низложеннаго Государя и, кромѣ того, былъ назначенъ особый комиссаръ, чтобы наблюдать за арестованной Императорской Семьей. Въ своей позорной угодливости передъ Совѣтомъ, Правительство увѣрило его, что, по соглашенію съ Бьюкененомъ, оно даже воздержалось отъ передачи Царю приглашенія Англійскаго короля». (Тамъ же, страница 273).

А каково было въ то время видимое настроеніе арестованнаго въ Царскомъ Селѣ Государя?

«Государь, по прежнему, поражаетъ своимъ равнодушіемъ и спокойствіемъ... Онъ испытываетъ какъ будто бы какую то мягкую атмосферу отдыха отъ верховной власти». (Т. III., 298).

Думается, что это была естественная реакція послѣ его невыносимыхъ переживаній, освященная необычайнымъ христіанскимъ смиреніемъ, яркимъ примѣромъ чего является тотъ фактъ, что, послѣ заутрени въ Свѣтлый Христовъ праздникъ, Государь христосовался со своими тюремщиками.

Удивительная, исполненная благородства, манера держать себя Государя покорила даже такого отъявленнаго врага само-

державія, какъ Керенскаго, который не одинъ разъ улавливалъ себя на томъ, что называлъ Государя — «Государемъ» и «Ваше Величество», вмѣсто хамски установленнаго Правительствомъ обращенія «полковникъ».

Послѣ приведенной отмѣтки 10/23 марта 1917 года, мы въ запискахъ Палеолога болѣе не встрѣчаемся съ фактами, такъ или иначе, имѣющими отношеніе къ Царю и его семьѣ, но нельзя не привести здѣсь, преисполненнаго сарказма замѣчанія его, о создавшемся новомъ положеніи, въ противоположность старому:

«Что Россія обречена на федерализмъ — это вѣроятно. Она предназначена ему громадностью своей территоріи, различіемъ расъ, ее населяющихъ, возрастающей сложностью ея интересовъ. Но настоящее движеніе носитъ гораздо болѣе сепаратистическій характеръ, чѣмъ областной, болѣе склонное къ уступкамъ (областей), чѣмъ къ ихъ федераціи; оно ведетъ не менѣе чѣмъ къ національному разчлененію. И этому совѣты способствуютъ во всю. Какъ же бѣсноватымъ и глупцамъ изъ Таврическаго дворца не соблазниться разрушить въ нѣсколько недѣль историческое созданіе десяти столѣтій! Французская революція началась съ провозглашенія «Французской Республики единой и недѣлимой». Этому принципу она пожертвовала тысячами головъ и французское единство было спасено. Русская Революція принимаетъ лозунгомъ: Россія разрушенная и расчлененная». (Т. III., стр. 279).

Оставляя Россію 4/17 мая 1917 года, Палеологъ заканчиваетъ свои, столь богатыя содержаніемъ, воспоминанія словами:

«И бросая послѣдній взглядъ назадъ, я повторяю себѣ пророческую жалобу, которой бѣдный мужикъ, блаженный или юродивый, заканчиваетъ сцену мятежа въ «Борисѣ Годуновѣ (оперѣ) (Т. III., ст. 348):

Лейтесь, лейтесь, слезы горькія, плачь, плачь душа православная!
Скоро врагъ придетъ, и настанетъ тьма, темень темная, непроглядная!
Горе-горе Руси! Плачь, плачь, русскій людъ, голодный людъ! *)

Съ отреченіемъ Николая II дѣятельность его, какъ Монарха, прекращается, но значеніе его не перестаетъ быть знаменательнымъ; не даромъ же большевики признали необходимымъ сна-

*) Эту пѣснь юродиваго Палеологъ приводитъ въ своемъ изложеніи; здѣсь приводится подлинный ея текстъ.

чала его удалить, а затѣмъ и уничтожить. Онъ являлся какъ бы живымъ знаменемъ идеи продленія войны до конца и уничтоженія противника; этой идеѣ Государь служилъ съ такимъ самоотреченіемъ, что призывалъ всѣхъ служить тому правительству, которое его низложило.

Принимая, въ прощальной аудіенціи въ Могилевѣ, уже послѣ отреченія, генерала Вильямса, онъ высказываетъ, «что теперь надо поддерживать Временное Правительство, что является лучшимъ способомъ сохранить Россію для союза, созданнаго для завершенія войны...» Послѣдними словами Государя, обращенными къ Вильямсу были: «Помните, одно только важно — только разбить германцевъ!» (стр. 170).

Всѣ свѣдѣнія иностранцевъ о Государѣ, въ дальнѣйшемъ, ограничиваются воспоминаніями Жильяра. Въ этихъ воспоминаніяхъ личность Царя и Царицы и всей Августѣйшей семьи выявляются въ необычайной красотѣ благородства, величія и смиренія. Эту книгу слѣдуетъ прочесть каждому русскому человѣку. Здѣсь приведемъ изъ нея лишь нѣсколько строкъ, касающихся непосредственно интересующей насъ темы.

Арестованному Государю причиняютъ въ Царскомъ Селѣ рядъ ненужныхъ и оскорбительныхъ непріятностей.

«Однако», пишетъ Жильяръ, «Государь принималъ всѣ эти стѣсненія со спокойствіемъ и величіемъ души замѣчательными. Ни разу слово упрека не сорвалось съ его устъ и это потому, что одно чувство доминировало надъ всѣмъ его существомъ, даже болѣе сильное, чѣмъ привязанность къ своей семьѣ: любовь къ родинѣ. Чувствовалось, что онъ готовъ былъ простить тѣмъ, кто причинялъ ему эти униженія, лишь бы они оказались способными спасти Россію». (182).

Сверхчеловѣческое величавое смиреніе никогда не оставляетъ Государя.

Когда часть царской семьи неожиданно, ночью, отправляютъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ, «онъ кажется спокойнымъ и находитъ ободривающее слово для каждаго изъ насъ». (221).

Исключительная личность Царя и семьи его укрощаютъ даже красноармейцевъ, присланныхъ въ Екатеринбургъ въ качествѣ тюремщиковъ:

«Мало по малу, тюремщики смягчаются отъ контакта съ заключенными. Они были удивлены ихъ простотой, тронуты ихъ кротостью и подавлены ихъ безмятежнымъ достоинствомъ, и скоро они почувствовали себя подчиненными тѣмъ, надъ которыми предполагали властвовать. Пьяница Авдіевъ былъ обезо-

руженъ такимъ величіемъ души и почувствовалъ всю свою мерзость. Глубокая жалость замѣнила у этихъ людей свирѣпость первыхъ дней». (241).

И Царь шелъ по своему крестному пути спокойный и ясный, подчиняясь Высшей Волѣ, пути Которой неисповѣдимы:

«Онъ находилъ, что личная иниціатива, какъ бы она ни была мощна и геніальна, ничтожна передъ высшими силами, управляющими событіями. Отсюда у него сознаніе мистической обреченности, которая заставляетъ его скорѣе подчиняться жизни, чѣмъ стараться ее направлять. Это тоже одна изъ характерныхъ чертъ русской души». (172).

Но подчиненность эта шла лишь до опредѣленнаго предѣла, до черты сознанія своего долга, здѣсь этотъ скромный человѣкъ выросталъ въ величавый образъ Помазанника Божія.

По словамъ Жильяра, въ половинѣ апрѣля 1918 года, совѣты, подъ давленіемъ Германіи, порѣшили перевести Царскую Семью въ Москву или Петроградъ. «Цѣлью нѣмцевъ была монархическая реставрація въ пользу Государя или Цесаревича, при условіи признанія ими Брестъ-Литовскаго договора, и съ тѣмъ, чтобы Россія стала союзницей Германіи. Этотъ планъ не имѣлъ успѣха, вслѣдствіе сопротивленія Императора Николая II, который, вѣроятно, сдѣлался жертвой своей вѣрности союзникамъ». (236).

«Въ то время», говоритъ Жильяръ, «при общемъ крушеніи Россіи, были лишь два очага сопротивленія, съ одной стороны, маленькая армія добровольцевъ, а съ другой, за деревянной оградой, которая его заключала, Государь велъ тоже свой послѣдній бой. Поддержанный Императрицей, онъ отвергъ всѣ компромиссы. Имъ оставалась для жертвы — только жизнь, и они готовы были ее отдать лишь бы не примириться съ врагомъ, который погубилъ ихъ родину, отнявъ у нея ея честь». (261).

«Императоръ и Императрица предполагали умереть мучениками за свою страну: они умерли мучениками за человѣчество. Ихъ истинное величіе не зависѣло отъ ихъ царскаго достоинства, а отъ чудесной высоты морали, до которой они постепенно поднялись. Они стали силою идеальной: даже въ своей убогости они явили потрясающее явленіе чудесной ясности души, противъ которыхъ безсильны всякое насиліе и всякая ярость, и которая торжествуетъ до самой смерти». (262).

Этими словами заканчиваетъ свои воспоминанія близко наблюдавшій Государя почтенный Жильяръ.

А вотъ какъ оцѣниваетъ Государя, или вѣрнѣе, его дѣло, типичный выразитель идеологіи общественности, Верстратъ:

«Послѣ стараго режима, который не позволялъ Россіи развиваться и который не умѣлъ вести войны, пришелъ большевизмъ, который раздавилъ ее подъ худшею тираніею.

...Она пользовалась раньше престижемъ столь же великимъ, какъ территорія ей подвластная и въ которой не заходило солнце. Теперь же она презираема даже ея друзьями, которые обвиняютъ ее въ измѣнѣ, тогда какъ она честно боролась и безъ нея они не были бы побѣдителями. Она несчастна, но она не виновата». (317).

Въ общемъ, слова прекрасныя, но съ неминуемымъ заскокомъ нашего обывательскаго либерализма. Старый режимъ не позволялъ Россіи развиваться — но при немъ она выросла въ Имперію больше той, которой гордился Карлъ V, и пользовалась огромнымъ престижемъ, при немъ она честно боролась и спасла союзниковъ, но, тѣмъ не менѣе, 357 страницъ книги Верстрата проникнуты мыслью «долой самодержавіе!»

Въ началѣ революціи, когда на улицѣ раздавалась Марсельеза и восторженные выкрики, Верстратъ замѣчаетъ:

«Неужели воскресъ патріотизмъ, который старый режимъ душилъ?» (стр. 138).

Царь, возглавлявшій и олицетворявшій старый режимъ, за свой патріотизмъ былъ преданъ лютой смерти, новый режимъ открылъ настежъ двери торжествующему интернаціоналу!

ГЛАВА IV.

Заключеніе.

Изъ всего вышеприведеннаго вытекаетъ, что иностранцы вполнѣ справедливо представляли себѣ Россію въ годы войны ареной борьбы консервативныхъ и либеральныхъ элементовъ, увлекаемыхъ потокомъ такъ наз. освободительнаго движенія. Изъ цитированныхъ наблюдателей, несомнѣнно, наибольшій интересъ представляютъ для насъ послы французскій и англійскій. Оба посла, что тоже вполнѣ понятно, какъ западники, еще не разочаровавшіеся въ парламентаризмѣ, болѣе симпатизировали либераламъ, стремившимся къ водворенію и въ Россіи такого же режима. Эти симпатіи у Палеолога вполнѣ безкорыстны, у Бьюкенена же, какъ это указывалось выше, они имѣли, быть можетъ, и иное основаніе, — желаніе временнаго ослабленія Россіи, неизбѣжнаго при перемѣнѣ формы правленія. Симпатизируя либераламъ, такъ сказать,, принципіально, Палеологъ, тѣмъ не менѣе, не только считалъ осуществленіе ихъ стремленій недопустимымъ во время войны, но и неоднократно предостерегалъ ихъ отъ опасности попытокъ къ этому. Если даже въ послѣдніе дни стараго режима уже замѣчался нѣкоторый контактъ его съ либералами, то это не заслуживаетъ съ нашей стороны упрека. Французскій посолъ не хотѣлъ революціи, указывалъ на ея опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ думать объ интересахъ представляемой имъ страны и обезпечить себѣ добрыя отношенія съ Правительствомъ, какъ онъ думалъ, завтрашняго дня. Отдавая должное правильности концепціи Палеолога въ этихъ широкихъ линіяхъ, нельзя, однако, съ сожалѣніемъ, не замѣтить его отрицательнаго отношенія къ правымъ и не столько даже въ силу ихъ идеологіи, такъ какъ онъ не могъ не понимать, что они являлись устоемъ того режима, который единственно могъ довести войну до конца, а потому, что въ консерваторахъ онъ видѣлъ «Потсдамскую клику», тяготѣвшую къ Германіи. Это было заблужденіемъ. До войны, несомнѣнно, въ Россіи была группа людей, исповѣдывавшая

необходимость сохраненія дружескихъ отношеній съ Германіей. Это «credo» ни въ малѣйшей мѣрѣ не противорѣчило вѣрности союзу съ Франціей, который только укрѣплялъ Россію, а потому дѣлалъ ея дружбу болѣе цѣнной для Германіи, а поэтому и болѣе плодотворной. Возможно, что многіе изъ консерваторовъ сожалѣли о возгорѣвшейся войнѣ, но никогда они не вели кампаніи къ ея прекращенію путемъ сепаратнаго мира. Для нихъ ясно было, что власть, принявшая такое рѣшеніе, въ то время не могла бы удержаться и что только побѣда могла укрѣпить монархію и сохранить тронъ за Императоромъ. Это правые понимали. Если припомнить все, что въ настоящемъ очеркѣ высказывалось правыми, то невозможно отказать имъ ни въ умѣ, ни, въ особенности, въ ясномъ представленіи послѣдствій паденія самодержавія. Но иностранцы не понимали ихъ. Происходило это по двумъ причинамъ: первой — по самой разницѣ природы приверженцевъ русскаго царизма и людей, выросшихъ въ условіяхъ парламентаризма, — второй, быть можетъ еще болѣе существенной, по той неустанной травлѣ, которая велась противъ консерваторовъ не только «либералами», но и силами тайнаго міроваго заговора, движимыми причинами, «глубокими и далекими». И въ центрѣ этой борьбы высились двѣ фигуры: Государя и Императрицы, которыя хотѣли только одного — блага Россіи, кристаллизовавшагося въ данный моментъ въ побѣдѣ надъ врагомъ, которую они считали достижимой лишь при сохраненіи незыблемости, во всякомъ случаѣ на время войны, существовавшаго строя. Если бы даже — чего на самомъ дѣлѣ не было — правые побуждали ихъ къ позорному рѣшенію — сепаратному миру, — то тѣмъ свѣтлѣе и величественнѣе выростетъ ихъ образъ, такъ какъ они этому соблазну не поддались.

И Царь боролся за сохраненіе своей власти, но въ этой борьбѣ оказался одинокимъ, ибо со стороны общества, вмѣсто поддержки, онъ встрѣтилъ лишь легкомысленное или злобное осужденіе.

А каково было само общество, столь строго судившее Царя? Принявшее восторженно войну, оно послѣ первой неудачи остыло, ища виновнаго. Злыя силы указали на Государя и его Супругу. Всякая хула, всякая скверная сплетня противъ нихъ принималась на вѣру и распространялась съ какимъ то садизмомъ. Общество скоро «устало» отъ войны... Государь не уставалъ ни на одну минуту. Царь еще хотѣлъ осуществить завѣтную мечту Русскаго народа воздвигнуть крестъ на Святой Софіи, но общество уже не интересовалось этимъ... Оппозиція была занята

болѣе важнымъ, она рѣшила, что трудность момента является обстоятельствомъ, благопріятствующимъ тому, чтобы вырвать у Государя его власть, не понимая, что только эта власть могла довести Россію до побѣды. Можетъ быть оппозиція страшилась побѣды, полагая, что таковая могла укрѣпить Царскую власть и всѣ силы были направлены противъ Царя. Въ тоже время и крайніе лѣвые изъ Циммервальда дѣлали свое дѣло. Этой страшной опасности наше общество не видѣло или не хотѣло видѣть. Оно видѣло только воображаемую опасность справа, а реальной слѣва не видѣло. *) Вмѣсто того, чтобы объединиться съ Царемъ въ борьбѣ съ Германизмомъ и интернаціонализмомъ, оно предпочло бороться противъ своего Государя. Пусть у него были недостатки и слабости, но какъ было не усмотрѣть за ними высокое пониманіе чести, любовь къ родинѣ и готовность самопожертвованія? Воистину, на общество напала какая то слѣпота.

«Quos vult perdere Jupiter dementat».

И Царь палъ на этой борьбѣ, но палъ на полѣ чести.

И думается иногда, что не Государь и Царица, а наше общество было слѣпымъ орудіемъ какихъ то иныхъ, еще недостаточно опредѣленныхъ силъ, возставшихъ всюду противъ самаго принципа монархической власти, для созданія новой. И Государь былъ послѣднимъ рыцаремъ въ этой битвѣ новой власти противъ старой.

Нельзя отрицать историческихъ заслугъ монархической власти и абсолютизма. Они вывели человѣчество изъ состоянія хаоса; кругомъ нихъ собралась и создалась цивилизація. Абсолютные монархи собрали народы въ организмы, обезпечивающіе ихъ существованіе и развитіе: они же стали защитниками широкихъ народныхъ массъ противъ феодальной власти. Подъ ихъ мощнымъ крыломъ выросла и созрѣла демократія, и, выросши, сама захотѣла сдѣлаться хозяиномъ своей жизни. Старая монархія, памятуя о своихъ историческихъ заслугахъ, не довѣряла своей молодой демократіи и думала, что ей принадлежитъ монополія на власть, какъ средство благополучія своего народа. Между монархіей и демократіей началась борьба нерѣдко, съ обѣихъ сторонъ, жестокая и злая. Въ наши дни, эта борьба приняла рѣшительный и побѣдный для демократіи характеръ. Монархическій принципъ падаетъ вездѣ. Пала китай-

*) Любовь къ нѣмцамъ, «влеченье родъ недуга», таилась въ крайней лѣвой, но тогда всего злого искали только вправо», пишетъ сенаторъ Завадскій (см. стр. 107, тамъ же 50).

ская, просуществовавшая тысячелѣтія монархія, палъ неограниченно властвовавшій пять вѣковъ калифъ всѣхъ правовѣрныхъ, исчезла хитроумно-мудрая династія Габсбурговъ. „Bella gérant allii, tu felice Austria nube!» сколотившая лоскутную Австро-Венгерскую монархію, утратили власть Гогецоллерны, сковавшіе кровью и желѣзомъ великую Германію. Пали династіи Португальская, Греческая, многочисленныя германскія, герцогскія и княжескія, остался король Англійскій, вынужденный претерпѣвать Макдональда; короли Итальянскій, поглощенный Муссолини, Испанскій—диктаторомъ Примо ди Ривейра, и лишенные власти Скандинавскіе и Балканскіе государи. Промелькнула на горизонтѣ рыцарская фигура короля Бельгійскаго Альберта, въ мирное время затертая сюртуками своихъ министровъ...

И вотъ, въ то время, когда всѣ силы, явныя и тайныя, ополчились противъ принципа царской власти, Николай II за нее боролся.

Наслѣдникъ Петра Великаго, Великой Екатерины, Александра Благословеннаго, Царя Освободителя и Царя-Миротворца не захотѣлъ сойти съ пути своихъ державныхъ предковъ и былъ уничтоженъ.

И защищалъ Государь Богомъ данную ему власть, чтобы довести войну до побѣднаго конца въ высокомъ сознаніи чести своего народа и своихъ обязательствъ передъ союзниками.

И въ этомъ онъ былъ безукоризненъ. Пока онъ былъ у власти всѣ силы его были направлены къ побѣдѣ и къ исполненію своихъ союзныхъ обязательствъ. Власть онъ сдалъ только потому, что его убѣдили въ томъ, что въ его отреченіи заключается залогъ побѣды. Совершивъ этотъ актъ необычайнаго самопожертвованія, онъ призывалъ свой народъ подчиниться новой власти и служить тѣмъ же цѣлямъ, которымъ онъ служилъ всю свою жизнь: чести Родины, которая, въ данный моментъ, сосредоточивалась въ побѣдѣ и вѣрности союзникамъ. Въ тяжкомъ изгнаніи онъ только разъ пожалѣлъ о своей жертвѣ, когда увидѣлъ, что она оказалась тщетной. Когда, наконецъ, онъ могъ спасти свою жизнь и жизнь обожаемой имъ семьи своей, цѣной позора Россіи, онъ пожертвовалъ собою и своей семьею.

Великая французская революція, послѣ суда, казнила Людовика XVI, Русская — убила, безъ суда, Николая II, ибо судить его было не за что. Людовикъ для защиты своей призывалъ на Французскую землю иностранную силу. Николай II предпочелъ умереть, чѣмъ отдать врагу хотя бы частицу родной земли.

Французская революція была національна и французы гор-

дятся этимъ. Русская обрекла святую землю родины тиранніи интернаціонала.

Какъ отнесутся грядущія поколѣнія русскаго народа къ современникамъ Императора Николая II? Что скажутъ они имъ, непонявшимъ всю душевную красоту этого человѣка и все благородство этого монарха? Не проклянутъ ли они ихъ за то, что они не пошли за, даннымъ имъ Богомъ, вождемъ, который велъ ихъ къ славѣ и чести?

Благородная Франція умѣетъ чтить своихъ великихъ людей и она покрыта памятниками имъ воздвигнутыми, и въ числѣ ихъ, не взирая на республиканскій образъ правленія, есть и короли; но среди нихъ нѣтъ памятника Людовику XVI, призывавшему чужестранца на родную землю, но болѣе всего памятниковъ, прославляющихъ революцію и ея героевъ.

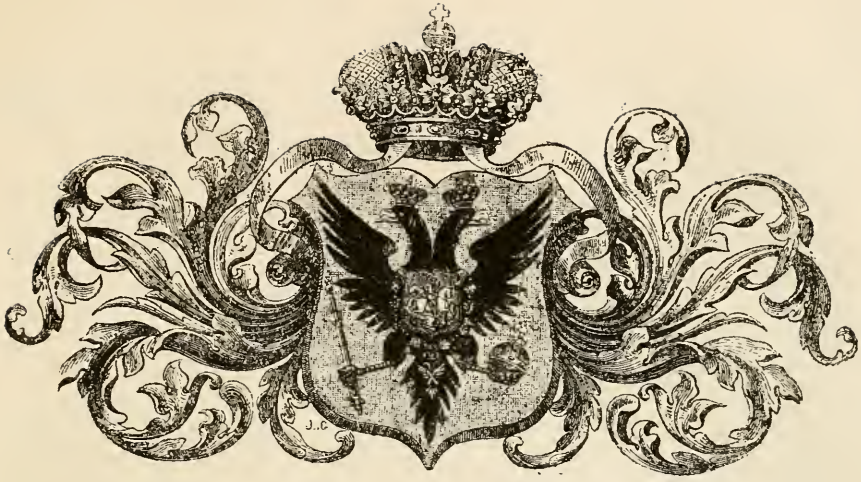
И, думается, что у насъ произойдетъ обратное. Когда пройдетъ «Россіи черный годъ», русскіе люди воздвигнутъ памятники благородному Николаю II, отдавшему «душу за други своя» и будутъ срыты до основанія мавзолей, осквернившій Красную площадь Москвы и другіе памятники русской революціи, которой наши потомки гордиться не будутъ.

Парижъ, январь-мартъ 1925 г.

Петръ Стремоуховъ.

Убійство Царской Семьи въ Екатеринбургѣ

(По даннымъ предварительнаго слѣдствія).



Убійство Царской Семьи въ Екатеринбургѣ.

За послѣдніе годы много разъ уже было описана мученическая кончина покойнаго Государя и его Августѣйшей Семьи, но большинство изъ этихъ описаній были основаны на слухахъ, на догадкахъ и часто на непровѣренныхъ данныхъ. Отсюда много легендъ окружили это ужасное событіе и такъ вплелись въ дѣйствительность, что совершенно затмѣвали ее.

Исключеніе составляютъ труды, основанные, болѣе или менѣе, на данныхъ, добытыхъ производившимся слѣдствіемъ. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о трудѣ бывшаго воспитателя Наслѣдника Цесаревича Жильяра, раздѣлявшаго судьбу Царственныхъ Узниковъ до Екатеринбурга. Но г. Жильяръ издалъ свою интересно и сердечно написанную книгу, когда слѣдствіе далеко еще не было закончено. Затѣмъ, генералъ-лейтенантъ М. К. Дидерихсъ, командовавшій въ 1918 году Уральскимъ фронтомъ арміи генерала Колчака и которому было поручено общее наблюденіе за слѣдствіемъ, и военный корреспондентъ англійской газеты «Таймсъ» мистеръ Робертъ Вильтонъ, находившійся въ Екатеринбургѣ во время слѣдствія, издали описаніе пребыванія и гибели Царской Семьи въ Екатеринбургѣ по уже собраннымъ слѣдствіемъ матеріаламъ. Наконецъ, недавно скончавшійся во Франціи бывшій судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ Н. А. Соколовъ, самъ производившій разслѣдованіе на мѣстѣ, допросившій нѣсколько сотенъ лицъ и собравшій громадный матеріалъ вещественныхъ дока-

зательствъ и подлинныхъ документовъ, опубликовалъ въ Парижѣ, незадолго до смерти, на французскомъ языкѣ, сводку собранныхъ имъ матеріаловъ слѣдствія со сдѣланными на ихъ основаніи выводами. *)

Громадный трудъ Н. А. Соколова, которому онъ съ исключительной энергіей и полнымъ безстрашіемъ всецѣло отдалъ послѣдніе годы своей жизни, позволяетъ, въ настоящее время, составить себѣ точное и ясное пониманіе обстановки мученической кончины покойнаго Государя и всей его царственной Семьи. Ужасное событіе это не было открытымъ исполненіемъ приговора какого либо революціоннаго трибунала, которые знаетъ исторія революцій; здѣсь не было и самосуда народнаго, такъ какъ русскій народъ въ этомъ преступленіи не участвовалъ; здѣсь было предательское убійство Царственныхъ Узниковъ шайкой заговорщиковъ въ разсчетѣ, что обстановка убійства, не имѣющая примѣровъ въ исторіи цивилизованныхъ народовъ, никогда не будетъ обнаружена. Разсчетъ этотъ оказался ошибочнымъ. Нынѣ, благодаря матеріаламъ слѣдствія, преступленіе встаетъ предъ нами во всемъ своемъ ужасѣ съ несомнѣнными указаніями, какъ и кѣмъ оно было совершено.

Въ Екатеринбургѣ, на Вознесенской площади, гдѣ красуется величественный, весь бѣлый, Вознесенскій соборъ, на противуположномъ отъ Собора краю площади, находится, также бѣлый небольшой двухэтажный особнякъ съ садомъ, очень извѣстный въ Екатеринбургѣ, а нынѣ ставшій историческимъ — домъ Ипатьевыхъ.

Въ этомъ домѣ 27 апрѣля 1918 г. явился къ его владѣльцамъ — Ипатьевымъ, жилищный комиссаръ г. Екатеринбурга Жилинскій и предъявилъ секретное предписаніе Областнаго Совѣта о немедленномъ очищеніи дома, который «реквизируется для особаго назначенія со всею обстановкою». Испуганные владѣльцы безпрекословно выѣхали на слѣдующій день, а домъ заняла особая команда, набранная изъ добровольцевъ — рабочихъ Сысертскаго Завода (съ жалованіемъ по 400 рублей въ мѣсяцъ), причемъ, назначенный ея начальникомъ, «сознательный» рабочій Медвѣдевъ, тщательно провѣрялъ «благонадежность» желающихъ попасть въ охрану дома особаго

---

*) Nicolas **Sokoloff**, juge d'instruction près le tribunal d'Omsk, «Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe». Paris 1924.

М. К. **Дитерихсъ.** «Убійство Царской Семьи и Членовъ Дома Романовыхъ». Владивостокъ 1922.

Robert **Wilton.** «Les derniers jours des Romanoff — le complot germano-bolcheviste, raconté par les documents.» Paris.

назначенія. Домъ сейчасъ же стали обносить высокимъ заборомъ.

Вечеромъ, 30 апрѣля, къ дому подъѣхало нѣсколько автомобилей, въ которыхъ находились привезенные изъ Тобольска: Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великая Княжна Марія Николаевна, Лейбъ-Медикъ Е. С. Боткинъ и нѣсколько человѣкъ прислуги. Выѣхавшій же вмѣстѣ съ Государемъ изъ Тобольска гофмаршалъ князь В. А. Долгоруковъ былъ арестованъ на вокзалѣ и отведенъ въ мѣстную тюрьму.

Государь былъ въ военной солдатскаго сукна шинели, безъ погонъ, но съ нашитой ленточкой ордена Св. Георгія и имѣлъ видъ крайне утомленный. Государыня и Великая Княжна были въ черныхъ пальто.По показанію правившаго автомобилемъ,въ которомъ сидѣлъ Государь, шоффера Пармена Самохвалова, когда автомобиль остановился предъ подъѣздомъ Ипатьевскаго дома, комиссаръ Голощокинъ, всѣмъ распоряжавшійся, сказалъ, показывая на подъѣздъ, Государю: «Гражданинъ Романовъ, извольте войти». Въ тоже время, замѣтивъ, что со всѣхъ сторонъ сбѣгается народъ, закричалъ на стоявшую тутъ же стражу: «Чего же вы смотрите!»,и народъ стали разгонять. Государь, вмѣстѣ съ Государыней и сопровождавшими его лицами, медленно вошелъ въ парадный подъѣздъ Ипатьевскаго дома. Крѣпко, навсегда, за нимъ захлопнулась дверь. За этими дверями, въ этомъ бѣломъ домѣ, суждено было угаснуть старшей линіи Царственнаго Дома Романовыхъ, для которой, по странной игрѣ случая, первое прибѣжище было — въ Ипатьевскомъ монастырѣ, а послѣднее — въ Ипатьевскомъ домѣ...

Привезли Государя со станціи мѣстные комиссары: Бѣлобородовъ, Голощокинъ и Сафаровъ; сопровождавшій же Государя изъ Тобольска, комиссаръ Яковлевъ, остался на станціи и уѣхалъ въ Москву. По его требованію, ему была выдана расписка слѣдующаго необыкновеннаго содержанія на бланкѣ президіума Уральскаго Совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ:

«1918 года, апрѣля 30 дня, я нижеподписавшійся Председатель Уральскаго Областного Совета раб., кр. и солд. деп. Александръ Георгиевичъ Белобородов получилъ отъ комиссара Всероссійскаго Центральнаго Испол. Ком. Василія Васильевича Яковлева доставленныхъ имъ изъ Тобольска: 1) бывшаго царя Николая Александровича Романова; 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову и 3) бывшую вел. княгиню (!) Марію Николаевну Романову — для содержанія ихъ подъ стражею въ г. Екатеринбурге (Подписалъ) А. Белобородовъ, (скрѣп.) Б. Дидковскій».

Отъѣздъ Государя изъ Тобольска имѣлъ мѣсто при слѣдующихъ, глубокопотрясшихъ Царственную Семью, обстоятельствахъ. Комиссаръ Яковлевъ прибылъ въ Тобольскъ въ 20-хъ числахъ апрѣля, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ опасно болѣлъ и лежалъ неподвижно въ кровати. Яковлевъ объявилъ Государю, что пріѣхалъ, по порученію Московскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, чтобы увести всю Царскую Семью изъ Тобольска, гдѣ становится,въ виду контрреволюціоннаго движенія въ Сибири не безопасно, но, такъ какъ Наслѣдникъ не можетъ, по состоянію здоровья, ѣхать, то онъ получилъ новое распоряженіе увести лишь одного Государя. Государь, въ первую минуту, рѣшительно отказался ѣхать добровольно. Тогда Яковлевъ объявилъ, что въ этомъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ: либо употребить силу, либо отказаться отъ даннаго ему порученія, но тогда его замѣнятъ другимъ лицомъ, которое не будетъ уже стѣсняться въ средствахъ, и вновь настойчиво просилъ Государя подчиниться его требованіямъ, предлагая ему взять съ собою кого онъ пожелаетъ изъ его окружающихъ и ручаясь своею головою за его безопасность.

Въ происходившемъ послѣ ухода Яковлева семейномъ совѣщаніи, на которомъ присутствовали также генералъ - адъютантъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгоруковъ и лейбъ-медикъ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ, Государь, очень взволнованный (по показаніямъ коменданта Кобылинскаго, также присутствовавшаго), говорилъ, что его, очевидно, хотятъ вести въ Москву, чтобы заставить одобрить своею подписью Брестъ-Литовскій трактатъ, что онъ считалъ бы это измѣной Россіи и видитъ въ этой интригѣ нѣмецкое вліяніе. Притомъ онъ нѣсколько разъ повторилъ, что скорѣе онъ дастъ отрубить себѣ руку, чѣмъ приложитъ ее къ такому позорному акту. Тѣмъ не менѣе, другого выхода не было, и надо было подчиниться требованію Яковлева; возникалъ вопросъ: кому сопровождать Государя? Государыня переживала, видимо, страшную внутреннюю борьбу между любовью къ больному сыну, призывавшею ее остаться около него, и своимъ долгомъ быть около Государя, когда ему угрожаетъ опасность и, какъ она нѣсколько разъ повторяла, когда, пользуясь его добротой и довѣрчивостью, его могутъ обманомъ, какъ уже былъ случай, заставить сдѣлать что либо «ужасное». При этомъ, Государыня (по показанію Кобылинскаго) намекала на отреченіе. Послѣ небольшого колебанія, она рѣшила, что ѣдетъ съ Государемъ. Далѣе было рѣшено, что поѣдетъ также Великая Княжна Марія Николаевна, кн. В. А.

Долгоруковъ и Е. С. Боткинъ, а Наслѣдникъ Цесаревичъ останется на попеченіи Вел. Княжны Татіаны Николаевны, И. Л. Татищева и всѣхъ остальныхъ; остался и докторъ Деревенко.

Изъ Тобольска Высочайшіе путники ѣхали четыре дня; сперва 285 верстъ на лошадяхъ до Тюмени, а оттуда поѣздомъ. Въ Тюмени Яковлевъ получилъ извѣстіе, что въ Екатеринбургѣ рѣшили задержать Государя, въ виду слуховъ, что Государя похищаютъ. Тогда онъ повернулъ на Омскъ, думая потомъ черезъ Челябинскъ проѣхать въ Самару. Но на станціи Куломзино, близъ Омска, поѣздъ былъ остановленъ красными войсками, не пропускавшими его далѣе. Яковлевъ отцѣпилъ локомотивъ, проѣхалъ въ Омскъ и по прямому проводу обратился въ Москву. Отъ предсѣдателя Центральнаго Исполнительнаго Комитета Свердлова онъ получилъ, безъ объясненія причинъ, категорическое распоряженіе — отвести Государя въ Екатеринбургъ. Пришлось ѣхать. Яковлевъ новымъ распоряженіемъ былъ видимо очень удивленъ. Въ Екатеринбургѣ поѣздъ былъ встрѣченъ предсѣдателемъ Областнаго Совѣта Бѣлобородовымъ и военнымъ комиссаромъ Голощокинымъ, только что вернувшимся изъ Москвы съ новыми инструкціями Свердлова. Яковлевъ сдалъ имъ своихъ плѣнниковъ, получивъ взамѣнъ приведенную выше росписку.

Какія инструкціи были у Яковлева и какія, въ сущности, онъ преслѣдовалъ цѣли слѣдствію выяснить не удалось. Не выяснена даже, по словамъ слѣдователя Н. А. Соколова, сама личность Яковлева, и дѣйствительно ли фамилія его была Яковлевъ. Личность его была скорѣе симпатичная (какъ выразился о немъ Государь), наружность чисто русская, говорилъ онъ по англійски, по нѣмецки и по французски и держалъ себя очень прилично. Про себя самъ онъ говорилъ, что онъ бывшій морской офицеръ, уволенный со службы за политическія воззрѣнія и долго жилъ въ Берлинѣ. Хотя самъ Яковлевъ, въ концѣ 1918 года, уже командуя около Самары большевистскимъ фронтомъ, добровольно перешелъ въ войска Адмирала Колчака, но допросить его не удалось. Когда слѣдователь Н. А. Соколовъ, узнавъ его мѣстопребываніе, немедленно поѣхалъ туда для допроса, Яковлевъ куда то скрылся и съ тѣхъ поръ слѣды его совершенно исчезли.

Едва ли, однако, Яковлевъ имѣлъ цѣлью вывезти Царскую Семью изъ Тобольска, дабы спасти ее, какъ онъ самъ намекалъ, указывая при этомъ также, что дѣлаетъ это съ согласія германскаго посла въ Москвѣ, графа Мирбаха, по рекомендаціи котораго онъ будто былъ командированъ. Едва ли оправдыва-

ются дѣйствительностью предположенія, высказанныя покойнымъ Государемъ о томъ, что его хотятъ вести въ Москву для санкціонированія Брестъ-Литовскаго трактата. Болѣе всего вѣроятно, что посылка Яковлева для перевозки Царской Семьи состоялась, дѣйствительно, подъ давленіемъ гр. Мирбаха, но лишь въ цѣляхъ удаленія Государя изъ Сибири, гдѣ начиналось тогда движеніе, возглавляемое Адмираломъ Колчакомъ, на національной почвѣ, которое могло разрости, освободить Государя, находящагося въ Тобольскѣ, и поставить его во главѣ этого крайне невыгоднаго, особенно въ то время, для Германіи движенія, такъ какъ нѣмцы тогда мирно захватывали въ Россіи одинъ городъ за другимъ. Отсюда очевидно, что въ интересахъ германскихъ требовалось провести Царскую Семью въ зону германскаго вліянія и есть основаніе думать, что Яковлевъ имѣлъ намѣреніе, какъ понялъ изъ разговора съ нимъ еще въ Тобольскѣ кн. В. А. Долгоруковъ, везти Государя въ Ригу. Но ведшій переговоры съ гр. Мирбахомъ предсѣдатель Центральнаго Исполнительнаго Комитета Свердловъ, рѣшилъ воспользоваться сложившимися обстоятельствами для иныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что нѣмецкое вліяніе и само положеніе Мирбаха начинали уже колебаться. Уже послѣ отъѣзда Яковлева въ Тобольскъ, Свердловъ далъ, отъ имени предсѣдательствуемаго имъ комитета, распоряженіе о переводѣ Царской Семьи въ Екатеринбургъ, куда онъ, въ тоже время, отправилъ съ особыми инструкціями довѣренное лицо, своего единовѣрца и даже кажется родственника, Исаака Голощокина, съ назначеніемъ его военнымъ комиссаромъ Уральской области. Дѣйствовалъ ли, въ данномъ случаѣ, Свердловъ на собственный страхъ, или по соглашенію съ другими большевистскими главарями, или другими какими либо организаціями въ Россіи или заграницею, указаній въ данныхъ слѣдствія не имѣется, но что всѣ нити по дѣлу объ убіеніи Царской Семьи сходятся къ Свердлову доказано несомнѣнно.

Между тѣмъ, въ Тобольскѣ, къ серединѣ мая, здоровье Наслѣдника Цесаревича возстановилось и, какъ заранѣе было предрѣшено, всѣ оставшіеся въ Тобольскѣ члены Августѣйшей Семьи и находившіяся при нихъ лица были перевезены въ Екатеринбургъ, куда и прибыли 23 мая.

Велика была радость Царской Семьи вновь очутиться всѣмъ вмѣстѣ, но она была омрачена тѣмъ, что на станціи И. Л. Татищевъ, какъ ранѣе князь В. А. Долгоруковъ, былъ арестованъ и отправленъ въ тюрьму. Равнымъ образомъ, были арестованы личные друзья Государыни — фрейлина графиня А. В. Гендри-

кова и гофъ-лектриса Е.А.Шнейдеръ.Арестованъ былъ также камеръ-лакей Волковъ. Воспитатели Цесаревича гг. Жильяръ и Гиббсъ, а также докторъ Деревенко и нѣкоторыя лица изъ прислуги, хотя и не были арестованы, но въ Ипатьевскій домъ не были допущены. Впослѣдствіи доктору Деревенко было разрѣшено иногда посѣщать Наслѣдника. Въ домъ же Ипатьева были допущены лишь: дядька Наслѣдника Цесаревича — матросъ Нагорный, камеръ- лакей Сѣдневъ и Труппъ и поваръ Харитоновъ, но вскорѣ Нагорный и Сѣдневъ были арестованы и отправлены въ тюрьму.

По странной случайности Нагорный и Сѣдневъ въ тюрьмѣ очутились въ одной камерѣ съ бывшимъ главою Временнаго Правительства, арестовавшаго Государя и всю Царскую Семью, княземъ Г. Е. Львовымъ, также заключеннымъ въ Екатеринбургѣ мѣстнымъ Совдепомъ въ тюрьму. Князь Львовъ показалъ впослѣдствіи Н. А. Соколову, что Нагорный и Сѣдневъ, съ которыми онъ часто разговаривалъ, были арестованы за то, что защищали царскія вещи, которыя стража постоянно воровала. Они въ мрачныхъ краскахъ рисовали кн. Львову содержаніе въ Ипатьевскомъ домѣ Царскихъ узниковъ.

Воспитатель Цесаревича Жильяръ (авторъ помянутой прекрасной книги о Царской Семьѣ), въ показаніи, даннomъ имъ 5 марта 1919 года Н. А. Соколову, такъ описываетъ пріѣздъ Августѣйшихъ Дѣтей въ Екатеринбургъ 23-го мая 1918 г.: «Около 9 часовъ утра, поѣздъ остановился, не доѣзжая станціи. Шелъ мелкій дождикъ и была большая грязь. Подали къ поѣзду пять извощиковъ и комиссары подошли къ вагону, гдѣ были Августѣйшіе Дѣти. Великія княжны сошли на полотно. Татіана Николаевна держала въ одной рукѣ свою собачку, а въ другой, съ большимъ трудомъ, несла свой чемоданъ. Нагорный бросился, чтобы ей помочь, но его грубо оттолкнули комиссары. Стали садиться на извощиковъ. Я видѣлъ, что Нагорный сѣлъ рядомъ съ Цесаревичемъ; не помню, какъ усѣлись другіе, но ясно только, что въ каждомъ извощикѣ было по комиссару или другому большевистскому агенту. Я пытался выйти изъ вагона, чтобы проститься съ дѣтьми, но поставленный у вагона часовой меня не пустилъ. Я никакъ не думалъ тогда, что вижу Августѣйшихъ Дѣтей въ послѣдній разъ и что болѣе не буду допущенъ къ нимъ».

Судьба арестованныхъ въ Екатеринбургѣ вѣрныхъ и преданныхъ Царскихъ слугъ и друзей также ужасна, какъ и судьба Царственной Семьи. Всѣ почти они своею кровью запечатлѣли свое служеніе. Генералъ-адъютантъ Илья Леонидовичъ Тати-

щевъ — человѣкъ совершенно исключительный по рыцарскому своему благородству — и гофмаршалъ Василій Александровичъ Долгоруковъ—человѣкъ слѣпо преданный своему долгу,—были внезапно, подъ предлогомъ, что ихъ освобождаютъ, отведены 10 іюля, за Ивановское кладбище и тамъ, въ глухомъ мѣстѣ, оба генерала, до конца вѣрные своему долгу и присягѣ своему Государю, были пристрѣлены палачами чрезвычайки; тѣла ихъ бросили, даже не зарывъ. Тамъ же и такимъ же образомъ погибли оставшіеся вѣрными Царской Семьѣ до конца своихъ дней, дядька Наслѣдника Нагорный (Клементій Григорьевичъ) и камеръ-лакей Сѣдневъ (Иванъ Дмитріевичъ) — оба бывшіе матросы съ яхты «Штандартъ».

Та же ужасная судьба постигла искреннихъ и безкорыстныхъ личныхъ друзей Государыни Императрицы — графиню Анастасію Васильевну Гендрикову и Екатерину Адольфовну Шнейдеръ. Онѣ были отправлены въ Пермь и тамъ разстрѣляны. Только камердинеру Волкову какимъ то чудомъ удалось бѣжать, когда его вели на разстрѣлъ и онъ лишь одинъ остался въ живыхъ изъ всѣхъ арестованныхъ въ Екатеринбургѣ.

Жизнь въ Ипатьевскомъ домѣ, или «домѣ особаго назначенія», какъ его называли оффиціально, по показаніямъ цѣлаго ряда допрошенныхъ на слѣдствіи очевидцевъ, была для Царственныхъ Узниковъ очень тяжелой; много тяжелѣе Тобольской.

Хотя домъ Ипатьевыхъ — мѣстныхъ богачей — былъ полной чашей, но владѣльцы, не зная для «кого» домъ реквизируется, но прекрасно зная «кѣмъ»,конечно воспользовались промежуткомъ времени между объявленіемъ о реквизиціи и фактическимъ занятіемъ дома для того, чтобы увезти и спрятать все цѣнное, особенно серебро, посуду, бѣлье и пр. Весьма вѣроятно, что представители совѣтской власти тоже постарались, ожидая пріѣзда Царской Семьи, такъ что, когда пріѣхалъ Государь, ничего на лицо не оказалось. Даже постелей было недостаточно и Великія княжны спали на полу на тюфякахъ.

Изъ подробныхъ показаній одного изъ охранниковъ, солдата, самовольно ушедшаго съ румынскаго фронта, Якимова, и другихъ лицъ видно, что Августѣйшіе Узники жили въ ужасныхъ условіяхъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, обыкновенно супа и котлетъ, приносимыхъ изъ сосѣдней кухмистерской, содержимой евреемъ, по фамиліи Виленскій. По показаніямъ цѣлаго ряда лицъ, Виленскій готовилъ обѣды очень не вкусно, а

въ отношеніи продуктовъ, недобросовѣстно. Заключенные, чрезъ доктора Деревенко (посѣщавшаго Наслѣдника), жаловались на это. Замѣчательно, для характеристики состава совѣтскихъ служащихъ, что этотъ Виленскій былъ впослѣдствіи комиссаромъ по иностраннымъ дѣламъ въ Иркутскѣ для пограничныхъ сношеній съ Китаемъ, а затѣмъ служилъ въ торговомъ представительствѣ въ Берлинѣ.

Послѣ многихъ хлопотъ, когда пріѣхалъ изъ Тобольска поваръ Харитоновъ, разрѣшено было обѣдъ готовить дома. Тогда стало много лучше. При этомъ, большую помощь оказывали монахини мѣстнаго Тихвинскаго монастыря, которыя, переодѣваясь въ крестьянское платье, ежедневно приносили: яйца, молоко, хлѣбъ, чай, сахаръ и пр. Организовалъ эти приношенія, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, нѣкій Сидоровъ, спеціально, въ началѣ мая,присланный бывшимъ кавалергардскимъ офицеромъ Петромъ Сергѣевичемъ Толстымъ и его женою (Зинаидою Сергѣевной — рожденной Бехтеевой) въ цѣляхъ на сколько возможно облегчить положеніе Царской Семьи. Сидоровъ, черезъ доктора Деревенко, съумѣлъ войти въ соглашеніе съ комендантомъ Авдѣевымъ, который разрѣшилъ эти приношенія, такъ какъ самъ сталъ ими широко пользоваться. Пользовался ими и замѣнившій Авдѣева Юровскій и даже въ день ужаснаго злодѣйства, 16-го іюля велѣлъ монашенкамъ принести себѣ 50 крутыхъ яицъ, которыя взялъ съ собой, когда поѣхалъ на «Ганину Яму».

За обѣденный столъ садились, кромѣ всей Царской Семьи и доктора Боткина, также и вся Царская прислуга и поваръ. Это было заведено по личному желанію Государя. Столъ былъ покрытъ клеенкой, ни скатертей, ни салфетокъ не было. Тарелокъ, особенно въ началѣ, тоже почти не было и всѣ ѣли часто прямо съ блюда.Передъ началомъ обѣда и въ концѣ одна изъ великихъ княженъ читала вслухъ молитву. Разговоръ за столомъ былъ обыкновенно тихій и общій, исключительно по русски. Иногда мирное настроеніе нарушалось вмѣшательствомъ дежурныхъ по внутренней охранѣ. Они, переругиваясь площадными словами между собой, позволяли себѣ присаживаться къ столу и бывали случаи, что брали прямо руками съ общаго блюда картофель или куски мяса. Вообще стража, особенно вначалѣ, держала себя крайне нагло. Постоянно ругаясь между собою самыми дурными словами, часовые приходили на дежурство пьяными, курили, расхаживали по всѣмъ комнатамъ, грызли сѣмечки, плевали на полъ, такъ что чистенькій Ипатьевскій домъ, кромѣ комнатъ, гдѣ была Царская Семья, былъ вскорѣ совершенно за-

гаженъ: повсюду окурки, плевки, сѣмечки, рваная бумага. Комендантъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ съ утра до вечера пьянствовали и неистово ругались между собою, не стѣсняясь присутствіемъ даже Государыни и великихъ княженъ. Но все это ограничивалось словами; ни они, ни стражники, сознательнаго зла Царственнымъ Узникамъ не хотѣли дѣлать и преднамѣренно ихъ оскорблять не желали.

Вообще, отношеніе стражи къ Государю, въ началѣ враждебное, наглое и придирчивое, потомъ начинаетъ понемногу сглаживаться. Съ теченіемъ времени, къ Государю привыкли. Онъ всѣхъ обезоруживалъ своею кротостью и постояннымъ привѣтливымъ спокойствіемъ. Повторялось то, что было въ Тобольскѣ, гдѣ, по свидѣтельству полковника Кобылинскаго, Государь совершенно покорилъ солдатъ, играя иногда съ ними «въ шашки». Когда кого либо изъ солдатъ переводили изъ Тобольска, то они тайкомъ ходили къ Государю «проститься». Государыню, сохранившую свой величественный видъ, стражники даже побаивались. Къ царскимъ дѣтямъ, особенно къ Наслѣднику, отношенія были дружелюбныя. Великую княжну Марію Николаевну учили даже приготовлять лепешки изъ муки безъ дрожжей. Въ этихъ распропагандированныхъ рабочихъ, нѣтъ-нѣтъ и просыпался русскій крестьянинъ. Царскую Семью начинали жалѣть, а жалѣть у крестьянъ,— значитъ — почти всегда любить. Характерны въ этомъ отношеніи показанія помянутаго выше стражника Якимова. Этотъ совершенно сбитый съ толка пропагандой «сознательный» рабочій, изъ мѣстныхъ крестьянъ, заявилъ, что вначалѣ онъ Государя «ненавидѣлъ». На вопросъ слѣдователя: «Почему»? онъ отвѣтилъ, что считалъ его «главой капиталистовъ», но потомъ, узнавъ его близко, увидѣлъ, что онъ совершенно не эксплоататоръ. Въ показаніи своемъ Якимовъ подчеркиваетъ, что платье Государя было поношенное, особенно сапоги. За кротость, онъ сталъ его «жалѣть», и мечталъ даже о томъ, чтобы его освободить.

Государь иногда заговаривалъ со стражниками. Такъ, однажды, къ дежурному на внутренней площадкѣ стражнику Кабанову, Государь, обладавшій исключительной памятью на лица, подошелъ, сталъ всматриваться, и сказалъ ему: «Я васъ узнаю, вы служили въ моемъ Конномъ полку». Кабановъ очень смутился, но подтвердилъ, что, дѣйствительно, служилъ. Это произвело большое впечатлѣніе на стражу; всѣ удивлялись, что Государь и солдатъ даже помнилъ.

Царская семья, по единогласному показанію всѣхъ очевидцевъ, жила въ большой дружбѣ между собой и находила внутри

себя твердость и силы переносить дни тяжелаго угнетенія. По свидѣтельству цѣлаго ряда допрошенныхъ лицъ, великія княжны и Цесаревичъ поразительно сознательно и мужественно относились къ постигшей ихъ Родителей перемѣнѣ и преданной любовью и заботливостью старались имъ облегчить горечь обиды и униженій, выпавшихъ на ихъ долю во время заточенія.

Къ характеристикѣ Августѣйшихъ Дѣтей очень интересно показаніе, данное слѣдователю Соколову (6 и 10 апрѣля 1919 г. въ Екатеринбургѣ) полковникомъ Кобылинскимъ, безсмѣнно состоявшимъ (въ качествѣ коменданта) при Царской Семьѣ съ первыхъ дней революціи до Екатеринбурга.

По словамъ полковника Кобылинскаго,*) старшая изъ великихъ княженъ — Ольга Николаевна — была прекрасная бѣлокурая типично-русская дѣвушка. На окружающихъ она производила впечатлѣніе своимъ чарующимъ и равнымъ обращеніемъ со всѣми. Она мало интересовалась хозяйствомъ, но любила много читать; она играла на роялѣ, пѣла, хорошо рисовала. По своей натурѣ она была очень скромна и не любила роскоши. Отца она, видимо, болѣе любила, чѣмъ Мать.

Великая княжна Татіана Николаевна изъ всѣхъ сестеръ выдѣлялась сильною волею и твердостью характера. Очень напоминала Мать, которая любила ее болѣе другихъ дочерей. Когда Государь съ Государыней уѣхали изъ Тобольска, никто какъ то не замѣчалъ старшинства Ольги Николаевны.Что нужно, всегда шли къ Татьянѣ Николаевнѣ и на ея попеченіи былъ оставленъ больной Цесаревичъ. Она была самимъ близкимъ лицомъ къ Императрицѣ и горячо ее любила.

Великая княжна Марія Николаевна была самая красивая изъ сестеръ. Высокая, крѣпкая, сильная, добродушно веселая, съ характеромъ всегда равнымъ и привѣтливымъ. Она любила и умѣла говорить съ каждымъ, особенно съ простымъ человѣкомъ. Она постоянно заводила разговоры съ охраной, распрашивала ихъ и прекрасно помнила у кого какъ зовутъ жену, сколько ребятишекъ, сколько земли и пр. Отца она любила болѣе всѣхъ.

Великая княжна Анастасія Николаевна была менѣе другихъ сестеръ ростомъ и очень полная для своихъ лѣтъ. Отличалась необыкновенно веселымъ характеромъ. Ея отличительною чертой было подмѣчать слабыя стороны людей и добродушно ихъ

---

*) Въ Іюлѣ 1918 года Великой княжнѣ Ольгѣ было 22 года, Татіанѣ — 21 г. Маріи — 19 л., Анастасіи — 17 л., Цесаревичу — 14 л., Государю — 50 л., и Государынѣ — 46 л.

высмѣивать. Она дружила болѣе всего съ Маріею Николаевною и, видимо, Отца болѣе любила, чѣмъ Мать.

«Любимецъ всей семьи, какъ Родителей, такъ и сестеръ, да вообще всѣхъ соприкасавшихся съ Царской Семьей во время ареста, былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ поразительно располагалъ всѣхъ къ себѣ своею привѣтливостью, веселостью и простотою.

«Вообще», говоритъ въ своемъ показаніи полковникъ Кобылинскій: «Царская Семья была необыкновенно сплочена и сильно любила другъ друга; я никогда не видалъ и вѣроятно никогда не увижу такой дружной семьи».

По вечерамъ, Царская Семья и Е. С. Боткинъ обыкновенно сидѣли за круглымъ столомъ. Кто либо читалъ вслухъ, всего чаще самъ Государь. Интересно, что именно читали отдѣленные отъ всего міра Царственные Узники? На это есть косвенныя указанія въ вещахъ, оставшихся послѣ нихъ, среди которыхъ много книгъ. На нѣкоторыхъ есть подписи, кому онѣ именно принадлежали. Въ числѣ книгъ, много книгъ духовнаго содержанія; всѣ онѣ почти принадлежали Государынѣ и, лишь небольшая часть, Татьянѣ Николаевнѣ. Такъ, осталось пять Евангелій, двѣ Библіи, «Лѣствица», «О терпѣніи скорби», «Письма христіанской жизни», «Молитвенныя правила готовящимся къ Святому Причастію», «Благодѣянія Богоматери», «О перенесеніи скорби», «Жизнь преподобнаго Серафима Саровскаго», «Акафистъ Богородицѣ», «Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу» и много другихъ. Затѣмъ, изъ свѣтскихъ книгъ принадлежали Государынѣ: три тома собранія сочиненій А. Чехова; Аверченко — «Разсказы для выздоравливающихъ»; Нилуса — «Великое въ маломъ». Великой княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ: Чистякова «Исторія Петра Великаго», великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ: «Война и Миръ» Толстого. Затѣмъ, двѣ книги съ собственноручною подписью Государя Императора: на книгѣ П. Мельникова (Печерскаго) — «Въ лѣсахъ» начертано: «Прочелъ въ Тобольскѣ, сентябрь 1917 года, Николай», и на первомъ томѣ «Анны Карениной» гр. Л. Толстого: «Читалъ въ Тобольскѣ, февраль 1918 года. Николай». Затѣмъ рядъ отдѣльныхъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» и «Вѣстника Европы»; книги: Л. Бернстеда: «Какъ закрѣпить землю за народомъ»; Пѣшехонова «Націонализація земли»; Ядринцева: «Сперанскій и его реформы» и т. д. Иностранныхъ книгъ найдено сравнительно мало, все болѣе англійскія — духовнаго содержанія или учебники.

Вмѣстѣ съ книгами найдено большое количество образовъ, принадлежавшихъ Царскому Семейству; на многихъ изъ нихъ,

на оборотной сторонѣ, надписи. Такъ, на образѣ Божьей Матери, рукой Государыни: «Милой нашей Ольгѣ — благословеніе Папы и Мамы. Спала, 3 ноября 1912 г.». На образѣ Божьей Матери Тобольской, тоже рукою Государыни: Спаси и сохрани. Рождество 1917. Тобольскъ — Алексѣю».

Наконецъ, найдена была намѣренно кинутая святотатственной рукой въ помойную яму икона, почти вся стершаяся съ нарисованнымъ на оборотной сторонѣ крестомъ и надписью рукой Государыни: «Господи, спаси и защити насъ! Мама, Тобольскъ 1917 годъ»....

Общій надзоръ за Ипатьевскимъ домомъ осуществлялся предсѣдателемъ Областного Комитета Бѣлобородовымъ, его помощникомъ Сафаровымъ, и особенно, военнымъ комиссаромъ Голощокинымъ — ставленникомъ Свердлова.

По свѣдѣніямъ, добытымъ слѣдствіемъ, — Бѣлобородовъ — бывшій рабочій Лысвенскаго завода, человѣкъ полуграмотный, участникъ многихъ политическихъ выступленій, митинговый крикунъ, выбранный въ предсѣдатели Областнаго Комитета случайно. Это былъ типичный большевикъ изъ такъ называемыхъ русскихъ пролетаріевъ: большевизмъ онъ воспринялъ не какъ идею, которая ему была совершенно непонятна, кромѣ лозунга—грабь награбленное,—а какъ форму проявленія большевизма въ грубыхъ и звѣрскихъ насиліяхъ. Сейчасъ же послѣ избранія, онъ, подъ предлогомъ провѣрки кассы, присвоилъ себѣ 30.000 рублей. Но Сафаровъ, проведенный сплоченной партіей евреевъ въ товарищи предсѣдателя, и Голощокинъ, зорко слѣдившіе за кассой тоже, вѣроятно, въ цѣляхъ ея «провѣрки», его сейчасъ уличили, но шума не подняли, а взяли Бѣлобородова въ руки и онъ дѣлалъ все, что они ему указывали.

Сафаровъ — молодой сравнительно еврей изъ Кіева, гдѣ у отца его былъ свой домъ на Фундуклеевской, передъ самой войной, уклоняясь отъ воинской повинности, скрылся въ Швейцарію. Тамъ онъ примкнулъ къ партіи Ленина и былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя вернулись въ Россію въ запломбированныхъ вагонахъ въ началѣ революціи. Какъ онъ попалъ на Уралъ не выяснено; вѣроятно въ качествѣ пропагандиста большевизма. Онъ считался журналистомъ, а какія идеи онъ проповѣдывалъ и что называлъ «демократизмомъ» видно изъ его гнусной статьи по поводу Мученической кончины Государя Императора. Въ «Уральскомъ Рабочемъ» Сафаровъ, 23 іюля

(въ переводѣ на русскую орфографію) писалъ: «Хотя при этомъ и были нарушены нѣкоторыя формальныя стороны буржуазнаго судопроизводства и не былъ соблюденъ традиціонно-историческій церемоніалъ казни коронованныхъ особъ, но рабоче-крестьянская власть и въ этомъ случаѣ проявила свой крайній демократизмъ: она не сдѣлала исключенія для всероссійскаго убійцы и разстрѣляла его наравнѣ съ обыкновеннымъ разбойникомъ».

Наконецъ, Голощокинъ, также еврей, довѣренное лицо Свердлова и главный устроитель на мѣстѣ убійства Царской Семьи. Самъ, всегда прячась за другихъ и выступивъ активно лишь послѣ совершенія преступленія, былъ по профессіи зубной техникъ и служилъ когда-то на Надежинскомъ заводѣ. Еще до войны, онъ попался по политическому дѣлу, былъ судимъ и сосланъ въ Сибирь, откуда вернулся «во времена Керенскаго». Въ областномъ совѣтѣ, благодаря своимъ связямъ со Свердловымъ, онъ пользовался рѣшающимъ вліяніемъ — былъ членомъ президіума и занималъ должность областнаго военнаго комиссара.

Надзоръ названныхъ трехъ лицъ до начала іюля былъ довольно поверхностный, но 4 іюля, рано утромъ, комендантъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были вызваны въ областной совѣтъ. Спустя нѣкоторое время, въ Ипатьевскій домъ прибыли Бѣлобородовъ, Сафаровъ и Голощокинъ и еще двое лицъ, неизвѣстныхъ стражѣ. Бѣлобородовъ, собравъ команду, объявилъ, что, постановленіемъ совѣта, Авдѣевъ «за пьянство» уволенъ отъ должности, а Мошкинъ «за воровство» отправленъ въ тюрьму, и съ настоящаго дня комендантомъ назначается Юровскій, а помощникомъ Никулинъ, причемъ указалъ на прибывшихъ съ нимъ двухъ лицъ, которые сейчасъ же и вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

Кто были эти новыя лица, которымъ ввѣрялась охрана Царской Семьи, видно изъ собранныхъ о нихъ въ слѣдственномъ дѣлѣ свѣдѣній.

Юровскій Яковъ (онъ же Янкель) родился въ 1878 г. въ еврейской семьѣ въ Томскѣ, гдѣ отецъ его, Хаимъ «Юровскихъ» и мать Энта занимались мелочной торговлей желѣзомъ, старьемъ и разнымъ хламомъ. Семья была очень большая и Янкель былъ младшимъ. Еще совершенно юнымъ, онъ эмигрировалъ въ Америку, гдѣ оставался очень долго и женился тамъ на видимо довольно состоятельной нѣмкѣ, для чего принялъ лютеранство. Незадолго до войны, онъ возвратился и поселился въ Екатеринбургѣ. Здѣсь, онъ вскорѣ обзавелся фотографіею, а затѣмъ часовымъ магазиномъ. Въ 1914 году, при мобилизаціи, онъ былъ

призванъ на военную службу, но умудрился, несмотря на свой возрастъ, попасть на фельдшерскіе курсы при фельдшерскомъ училищѣ, гдѣ директоромъ былъ докторъ Архиповъ, котораго онъ хорошо зналъ, почему и былъ въ школѣ на привиллегированномъ положеніи. По окончаніи курсовъ, съ правами районнаго фельдшера, онъ не попалъ, какъ всѣ остальные, на фронтъ, а былъ, благодаря протекціи, оставленъ въ Екатеринбургѣ фельдшеромъ при мѣстномъ лазаретѣ. Нельзя не отмѣтить, что Юровскій никогда не испыталъ на себѣ такъ называемаго нѣкоторыми его единовѣрцами «гнета царскаго режима», напротивъ, онъ всегда пользовался привиллегированнымъ положеніемъ, у него не было никакихъ извинительныхъ основаній, чтобы быть озлобленнымъ. Между тѣмъ, не было въ Екатеринбургѣ у Царской Семьи большаго врага, чѣмъ этотъ злодѣй. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ генераломъ Дитерихсомъ*) Юровскій кончилъ тѣмъ, что, будучи политическимъ комиссаромъ при 27 совѣтской дивизіи (товарища Айзина, еврея изъ Челябинска), вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ штабомъ, въ концѣ 1919 г., попалъ въ плѣнъ на Врангелевскомъ фронтѣ, былъ судимъ полевымъ судомъ и былъ разстрѣлянъ, какъ большевистскій комиссаръ, причемъ, видимо, не знали объ его ужасной роли при убіеніи Царской Семьи.

О новомъ помощникѣ коменданта, Никулинѣ, почти не имѣется свѣдѣній въ слѣдственномъ производствѣ. Прошлое его темно; извѣстно только, что онъ сильно звѣрствовалъ при разстрѣлахъ въ Камышинѣ, за что и получилъ прозваніе «пулеметчика».

Назначеніе этихъ лицъ не предвѣщало ничего хорошаго. Строгость режима была сразу увеличена. На прежнихъ охранниковъ (русскихъ рабочихъ) была теперь возложена лишь наружная охрана «дома особаго назначенія» и изъ нижняго этажа этого дома они были переведены на жительство въ сосѣдній домъ Попова. Для внутренней охраны была образована новая команда (человѣкъ 10-12) изъ такъ называемыхъ «латышей», хотя между ними были и мадьяры и нѣмцы; большинство не понимало и не говорило по русски. Старшимъ остался Медвѣдевъ. Для заключенныхъ послѣдовали новыя стѣсненія — воспрещалось подходить къ окнамъ и когда однажды Анастасія Николаевна выглянула на дворъ въ открытое окно, часовой выстрѣлилъ и поступокъ его былъ одобренъ комендантомъ. Независимо отъ команды, въ домѣ постоянно сидѣлъ у коменданта служившій

*) Убійство Царской Семьи и членовъ дома Романовыхъ на Уралѣ. Т. I. стр. 392.

въ мѣстной чекѣ нѣкій Ермаковъ—это уже былъ просто уголовный преступникъ. Ермаковъ, въ 1906 году, пользуясь смутой на Уралѣ, грабилъ на большихъ дорогахъ и рѣзалъ людей съ хладнокровіемъ и звѣрствомъ, всѣхъ при разбирательствѣ его дѣла на судѣ поразившими.. Сосланный въ безсрочную каторгу, онъ былъ освобожденъ «во времена Керенскаго», а затѣмъ назначенъ военнымъ комиссаромъ Верхне-Исетска, откуда былъ родомъ.

Охраняемые подобными лицами Царственные Мученики и до конца раздѣлявшіе ихъ ужасную судьбу: лейбъ-медикъ Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ, комнатная дѣвушка Демидова камердинеръ Трупп̀ъ, поваръ Харитоновъ, кухонный мальчикъ Леонидъ Сѣдневъ (14 лѣтъ, игравшій иногда съ Наслѣдникомъ и возившій его кресло, но за два дня до 16-го переведенный въ домъ Попова) были совершенно лишены всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и видѣли только своихъ палачей. Послѣдніе, кто извнѣ имѣли сношенія съ заключенными, были: священникъ о. Сторожевъ и о. дьяконъ Буймировъ. За два дня до убіенія заключенныхъ, 14 іюля, въ воскресенье, они служили обѣдню въ Ипатьевскомъ домѣ. Отецъ Сторожевъ далъ слѣдователю подробныя показанія о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ относительно обстановки, жизни заключенныхъ, какъ 14 іюля, такъ и во время предыдущей обѣдни, которую онъ служилъ 2-го іюня.

Отецъ Сторожевъ показалъ:«Въ воскресенье 2 іюня, часовъ въ 10 утра, я только что вернулся изъ собора, какъ ко мнѣ постучался какой-то солдатъ и, войдя, объяснилъ, что меня зовутъ «служить обѣдню Романову». Я сразу не понялъ и спросилъ: Какому Романову?—На это солдатъ сказалъ: Какъ какому? Да бывшему царю.—При этомъ, солдатъ сталъ объяснять, что обѣдню служить надо самую короткую. Я заявилъ, что безъ отца діакона я служить не могу. Солдатъ, хотя и неохотно, согласился и мы поѣхали на извощикѣ въ соборъ за о. діакономъ Буймировымъ и оттуда втроемъ, на томъ же извощикѣ — въ домъ Ипатьевыхъ.

«Наружная стража насъ пропустила безпрепятственно; на дворѣ была также стража, но уже въ гражданскомъ платьѣ и вооруженная винтовками; на поясахъ висѣли у нихъ ручныя гранаты. Повели насъ по лѣстницѣ, на которой также стояли часовые въ гражданскомъ платьѣ, прямо въ кабинетъ къ «коменданту». Въ комнатѣ коменданта мы застали двухъ какихъ-то лицъ: одинъ лежалъ на постели и, видимо, спалъ, другой сидѣлъ въ углу и курилъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, на

которомъ былъ самоваръ, хлѣбъ и говядина; на пьянино лежали ружья, ручныя гранаты и разныя другія вещи. Комната была не прибрана; повсюду грязь и безпорядокъ. Почти тотчасъ же вошелъ комендантъ — еще молодой человѣкъ (это былъ Авдѣевъ), одѣтый въ китель и панталоны цвѣта хаки; у его пояса висѣлъ громадный револьверъ въ чехлѣ. Онъ, не кланяясь, остановился передо мною и сталъ меня разглядывать. Я, вынувъ принесенную просфору, спросилъ его: могу ли я поднести ее бывшему Государю? Тотъ, подумавъ немного, отвѣтилъ:«Можете, только предупреждаю, что никакихъ разговоровъ съ заключенными не разрѣшается».

«Когда мы облачились, комендантъ повелъ насъ черезъ переднюю въ гостинную, соединенную аркой съ другой комнатой поменьше. Въ углу гостинной стоялъ столъ, покрытый скатертью и съ образами, уже приготовленный для богослуженія. При моемъ входѣ, поднялись сидѣвшіе у окна Государь и двѣ великія княжны. Во второй комнатѣ, на складной кровати, лежалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ меня поразилъ своею блѣдностью, онъ былъ точно сквозной, и чрезвычайно худъ и казался очень большого роста, видъ былъ у него въ высшей степени болѣзненный, но глаза блестящіе и живые, съ любопытствомъ смотрѣвшіе на меня. Онъ былъ въ бѣлой рубашкѣ и до пояса укутанъ одѣяломъ. Въ креслѣ у постели сидѣла Императрица, въ темно-лиловомъ платьѣ. Она встала, когда я вошелъ. Поразилъ меня чрезвычайно ея величественный, совершенно царственный, видъ, и высокій ростъ. Но лицо у нея было болѣзненное и очень усталое, много сѣдыхъ волосъ. Государь съ великими княжнами сталъ за ея кресломъ. Государь былъ въ китель цвѣта хаки, безъ погонъ, но съ крестомъ Св. Георгія на груди и въ высокихъ сапогахъ. Онъ смотрѣлъ бодро и никакихъ слѣдовъ утомленности я не замѣтилъ на его лицѣ. Сѣдины у него было очень мало, меньше чѣмъ у Императрицы. Великія княжны были въ черныхъ юбкахъ и бѣлыхъ кофточкахъ, безъ всякихъ, какъ и Государыня, украшеній. Волосы ихъ были довольно коротко подстрижены. Онѣ казались бодрыми и веселыми. Тутъ же стоялъ докторъ Боткинъ, сзади — прислуга.

«Во время обѣдни двѣ изъ великихъ княженъ (Татіана, а другую не умѣю назвать) все время мнѣ подпѣвали, при «Отче Нашъ» пѣлъ и Государь.

Служба прошла съ большимъ религіознымъ подъемомъ; всѣ горячо молились.

«По окончаніи я остановился въ нерѣшительности идти ли мнѣ къ нимъ съ крестомъ, или они подойдутъ. Я посмотрѣлъ

на коменданта, тотъ смотрѣлъ въ сторону безучастно. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, но Государь твердыми шагами подошелъ ко мнѣ и приложился ко кресту, за нимъ Государыня и великія княжны. Затѣмъ я подошелъ къ постели Цесаревича. Онъ привсталъ и такъ пристально и оживленно смотрѣлъ на меня, что я подумалъ, что онъ мнѣ навѣрно что либо скажетъ. Но онъ сдержался и молча поцѣловалъ крестъ...»

«Спустя шесть недѣль, 14-го іюля, утромъ, въ 8 часовъ, ко мнѣ пришелъ тотъ же солдатъ и мы въ томъ же порядкѣ поѣхали въ домъ Ипатьевыхъ. Комендантомъ уже былъ другой — Юровскій, онъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай, когда мы пришли. Онъ, не кланяясь, сказалъ мнѣ: Подождите немного, а потомъ будете служить обѣдницу».Я переспросилъ:«Обѣдню или обѣдницу?» На что Юровскій отвѣтилъ: «Онъ» написалъ обѣдницу — ее и надо служить». Затѣмъ онъ спросилъ: «Ваша фамилія Сторожевъ?». На мой утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ:«Вы здѣсь уже разъ служили, ну и еще разъ отслужите».

«Когда мы, спустя нѣкоторое время облачились и солдатъ принесъ зажженное кадило, Юровскій предложилъ мнѣ пройти въ гостинную. Я пошелъ первый, за мной отецъ діаконъ, за нимъ Юровскій. Когда я входилъ, изъ другой двери въ гостинную вошелъ Государь съ двумя дочерьми, я не разглядѣлъ которыми. Юровскій спросилъ Государя: «Всѣ ли вы собрались?», на что Государь отвѣтилъ твердымъ голосомъ: «Да, всѣ».

«Посреди гостинной уже находилась Государыня съ двумя другими дочерьми, а также Наслѣдникъ Цесаревичъ, который сидѣлъ въ передвижномъ креслицѣ; одѣтъ онъ былъ въ матроскую курточку; онъ былъ очень блѣденъ, но взглядъ у него былъ бодрый и живой. Государыня держалась прямо и, видимо, бодрилась; она была въ томъ же платьѣ (темно лиловомъ), какъ и 2 іюня, когда я служилъ обѣдню. Въ томъ же китель цвѣта хаки, безъ погонъ, перетянутомъ въ таліи ремнемъ, въ такихъ же панталонахъ и высокихъ сапогахъ былъ Государь. Но я не замѣтилъ, на этотъ разъ, былъ ли у него Георгіевскій крестъ на груди, или нѣтъ. Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны были въ черныхъ юбкахъ и бѣлыхъ лифчикахъ; волосы у нихъ отросли и спускались до плечъ. Государь и великія княжны показались мнѣ на этотъ разъ, не скажу, чтобы ослабѣвшими, но очень утомленными.

«Всѣ расположились, какъ и въ прошлый разъ: Государыня рядомъ съ Цесаревичемъ; за Цесаревичемъ стояли Татьяна Николаевна, которая подкатила его кресло, когда подходили

ко кресту. За нею стояли Ольга и Марія Николаевны, а великая княжна Анастасія стояла рядомъ съ Государемъ, который стоялъ направо у стѣны. Немного отступя, стоялъ докторъ Боткинъ, а за нимъ прислуга: горничная и трое мужчинъ, одинъ высокій, другой небольшого роста, коренастый, третій мальчикъ. Поодаль, въ томъ углу, гдѣ стоялъ въ прошлый разъ Авдѣевъ, теперь стоялъ Юровскій. Никого больше на богослуженіи не было.

«Когда по чину обѣдницы (такъ какъ мы служили не обѣдню, а обѣдницу) , о. діаконъ долженъ былъ прочитать молитву «Со святыми упокой», онъ, почему-то, вмѣсто того, чтобы прочесть ее, запѣлъ «Со святыми упокой». Я, хотя и замѣтилъ ошибку, сталъ однако ему подпѣвать. Какъ только мы запѣли, я услышалъ за собой шумъ — всѣ присутствующіе опустились на колѣни и горячо молились — вышло точно панихида...

«По окончаніи службы, когда подходили ко кресту, о. діаконъ передалъ Государю и Государынѣ вынутыя просфоры (осмотрѣнныя ранѣе Юровскимъ). Когда я собирался уходить, то, проходя возлѣ великихъ княженъ, я ясно услышалъ изъ ихъ среды сдержанный шопотъ: «Спасибо, батюшка».

«Мы вышли съ о. діакономъ изъ Ипатьевскаго дома въ очень удрученномъ настроеніи; когда мы поравнялись съ художественною школою, о. діаконъ мнѣ говоритъ: «Знаете, о. протоіерей, у нихъ тамъ что то случилось». «Да», отвѣтилъ я, «навѣрно тамъ не ладно, да они точно другіе стали, точно ждутъ чего то, да никто изъ нихъ даже не подпѣвалъ во время службы, какъ они ранѣе дѣлали....»

Въ тотъ же день, 14 іюля, утромъ, вернулся изъ Москвы Голощокинъ, который ѣздилъ туда по вызову Свердлова. Въ Москвѣ за послѣднее время произошли большія событія: убитъ былъ 7-го іюля однимъ изъ агентовъ чеки графъ Мирбахъ; нѣмецкому престижу нанесенъ былъ большой уронъ.

Днемъ, того же 14 іюля, Бѣлобородовъ созвалъ засѣданіе президіума областнаго совѣта въ уменьшенномъ составѣ. Такія засѣданія президіума,—т. е. въ уменьшенномъ составѣ — бывали и ранѣе въ важныхъ случаяхъ. О нихъ далъ показаніе слѣдователю комиссаръ здравоохраненія д-ръ Соховичъ, который также былъ членомъ президіума и которому, по словамъ Соховича, «по ошибкѣ», однажды было прислано приглашеніе на засѣданіе означеннаго президіума. Это было еще въ маѣ.

Обсуждался вопросъ объ убіеніи Императорской Фамиліи, если бы это обстоятельствами потребовалось. Соховичъ, по его показанію, уклонился участвовать въ засѣданіи, сославшись на присутствіе свое въ президіумѣ совѣта лишь въ качествѣ спеціалиста.

Въ сокращенномъ составѣ, по показанію Соховича, президіумъ собирался всегда въ особо важныхъ случаяхъ въ составѣ пяти лицъ: Бѣлобородова, Сафарова и Голощокина (о которыхъ выше было уже сказано) и еще двухъ: латыша Тупетула и еврея Войкова. Тупетулъ, типичный латышъ, прошлое коего осталось совершенно не выяснено, плохо говорилъ и понималъ по русски, потому постоянно молчалъ, но всегда вотировалъ за самыя крайнія и жестокія мѣры. Войковъ, по словамъ Соховича, жилъ очень широко, имѣлъ собственный автомобиль и любилъ, чтобы его называли Петромъ Лазаревичемъ. Онъ былъ сыномъ фельдшера на Надежинскомъ заводѣ и, въ видахъ уклоненія отъ воинской повинности, уѣхалъ въ Швейцарію. Тамъ онъ примкнулъ къ группѣ Ленина и, вмѣстѣ съ Сафаровымъ, вернулся въ Россію въ запломбированномъ вагонѣ. Въ Екатеринбургѣ онъ занималъ должность областного комиссара снабженій. Предъ занятіемъ Екатеринбурга войсками Адмирала Колчака (25 іюля), онъ уѣхалъ въ Москву и перешелъ въ «дипломатическое» вѣдомство. Въ настоящее время онъ состоитъ «посломъ» совѣтской республики при Польскомъ правительствѣ въ Варшавѣ!...

На основаніи данныхъ, имѣющихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, есть полное основаніе предполагать, что въ засѣданіи президіума 14 іюля, съ тайнаго разрѣшенія Москвы (т. е. Свердлова), которое привезъ Голощокинъ, было окончательно рѣшено убіеніе Царской Семьи и обсуждались подробности какъ совершить это злодѣйство.

Цѣлый рядъ лицъ, начиная съ генерала Дидерихса, разсматривавшихъ слѣдственное дѣло, были поражены: какъ могло быть,чтобы въ центрѣ Россіи,среди русскаго населенія,дѣло,касающееся всего русскаго народа, глубоко затрагивающее всѣ его завѣты, всѣ его вѣрованія, всю его идеологію, было бы рѣшено собраніемъ изъ трехъ евреевъ, одного латыша и одного русскаго! Мистеръ Вильтонъ, какъ методическій англичанинъ, старается на это отвѣтить. Онъ составилъ списки фамилій, именъ и вѣроисповѣданій всѣхъ важнѣйшихъ представителей совѣтскаго правительства лѣтомъ 1918 г. Результаты, имъ полученные, дѣйствительно поразительны. Оказывается, что состоявшій подъ предсѣдательствомъ Свердлова въ Москвѣ «Центральный Испол-

нительный комитетъ», одобрившій 18-го іюля приведенное въ исполненіе постановленіе президіума Уральскаго областного совѣта о разстрѣлѣ Государя, состоялъ изъ 62 членовъ, въ томъ числѣ по національностямъ было: латышей — 6, нѣмцевъ — 2, грузинъ — 2, армянъ — 2, чеховъ — 1, иностранцевъ 1, украинцевъ — 1, караимовъ — 1, евреевъ — 41 и русскихъ — 5 (именно: Ленинъ, Бухаринъ, Крыленко, Луначарскій, Телегинъ). А совѣтъ народныхъ комиссаровъ, допустившій совершиться ужасному злодѣйству, состоялъ изъ 22 членовъ, въ ихъ числѣ по національностямъ было: армянъ — 1, грузинъ — 1, евреевъ — 17 и русскихъ — 3 (именно: Ленинъ, Луначарскій, Чичеринъ, изъ нихъ двое состояли и членами Исполнительнаго Комитета). Сопоставляя эти цифры, становится понятна та власть, которую имѣлъ, при такомъ составѣ «правительства», главный виновникъ убійства Царской Семьи — еврей Свердловъ. Онъ не долго, однако, ее пережилъ: спустя шесть мѣсяцевъ, Свердловъ умеръ отъ побоевъ, нанесенныхъ этому представителю «русскаго» правительства, уже чисто русскими рабочими во время митинга на фабрикѣ «Саввы Морозова Сыновья», и его позорнымъ именемъ названа Театральная площадь въ Москвѣ.

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія о Москвѣ, мистеръ Вильтонъ съ глубокою грустью замѣчаетъ — какъ могло быть иначе въ Екатеринбургѣ?

Наступилъ день 16 іюля. Въ домѣ Ипатьевыхъ наружно никакихъ измѣненій не произошло. Тѣже однообразные томительные, полные неизвѣстности для Царственныхъ Узниковъ часы продолжали бѣжать. Узники также пили утромъ чай, обѣдали, гуляли въ садикѣ, а латыши внутренней стражи продолжали также молчаливо и безучастно занимать свои посты. Но какое то гнетущее, томительное ожиданіе чего то неотвратимаго и ужаснаго постепенно все болѣе и болѣе охватывало заключенныхъ и ихъ тревожное настроеніе, замѣченное о. Сторожевымъ, передавалось, по показанію ряда очевидцевъ, даже и наружной (прежней) стражѣ.

Юровскаго почти весь день не было дома. Онъ, такъ же какъ и наканунѣ, съ Ермаковымъ уѣзжалъ куда то на автомобилѣ. Возившій ихъ шоферъ разсказывалъ, что они объѣзжали окрестности Екатеринбурга, что то отыскивая. Затѣмъ выяснилось, что они искали мѣсто, гдѣ можно было бы зарыть трупы. Пріѣхалъ онъ вечеромъ и скоро къ нему пришли Бѣлобородовъ, Голощокинъ и Сафаровъ.

Когда они ушли, наступила уже ночь, ужасная ночь съ 16 на 17 іюля. *)

Около 12 часовъ ночи, когда всѣ узники уже спали, Юровскій вошелъ въ комнату Государя и, разбудивъ его, сказалъ, что Екатеринбургу угрожаютъ войска Колчака (они были еще въ 300 верстахъ и вступили въ Екатеринбургъ лишь 25 іюля) и онъ имѣетъ предписаніе сегодня же ночью отвести Его и всѣхъ остальныхъ въ безопасное мѣсто, причемъ багажа не слѣдуетъ брать, такъ какъ онъ будетъ отправленъ вслѣдъ. На сборы онъ даетъ одинъ часъ.

Въ началѣ второго часа всѣ заключенные уже были одѣты, и Юровскій, вмѣстѣ съ Микулинымъ и Медвѣдевымъ, повели ихъ на дворъ, гдѣ стояла уже особая стража, назначенная, какъ сказалъ Юровскій, ихъ сопровождать. При этомъ, Юровскій заявилъ, что автомобили еще не поданы и предложилъ пойти подождать въ угловую комнату полуподвальнаго этажа.

Въ роковую комнату вошли (по показанію стражника, стоявшаго на часахъ) узники и ихъ палачи въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди шелъ Никулинъ, за нимъ Государь, рядомъ съ Юровскимъ. Государь, въ своей солдатской шинели, несъ на рукахъ Наслѣдника Цесаревича, съ которымъ все время говорилъ и ласкалъ его; Наслѣдникъ былъ совершенно сонный и тоже одѣтъ въ солдатскую шинель. За ними Государыня и всѣ четыре великихъ княжны. Всѣ онѣ были въ дорожныхъ костюмахъ; у двухъ великихъ княженъ въ рукахъ были подушки; у великой княжны Анастасіи была на рукахъ ея маленькая собачка Жемми. Затѣмъ шелъ Е. С. Боткинъ, въ дорожномъ пальто, Анна Демидова съ двумя большими подушками, Труппъ и Харитоновъ. Шествіе замыкалъ Медвѣдевъ.

Угловая комната оказалась небольшою (6 аршинъ въ длину и 5 въ ширину), со сводами, и небольшимъ окномъ съ рѣшеткою снаружи; передъ окномъ ходилъ взадъ и впередъ часовой. Государь, замѣтивъ, что въ комнатѣ нѣтъ никакой мебели, обратился къ Юровскому, говоря, что Наслѣдникъ не можетъ стоять на ногахъ. Тотъ послалъ Медвѣдева за стульями. Принесли 3 стула; два поставили среди комнаты, а одинъ подали Государынѣ. Посадивъ Цесаревича на одинъ изъ стуль-

---

*) Дальнѣйшее описаніе основано исключительно на показаніяхъ начальника охраны Медвѣдева, одного изъ убійцъ, давшаго показаніе передъ смертью въ тюрьмѣ, гдѣ онъ умеръ отъ тифа, старшаго стражника Якимова, привлеченнаго къ слѣдствію, которому черезъ часъ послѣ убійства передавали подробности стражники Клещевъ и Дерябинъ, стоявшіе въ роковую ночь на часахъ и видѣвшіе въ окно все что происходило въ комнатѣ полуподвальнаго этажа, гдѣ было совершено убійство, стражника Прокуріакова, мывшаго полъ этой комнаты и другихъ .

евъ, причемъ великая княжна Татьяна подложила ему подушку, Государь сѣлъ на другой, видимо очень усталый. Государыня сѣла у стѣны, вокругъ ея стали великія княжны. Боткинъ сталъ около Наслѣдника. Демидова со своими подушками помѣстилась въ углу комнаты; рядомъ Труппъ и Харитоновъ.

Длилось нѣсколько минутъ томительное молчаніе. Вдругъ послышался шумъ подъѣхавшаго автомобиля. Юровскій обернулся на дверь и чего то ждалъ. Дверь отворилась и вошли: Ермаковъ съ другимъ чекистомъ, по однимъ показаніямъ, Костоусовымъ, по другимъ, матросомъ Хохряковымъ, за ними семь «латышей» (новаго, внутренняго караула). Выяснены имена лишь четырехъ изъ нихъ: латыши Ляксъ и Берзинъ, мадьяръ Вархатъ и нѣмецъ Рудольфъ Ламеръ. Всего въ комнатѣ было 12 вооруженныхъ палачей, причемъ у двухъ изъ «латышей» были ружья со штыками, и 11 жертвъ, въ числѣ коихъ 6 женщинъ и больной мальчикъ.

Когда всѣ вошедшіе размѣстились вдоль стѣны, Юровскій сдѣлалъ шагъ къ Государю, вынулъ какую то бумагу, но ничего не читалъ, а сказалъ скороговоркой нѣсколько фразъ, что кого то хотятъ освободить, что то «о волѣ народа» и кончилъ, что постановлено всѣхъ разстрѣлять... Государь вскочилъ со стула, но, видимо, не вникнувъ еще въ весь ужасъ словъ Юровскаго, спросилъ: «Что? какъ?» — «Вотъ какъ!», отвѣтилъ тотъ и, выхвативъ револьверъ, выстрѣлилъ почти въ упоръ въ Государя.

Государь покачнулся и упалъ навзничъ, смерть была мгновенна...

Государыня, крестясь, вскочила со стула и бросилась къ Государю. Великія княжны громко, въ ужасѣ, закричали. Но тутъ раздался залпъ палачей: стрѣляли всѣ, торопясь, почти не цѣля, какъ бы спѣша разрядить револьверы. Пули потомъ оказались не только въ стѣнахъ, но и на полу и въ потолкѣ.

Государь, Государыня, три великія княжны, Боткинъ, Труппъ, Харитоновъ были убиты сразу, но Наслѣдникъ Цесаревичъ и великая княжна Анастасія Николаевна были только ранены, а Анна Демидова, прикрывшаяся подушками, невредима.

Наслѣдникъ сползъ со стула и, крича, простиралъ руки къ Отцу; онъ былъ весь въ крови... Юровскій подскочилъ къ нему, нагнулся и два раза выстрѣлилъ въ него въ упоръ... Наслѣдникъ затихъ... (показанія стоявшаго рядомъ Медвѣдева). Великая княжна Анастасія, рыдая и крича, билась въ конвульсіяхъ. Двое изъ палачей, у которыхъ были ружья со штыками, бро-

сились къ ней и закололи; тутъ же была заколота ими Демидова, забившаяся въ уголъ. Слѣды отъ ударовъ штыками остались и на полу и на стѣнѣ.

Когда всѣ одинадцать тѣлъ лежали распластанные на полу, палачи, ступая по лужамъ крови, стали выходить изъ комнаты; они пятились къ двери, толкая другъ друга, спотыкаясь о мертвыя тѣла; многіе дрожали какъ въ лихорадкѣ.

Первымъ очнулся Ермаковъ, какъ человѣкъ привычный къ создавшейся кошмарной обстановкѣ. Онъ принесъ откуда то заранѣе заготовленныя простыни. Въ нихъ стали заворачивать каждаго убитаго отдѣльно. Затѣмъ выносили и клали на грузовикъ. При этомъ, убитыхъ, не раздѣвая, обшаривали, отбирая все цѣнное. Обыскъ, отъ волненія и по спѣшности, дѣлали однако, очень поверхностно, потому такъ много вещей нашлось потомъ въ пеплѣ костровъ.

Вмѣстѣ съ тѣлами, завернутыми въ простыни, какъ въ саваны, на грузовикъ сѣли: Юровскій, Ермаковъ, Костоусовъ (либо Хохряковъ) и трое «латышей». Шоффером сидѣлъ — шоффер чеки Люхановъ. Юровскій всѣхъ торопилъ и громко ругался. Уже начинало свѣтать и онъ боялся, что «по дорогѣ можетъ встрѣтиться народъ».

Какъ только грузовикъ выѣхалъ за ворота, какъ потомъ оказалось къ «Ганиной Ямѣ», верстахъ въ 15 отъ Екатеринбурга, оставшіеся, при помощи вызванной изъ дома Попова стражи, стали мыть полъ и стѣны комнаты, гдѣ совершено было убійство. Крови было очень много, такъ много, что ее смывали, затирали опилками, глиной, пескомъ, но она, растекаясь, омочила и карнизъ внизу лѣвой стѣны и карнизъ стѣны прямо противъ входной двери. Къ утру кое какъ прибрали и комнату заперли на ключъ. На стѣнѣ убійцы, или лица, вызванныя, чтобы скрыть слѣды злодѣянія, сдѣлали нѣсколько надписей, которыя такъ и остались до начала слѣдствія.

Одна — въ углу — состояла изъ какихъ то кабалистическихъ знаковъ и цифръ, разгадать которые до сихъ поръ не удалось. Другая, — на видномъ мѣстѣ, сдѣланная опытною и грамотною рукой на нѣмецкомъ языкѣ, заключали два стиха изъ извѣстнаго стихотворенія Гейне о Царѣ Вальтасарѣ:

«Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht».

(Вальтазаръ въ эту же ночь былъ убитъ своими слугами

(холопями). При этомъ вмѣсто Belsazar, какъ у Гейне, вставлено Belsatzar. Кромѣ того, пропущено слово «aber» (у Гейне: «Belsazar ward aber in» Тамъ оно необходимо по связи съ предыдущимъ, а здѣсь, конечно, излишне. Очевидно, тутъ есть намекъ и ясно, что это не могъ написать какой-нибудь «латышъ».

Утромъ 17-го, домъ Ипатьевыхъ имѣлъ обычный видъ. Кругомъ, по обыкновенію стояла стража: будто ничего за ночь не произошло. Боялись еще объявить народу о совершенномъ, якобы его именемъ, преступленіи.

Въ этомъ отношеніи интересны показанія старшаго стражника Якимова (привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію). «Ночные разсказы очевидцевъ объ убійствѣ Царской Семьи» показывалъ Якимовъ «такъ меня встревожили, что я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Идти спать я не могъ и, дождавшись утра, въ 8 часовъ, пошелъ къ сестрѣ моей Капитолинѣ, съ которой былъ очень друженъ, хотѣлъ подѣлиться мыслями. На сердцѣ было очень тяжело; надо было поговорить съ кѣмъ нибудь близкимъ. Тамъ я оставался до 10 часовъ. Затѣмъ вернулся, разставилъ, какъ обыкновенно, часовыхъ и пошелъ въ комнату коменданта, гдѣ я нашелъ Никулина, двухъ латышей и Медвѣдева. Всѣ они были озабоченные и усталые. Никто не говорилъ ничего — всѣ молчали. На столѣ лежала масса драгоцѣнныхъ вещей: серегъ, ожерелій, золотыхъ булавокъ, многія были въ футлярахъ, которые лежали открытыми. Дверь, ведущая въ комнаты, гдѣ жила Царская Семья, была по обыкновенію, заперта. За нею не было слышно ни звука: ни голосовъ, ни шаговъ, какъ бывало обыкновенно. Очевидно, за дверьми никого не было. Предъ дверью все стояла маленькая собачка (Джой — Наслѣдника Цесаревича, затѣмъ найденная у стражника Летимина), прося чтобы ее впустили; помню, что я даже сказалъ ей: напрасно это ты ждешь....»

Днемъ 17-го, Голощоковъ, Сафаровъ, Войковъ и Бѣлобородовъ долго совѣщались; приглашенъ былъ и Юровскій, вызывали и Ермакова. Вечеромъ послана была шифрованная телеграмма въ Москву. Подлинникъ ея найденъ слѣдователемъ на телеграфѣ; послѣ долгихъ трудовъ, Н. А. Соколову удалось ее дешифрировать. Она гласила: «17-го іюля, 9 часовъ вечера, № 2029, лит. В. Москва, Кремль, секретарю совнаркома Горбунову, съ обратной провѣркой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла таже участь, что и главу. Оффиціально погибнетъ при эвакуаціи. Бѣлобородовъ».

При совѣщаніи выяснилось, что Голощоковъ остался очень

недоволенъ тѣми способами, которые примѣнили Юровскій и Ермаковъ для скрытія тѣлъ убитыхъ: они были сброшены прямо въ воронку шурфа № 3 въ раіонѣ «Ганиной Ямы» и засыпаны землей, для чего обвалили верхній гребень воронки. Между тѣмъ, по имѣвшимся у Голощокина инструкціямъ, тѣла Царской Семьи должны были быть скрыты такъ, чтобы никогда не могли бы быть найдены. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было: поѣхать на мѣсто, вырыть тѣла и сжечь ихъ. Приведеніе этого въ исполненіе было возложено на Голощокина.

Въ исполненіе этого рѣшенія, районъ «Ганиной Ямы» былъ 18-го оцѣпленъ красноармейцами подъ предлогомъ, что будетъ учебная стрѣльба. Туда были посланы нѣсколько грузовиковъ съ большимъ запасомъ бензина, большой бочкой керосина, пудовъ въ десять, три желѣзныя бочки съ чѣмъ то невыясненнымъ и большой ящикъ съ сѣрной кислотою. Относительно пріобрѣтенія послѣдней имѣются въ слѣдственномъ дѣлѣ неопровержимыя данныя. Вечеромъ 17-го, секретарь Войкова — Зиминъ —явился въ Екатеринбургскій аптекарскій складъ «Русскаго Общества» и предъявилъ два предложенія, собственноручно написанныя и подписанныя, съ приложеніемъ оффиціальной печати, Войковымъ. Оба эти предложенія въ подлинникахъ имѣются въ слѣдственномъ дѣлѣ, а въ книгѣ Н. А. Соколова имѣются фотографическіе съ нихъ снимки, что не оставляетъ сомнѣній въ участіи Войкова, состоящаго нынѣ совѣтскимъ «Посломъ» при Польской республикѣ, въ Цареубійствѣ, что, какъ извѣстно, упорно отрицалось при его назначеніи на дипломатическій постъ. Первое изъ этихъ предложеній гласитъ: «Предлагаю немедленно, безъ всякой задержки и оговорокъ выдать изъ вашего склада пять пудовъ сѣрной кислоты предъявителю сего. Областной комиссаръ снабженія Войковъ». И второе: «Предлагаю выдать еще три кувшина сѣрной кислоты предъявителю сего. Областной комиссаръ снабженія Войковъ».

Какимъ образомъ произошло ужасное кощунство сжиганія вырытыхъ снова тѣлъ убіенныхъ въ Ипатьевскомъ домѣ, въ отчетѣ Н. А. Соколова не имѣется указаній. Онъ даетъ лишь подробное перечисленіе всѣхъ найденныхъ вещей (65 отдѣльныхъ номеровъ) на мѣстѣ сжиганія тѣлъ съ разъясненіями, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, кому онѣ принадлежали и описаніемъ обстановки, при которой онѣ были найдены. По мнѣнію. Н. А. Соколова, эти нѣмые, но безусловно достовѣрные свидѣтели, лучше всего отвѣчаютъ на всѣ вопросы и доказываютъ, что тѣла убіенныхъ въ ночь на 17 іюля

въ Ипатьевскомъ домѣ, были сожжены на кострахъ вечеромъ 18-го около «Ганиной Ямы».

М. К. Дитерихсъ, имѣвшій, какъ указывалось выше, общій надзоръ за слѣдствіемъ, на основаніи тѣхъ же данныхъ слѣдствія, а также мнѣнія особой комиссіи, осматривавшей мѣстность, идетъ далѣе и дѣлаетъ въ своей книгѣ попытку,*) возстановить подробности этого изувѣрскаго, по его выраженію, «перехороніванія» Царской Семьи и убитыхъ вмѣстѣ съ нею.

По догадкамъ генерала Дитерихса:«Прежде всего отдѣлялись головы. Найденные кусочки шейныхъ цѣпочекъ носятъ слѣды порѣзовъ ихъ, что могло произойти только отъ рѣжущаго или рубящаго оружія. Кромѣ того зубы горятъ хуже всего; между тѣмъ, въ кострахъ ни одного зуба не найдено. Затѣмъ, для большаго удобства сжиганія, тѣла разрубались топорами на куски. Тѣла рубились одѣтыми. Только этимъ можно объяснить находку обожженныхъ костей и драгоцѣнностей со слѣдами порубки, а драгоцѣнные камни (зашитые въ платьяхъ великихъ княженъ) раздробленными.

«Разрубленныя тѣла обливались керосиномъ и сѣрною кислотой и сжигались вмѣстѣ съ одеждою на двухъ кострахъ. При детальномъ изученіи вещей, найденныхъ въ районахъ того и другого костровъ, можно сдѣлать выводъ, что тѣла Государя, Государыни, Цесаревича, великихъ княженъ и доктора Боткина были сожжены на кострѣ у шахты, а на кострѣ у старой березы сожгли тѣла Анны Демидовой, Труппа и Харитонова.

Два дня спустя, 20-го іюля, въ Москвѣ и въ Екатеринбургѣ появились совершенно лживыя «правительственныя» сообщенія о совершенномъ злодѣяніи. Въ переводѣ съ совѣтской на русскую орфографію, московское сообщеніе гласило:

«На состоявшемся 18 іюля первомъ засѣданіи центральнаго исполнительнаго комитета совѣтовъ, предсѣдатель, товарищъ Свердловъ сообщилъ полученное по прямому проводу сообщеніе отъ областного Уральскаго совѣта о разстрѣлѣ бывшаго Царя Николая Романова. Послѣдніе дни столицѣ Краснаго Урала, Екатеринбургу, угрожала опасность приближенія чехословакскихъ бандъ; въ то же время былъ раскрытъ новый заговоръ контръ-революціонеровъ, имѣвшій цѣлью вырвать изъ рукъ совѣтской власти коронованнаго палача. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ президіумъ Уральскаго областного совѣта постановилъ: разстрѣлять Николая Романова, что и было приведено въ исполненіе 16-го іюля. Жена и сынъ Николая Ро-

*) М. К. Дидерихсъ: «Убійство Царской Семьи и Членовъ Дома Романовыхъ на Уралѣ». Т. I. стр. 271 и слѣд.

манова отправлены въ надежное мѣсто; документы о раскрытомъ заговорѣ высланы въ Москву со спеціальнымъ курьеромъ.

«Президіумъ центральнаго исполнительнаго комитета, обсудивъ всѣ обстоятельства, заставившія Урал. обл. совѣтъ принять рѣшеніе о разстрѣлѣ Николая Романова, постановилъ:

Всероссійскій центральный исполнительный комитетъ, въ лицѣ своего президіума, признаетъ рѣшеніе Уральскаго областного совѣта правильнымъ».

Днемъ, 20- го іюля, Свердловъ долго говорилъ изъ Москвы съ Екатеринбургомъ по прямому проводу. Телеграфная лента впослѣдствіи найдена на Екатеринбургскомъ телеграфѣ и пріобщена къ дѣламъ слѣдствія. Въ этомъ разговорѣ Голощокинъ (такъ какъ, очевидно, онъ говорилъ со Свердловымъ; телеграфный разговоръ былъ даже на ты) сообщалъ, что «курьеръ вчера отправленъ съ документами, которые васъ (исп. комитетъ) интересуютъ. Сообщи рѣшеніе испол. комитета и можемъ ли мы объявить населенію извѣстный вамъ текстъ?» Свердловъ отвѣчаетъ: «Въ засѣданіи президіума мы 18-го уже рѣшили одобрить постановленіе Уральскаго комитета. Можете печатать ваше объявленіе. Вчера мы уже напечатали подобное объявленіе. Я послалъ за нимъ и тебѣ сейчасъ сообщу...»

На слѣдующій день на заборахъ и стѣнахъ Екатеринбурга расклеивалось слѣдующее объявленіе отъ областного совѣта (съ сохраненіемъ орфографіи):

«В виду приближенія контр-революціонныхъ бандъ къ красной столицѣ Урала Екатеринбургу и в виду возможности того, что Коронованному Палачу удастся избежать народнаго Суда (раскрыт заговоръ белогвардейцевъ с целью похищенія бывшаго царя и его семьи), Президіумъ Обласовѣта, исполняя волю революціи, постановилъ расстрелять бывшаго царя Николая Романова, виновнаго в безчисленныхъ кровавыхъ насилиях над русским народом.

«В ночь с 16 на 17 приговор этот приведенъ в исполнение.

«Семья Романова содержавшаяся вместе с нимъ эвакуирована из Екатеринбурга в интересах обезпечения общественного спокойствия. Президиум Обласовета».

Наканунѣ опубликованія этого сообщенія, Бѣлобородовъ созвалъ, вечеромъ, въ зданіи театра, митингъ, на которомъ Голощокинъ прочелъ приведенное выше сообщеніе. Когда онъ кончилъ, воцарилось сосредоточенное молчаніе.....

Памяти Николая Алексѣевича Соколова.

Вечеромъ 23-го минувшаго ноября скончался бывшій судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ Николай Алексѣевичъ Соколовъ. Скончался онъ, внезапно, отъ порока сердца, въ маленькомъ французскомъ городѣ Сальбри (Департ. Loir et Cher), куда его закинула судьба.

Имя покойнаго Н. А. Соколова неразрывно связано съ дѣломъ по раскрытію обстановки и участниковъ величайшаго изъ когда либо въ Россіи совершенныхъ преступленій — убійства Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля 1918 года въ г. Екатеринбургѣ.

Слѣдствіе по этому чудовищному дѣлу началось тотчасъ же послѣ занятія Екатеринбурга войсками Адмирала Колчака 25-го іюля, но, къ сожалѣнію, вначалѣ, оно велось неопытными лицами и мало подвигалось впередъ. Это именно обстоятельство и побудило, въ началѣ 1919 года, Адмирала Колчака передать все слѣдствіе въ руки Н. А. Соколова, имѣвшаго, уже тогда, установившуюся репутацію опытнаго слѣдователя и кристально честнаго человѣка, притомъ человѣка совершенно русскаго, горячаго патріота, вѣрнаго завѣтамъ своей Родины. Пробрался къ Колчаку Н. А. Соколовъ, подвергаясь большимъ опасностямъ, изъ Печеры, черезъ красноармейскій фронтъ, переодѣтый красноармейцемъ.

Генералъ Дитерихсъ, командовавшій западнымъ фронтомъ арміи Адмирала Колчака, въ изданной имъ книгѣ объ убійствѣ Царской Семьи, такъ отмѣчаетъ самый моментъ передачи имъ, по порученію Адмирала Колчака, слѣдственнаго дѣла Н. А. Соколову: «Въ ту минуту по поблѣднѣвшему серьезному выраженію лица Соколова, по нервно дрожащимъ рукамъ было видно, что онъ глубоко и убѣжденно сознавалъ отвѣтственность, принимавшуюся имъ на себя передъ своимъ народомъ и исторіею. Онъ понималъ, что вся его дальнѣйшая жизнь должна быть посвящена исключительно работѣ по раскрытію этого кошмарнаго преступленія и оставленію будущей Россіи всесторонняго, обоснованнаго, а главное, правдиваго матеріала для пониманія

русскимъ человѣкомъ исторіи трагической гибели прямой линіи Дома Романовыхъ и правильной оцѣнки національно чистыхъ и вѣрныхъ вѣрѣ своего народа Главы и Членовъ Августѣйшей Семьи.» (Т. I. с. 174).

Дѣйствительно, выборъ Н . А. Соколова оказался чрезвычайно удачнымъ. Съ неутомимой энергіею и безстрашіемъ, несмотря на постоянныя угрозы со всѣхъ сторонъ, постоянныя противодѣйствія и препятствія, которыя создавала сама походная обстановка, онъ умѣлою рукою сразу повелъ слѣдствіе. Онъ продолжалъ его также энергично и во время тяжелаго отступленія отъ Екатеринбурга до Харбина, все болѣе и яснѣе раскрывая весь ужасъ Мученической кончины Царской Семьи. Изъ Харбина ему удалось кружнымъ путемъ, черезъ Пекинъ, при посредствѣ французскаго генерала Жанена, препроводить во Францію всѣ собранныя имъ съ невѣроятными трудностями вещественныя доказательства и имѣющіе большое историческое значеніе документы. Самъ же онъ, послѣ крушенія Сибирскаго правительства и разстрѣла Адмирала Колчака, едва спасся и могъ лишь выѣхать благодаря содѣйствію корреспондента „Times“ Вильтона.

Н. А. Соколовъ отдалъ ввѣренному ему дѣлу всю свою душу, всѣ свои силы и послѣдніе шесть лѣтъ своей жизни. Онъ умеръ, закончивъ его насколько было возможно при сложившейся обстановкѣ. Незадолго до его смерти вышла, на французскомъ языкѣ, сдѣланная имъ сводка матеріала слѣдствія и выводы изъ него. *) Изготовлялъ онъ и русское изданіе, но смерть внезапно прервала его труды.

Похоронили Николая Алексѣевича на кладбищѣ въ Сальбри. Благодаря его русскимъ друзьямъ похороны были очень торжественные. Для отпѣванія прибылъ изъ Парижа православный священникъ, а до его прибытія читалъ молитвы мѣстный кюрэ. Отношенія мѣстныхъ французовъ къ памяти покойнаго были прямо трогательны. На похоронахъ былъ почти весь городъ съ мэромъ во главѣ. Когда послѣ погребенія русскіе друзья Н. А. Соколова благодарили мэра за вниманіе къ ихъ соотечественнику, мэръ отвѣтилъ, что они, французы, пришли отдать послѣдній долгъ представителю «той» Россіи, которая была ихъ вѣрною союзницей и другомъ...

Миръ праху его!

---

*) Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Payot, 1924; нынѣ вышла и на русскомъ языкѣ.

Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II.

П. С. Боткина.

Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II.

Прошло еще слишкомъ мало времени—всего шесть лѣтъ—съ тѣхъ поръ, что совершено было въ Екатеринбургѣ цареубійство. Исключительныя условія, въ которыхъ продолжаетъ томиться Россія, лишаютъ насъ возможности выяснить обстоятельно въ чемъ именно заключалась работа вѣрноподданныхъ и какое содѣйствіе оказали Правительства иностранныхъ Державъ для освобожденія Царя изъ рукъ его палачей.

Все, что мы въ состояніи сказать въ данный моментъ, можетъ служить лишь матеріаломъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда исторія получитъ, наконецъ, возможность произвести свой безпристрастный, неумолимый приговоръ.

Революція началась задолго до того дня,, когда А. И. Гучковъ и Шульгинъ добивались въ Псковѣ отреченія Государя. Случаевъ спасти Государя, спасти Тронъ, спасти Россію представлялось не мало за этотъ первый періодъ скрытой революціи, но мы не будемъ выходить изъ поставленныхъ рамокъ и ограничимся въ настоящемъ очеркѣ исключительно возможностями освободить Государя, представлявшимися съ того момента, когда, распоряженіемъ временнаго правительства, онъ былъ лишенъ свободы.

Какъ теперь установлено, Государь фактически былъ узникомъ заговорщиковъ еще до подписанія отреченія. Когда Царскій поѣздъ остановился на станціи Псковъ, Государь уже

не былъ его хозяиномъ. Онъ не могъ направлять свой поѣздъ согласно своему желанію и усмотрѣнію и самая остановка въ Псковѣ не была имъ намѣчена.

Генералъ Радко-Дмитріевъ говорилъ впослѣдствіи, что если-бы Государь, вмѣсто того, чтобы ожидать въ своемъ вагонѣ думскихъ делегатовъ изъ Петербурга, сошелъ бы на станціи Псковъ и поѣхалъ въ автомобилѣ по направленію расположенія войскъ ввѣренной ему арміи (всего въ 6-ти верстахъ отъ Пскова), событія приняли бы совершенно иной оборотъ. Несомнѣнно, что пріемъ Государемъ г.г. Гучкова и Шульгина въ штабѣ арміи Радко-Дмитріева носилъ бы иной характеръ и имѣлъ бы совершенно иныя послѣдствія; но остается подъ вопросомъ: могъ ли Государь осуществить свой отъѣздъ на автомобилѣ со станціи Псковъ? Мы не должны забывать, что вся поѣздная прислуга, вплоть до послѣдняго механика на Царскомъ поѣздѣ, была причастна къ революціи.

Изъ Пскова Государь отправился въ Ставку и пробылъ тамъ нѣсколько дней до возвращенія въ Царское Село. Въ Ставкѣ впервые былъ поднятъ вопросъ о спасеніи Государя. Флигель-Адъютантъ Мордвиновъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ какъ генералъ Вильямсъ, англійскій военный агентъ въ Ставкѣ, говорилъ, держа въ рукахъ телеграмму отъ Бьюкенена, о томъ, что англійское правительство ручается за безопасный проѣздъ Царской Семьи въ Англію.

«Возвращаясь поздно отъ Императрицы»,*) пишетъ Мордвиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «разговоръ коснулся предполагаемаго отбытія Государя изъ Ставки и я вынесъ впечатлѣніе, что Его Величество предполагалъ уже тогда уѣхать заграницу, но только не зналъ еще времени, когда будетъ возможно исполнить это намѣреніе, не высказывая, впрочемъ, его опредѣленно». **)

Относительно плана объ отъѣздѣ Государя заграницу было освѣдомлено и временное правительство, какъ видно изъ телеграммы князя Львова генералу Алексѣеву, полученной въ Ставкѣ передъ отбытіемъ Государя въ Царское.

Мордвиновъ приводитъ текстъ этой телеграммы: «Временное правительство постановило предоставить бывшему Императору безпрепятственный проѣздъ для пребыванія въ Царскомъ Селѣ и дальнѣйшаго слѣдованія на Мурманскъ».

---

*) Императрица Марія Федоровна, пріѣхавъ на свиданіе съ Сыномъ въ Ставку, пребывала въ своемъ поѣздѣ на станціи «Могилевъ». Государь ѣздилъ къ Ней каждый день обѣдать.

**) «Русская Лѣтопись», книга 5-ая, стр. 143.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что одновременно съ отправкой этой телеграммы, свидѣтельствующей какъ бы о содѣйствіи временнаго правительства къ отъѣзду Царской Семьи заграницу, то-же временное правительство приняло мѣры къ заточенію Царской Семьи.

Прибытіе въ Ставку членовъ Думы — Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калинина — для сопутствія Государю, было началомъ негласнаго ареста надъ Его Особой.

Садясь въ свой поѣздъ, къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ думскихъ представителей, Государь не подозрѣвалъ, что Онъ ѣдетъ въ Царское Село какъ плѣнникъ временнаго правительства. Утверждаютъ, будто члены Думы сообщили генералу Алексѣеву о настоящихъ своихъ замыслахъ лишь передъ самымъ отходомъ Царскаго поѣзда изъ Могилева.

По прибытіи въ Царское Государь нашелъ уже Императрицу подъ арестомъ и Самъ тотчасъ же оказался арестованнымъ.

Арестъ произошелъ безъ всякаго указа, простымъ рѣшеніемъ временнаго правительства.

На какомъ основаніи? На этотъ вопросъ судебный слѣдователь Соколовъ даетъ въ своей замѣчательной книгѣ «Судебное слѣдствіе объ убійствѣ Россійскаго Императорскаго Семейства» нижеслѣдующіе отвѣты князя Львова, Керенскаго и Милюкова, которыхъ Соколовъ допрашивалъ въ 1920 году, въ Парижѣ:

Князь Львовъ далъ двоякое объясненіе. Онъ сказалъ, что арестъ былъ въ ту пору «психологически неизбѣженъ для защиты Государя противъ возможныхъ эксцессовъ перваго революціоннаго порыва». Временное правительство было вынуждено произвести тщательное и безпристрастное слѣдствіе надъ всѣми дѣйствіями Государя и Императрицы въ виду того, что общественное мнѣніе считало ихъ пагубными какъ съ точки зрѣнія внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ интересовъ Россіи въ связи съ войной съ Германіей.

Керенскій привелъ болѣе или менѣе тѣ же аргументы, но облекъ ихъ въ болѣе пространную форму. По его утвержденію, арестъ Царской Семьи вызванъ былъ крайнимъ возбужденіемъ противъ Государя солдатъ тыла арміи и рабочихъ Петербургскаго и Московскаго округовъ.

«... На съѣздѣ въ Москвѣ отъ меня требовали наказанія Царя. Отвѣчая отъ имени временнаго правительства, я сказалъ, что лично никогда не соглашусь играть роль Марата. Я пони-

малъ, что сильная ненависть народныхъ массъ была направлена не столько противъ личности Николая II, сколько противъ идеи «царизма».

Первая причина ареста заключалась, по утвержденію этихъ лицъ: въ желаніи временнаго правительства охранить Государя и Императрицу отъ угрожавшей Имъ опасности, а вторая — въ необходимости изоляціи Государя и Императрицы, въ виду назначенія высшей чрезвычайной комиссіи для разслѣдованія дѣйствій Ихъ и лицъ, Ихъ окружающихъ, ибо въ то время русская интеллигенція и часть высшаго офицерства были подъ впечатлѣніемъ, что внѣшняя и внутренняя политика Царя и, въ особенности Императрицы, клонилась къ гибели Россіи, съ цѣлью заключенія отдѣльнаго мира и союза съ Германіей.

Невозможно, кажется, выдумать болѣе лживую, фарисейскую формулу для объясненія безстыднаго издѣвательства надъ памятью Государя и Императрицы. Сами они — Керенскій, князь Львовъ, Милюковъ и др. — сдѣлали все, что могли, чтобы вызвать и бунтъ солдатъ тыла, и враждебныя движенія рабочихъ массъ, и недовольство среди интеллигентныхъ классовъ, а потомъ цѣплялись за эти обстоятельства для ареста, подъ предлогомъ охраненія личности, Царя и Государыни.

Милюковъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, не мудрствуя лукаво, отговорился запамятованіемъ.

Вотъ текстуально его показаніе, данное Соколову: «У меня ничего не сохранилось въ памяти по этому вопросу. Я не помню, какъ и когда состоялся арестъ Государя и Императрицы. Насколько я себѣ представляю, временное правительство, по всей очевидности, санкціонировало эту мѣру по предложенію Керенскаго. У насъ было тогда нѣсколько секретныхъ засѣданій безъ всякой записи протоколовъ. Въ одномъ изъ такихъ засѣданій, должно быть, и было принято рѣшеніе арестовать Государя и Императрицу.

Пресловутая чрезвычайная комиссія, разумѣется, ничего не могла найти, тѣмъ не менѣе арестъ не былъ снятъ, а еще отягчился ссылкой.

Задача вырвать Царское Семейство изъ когтей хищниковъ была не легкая — какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Война выбила изъ строя лучшихъ людей, революція сбила съ толку здравомыслящихъ патріотовъ, а нахлынувшая волна большевизма разметала то, что уцѣлѣло отъ революціи. Приходилось ра-

ботать въ тяжелыхъ условіяхъ, располагая малыми средствами, дѣйствовать съ величайшей осторожностью, тайно, подъ постоянной угрозой быть обнаруженнымъ.

Попытки, однако, были сдѣланы, но все неудачныя. Онѣ исходили отъ отдѣльныхъ лицъ или группъ и носили случайный характеръ.

Когда Царская Семья находилась въ Тобольскѣ, всѣ попытки разбивались въ Тюмени, гдѣ засѣлъ нѣкто Соловьевъ, женатый на дочери Распутина и игравшій въ дѣлѣ освобожденія Царскихъ узниковъ болѣе нежели двусмысленную роль. Эта подозрительная личность выведена на чистую воду въ книгѣ судебнаго слѣдователя Соколова. Къ сожалѣнію, молодые, отважные офицеры, добиравшіеся съ громадными трудностями до Тюмени, не отдавали себѣ отчета, съ кѣмъ они имѣли дѣло въ лицѣ Соловьева и не одинъ изъ нихъ попалъ въ сѣти этого агента большевиковъ.

Объ этомъ читатели найдутъ прискорбную страницу въ книгѣ Соколова.

На самомъ дѣлѣ, при создавшемся положеніи вещей, освобожденіе Царской Семьи не могло имѣть мѣста иначе, какъ при вмѣшательствѣ и содѣйствіи иностранныхъ державъ.

Какъ отнеслись наши друзья и недруги къ этому вопросу? По этому предмету у Соколова имѣются цѣнныя указанія.

Въ то время, какъ, благодаря большевикамъ, германское правительство укрѣпилось въ Москвѣ, нѣкоторыми русскими монархистами предприняты были шаги къ освобожденію Царской Семьи черезъ посредство графа Мирбаха, германскаго представителя при большевикахъ.

Вотъ показаніе А. В. Кривошеина, который, вмѣстѣ съ сенаторомъ Нейдгартомъ, явился къ германскому послу въ Москвѣ въ началѣ мая 1919 года и вручилъ ему письмо бывшаго гофмаршала графа Бенкендорфа:

«Графъ Мирбахъ принялъ насъ холодно и сказалъ приблизительно слѣдующее: «все, что теперь происходитъ въ Россіи, весьма естественно и является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ побѣды Германіи. Исторія повторяется — горе побѣжденнымъ. Если бы побѣда была на сторонѣ союзниковъ, положеніе Германіи было бы, безъ сомнѣнія, гораздо хуже того, въ которомъ находится Россія въ настоящій моментъ. Въ сущности говоря, участь Царя зависитъ исключительно отъ русскаго народа. Мы же можемъ только озаботиться о судьбѣ принцессъ германской крови».

Графу Мирбаху такъ и не пришлось распознать, на чьй сторонѣ оказалась побѣда. Онъ погибъ отъ руки одного изъ революціонныхъ представителей того самаго «народа», коему, съ такимъ хладнокровіемъ, ввѣрялъ судьбу Государя.

Графа Мирбаха уже не было въ живыхъ, когда 17-го іюля 1918 года въ Москвѣ было получено извѣстіе объ убійствѣ Царской Семьи. Какъ извѣстно, большевики скрыли тогда, что убили всѣхъ. Они огласили только извѣстіе объ убійствѣ Государя.

Телеграмма Бѣлобородова, которую судебному слѣдователю Соколову удалось розыскать въ Екатеринбургѣ (въ книгѣ приводится ея факсимилэ) гласитъ нижеслѣдующее:

«Москва. Кремль. Горбунову, секретарю Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Съ обратной передачей.

(Текстъ шифромъ). Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Оффиціально семья погибнетъ при эвакуаціи.

(подп.) Бѣлобородовъ».

Три года спустя, въ сентябрѣ 1921 года, судебный слѣдователь Соколовъ, добиваясь узнать, что было предпринято со стороны Германіи для освобожденія Царскаго Семейства, получилъ изъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ копію съ секретной телеграфной переписки по этому предмету, относящейся къ этому періоду.

Соколовъ приводитъ нѣкоторыя изъ этихъ телеграммъ:

1. «Германская Миссія въ Москвѣ германскому М-ству И-ныхъ Дѣлъ. 19 іюля 1918 г.

«Надлежитъ ли сдѣлать еще разъ категорическое представленіе относительно обезпеченія безопасности Императрицы, какъ германской принцессы. Распространить тѣ же представленія по отношенію къ Цесаревичу было бы опасно, такъ какъ большевики, по всей вѣроятности, освѣдомлены о томъ, что монархисты намѣреваются выставить его на первый планъ. Опасенія большевиковъ касательно германской контръ-революціи усилились послѣ заявленія генерала Краснова».

2. «Германская Миссія въ Москвѣ германскому М-ву И. Д. 20 іюля 1918 г.

Вчера я сказалъ Радеку и Воровскому, что весь міръ строго осудитъ убійство Царя и что германскій посолъ считаетъ долгомъ предостеречь ихъ самымъ категорическимъ образомъ въ случаѣ, если они намѣреваются продолжать покушенія такого рода. Воровскій отвѣтилъ, что Царь былъ разстрѣлянъ, ибо въ

противномъ случаѣ чехо-словаки завладѣли бы Имъ, а Радекъ высказалъ, какъ личное мнѣніе, что, такъ какъ мы питаемъ особый интересъ къ принцессамъ германской крови, то можно было бы дать имъ свободный пропускъ для выѣзда изъ Россіи. Быть можетъ возможно освободить Императрицу и Цесаревича во имя человѣколюбія, въ видѣ компенсаціи въ вопросѣ о батальонѣ».

(Вопросъ о водвореніи въ Москвѣ германскихъ батальоновъ былъ поднятъ германскимъ правительствомъ послѣ нападенія, произведеннаго въ зданіи германскаго посольства, жертвою коего палъ графъ Мирбахъ. Большевики всячески противились осуществленію этого намѣренія германскаго правительства. Въ данномъ случаѣ представлялась возможность ликвидировать это дѣло компромиссомъ).

3. «Германское М-во И. Д. повѣренному въ дѣлахъ въ Москвѣ 20 іюля 1918 г.

Мы согласны сдѣлать представленія въ пользу членовъ Императорскаго Семейства. (подп.) Бушъ».

4. «Германская Миссія въ Москвѣ германскому М-ву И. Д. 28 іюля 1918 г.

Я сдѣлалъ должное представленіе въ пользу Царицы и принцессъ германской крови, поставивъ при этомъ на видъ, какое впечатлѣніе произвело на общественное мнѣніе извѣстіе объ убійствѣ Царя. Чичеринъ выслушалъ меня молча. (Подп.) Ритцлеръ».

Что показываютъ эти документы? Во-первыхъ, что германское правительство такъ и не предприняло ничего для освобожденія Государя, во-вторыхъ, что защита «принцессъ германской крови» ограничилась лишь платоническими выступленіями, а, въ-третьихъ, что большевики не только лгали нѣмцамъ, но еще и издѣвались надъ ними, допуская возможность какихъ-то компромиссовъ для освобожденія «принцессъ германской крови», которыя въ то время уже были ими убиты и сожжены.

Былъ моментъ когда Германское Правительство могло добиться чего хотѣло отъ большевиковъ — это было во время заключенія Брестъ-Литовскаго договора, но тогда вопросъ объ участи Государя и Царскаго Семейства даже не поднимался.

Что же было сдѣлано нашими союзниками для освобожденія Царской Семьи?

Въ Англіи было два совершенно противоположныхъ тече-

нія. Одно, во главѣ котораго позволительно считать короля Георга, протянувшаго руку союзному Монарху и своему двоюродному брату въ моментъ, когда злыми происками Онъ былъ доведенъ до отреченія; а другое, — руководимое Ллойдъ-Джорджемъ,— стремилось какъ можно скорѣе отвернуться отъ Государя и проявило по отношенію къ участи Царской Семьи полнѣйшее равнодушіе, чтобы не сказать болѣе.

Узнавъ объ отреченіи Государя, король Георгъ послалъ ему телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Событія минувшей недѣли меня глубоко потрясли. Я непрестанно думаю о Тебѣ. Остаюсь на вѣки Твоимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, какимъ, Ты знаешь, всегда былъ».

Государя уже не было въ Ставкѣ, когда пришла эта телеграмма и потому она вернулась въ англійское посольство. Послѣднее отправило ее въ министерство иностранныхъ дѣлъ со слѣдующей помѣткой:

«Такъ какъ эта телеграмма, вслѣдствіе запоздалаго поступленія въ Главную Квартиру, не могла быть вручена, то сэръ Джорджъ Бьюкененъ былъ бы весьма признателенъ за дальнѣйшее направленіе ея по принадлежности». Петроградъ, 24 марта 1917 г.

Милюковъ, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, однако, не далъ ходу этой телеграммѣ. Переговоривъ съ сэромъ Джорджемъ Бьюкенеемъ, онъ рѣшилъ утаить отъ Государя столь сердечное и участливое обращеніе къ нему англійскаго короля. На телеграммѣ рукою Милюкова сдѣлана приписка карандашемъ: «По моей просьбѣ Бьюкененъ отмѣнилъ. П. Милюковъ». *)

Вотъ какъ самъ Милюковъ передаетъ инцидентъ съ письмомъ короля Георга въ своемъ показаніи судебному слѣдователю Соколову (с. 303):

— «Въ первые дни революціи, когда власть была уже организована въ формѣ временнаго правительства, мы получили телеграмму отъ англійскаго короля Георга на имя Николая II, который только что передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Въ этой телеграммѣ король высказывалъ Царю свои личныя чувства. Въ ней не было никакого предложенія касательно дальнѣйшей участи Царя. Это была просто телеграмма учтивости (въ французскомъ текстѣ „Télégramme de politesse“). Мнѣ, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, была вручена эта телеграмма;

*) Сторожевъ: «Дипломатія и революція».

она была адресована на имя Государя Императора, но такъ какъ Государь уже не былъ больше Императоромъ, то я вернулъ ее англійскому послу Бьюкенену».

Вотъ и все. Показаніе Милюкова расходится съ тѣмъ, что, по поводу этой телеграммы, говоритъ сэръ Джорджъ Бьюкененъ въ своихъ воспоминаніяхъ.*)

— «Единственная телеграмма, которую король послалъ Государю Императору послѣ отреченія, была направлена въ Ставку черезъ посредство генерала Ханбюри Вильямса, нашего военнаго агента. Въ ней ни слова не было сказано касательно прибытія Государя въ Англію. Такъ какъ Государь уже уѣхалъ въ Царское, когда пришла эта телеграмма, генералъ Вильямсъ препроводилъ ее ко мнѣ съ просьбой передать Его Величеству. Государь былъ въ это время въ плѣну въ своемъ дворцѣ, и какъ я, такъ и мои коллеги, были поставлены въ невозможность входить съ нимъ въ какія-либо сношенія. Поэтому единственный открытый для меня путь былъ черезъ Милюкова. Я просилъ его немедленно передать телеграмму Его Величеству. Посовѣтовавшись съ княземъ Львовымъ, Милюковъ на это согласился, но на слѣдующій день (25 марта) онъ объявилъ мнѣ, что, къ крайнему его сожалѣнію, не могъ исполнить даннаго мнѣ обѣщанія. Крайніе, сказалъ онъ, настроены въ высшей степени противно тому, чтобы Императоръ покинулъ Россію, а правительство наше опасается, что слова Короля будутъ невѣрно истолкованы и послужатъ аргументомъ для задержанія Царя. Я возражалъ Милюкову, утверждая, что телеграмма Короля не заключаетъ въ себѣ никакого политическаго намѣренія. Совершенно понятно, что Король желалъ, чтобы Государю было извѣстно, что Король думаетъ о немъ, и что несчастіе, постигшее Государя, ни въ какомъ случаѣ не измѣняетъ чувствъ и любви Короля. Милюковъ отвѣтилъ, что лично онъ это вполнѣ понимаетъ, но такъ какъ другіе могутъ дать иное толкованіе, лучше не передавать телеграммы въ данный моментъ.

Позднѣе я былъ увѣдомленъ не предпринимать дальнѣйшихъ шаговъ по этому предмету...»

Такъ Государь и не получилъ телергаммы англійскаго Короля. Ее всѣ читали, за исключеніемъ Того, Кому она была адресована.

---

*) „My mission to Russia", v. II, p. 103.

Въ Европѣ почти одновременно узнали объ отреченіи Государя, объ образованіи временнаго правительства и объ арестѣ Царскаго Семейства въ Царскосельскомъ Дворцѣ. Какъ громомъ поразила эта катастрофа русскихъ людей, пребывавшихъ заграницей. Большинство вначалѣ не отдавало себѣ яснаго отчета о томъ, что творится на родинѣ. Извѣстія изъ Россіи послѣ переворота стали скудными и противорѣчивыми, но по содержанію они были столь тревожныя, что людямъ, не утратившимъ здраваго смысла, нельзя было, безъ жгучей боли въ сердцѣ, взирать на начавшійся развалъ Россіи. Естественно, всѣ волновались за участь Царской Семьи и своихъ близкихъ.

Относительно Государя свѣдѣнія были сбивчивыя. Говорили, будто Онъ выразилъ желаніе поселиться въ Крыму и что Царское Семейство переѣдетъ въ Ливадію какъ только Великія Княжны оправятся отъ кори. Затѣмъ о Ливадіи не было больше и рѣчи, а сообщалось, что Царское Семейство ѣдетъ въ Англію и что англійское правительство посылаетъ съ этой цѣлью крейсеръ въ Бѣлое море. Между тѣмъ время шло, революціонное движеніе разгоралось,а Царское Семейство продолжало пребывать въ заточеніи въ Царскомъ Селѣ. Стали ходить слухи, что обращеніе съ Государемъ далеко неудовлетворительное. Съ самымъ фактомъ ареста русскіе люди заграницей не могли примириться и потому неоднократно обращались къ союзнымъ правительствамъ съ просьбами объ обезпеченіи неприкосновенности Царя и Императорскаго Семейства.

Но когда стало извѣстно въ Европѣ, что Государь, Императрица и Царскіе Дѣти были отправлены правительствомъ Керенскаго въ ссылку, въ Сибирь, безпокойство за Нихъ и возмущеніе передъ гнусной расправой новыхъ правителей Россіи достигли крайнихъ предѣловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и участились выступленія русскихъ людей передъ союзными и нейтральными правительствами объ оказаніи содѣйствія для освобожденія Царской Семьи изъ плѣна революціонныхъ заправилъ.

Опасенія соотечественниковъ не раздѣлялись, однако, представителями временнаго правительства заграницей, какъ это видно теперь изъ раскрывающихся передъ нами документовъ.

Для примѣра приводимъ текстъ телеграммы бывшаго Императорскаго посла въ Парижѣ г. Извольскаго, оставшагося въ той же должности на службѣ революціоннаго правительства. Телеграмма эта была послана въ Петроградъ Милюкову 19 марта (1 апрѣля) 1917 г.: «Косвенными путями я узналъ, что здѣсь есть нѣсколько лицъ, которыя стараются побудить французъ-

ское правительство обратиться въ Петроградъ съ дружественными представленіями о необходимости охраны бывшаго Императора и Его Семьи отъ угрожающей Имъ, будто бы, прямой опасности. Я счелъ своимъ долгомъ въ частной бесѣдѣ съ г. Камбонъ предостеречь его отъ подобнаго шага. При настоящемъ составѣ временнаго правительства, — сказалъ я, — подобныя опасенія являются совершенно неосновательными и могли бы имѣть мѣсто только въ случаѣ побѣды радикальныхъ элементовъ, и поэтому подобныя представленія могли бы показаться у насъ не только ненужными, но даже оскорбительными». *)

Вотъ что другой посолъ временнаго правительства г. Неклюдовъ самъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» по этому предмету. **)

«Въ концѣ апрѣля 1917 года я получилъ отъ г. Милюкова, министра иностранныхъ дѣлъ временнаго правительства, телеграмму о моемъ назначеніи посломъ въ Мадридъ. Я давно былъ знакомъ съ Милюковымъ; три или четыре раза до революціи онъ проѣзжалъ черезъ Стокгольмъ, мы подолгу съ нимъ разговаривали и наша бесѣда привела насъ къ полному единству взглядовъ на многіе вопросы нашей внутренней и внѣшней политики...»

Г. Неклюдовъ, какъ извѣстно, состоялъ въ то время Императорскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ.

Вотъ какъ онъ дальше передаетъ свой разговоръ съ королемъ испанскимъ Альфонсомъ XIII послѣ врученія ему вѣрительныхъ грамотъ.

...«Король сошелъ съ трона и, подойдя ко мнѣ сказалъ: Въ вашей рѣчи вы были столь любезны упомянуть о помощи, которую мы имѣли возможность оказать вашимъ плѣннымъ во время войны. Позвольте мнѣ выразить живѣйшее участіе къ другимъ русскимъ плѣннымъ — я разумѣю Его Величество Государя Императора Николая II и Его Семейство. Я васъ прошу передать вашему правительству мою горячую просьбу объ Ихъ освобожденіи».

Слова короля меня глубоко тронули. «Ваше Величество», — отвѣтилъ я, «разрѣшите мнѣ отвѣтить совершенно откровенно».

---

*) Профессоръ Сторожевъ: «Дипломатія и революція». Nachrichenblatt über Ostfragen № 42 отъ 3 Іюля 1921 года.

**) Воспоминанія Неклюдова напечатаны въ Лондонѣ по англійски. (стр. 192).

— «Не только я вамъ это разрѣшаю, милостивый государь, но я именно этого и жѣлаю», — сказалъ король.

— «Вы видите передъ собою, Ваше Величество, вѣрнаго слугу русскаго народа, новаго порядка вещей въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу традицій, въ силу моего прошлаго лицо, которое было моимъ Государемъ, есть и останется для меня священнымъ, не говоря уже о чувствахъ личной привязанности и симпатіи, каковыя я питаю къ Государю. Если что-либо на свѣтѣ можетъ быть сдѣлано для спасенія Царя и Царской Семьи, Ваше Величество можетъ быть вполнѣ увѣрено, что я готовъ пренебречь моими интересами, карьерой и пожалуй еще большимъ... Такимъ образомъ, я незамедлю передать моему правительству о милостивыхъ словахъ Вашего Величества, но прошу принять во вниманіе слѣдующее: мнѣ положительно извѣстно, что временное правительство только и мечтаетъ о томъ, чтобы разрѣшить Государю Императору выѣхать заграницу. Если оно этого не дѣлаетъ, то только изъ-за крайнихъ элементовъ. Мое оффиціальное вмѣшательство, идущее изъ заграницы, несомнѣнно раздражитъ эти крайніе элементы и агитація, которая будетъ вызвана этимъ выступленіемъ, скорѣе можетъ повредить несчастнымъ Тобольскимъ изгнанникамъ».

Король съ минуту оставался въ раздумьи, затѣмъ произнесъ: «Разъясните мнѣ, пожалуйста, кто, собственно говоря, стоитъ въ данный моментъ во главѣ русскаго правительства?»

— «Ваше Величество, я только что вручилъ мои вѣрительныя грамоты. Онѣ подписаны княземъ Львовымъ, предсѣдателемъ совѣта министровъ и контрассигнованы министромъ иностранныхъ дѣлъ».

—« Значитъ», — сказалъ король,—«князь Львовъ во главѣ правительства. Мнѣ говорили, что онъ — честный человѣкъ. Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, напишите отъ меня кн. Львову и скажите ему, какъ я заинтересованъ въ судьбѣ Императора Николая II и Его Семейства и что я былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ знать, что Они находятся въ полной безопасности».

— «Завтра же, Ваше Величество, я напишу князю Львову частное письмо по этому предмету».

— «Да, да», — сказалъ король, — «непремѣнно, я васъ объ этомъ прошу»...

— «Слова короля», — замѣчаетъ Неклюдовъ въ своихъ во-

споминаніяхъ, «и выраженіи лица дышали искренностью и благородствомъ. Я тотчасъ же подпалъ подъ его чары». *)

Отъ представителей временнаго правительства заграницей перейдемъ теперь къ центральному вѣдомству. Какъ относились къ судьбѣ Царской Семьи главари временнаго правительства — г.г. Милюковъ, Керенскій и князь Львовъ?

Судебный слѣдователь Соколовъ допрашивалъ ихъ по этому предмету и даетъ въ высшей степени цѣнныя указанія.

Показаніе Милюкова: «... Я хорошо припоминаю — какъ только революціонная власть приняла форму временнаго правительства, поднятъ былъ вопросъ объ участи Царя и Его Семейства. Тогда признавалось нужнымъ, чтобы Царская Семья покинула Россію. Категорически утверждаю, что таково было желаніе временнаго правительства и что мы имѣли въ виду отъѣздъ Царя въ Англію. Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ я счелъ моимъ долгомъ вступить по этому вопросу въ переговоры съ Бьюкененомъ. Вслѣдствіе нашего разговора Бьюкененъ снесся со своимъ правительствомъ. Англійское правительство выразило согласіе и Бьюкененъ, передавая мнѣ отвѣтъ, сообщилъ, что будетъ посланъ съ этой цѣлью англійскій крейсеръ и предоставленъ въ распоряженіе Царской Семьи. Но дѣло затягивалось со стороны Англіи. Снова я заговорилъ съ Бьюкененомъ. Тогда онъ заявилъ мнѣ, что англійское правительство не настаиваетъ больше на отъѣздѣ Императорскаго Семейства въ Англію... Я не знаю, имѣлъ ли Бьюкененъ разговоры по этому предмету съ моимъ преемникомъ Терещенко, такъ какъ тогда я уже не находился больше въ составѣ правительства.»

Показаніе Керенскаго: «Временное правительство сдѣлало попытку освѣдомиться передъ англійскимъ правительствомъ относительно возможности перевода Царскаго Семейства въ Англію. Министръ иностранныхъ дѣлъ велъ по этому предмету переговоры съ Бьюкененомъ. Сначала это былъ Милюковъ, а позднѣе Терещенко. Послѣднему англійскій посолъ далъ нижеслѣдующій отвѣтъ, каковой былъ тотчасъ же переданъ князю Львову и мнѣ:

«Англійское правительство не находитъ возможнымъ оказать гостепріимство бывшему Царю впредь до окончанія военныхъ дѣйствій».

---

*) Diplomat'c Reminiscenses — before and during the world's war. — 1911—1917 by A. Nekludow. — London. John Murray. Albermale str. W.).

Этотъ отвѣтъ былъ разсмотрѣнъ временнымъ правительствомъ въ одномъ изъ секретныхъ засѣданій, каковыя велись безъ записи протоколовъ».

Показаніе князя Львова: «Утверждаю, что между членами временнаго правительства шла рѣчь объ отъѣздѣ Царскаго Семейства заграницу. Въ виду внутренняго положенія отъѣздъ признавался желательнымъ. Говорили объ Англіи и Даніи. Вопросъ не былъ поставленъ на разрѣшеніе временнаго правительства, но, кажется, министръ иностранныхъ дѣлъ изучалъ этотъ проектъ. Насколько мнѣ помнится, иниціатива исходила отъ одного изъ Великихъ Князей, въ частности отъ Николая Михайловича или Михаила Александровича. Не знаю, почему ничего изъ этого не вышло».

Наше изслѣдованіе представлялось бы далеко неполнымъ, если бы мы прошли молчаніемъ то, что говоритъ по этому вопросу бывшій англійскій посолъ въ Петроградѣ сэръ Джорджъ Бьюкененъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Читатель потрудится сличить приведенныя уже нами показанія г.г. Милюкова, Керенскаго и кн. Львова съ настоящимъ заявленіемъ Бьюкенена. *)

«...21 марта, когда Государь былъ еще въ Ставкѣ, я спросилъ Милюкова: правда-ли, какъ утверждаютъ газеты, что Его Величество находится подъ арестомъ. Милюковъ отвѣтилъ мнѣ, что это не совсѣмъ точно. Императоръ былъ лишенъ свободы — красивое смягченіе выраженія — (a pretty euphemism) и доставленъ въ Царское подъ конвоемъ генерала Алексѣева. Я тогда же напомнилъ Милюкову, что Государь — близкій родственникъ Короля и его интимный другъ. При этомъ я прибавилъ, что мнѣ было бы пріятно получить увѣреніе, что всѣ мѣры предосторожности приняты для обезпеченія безопасности Царя. Милюковъ далъ мнѣ это увѣреніе. Только онъ не сочувствовалъ, — сказалъ онъ мнѣ, — отъѣзду Царскаго Семейства въ Крымъ, какъ это было желательно Его Величеству. Милюковъ предпочиталъ, чтобы Государь оставался въ Царскомъ до того времени, когда Царскіе Дѣти достаточно оправятся отъ кори, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Англію. Милюковъ затѣмъ спросилъ меня, не дѣлаемъ ли мы какія приготовленія для пріема Царскаго Семейства? На мой отрицательный отвѣтъ онъ

---

*) «My mission to Russia», томъ II, стр. 104.

заявилъ, что было бы крайне желательно, чтобы Государь покинулъ Россію какъ можно скорѣе. Онъ былъ бы признателенъ англійскому правительству, если бы оно предложило Государю гостепріимство въ Англіи при непремѣнномъ условіи, однако, не покидать территоріи Англіи до окончанія войны. Я тотчасъ же по телеграфу запросилъ инструкціи у министра иностранныхъ дѣлъ. 23 марта я извѣстилъ Милюкова, что Король и правительство Его Величества будутъ счастливы исполнить просьбу временнаго правительства дать Государю и Его Семейству пріютъ въ Англіи въ надеждѣ, что Ихъ Величества имъ воспользуются въ продолженіе войны. Въ случаѣ если это предложеніе будетъ принято, Русское правительство,—прибавилъ я,—должно будетъ отпустить нужныя суммы на содержаніе.

Милюковъ увѣрилъ меня, что на этотъ предметъ временнымъ правительствомъ будутъ отпущены крупныя средства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы фактъ, что это сдѣлано по почину его правительства, не предавался гласности.

Я затѣмъ выразилъ надежду, что временное правительство сдѣлаетъ все возможное, дабы ускорить отъѣздъ Ихъ Величествъ въ Портъ Романовъ. «Мы полагаемся», — сказалъ я, — «на временное правительство и расчитываемъ, что имъ будутъ приняты всѣ надлежащія мѣры для безопасности». Я предупредилъ Милюкова, что если случится какая бѣда съ Царской Семьей, временное правительство будетъ дискредитировано въ глазахъ цивилизованнаго міра.

26 марта Милюковъ сказалъ мнѣ, что они еще не говорили съ Государемъ по предмету предполагаемаго путешествія, такъ какъ прежде всего имъ желательно побороть оппозицію совѣтовъ въ этомъ вопросѣ. Кромѣ того, Ихъ Величества во всякомъ случаѣ не могутъ выѣхать прежде, нежели не поправятся Царскіе дѣти отъ кори.

Неоднократно получалъ я завѣренія, что нѣтъ никакихъ основаній опасаться за Государя. Больше мы ничего не могли сдѣлать.

Мы предложили Государю убѣжище согласно просьбѣ временнаго правительства, но такъ какъ оппозиція совѣтовъ, которую правительство тщетно пыталось одолѣть, только возрастала, то временное правительство не рѣшилось принять на себя отвѣтственности за отъѣздъ Государя и потому отступило отъ своего первоначальнаго плана.

Мы, англичане, должны были тоже считаться съ нашими «экстремистами» и потому намъ невозможно было принять на

себя починъ въ такомъ дѣлѣ, не рискуя быть заподозрѣнными въ дальнѣйшихъ помыслахъ (without being suspected of ulterior motives).

Тѣмъ болѣе, что было безполезно настаивать на томъ, чтобы Императоръ ѣхалъ въ Англію, такъ какъ рабочіе угрожали разобрать рельсы передъ Императорскимъ поѣздомъ. Мы, англичане, не могли предпринять никакихъ шаговъ для защиты Царя во время слѣдованія Его поѣзда въ Портъ Романовъ. Эта обязанность лежала на временномъ правительствѣ. Но такъ какъ оно не было больше хозяиномъ въ своемъ домѣ, то планъ этотъ, съ теченіемъ времени, былъ оставленъ».

Сэръ Джорджъ Бьюкененъ, прежде нежели выпустить въ свѣтъ свои мемуары на англійскомъ языкѣ, помѣстилъ во французскомъ ежемѣсячникѣ „Revue de Paris“ (отъ 15-го марта 1923 года) нѣкоторыя выдержки изъ своихъ воспоминаній. Среди этихъ выдержекъ находилось и только что приведенное нами заявленіе англійскаго посла. Милюковъ написалъ опроверженіе, которое должно быть не понравилось Бьюкенену, и онъ счелъ нужнымъ дополнить эту главу своихъ воспоминаній слѣдующими словами:

«Подтверждая все мною здѣсь сказанное, считаю долгомъ отмѣтить, что я не сомнѣваюсь въ добропорядочности временнаго правительства и никакихъ намековъ на то, будто оно преграждало путь къ отъѣзду Государя, не дѣлалъ. Напротивъ того, я старался показать, что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ временному правительству. Оно просило насъ предложить Государю и Его Семейству убѣжище въ Англіи. Мы же, со своей стороны, тотчасъ же удовлетворили просьбу временнаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ торопили его, дабы всѣ необходимыя приготовленія къ путешествію въ Портъ Романовъ были приведены въ исполненіе.

Больше этого мы ничего не могли сдѣлать. Наше предложеніе оставалось открытымъ и никогда не было нами взято обратно. Если временное правительство его не использовало, то это потому, что оно не было въ состояніи противостоять оппозиціи совѣтовъ. Временное правительство не было, какъ я уже сказалъ и еще разъ повторяю, хозяиномъ въ своемъ домѣ.»

Какъ видно, расхожденіе въ изложеніи обстоятельствъ дѣла крайне существенное. Согласно показаніямъ Милюкова и Керенскаго ясно, что англійское правительство помѣшало осуществленію плана отъѣзда Царской Семьи (въ частности въ Англію) , тогда какъ Бьюкененъ говоритъ совершенно обратное.

Иными словами, каждая сторона старается оправдаться, взваливая вину другъ на друга. Никакого суда еще нѣтъ и обвинительный актъ еще не составленъ, а обвиняемые уже спѣшатъ занять мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ и каждый хочетъ насъ увѣрить, что онъ невиновенъ.

Судъ исторіи — судъ Божій. Отъ него не уйдешь, какъ ни вертись. Правда, въ концѣ концовъ, выйдетъ наружу.

Коснувшись въ этомъ бѣгломъ очеркѣ самой черной страницы исторіи нашихъ дней приходится, съ болью въ сердцѣ, признать, что весь міръ выказалъ невѣроятное равнодушіе къ судьбѣ Россійской Царской Семьи.

Благопріятные моменты для спасенія, несомнѣнно, были, но никто ими не воспользовался. Теперь это виднѣе нежели въ то время, но все же ничто не извиняетъ тѣхъ, кто могли и должны были озаботиться о безопасности Государя и ничего въ самомъ дѣлѣ не сдѣлали.

Прежде всего временному правительству не слѣдовало держать Царскую Семью подъ арестомъ въ непосредственной близости отъ Петербурга, этого центра созданной имъ революціи.

Во-вторыхъ, Союзныя Правительства въ самые первые дни Царскосельскаго плѣненія легко могли настоять передъ временнымъ правительствомъ на переѣздѣ Царскаго Семейства въ одно изъ ближайшихъ нейтральныхъ государствъ — Швецію, Норвегію или Данію — для дальнѣйшаго слѣдованія въ одну изъ союзныхъ странъ, согласно желанію Государя.

Даже и тогда, когда Керенскій, подъ предлогомъ безопасности, задумалъ переѣздъ въ Тобольскъ — даже и тогда можно было спасти Государя, измѣнивъ въ пути маршрутъ Царскаго поѣзда и направивъ его на Мурманскъ.

Ничего, ничего подобнаго не было сдѣлано. Мѣсяцы проходили за мѣсяцами, между тѣмъ какъ тамъ, въ далекой Сибири, Государь былъ заброшенъ на произволъ судьбы. Союзныя Правительства оставались глухи на всѣ призывы, къ нимъ обращенные. Передъ нами пачка писемъ къ государственнымъ дѣятелямъ по этому предмету и на которыя даже не послѣдовало отвѣта. Всѣ были поглощены тогда своими дѣлами и предпочли закрыть глаза на медленную героическую смерть Того, Кому больше всего были обязаны счастливымъ исходомъ войны.

П. Боткинъ.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

(изъ дѣтскихъ воспоминаній)

С. Я. Офросимовой.

Царская Семья.

Погибла Царская Семья...

И до сихъ поръ этому не хочется вѣрить...

Страшно повѣрить...

Я невольно уношусь въ еще недавнее прошлое, теперь ставшее такимъ далекимъ и невозвратнымъ... Я снова вижу Ихъ такими, какими видѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Снова проходятъ отрывочныя картины Ихъ жизни, которымъ я была свидѣтельницей. Я вижу себя дѣвочкой, впервые пріѣхавшей въ Царское Село. Вижу этотъ привѣтливый городокъ, въ которомъ мнѣ суждено было провести много счастливыхъ дней. Здѣсь на глазахъ моихъ росъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, росли Великія Княжны, росла и я сама.

Передо мною снова растилаются широкія улицы съ бѣлыми домами.

Привѣтливое Царское Село все сіяетъ подъ лучами зимняго солнца. Весь городокъ въ снѣгу, а надъ нимъ ласково плывутъ низкія облака, а онъ точно смѣется и радуется чему то... Меня ведутъ къ большому дому съ бѣлыми колоннами, стоящему за высокой оградой. Вокругъ него столпились замороженныя зимой деревья. Этотъ бѣлоснѣжный домъ такъ великъ и прекрасенъ, что я не могу на него наглядѣться. Мнѣ

говорятъ, что это дворецъ, что въ немъ живетъ Царь нашей Русской земли, и что я сейчасъ Его увижу. Мое сердце начинаетъ биться быстро, быстро, до боли... Руки совсѣмъ заледенѣли въ маленькой теплой муфтѣ, ноги дѣлаются тяжелыми и, словно, прирастаютъ къ землѣ. Все мое маленькое существо дрожитъ при мысли, что исполнится моя завѣтная дѣтская мечта: я увижу нашего Царя. Это волненіе никѣмъ не внушено, оно само по себѣ волшебно рождается въ дѣтской душѣ, въ которой уже родилась любовь къ родинѣ.

Вотъ ворота широко раскрываются и въ нихъ въѣзжаетъ тройка, запряженная воронымн конями; длинные волнистые хвосты лошадей почти касаются снѣжной дороги. Ими правитъ широкій кучеръ, одѣтый въ синій казакинъ; у него длинная русская борода и много медалей на могучей груди. Сани пусты. Онѣ подъѣзжаютъ къ Дворцу и останавливаются у подъѣзда. Я напряженно жду... въ вискахъ стучитъ два молоточка, они отбиваютъ секунды, которымъ нѣтъ конца... Вотъ на широкихъ длинныхъ ступеняхъ показываются два лакея и останавливаются по бокамъ дверей, а третій спускается къ санямъ. Еще минута и въ дверяхъ показывается невысокая фигура казака; позади него идетъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ морскую форму. Сердце сильно ударяется и замираетъ... Прежде чѣмъ мнѣ сказали кто этотъ казакъ, одѣтый въ синюю черкеску съ золотымъ позументомъ, я уже знаю, что это «Онъ», и что мальчикъ, быстро спускающійся по ступенькамъ — нашъ Наслѣдникъ. Вотъ Они сѣли въ сани, вотъ Ихъ накрыли синей полостью, вотъ лошади медленно ѣдутъ къ воротамъ. Коренная гордо поднимаетъ голову, пристяжныя идутъ, танцуя, съ выгнутыми вбокъ лебедиными шеями; подъ дугой звенитъ русскій колокольчикъ свой свѣжій, прозрачный звонъ; могучія статныя фигуры полицейскихъ, одѣтыхъ въ сѣрое, вытягиваются, всѣ руки одновременно прикладываются къ козырьку и застываютъ. Тройка выѣхала за ворота и медленно проѣзжаетъ мимо меня. Она проѣзжаетъ такъ близко, что мое лицо опушается снѣгомъ отъ ея полозьевъ. Я вижу два лица: одно грустное и утомленное, другое — дѣтское, смѣющееся и розовое. Быстро промелькнули эти лица, но я охватила ихъ очертанія такъ четко, такъ ясно, что они на всю жизнь запечатлѣваются въ моей памяти. И сейчасъ мнѣ свѣтитъ тотъ же взглядъ добрыхъ, синихъ глазъ Царя, та же грустная улыбка, съ которой Государь отвѣтилъ мнѣ на низкій поклонъ... Мнѣ смѣется то же прелестное личико Цесаревича, искрятся тѣмъ же дѣтскимъ любопытствомъ большіе лучистые глаза, и маленькая,

пухленькая ручка чинно прикладывается къ матросской шапочкѣ, на которой золотыми буквами написано «Штандартъ».

Передо мною встаетъ другая картина.

Яркое весеннее утро. Я спѣшу въ гимназію по широкой привѣтливой улицѣ Царскаго Села. Въ небольшихъ палисадникахъ деревья стоятъ еще оголенными, но кое гдѣ, на черныхъ влажныхъ вѣточкахъ уже раскрылись душистыя почки. Онѣ кажутся изумрудами, упавшими съ весенняго неба и повисшими на кустахъ. Крики грачей оглушаютъ воздухъ; черными, суетливыми стаями вьются они надъ деревьями. Снѣгъ уже таетъ отъ горячихъ лучей солнца; дворники широкими лопатами спѣшатъ сложить его на большія дроги, но снѣгъ таетъ, бѣжитъ съ ихъ лопатъ; всюду текутъ веселые говорливые ручьи. Улица оглашена весеннимъ шумомъ и веселымъ говоромъ прохожихъ.

Позади меня слышится звонъ колокольчиковъ... Я оборачиваюсь и вижу медленно ѣдущую знакомую мнѣ тройку. Въ саняхъ сидятъ четыре Великія Княжны и Великая Княгиня Ольга Александровна. Сани скользятъ по талому снѣгу, кое гдѣ зацѣпляясь за оголенную землю и встряхиваютъ сидящихъ. Великія Княжны смѣются, глаза ихъ сіяютъ, щеки у всѣхъ раскраснѣвшіяся, лица русскія, радостныя... Имъ весело, что пришла весна, что снѣгъ мѣстами стаялъ, что сани вздрагиваютъ отъ толчковъ. Онѣ одѣты въ бархатныя зеленыя шубки и сѣрыя мѣховыя шапочки, изъ подъ которыхъ выбиваются русые пушистые волосы. Онѣ сидятъ тѣсно прижавшись другъ къ другу, такъ какъ имъ не хватаетъ мѣста въ одной тройкѣ. Великая Княгиня Ольга Александровна, ухватившись рукою за облучекъ, почти совсѣмъ вылетаетъ изъ саней при каждомъ толчкѣ и смѣется своимъ добрымъ смѣхомъ. Княжны смотрятъ на прохожихъ съ интересомъ и любопытствомъ. Посмотрѣть на толпу одно изъ ихъ любимыхъ удовольствій и онѣ нарочно заставляютъ кучера ѣхать медленно. Прохожіе останавливаются, но не успѣваютъ еще поклониться, какъ всѣ пять головокъ привѣтливо киваютъ имъ. Тройка медленно проѣзжаетъ мимо меня; я низко кланяюсь; всѣ отвѣчаютъ мнѣ поклонами и свѣтлыми улыбками. Младшія Княжны еще разъ оборачиваются назадъ и продолжаютъ кивать и улыбаться.

Тройка проѣхала... Замеръ веселый смѣхъ Великихъ Княженъ вмѣстѣ со звономъ колокольчиковъ подъ золоченой дугой... Прохожіе долго стоятъ и смотрятъ вслѣдъ проѣхавшимъ

Княжнамъ. На всѣхъ лицахъ невольное умиленіе и восторгъ. Точно сама весна въ лицѣ четырехъ русскихъ Княженъ проѣхала мимо на ретивой тройкѣ и озарила всѣхъ своей свѣтлой, счастливой улыбкой.

Передо мною встаетъ лицо Государыни.

Я вижу его такимъ, какимъ оно больше всего запечатлѣлось въ моей памяти. Я вижу его въ косынкѣ сестры милосердія, низко одѣтой на лобъ, въ окнѣ медленно проѣхавшей кареты. Это лицо строго и царственно, черты его прекрасны, но не той красотой, отъ созерцанія которой забываются страданія, отъ которой на душѣ становится свѣтло.

Тонкія губы Царицы крѣпко сжаты. Не надменность сжала ихъ, не гордость царская, а какая то мука, которую Государыня хочетъ, но не можетъ скрыть отъ толпы. Тонкія ноздри Ея дрожатъ, точно страшное безпокойство не можетъ ни на минуту утихнуть въ Ея измученной душѣ. Большіе сѣрые глаза строги и скорбны; они устремлены куда то впередъ, они словно не видятъ окружающаго, а прикованы къ какой то страшной картинѣ, которую никто, кромѣ Нея не видитъ. Поклоны Ея сдержанны и принужденны, улыбка хочетъ и не можетъ озарить лица... Видно, что присутствіе людей Ей тягостно, что Она хочетъ поскорѣе уйти отъ нихъ... уйти въ тишь молельни,чтобы въ долгой молитвѣ простереться передъ крестомъ и шептать въ мучительной тоскѣ: «О, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сію мимо меня, впрочемъ не моя воля, но Твоя да будетъ.»

Почти каждую субботу и воскресенье я ходила въ церковь Своднаго Полка. Это была временная церковь, устроенная въ небольшомъ залѣ, пока строился Ѳеодоровскій соборъ. Сюда приходила молиться только Царская Семья и нѣкоторыя приближенныя лица, остальное мѣсто занимали солдаты Своднаго, Стрѣлковаго и Конвойнаго Его Величества полковъ. Передъ иконостасомъ находилось небольшое возвышеніе, на немъ, во время службы, стояла вся Царская Семья. Вдоль стѣнъ висѣли старинныя иконы древнерусскаго письма. Изъ темныхъ и золотыхъ окладовъ величаво вырисовывались лики святыхъ. Церковка почти всегда находилась въ полумракѣ, лишь у иконостаса ярко горѣли свѣчи, озаряя Царскую Семью. Вся церковь имѣла строгій, но привѣтливый ликъ. Нигдѣ не молились такъ

искренно и глубоко, какъ здѣсь, ни въ какой иной церкви не охватывало душу такое свѣтлое умиротворенное чувство. Въ эти молитвенные тихіе часы Государь былъ особенно дорогъ и близокъ моей душѣ.

Особенно памятна мнѣ одна всенощная.

Я стою въ церкви впервые послѣ перенесенной тяжелой болѣзни Прислонившись къ стѣнѣ отъ слабости, я напряженно ожидаю пріѣзда Государя. Голова кружится все сильнѣе, а время тянется все медленнѣе и мнѣ горько до слезъ, что въ этотъ вечеръ, когда мнѣ такъ сильно хочется видѣть Царскую Семью, Она не пріѣдетъ...

Вдругъ скрипнула боковая дверь и широко распахнулась...

Струя свѣжаго морознаго воздуха ворвалась въ церковь, поколебался свѣтъ лампадъ и свѣчей; на мгновеніе передо мною въ раскрытую дверь мелькнула снѣжная дорога. По маленькимъ ступенькамъ быстро вошелъ Государь съ Великой Княжной Ольгой Николаевной. Они проходятъ такъ близко отъ меня, что Государь задѣваетъ меня малиновымъ рукавомъ своей стрѣлковой рубашки. Онъ становится на своемъ обычномъ мѣстѣ. Сегодня Онъ блѣднѣе обыкновеннаго, на лицѣ тревога; но черезъ нѣсколько минутъ сосредоточенной молитвы тревога исчезаетъ, покоемъ и просвѣтленіемъ дышатъ умиротворенныя черты Его лица. Великая Княжна Ольга Николаевна иногда оборачивается и смотритъ на молящихся. Она слишкомъ юна, чтобы выстоять всю службу въ безпрерывной молитвѣ. Она видимо хочетъ себя молитвенно настроить, но навѣрное слишкомъ неотвязно бродятъ молодыя думы въ юной головкѣ и путаютъ Ея молитвы. Ей хочется разглядѣть всѣ лица, проникнуть въ манящую, невѣдомую Ей жизнь за высокой оградой дворца.

Въ церкви становится все жарче; кадильный дымъ вьется клубами подъ низкими сводами. Крупныя капли пота выступаютъ на блѣдномъ лбу Государя. Онъ подзываетъ къ себѣ адъютанта и тихо проситъ открыть боковую дверь. Снова видна снѣжная дорога, на которую падаютъ быстро кружащіяся снѣжинки. Морозный воздухъ охватываетъ меня, пронизываетъ насквозь ослабѣвшее послѣ болѣзни тѣло. Моя мать, напуганная моей болѣзнью, съ тревогой накидываетъ на меня шубку и озабоченно спрашиваетъ: не холодно ли мнѣ? Государь оборачивается на мой кашель и замѣчаетъ, какъ моя мать меня укутываетъ. Его глаза съ лаской и участіемъ останавливаются на мнѣ, затѣмъ Онъ снова подзываетъ адъютанта и я слышу тихо, но четко сказанныя Имъ слова: «Закройте дверь, этой дѣвоч-

кѣ холодно». Его приказаніе исполняется. Мы стоимъ нѣсколько минутъ растроганныя и взволнованныя и затѣмъ уходимъ изъ церкви, чтобы дать возможность Государю снова открыть дверь, дышать морозными притоками свѣжаго воздуха и горячо молиться до конца долгой службы.

По дорожкѣ Царскосельскаго парка идетъ Государь съ Великими Княжнами. Они возвращаются съ длинной прогулки вдоль озера среди высокихъ, опушенныхъ снѣгомъ елей. Всѣ, кто встрѣчаются имъ на пути, почтительно кланяются, и ни одинъ изъ этихъ поклоновъ не остается незамѣченнымъ и безотвѣтнымъ. Лицо Государя оживленно, на немъ нѣтъ обычной грусти и блѣдности. Онъ идетъ легкимъ и бодрымъ шагомъ въ кругу своихъ дочерей. Всѣ онѣ красивы, сильны и молоды; отъ нихъ вѣетъ здоровьемъ и жизнью. Онѣ идутъ безъ всякой чинности, онѣ, быть можетъ съ точки зрѣнія строгаго этикета, даже слишкомъ громко смѣются и болтаютъ, слишкомъ быстро перегоняютъ другъ друга, слишкомъ тѣсно окружаютъ Отца... Великая Княжна Ольга Николаевна идетъ съ Нимъ подъ руку, крѣпко прижавшись въ Его плечу и съ любовью смотритъ Ему въ лицо. Она что то слушаетъ и смѣется. Великая Княжна Татьяна Николаевна идетъ подъ руку съ другой стороны и тоже крѣпко сжимаетъ руку Отца и что то быстро, быстро говоритъ. Младшія Княжны то забѣгаютъ впередъ, то идутъ позади. Ихъ глаза лукаво горятъ, а самая младшая придумываетъ новую шалость, забивая снѣгъ за отвороты своей бархатной шубки. Государь радостно смотритъ на нихъ. Онъ словно гордится ими передъ встрѣчными, Онъ радъ, что ими любуются. Его синіе добрые глаза словно говорятъ всѣмъ: «посмотрите, какія у меня славныя дочери. Онѣ не только мои, но и ваши; онѣ — русскія.»

На громадной широкой площади у Екатерининскаго Дворца длинныя шпалеры войскъ стоятъ совершенно неподвижно; всѣ головы обращены въ одну и ту же сторону: къ высокимъ дворцовымъ воротамъ. Вдоль дворца стоитъ много народу; съ каждой минутой толпа растетъ; конная и пѣшая полиція еле сдерживаетъ ея натискъ. Но вотъ разомъ сабли вытягиваются наголо и ярко загораются на солнцѣ. Въ воротахъ показываются два экипажа и медленно приближаются къ войскамъ. Изъ тысячей грудей разомъ раздается «ура». Оно гремитъ съ такою

силой, что становится жутко; душу охватываетъ восторгъ передъ этой боевой музыкой, передъ силой русскаго «ура» и передъ тѣмъ, кто сейчасъ медленно пройдетъ вдоль строя.

«Ура» гремитъ и затихаетъ въ одной части, но уже растетъ въ другой и переливается какъ по волнамъ отъ одной роты къ другой. Одинъ изъ экипажей останавливается, изъ него выходитъ Государь и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Они медленно идутъ вдоль неподвижной линіи войскъ. Иногда Государь останавливается и что то говоритъ солдатамъ. Цесаревичъ тоже что то спрашиваетъ, но, не теряя времени даромъ, усиленно мѣситъ маленькими ножками въ лужицѣ, оставшейся послѣ дождя. Ему очень нравится, что Государь не слѣдитъ за нимъ и не замѣчаетъ, съ какою радостью онъ топчется въ этой весенней лужицѣ, отражающей голубое небо. Но вотъ они снова медленно идутъ вдоль линіи войскъ. Сзади нихъ ѣдутъ двѣ кареты; въ одной изъ нихъ сидитъ Государыня, скорбная какъ всегда, съ принужденной улыбкой и съ принужденными поклонами. За Государыней ѣдутъ Княжны; онѣ одѣты во все бѣлое и лишь на шляпахъ, словно только сейчасъ распустились, нѣжныя розы. Княжны съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ вокругъ нихъ и, наклоняясь другъ къ другу, о чемъ то быстро шепчутся, навѣрное повѣряютъ другъ другу свои впечатлѣнія. Наконецъ, Государь кончаетъ обходъ и идетъ къ Дворцу на большія, бѣлыя ступени. Онъ становится у бронзовыхъ гигантовъ, поддерживающихъ верхушки высокихъ колоннъ. Цесаревичъ рядомъ съ Нимъ. Государыня и Великія Княжны выходятъ изъ экипажей и останавливаются около Государя и Цесаревича. «Ура» медленно замираетъ. Звучитъ новый маршъ, стѣна войскъ разомъ по командѣ поворачивается и раздѣляется на колонны. Начинается блестящій церемоніальный маршъ. На всю картину мѣрно марширующихъ солдатъ, на блестящихъ офицеровъ, на красивую свиту Государя, на Великихъ Княженъ, стоящихъ въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, на пеструю толпу и на всю Царскую Семью ярко свѣтитъ веселое весеннее солнце.

Въ домѣ нашемъ часто бывали близкія къ Государю лица. Зная мою любовь къ Цесаревичу и къ Великимъ Княжнамъ, они много разсказывали мнѣ объ Ихъ жизни, объ Ихъ характерахъ и проказахъ. Я жадно слушала эти разсказы и крѣпко запечатлѣвала ихъ моя дѣтская память.

Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣлъ очень мягкое и доброе

сердце. Онъ былъ горячо привязанъ не только къ близкимъ Ему лицамъ, но и къ окружающимъ Его простымъ служащимъ. Никто изъ нихъ не видѣлъ отъ Него заносчивости и рѣзкаго обращенія. Онъ особенно скоро и горячо привязывался именно къ простымъ людямъ. Любовь Его къ дядькѣ Деревенько была нѣжной, горячей и трогательной. Однимъ изъ самыхъ большихъ Его удовольствій было играть съ дѣтьми дядьки и быть среди простыхъ солдатъ. Съ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ вглядывался Онъ въ жизнь простыхъ людей и часто у Него вырывалось восклицаніе: «Когда Я буду царемъ, не будетъ бѣдныхъ и несчастныхъ, Я хочу, чтобы всѣ были счастливы.»

Всѣ Его учителя говорили мнѣ о выдающихся способностяхъ Цесаревича, объ Его большомъ пытливомъ умѣ, и о трудныхъ вопросахъ, Имъ задаваемыхъ. Всѣ восхищались благородствомъ Его характера ,добротою и отзывчивостью Его сердца. Одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Нему учителей говорилъ мнѣ въ интимной искренней бесѣдѣ: «Въ душѣ этого ребенка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа Его самая добрая почва для всѣхъ добрыхъ сѣмянъ; если сумѣть ихъ насадить и взрастить, то русская земля получитъ не только прекраснаго и умнаго Государя, но и прекраснаго человѣка.»

На одной изъ станцій, мимо которой проѣзжалъ царскій поѣздъ, возвращавшійся изъ Ливадіи, къ Государю подошелъ съ просьбой одинъ изъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Онъ былъ обремененъ слишкомъ большою семьей и жалованья его не хватало на ея прокормленіе. Государь ласково выслушалъ его и сказалъ: «Съ этого дня ты будешь получать отъ Меня еще тридцать рублей въ мѣсяцъ.» Маленькій Цесаревичъ, стоявшій подлѣ Государя и внимательно слушавшій чиновника, положилъ свою пухленькую ручку на его рукавъ и сказалъ: «а отъ Меня будешь получать сорокъ».

Любимой пищей Цесаревича были «щи и каша и черный хлѣбъ, которые ѣдятъ всѣ Мои солдаты», какъ Онъ всегда говорилъ. Ему каждый день приносили пробу щей и каши изъ солдатской кухни Своднаго полка; Цесаревичъ съѣдалъ все и еще облизывалъ ложку. Сіяя отъ удовольствія, Онъ говорилъ: «Вотъ это вкусно, не то что нашъ обѣдъ». Иногда, почти ничего не кушая за царскимъ столомъ, Онъ тихонько пробирался со своею собакой къ зданіямъ царской кухни и, постучавъ въ

стекло оконъ, просилъ у поваровъ ломоть чернаго хлѣба и втихомолку дѣлилъ его со своей кудрявой любимицей.

Цесаревичъ не былъ гордымъ ребенкомъ, хотя мысль, что Онъ будущій царь наполняла все Его существо сознаніемъ своего высшаго предназначенія. Когда Онъ бывалъ въ обществѣ знатныхъ и приближенныхъ къ Государю лицъ, у Него появлялось сознаніе своей царственности.

Однажды Цесаревичъ вошелъ въ кабинетъ Государя, который въ это время бесѣдовалъ съ министромъ. При входѣ Наслѣдника собесѣдникъ Государя не нашелъ нужнымъ встать, а лишь приподнявшись со стула подалъ Цесаревичу руку. Наслѣдникъ, оскорбленный, остановился передъ нимъ и, молча, заложилъ руки за спину; этотъ жестъ не придавалъ Ему заносчиваго вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министръ невольно всталъ и выпрямился во весь ростъ передъ Цесаревичемъ. На это Цесаревичъ отвѣтилъ вѣжливымъ пожатіемъ руки. Сказавъ Государю что то о своей прогулкѣ, Онъ медленно вышелъ изъ кабинета. Государь долго глядѣлъ ему вслѣдъ и наконецъ съ грустью и гордостью сказалъ: «Да. Съ Нимъ вамъ не такъ легко будетъ справиться, какъ со Мною».

Цесаревичъ, русскій всей душой, любилъ русскія сказки. Но у него не было Пушкинской няни, которая зимними вечерами разсказывала бы Ему сокровища русской народной поэзіи... У Цесаревича было много книгъ и учителей. Онъ могъ на блестяще изданныхъ страницахъ прочесть объ Иванушкѣ - Дурачкѣ, о Бабѣ - Ягѣ, о Жаръ - Птицѣ, о Конькѣ - Горбунькѣ; Онъ могъ бы учителей своихъ заставить разсказать себѣ, какъ темной ночью сѣрый волкъ мчался съ Аленушкой по дремучимъ лѣсамъ, какъ витязи за правдой-матушкой сбирались въ дальніе края; но не учителей спросилъ Цесаревичъ объ этомъ сказочномъ и правдивомъ царствѣ, созданномъ нашимъ народомъ, а обратился Онъ къ незатѣйливымъ разсказчикамъ, у нихъ захотѣлъ Онъ узнать родныя сказки. Съ большими трудностями и волненіями, при помощи своего дядьки, приводилъ Онъ вечерами въ свою комнату солдатъ сказочниковъ изъ Своднаго или Конвойнаго полковъ.

О нихъ сообщали Цесаревичу Его простые друзья солдаты, всегда готовые столпиться вокругъ сказочниковъ, послушать какъ они «сказки сказываютъ».

Солдата этого приводили, когда Цесаревичъ уже ложился спать, послѣ того какъ Государь и Государыня благословятъ Его на тихій, спокойный сонъ; солдата вводили въ Его опочивальню и изъ предосторожности сажали подъ кровать Цесаревича, такъ какъ въ спальню могла каждую минуту войти Государыня, чтобы взглянуть тревожнымъ и любящимъ взглядомъ на сына. Для Цесаревича въ этихъ случаяхъ было достаточно одной секунды, чтобы накрыться одѣяломъ и притвориться крѣпко спящимъ. Цѣлые часы проводилъ Онъ, свѣсившись головой съ кровати, изъ подъ которой Онъ узналъ всѣ русскія сказки во всемъ ихъ богатствѣ и глубинѣ. Государыня узнала объ этихъ ночныхъ разсказахъ случайно, войдя въ комнату, когда Цесаревичъ такъ увлекся приключеніями Бовы - Королевича, что не слыхалъ Ея тихихъ шаговъ, а все дальше и дальше сползалъ съ постели къ головѣ сказочника.

Тяжелое время настало для Цесаревича съ того дня, когда Онъ, сдѣлавъ неудачный прыжокъ въ лодку, ушибъ ногу и тяжело заболѣлъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Онъ былъ прикованъ къ постели. Трудно было всѣмъ окружающимъ заставить Его лежать, трудно было услѣдить, чтобы Онъ, при своей живости, не ухудшилъ своего опаснаго положенія. Живость Его не могла умѣриться Его болѣзнью и какъ только Ему дѣлалось лучше, какъ только утихали Его страданія, Онъ начиналъ безудержно шалить; Онъ зарывался въ подушки, сползалъ подъ кровать, чтобы напугать врачей своимъ мнимымъ исчезновеніемъ. Только приходъ Государя могъ Его усмирить. Сажая отца къ себѣ на кровать, Онъ просилъ Его разсказывать о занятіяхъ Его Величества, о полкахъ, шефомъ которыхъ Онъ былъ и по которымъ очень скучалъ. Онъ внимательно слушалъ разсказы Государя изъ русской исторіи и обо всемъ, что лежало за предѣлами Его скучной больничной постели. Государь съ большой радостью и съ глубокой серьезностью дѣлился съ Нимъ всѣмъ.

Когда приходили Княжны, въ особенности Великая Княжна Анастасія Николаевна, начиналась страшная возня и шалости. Великая Княжна Анастасія Николаевна была отчаянной шалуньей и вѣрнымъ другомъ во всѣхъ проказахъ Цесаревича, но она была сильна и здорова, а Цесаревичу запрещались эти опасные для него часы дѣтскихъ шалостей.

Грустную картину представляли изъ себя выходы и прогулки Цесаревича, во время Его болѣзни... На глаза невольно навертывались слезы, когда на блестящемъ парадѣ, среди сильныхъ и здоровыхъ людей, Цесаревича проносили мимо рядовъ войскъ на рукахъ самаго рослаго могучаго казака. Скорбными линіями очерчивалась хрупкая фигурка Цесаревича на рукахъ этого рослаго казака, худенькая ручка Цесаревича охватывала его сильную широкую шею, похудѣвшее личико Цесаревича было прозрачно блѣдно, а изумительно прекрасные глаза Его были полны грусти. Эти глаза на блѣдномъ личикѣ смотрѣли въ ту пору съ недѣтской глубиной, они озаряли Его черты, придавая Ему выраженіе ребенка, перешедшаго уже за грань земного бытія. Казалось, недѣтская сила духа свѣтилась въ ихъ глубинѣ и помогала Ему выносить дни страданія и болѣзни. Въ эти дни, даже тогда, когда Цесаревичъ шалилъ и смѣялся, глаза эти хранили скорбность затаеннаго страданія. Вспоминая теперь выраженіе этихъ изумительныхъ глазъ, я невольно вспоминаю и трагическое лицо Государыни, и мнѣ кажется, что эти глаза и черты, тогда такія разныя по выраженію, говорили объ одномъ и томъ же страданіи... О страданіи не столько настоящемъ, сколько грядущемъ...

Жизнь Княженъ не была ни веселой, ни разнообразной. Воспитывались онѣ въ строгомъ патріархальномъ духѣ, въ глубокой религіозности. Это и воспитало въ нихъ ту вѣру, ту силу духа и смиренія, которыя помогли имъ безропотно и свѣтло вынести тяжелые дни заточенія и принять мученическую смерть.

Государыня не позволяла Княжнамъ ни одной секунды сидѣть безъ дѣла. Онѣ должны были быть всегда занятыми, всегда находиться въ дѣйствіи. Чудныя работы и вышивки выходили изъ подъ ихъ изящныхъ, быстрыхъ ручекъ. Внѣшне однообразную свою жизнь, Княжны наполняли весельемъ своихъ жизнерадостныхъ и живыхъ характеровъ. Онѣ умѣли находить счастье и радость въ маломъ. Онѣ были юны не только своими годами, но были юными въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова; ихъ радовало все: солнце, цвѣты, каждая минута, проведенная съ отцомъ, каждая короткая прогулка, во время которой онѣ могли посмотрѣть на толпу; онѣ радовались каждой улыбкѣ незнакомыхъ имъ прохожихъ; онѣ сіяли всѣмъ лаской и яркими красками цвѣтущихъ русскихъ лицъ. Вездѣ, гдѣ онѣ появлялись, звучалъ ихъ веселый звонкій смѣхъ. Никто и ни-

когда не чувствовалъ себя съ ними стѣсненно, ихъ простота дѣлала всѣхъ такими же простыми и непринужденными, какими онѣ были сами.

Я никогда не забуду, какъ одинъ молодой солдатъ и старенькій мужичекъ (навѣрное его отецъ) смотрѣли на проѣзжавшихъ Княженъ. Мужичекъ говорилъ старческимъ, растроганнымъ голосомъ: «Теперь, когда ихъ, родимыхъ, увидалъ и помереть можно. Ей Богу. А какъ хороши то сердечныя... Какія ласковыя... Точно солнышко ясное прокатило... А кланялись то какъ, точно знаютъ меня... умереть бы теперь, не сходя съ этого мѣста...» Это было на широкой снѣжной полянѣ, недалеко отъ Ѳеодоровскаго собора, подъ звонъ колоколовъ.

Часто, когда звонятъ колокола, я вспоминаю эту снѣжную равнину, золотые купола вдали и мягко проѣхавшія мимо санки съ четырьмя русскими Княжнами; и мнѣ такъ понятно тогда чувство этого, впервые ихъ увидавшаго, мужичка...

Я мысленно перелистываю страницы альбома съ фотографіями, снятыми самой Государыней, на обложкѣ котораго было написано Ея твердой рукой «изъ моего альбома».

Вотъ стоитъ Государь на дорожкѣ парка; яркое солнце свѣтитъ Ему прямо въ лицо; Онъ щуритъ свои грустные, синіе глаза и смотритъ прямо передъ собою. Онъ одѣтъ въ рубашку стрѣлковаго полка. Онъ весь дышетъ простотой и лаской. Видно, что эта фотографія снята далеко отъ Дворца, далеко отъ людей, съ которыми надо быть строгимъ и напряженно внимательнымъ.

Вотъ Цесаревичъ сидитъ на свалившемся деревѣ и смѣется; Ему весело, что была гроза, что высокое дерево не вынесло бури и упало... что снова свѣтитъ солнце.

Вотъ Великая Княжна Анастасія Николаевна у раскрытаго окна, въ которое вливается весенній блескъ. Передъ ней стоитъ букетъ подснѣжниковъ и лежитъ раскрытая книга... Ея тонкіе пальчики хотѣли повернуть страницу начатой главы... но взглянувъ въ окно, она забыла о книгѣ и ея хорошенькая головка съ живыми пытливыми глазами вопрошающе обращена къ саду, гдѣ стоятъ деревья въ весеннемъ цвѣту.

Уютная комната съ мягкой мебелью...

На длинной кушеткѣ лежитъ Государыня со слегка закинутой назадъ головой... Профиль ея строгъ и скорбенъ... Ея царственныя, прекрасныя руки вмѣстѣ съ работой устало, устало опустились на темныя бархатныя складки платья... Она или отдыхаетъ, или погружена въ тяжелыя думы. Вокругъ, въ креслахъ и на маленькихъ скамеечкахъ, сидятъ Княжны съ вышиваніями въ рукахъ. На полу, на мягкой подушкѣ, сидитъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ слегка прищурился и съ серьезностью и любопытствомъ смотритъ впередъ. Взоры всѣхъ Княженъ обращены на Него съ любовью и нѣжностью, Анастасія Николаевна крѣпко обняла за шейку своего вѣрнаго спутника въ шалостяхъ. Только Татьяна Николаевна сосредоточенно смотритъ на мать. Тишина и уединеніе и безконечная любовь другъ къ другу вѣетъ съ этой страницы.

Я перелистываю страницы альбома все дальше и дальше; всюду мелькаютъ изящныя головки Княженъ, склоненныя надъ работою; на всѣхъ снимкахъ, на которыхъ среди Великихъ Княженъ находится Цесаревичъ, видно веселье и радость. Жизнь всей семьи сосредоточена на Немъ. Жизнь Ея полна радости и свѣта, когда радостенъ Цесаревичъ и всѣ погружены въ скорбь, когда Онъ снова болѣнъ.

Всюду, гдѣ среди Княженъ находится Государь, чувствуется, что эти минуты, проводимыя съ отцомъ, минуты ихъ глубокаго счастья, что имъ хочется ихъ удержать какъ можно дольше. Княжнамъ и Цесаревичу мало приходится быть съ Государемъ... Они видятъ Его только на прогулкахъ, во время обѣда и завтрака и въ тѣ часы, когда Государь послѣ вечерняго чая остается въ кругу своей семьи.

Передо мною мелькаютъ снимки Княженъ у берега моря, у скалъ и среди кипарисовъ и олеандръ солнечнаго Крыма и въ зарослякъ роскошныхъ южныхъ цвѣтовъ. Среди нихъ онѣ сами чудятся цвѣтами.

Ѳеодоровскій соборъ воздвигался подъ личнымъ наблюденіемъ Государя и Государыни. Съ любовью и увлеченіемъ пріобрѣтали Они старинные образа для новаго храма. Государь и Государыня были большими любителями русской старины и главнымъ образомъ древнихъ русскихъ иконъ. Ѳеодоровскій соборъ былъ не только храмомъ, но и богатѣйшимъ музеемъ древней русской иконописи. Чувство безграничнаго восхищенія охватывало всѣхъ, кому удавалось посѣтить этотъ храмъ. Соборъ стоитъ на широкой равнинѣ недалеко отъ

Александровскаго дворца. Онъ былъ особенно прекрасенъ зимой, когда на фонѣ снѣговъ синѣли его купола и ярко горѣли золотые кресты.

Ко времени службы, храмъ оцѣплялся царской полиціей и прежде чѣмъ дойти до его дверей, черезъ многія руки въ бѣлыхъ перчаткахъ проходила карточка съ разрѣшеніемъ на входъ. Еще до службы, въ церковь въ строгомъ порядкѣ приводились солдаты Своднаго и Стрѣлковаго полковъ. Всѣ они свободно помѣщались въ серединѣ храма.

При входѣ въ Ѳеодоровскій соборъ забывался двадцатый вѣкъ; точно по волшебству переносились вы въ эпоху перваго Романова. Ноги тонутъ въ старинныхъ толстыхъ коврахъ, васъ встрѣчаютъ солдаты, одѣтые въ русскіе костюмы временъ Михаила Ѳеодоровича; на нихъ сафьяновые сапоги разныхъ цвѣтовъ и такіе же разноцвѣтные кафтаны изъ толстой парчевой ткани. Солдаты эти прислуживаютъ въ церкви и посѣтителямъ храма. Ихъ стройныя рослыя фигуры напоминаютъ русскихъ богатырей.

Храмъ громаденъ. Четыре неимовѣрной величины колонны поддерживаютъ куполообразный сводъ, горящій золотыми звѣздами. Колонны собора кажутся такими исполинскими и высокими, что жутко на нихъ смотрѣть, онѣ подавляютъ своей массивностью. Въ задней стѣнѣ храма сдѣланы углубленія, похожія на маленькія свѣтелки, со сводами, напоминающими Грановитую палату. Онѣ сверху до низу увѣшаны коврами, у стѣнъ стоятъ длинныя, обитыя бархатомъ скамьи. Здѣсь раздѣваются тѣ немногія лица, которымъ разрѣшенъ входъ въ соборъ. Вдоль стѣнъ и колоннъ и въ боковыхъ нишахъ храма висятъ образа, цѣнность и красоту которыхъ невозможно описать словами. Передъ образами и въ темныхъ углахъ храма горятъ старинныя лампады.

У иконостаса находилось возвышеніе, къ которому вели нѣсколько длинныхъ, покрытыхъ коврами ступеней. На возвышеніи влѣво, слегка скрываемая гигантской колонной, помѣщалась царская придворная капелла, на возвышеніи вправо, у другой колонны, находилось мѣсто для Царской Семьи. Государь и Цесаревичъ останавливались обыкновенно съ правой стороны колонны, такъ что ихъ хорошо было видно молящимся; Княжны были во время службы скрыты рядомъ образовъ, висѣвшихъ позади нихъ и образующихъ собою клиросъ. Лишь въ промежуткахъ этихъ образовъ виднѣлись ихъ нѣжные профили, или съ любопытствомъ обращенные къ молящимся глазки, или виднѣлся кусочекъ воздушной ткани ихъ платьевъ.

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны: Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Царская Семья входила и выходила изъ храма черезъ особый ходъ, который велъ въ длинный и узкій корридоръ, кончавшійся крыльцомъ съ низкимъ стрѣльчатымъ сводомъ.

Молящіеся стояли позади стройныхъ рядовъ солдатъ. Отсюда я особенно любила смотрѣть на могучіе ряды конвоя, на ихъ широкія спины и узкія, перетянутыя ремешкомъ таліи и на малиновыя рубашки стрѣлковъ; но чаще всего я стояла въ боковой нишѣ, откуда хорошо были видны Великія Княжны. Въ нишѣ было свободно и уютно. Сюда пускались лишь очень немногія лица и поэтому не были ни жарко, ни душно. Отсюда я подолгу смотрѣла на Великихъ Княженъ и изучила каждую черточку ихъ прелестныхъ лицъ и по нимъ, насколько хватало моей проницательности, изучила и ихъ характеры.

Ко времени окончанія храма, Государыня была уже настолько больна, что Ее часто вносили въ экипажъ въ креслѣ. Она почти никогда не стояла на возвышеніи рядомъ съ Государемъ и съ Цесаревичемъ. Для нея была устроена особая молельня, невидимая молящимися; она находилась у боковой стѣны алтаря, съ дверью, раскрытой прямо въ алтарь; отсюда Она въ полномъ уединеніи слѣдила за службой. Мнѣ удалось побывать въ молельнѣ Государыни. Это была узкая продолговатая комната, вѣрнѣе келья. Стѣны ея были обиты темной парчей; въ ней стояло старинное кресло и вдоль стѣны длинная скамейка, мягко обитая такой же парчей. На скамьѣ лежали большія, тоже парчевыя подушки. У скамьи, на маленькомъ аналоѣ, лежало Евангеліе въ серебряной оправѣ. Со стѣнъ глядѣли строгіе лики святыхъ; нѣсколько лампадъ тихо теплилось подъ образами; воздухъ былъ душенъ и густъ отъ запаха ладана. Въ молельнѣ не было оконъ и она всегда находилась въ полумракѣ; зато еще ослѣпительнѣе въ раскрытыя двери горѣлъ алтарь своимъ убранствомъ, святыми чашами и крестами; служба отсюда казалась неземною, невидимая капелла звучала хоромъ ангеловъ.

На службу пріѣзжала иногда Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна. Въ бѣлой одеждѣ инокини, съ прекраснымъ неземной красотой лицомъ, Она почти недвижимо стояла рядомъ съ Государемъ. Она пріѣзжала на службу раньше всѣхъ, еще прежде, чѣмъ зажигались свѣчи. Она клала поклоны, не сгибая колѣнъ и безшумно касалась пола головой.

Всю красоту русскаго церковнаго пѣнія можетъ постичь только тотъ, кто слышалъ пѣніе царской придворной капеллы. Она состояла изъ подростковъ и юношей, взрослыхъ было сравнительно немного. Всѣ они были одѣты въ алыя одежды,

затканныя золотомъ. Слушая ихъ пѣніе казалось, что стоишь не на землѣ, что на ней такихъ божественныхъ звуковъ раздаться не можетъ, а что какая то невѣдомая, чудесная сила перенесла васъ въ сонмъ ангеловъ.

Глубокое впечатлѣніе производила на меня молитва Господня, которую пѣли солдаты. При первыхъ звукахъ «Отче нашъ», Царь опускался на колѣни, а за Нимъ и всѣ молящіеся. На колѣни не опускались только могучіе ряды конвоя. Молитва была проникнута такою мощью, что каждый разъ съ одинаковой силой потрясала меня.

Меня всегда глубоко волновало то мгновенье, когда Государь и вся Царская Семья подходили ко кресту. Государь сходилъ со своего возвышенія и подходилъ къ священнику со скрещенными на груди руками. Глубоко запечатлѣлся въ моей памяти взглядъ Его синихъ добрыхъ глазъ, когда Онъ обращался къ священнику, ожидая Его благословенія. У Государя были глаза, которыхъ нельзя было забыть тому, кто хоть разъ съ ними встрѣтился взглядомъ.

Цесаревичъ подходилъ ко кресту чинно и робко, съ блѣднымъ личикомъ, отражавшимъ трепетъ свѣчей, съ дѣтскими ручонками, сложенными на бѣлой матросской рубашкѣ. Великія Княжны, одна за другой, склоняли головки, цѣлуя крестъ и руку священника, который цѣловалъ Ихъ въ лобъ.

Еще до выхода Царской Семьи изъ храма, часть солдатъ чинно и безшумно выводилась изъ собора; они выстраивались на полянѣ у царскаго подъѣзда. Лѣтомъ я уѣзжала изъ Царскаго Села и поэтому царскіе выѣзды неразрывно связаны въ моихъ воспоминаніяхъ съ зимой, со звономъ колоколовъ, особенно гулко звучавшихъ въ морозномъ воздухѣ. Всѣ, желающіе видѣть проѣздъ Государя, тоже останавливались рядами, противъ шпалеры войскъ, но эти ряды не были такими стройными и неподвижными, а волнующимися и гулкими; но какъ только раздавалась команда «смир-р-р-н-о-о-о», ряды солдатъ вздрагивали и всѣ разомъ застывали; головы солдатъ неподвижно поворачивались въ сторону царскаго поѣзда, а глаза, не мигая, останавливались на царскомъ экипажѣ и медленно двигались съ нимъ вмѣстѣ и когда онъ скрывался,еще нѣсколько мгновеній неподвижно смотрѣли ему вслѣдъ. Лишь только лошади Государя равнялись съ первыми солдатами, какъ изо всѣхъ грудей разомъ гремѣло: «Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество-о-, Ура-а-а». «Ура» долго гремѣло, сливаясь съ гулкимъ и торжественнымъ звономъ колоколовъ. Царскій экипажъ всегда проѣзжалъ почти шагомъ и Госу-

дарь отвѣчалъ на привѣтствія ласковой улыбкой. Цесаревичъ былъ всегда очень серьезенъ во время своихъ выѣздовъ. Онъ всегда немного щурился и внимательно смотрѣлъ на всѣхъ своими длинными глазами съ поволокой, Его маленькая ручка въ бѣлой перчаткѣ усердно отдавала честь. Государыня, какъ и всегда, принужденно улыбалась, а Княжны кивали головками и сіяли улыбками. Когда Княжны проѣзжали въ автомобилѣ, онѣ толкали другъ друга, чтобы завладѣть окошечкомъ, сдѣланнымъ въ задней стѣнкѣ автомобиля, изъ него онѣ еще долго могли смотрѣть на стоящихъ у храма, когда автомобиль уже мчался по дорогѣ къ дворцу.

По слабости здоровья, я никогда не могла выстоять всей службы цѣликомъ и поэтому я пріѣзжала въ церковь позднѣе, когда Государь былъ уже въ церкви. Цесаревичъ тоже не могъ выдержать службы отъ начала до конца. Всегда выходило такъ, что наши экипажи встрѣчались по дорогѣ къ собору и мы почти одновременно подъѣзжали къ собору, но къ разнымъ подъѣздамъ. Цесаревича большей частью сопровождалъ Его дядька, который, важно и немного развалясь, сидѣлъ въ Царскомъ экипажѣ. Цесаревичъ каждый разъ стремительно выталъ изъ коляски или изъ автомобиля прежде, чѣмъ лѣнивый дядька успѣвалъ Ему помочь выйти.. Онъ съ быстротой молніи распахивалъ дверцу и съ необыкновенной легкостью соскакивалъ на землю, такъ что не было времени за Него испугаться. Онъ бѣгомъ подымался по ступенькамъ крыльца и исчезалъ въ храмѣ, а дядька, не торопясь, шелъ за Нимъ.

Стоя вмѣстѣ съ Государемъ на возвышеніи, Цесаревичъ иногда оборачивался къ солдатамъ и строилъ имъ такую уморительную гримаску, что по рядамъ солдатъ проходилъ шорохъ отъ сдерживаемаго смѣха, на который Государь озабоченно оглядывался, чувствуя, что Цесаревичъ шалитъ, но на Его обезпокоенный взглядъ Цесаревичъ отвѣчалъ такой серьезной и невинной минкой, что Государь успокаивался. Государю было не легко справляться съ живыми Княжнами и съ шалуномъ Цесаревичемъ, не легко было сдерживать проявленія ихъ живости.

Что-то особенно трогательное было въ Его озабоченномъ видѣ, когда Онъ находился въ кругу своихъ дѣтей, и когда не зналъ на кого изъ нихъ построже посмотрѣть, за кѣмъ слѣдить, чувствуя, что всѣ они готовы на самыя отчаянныя шалости.

Въ 1914 году я увидѣла Царскую Семью только зимой, когда роковая война была уже въ полномъ разгарѣ. Царское Село приняло совсѣмъ новый видъ. Конечно, улицы и дома были тѣ же, но чувствовалось, что внутри этихъ домовъ все перемѣнилось. Скромная тихая ѣзда по улицамъ Царскаго Села стала еще тише; только тревожно и спѣшно пролетали по улицамъ автомобили и кареты Краснаго Креста. Лица прохожихъ безмолвно оборачивались къ этимъ каретамъ и застывали съ выраженіемъ испуганно - удивленнаго вниманія, пока экипажъ не исчезалъ. Каждый прохожій съ болью въ сердцѣ мысленно проникалъ въ эти кареты и въ страданія, въ нихъ заключенныя...

Мимо домовъ съ большими развѣвающимися флагами Краснаго Креста всѣ проходили медленнѣе и тише и смотрѣли въ окна, въ которыхъ мелькали бѣлые халаты докторовъ, косынки сестеръ или останавливалось прозрачно-блѣдное лицо раненаго, грустно смотрящаго на улицу. Все чаще и чаще медленно двигались по улицамъ открытые и закрытые экипажи съ новыми партіями раненыхъ; народъ останавливался на панели длинной и безмолвной вереницей и расходился лишь тогда, когда скрывалась послѣдняя печальная карета... Лица раненыхъ, которыхъ везли въ открытыхъ экипажахъ, почти нельзя было отличить отъ подушекъ, такъ они были блѣдны и смяты страданіемъ; только синева вокругъ закрытыхъ глазъ помогала яснѣе различить черты человѣческаго лица.

Съ горячимъ восхищеніемъ и уваженіемъ смотрѣли всѣ въ первые дни войны на женщинъ въ бѣлыхъ косынкахъ, съ крестами на груди; все чаще и многочисленнѣе мелькали эти косынки на улицахъ и въ домахъ.

И вотъ въ такихъ же косынкахъ сестеръ милосердія увидѣла я старшихъ Великихъ Княженъ въ мой первый пріѣздъ въ Царское Село послѣ объявленія войны. Полтора года тому назадъ я оставила ихъ еще безпечными веселыми дѣвочками и вдругъ увидѣла двухъ совершенно выросшихъ молодыхъ дѣвушекъ. Я была поражена перемѣной въ нихъ происшедшей. Больше всего меня поразило сосредоточенное углубленное выраженіе ихъ немного похудѣвшихъ и поблѣднѣвшихъ лицъ. Въ ихъ глазахъ было совсѣмъ новое выраженіе и я поняла, что со дня войны для нихъ началась новая жизнь... Я заглянула въ себя и поняла, что она началась и для меня, что мы уже не дѣти, что мы выросли однимъ сильнымъ и тяжелымъ толчкомъ.

Съ перваго же дня моего пріѣзда въ Царское Село, я видѣла какъ утромъ, днемъ и вечеромъ мимо нашихъ оконъ проѣзжалъ автомобиль, въ окнахъ котораго вырисовывались два нѣжныхъ профиля, обрамленныхъ то бѣлыми, то черными косынками. Весь день Великихъ Княженъ былъ посвященъ раненымъ; имъ онѣ отдавали всю любовь, всю ласку и заботу своихъ богатыхъ любовью и отзывчивостью душъ; жизнь раненыхъ стала ихъ жизнью, надъ ними онѣ склонялись съ глубокой любовью и нѣжностью, у ихъ изголовій проливали слезы состраданія, изъ-за нихъ часто не спали ночей, смертью кого либо изъ нихъ глубоко огорчались, выздоровленію радовались со всей силой своихъ впечатлительныхъ душъ. Не было ни одного солдата и офицера въ ихъ лазаретахъ, который не былъ бы ими обласканъ и ободренъ. Выписываясь изъ лазарета, каждый раненый уносилъ съ собой какой нибудь подарокъ, данный ему на память отъ всего сердца. Каждый увозилъ съ собой самое свѣтлое, самое радостное воспоминаніе о Княжнахъ.

Много времени спустя, уже послѣ революціи, я встрѣчала солдатъ и офицеровъ, лежавшихъ въ Царскосельскихъ лазаретахъ, и каждый разъ видѣла, какъ при воспоминаніяхъ о Великихъ Княжнахъ озарялись ихъ лица, какъ бы забывались пережитыя муки и какъ свѣтло воскрешались въ ихъ памяти тѣ дни, когда надъ ними заботливо и нѣжно склонялись Великія Княжны.

Но не только своими посѣщеніями, своей лаской и участіемъ облегчали Великія Княжны раненымъ ихъ тяжелые дни. Двѣ старшія Великія Княжны были настоящими, окончившими курсъ, сестрами милосердія. Двѣ младшія: Марія и Анастасія Николаевны работали на раненыхъ шитьемъ бѣлья для солдатъ и ихъ семей, приготовленіемъ бинтовъ и корпіи; онѣ очень сокрушались, что, будучи слишкомъ юны, не могли стать настоящими сестрами милосердія, какъ Великія Княжны Ольга и Татьяна Николаевны.

Если бы, будучи художницей, я захотѣла нарисовать портретъ сестры милосердія, какою она представляется въ моемъ идеалѣ, мнѣ бы нужно было только написать портретъ Великой Княжны Татьяны Николаевны; мнѣ даже не надо было бы писать его, а только указать на фотографію ея, висѣвшую всегда надъ моей постелью и сказать: «Вотъ сестра милосердія...»

На этомъ портретѣ Великая Княжна снята въ халатѣ сестры

милосердія; она стоитъ посреди палаты, залитой лучами солнца; они обливаютъ яркимъ свѣтомъ всю ея тонкую, высокую фигуру, золотыми бликами ложатся на ея бѣлоснѣжную одежду. Ея головка, въ бѣлой, низко одѣтой на лобъ косынкѣ, снята въ профиль; черты ея прекрасны, нѣжны и полны грусти, глаза слегка опущены, длинная тонкая рука лежитъ вдоль халата... это не портретъ, нѣтъ... это живая сестра милосердія вошла въ палату въ яркій, весенній день... Она подошла къ постели тяжело раненаго... она видитъ, что онъ заснулъ первымъ живительнымъ сномъ... она боится шевельнуться, чтобы его не потревожить... она замерла надъ нимъ счастливая и успокоенная за него и утомленная отъ безсонныхъ ночей и страданій ее окружающихъ.

Всѣ врачи, видѣвшіе Великую Княжну Татьяну Николаевну за ея работой, говорили мнѣ, что она прирожденная сестра милосердія, что она нѣжно и безстрашно касается самыхъ тяжелыхъ ранъ, что всѣ ея перевязки сдѣланы умѣлой и увѣренной рукой.

Великую Княжну Ольгу Николаевну всѣ обожали, боготворили; про нее больше всего любили мнѣ разсказывать раненые.

Однажды привезли новую партію раненыхъ. Ихъ какъ всегда, на вокзалѣ встрѣтили Великія Княжны. Онѣ исполняли все, что имъ приказывали доктора и даже мыли ноги раненымъ, чтобы тутъ же на вокзалѣ очистить раны отъ грязи и предохранить отъ зараженія крови. Послѣ долгой и тяжелой работы, Княжны съ другими сестрами размѣщали раненыхъ по палатамъ.

Усталая Великая Княжна Ольга Николаевна присѣла на постель одного изъ вновь привезенныхъ солдатъ. Солдатъ тотчасъ же пустился въ разговоры. Ольга Николаевна, какъ и всегда и словомъ не обмолвилась, что она Великая Княжна.

— Умаялась, сердечная? — спросилъ солдатъ.

— Да, немного устала. Это хорошо, когда устанешь.

— Чего же тутъ хорошаго?

— Значитъ поработала.

— Этакъ тебѣ не тутъ сидѣть надо. На хронтъ бы поѣхала.

— Да моя мечта на фронтъ попасть.

— Чего же. Поѣзжай.

— Я бы поѣхала, да отецъ не пускаетъ, говоритъ, что я здоровьемъ для этого слишкомъ слаба.

— А ты плюнь на отца, да поѣзжай.

Княжна разсмѣялась.

— Нѣтъ, ужъ плюнуть то не могу. Ужъ очень мы другъ друга любимъ.

Однажды Государь пріѣхалъ въ лазаретъ, въ которомъ работали Великія Княжны. Сѣвъ у постели одного изъ солдатъ, Онъ заботливо началъ разспрашивать его всѣмъ ли онъ доволенъ и хорошо ли за нимъ ухаживаютъ.

— Такъ точно, Ваше Величество, всѣмъ доволенъ; прямо хоть и не поправляйся, — отвѣтилъ раненый, но потомъ, что-то вспомнивъ, добавилъ: вотъ только, Ваше Величество, сестры малость забывчивы... Намеднесь далъ я вотъ этой сестричкѣ... вонъ что тамъ стоитъ, веселенькая такая... курносенькая... далъ я ей 10 копѣекъ на папиросы, а она ни папиросъ, ни денегъ не несетъ...

— Ольга, — позвалъ сестру Государь, — что же ты порученія не исполняешь? Папиросы обѣщала принести и забыла?

Великая Княжна потупилась.

— За это вели купить ему на рубль.

Бѣдный солдатъ послѣ этого цѣлый день все охалъ:

— На кого пожаловался то... На Царскую дочку... Господи, грѣхъ то какой.

Въ одной изъ залъ Екатерининскаго Дворца былъ устроенъ большой складъ. Каждый день здѣсь работали надъ упаковкой бинтовъ, надъ приготовленіемъ корпіи, и надъ шитьемъ бѣлья для солдатъ и ихъ семей. Сюда почти ежедневно пріѣзжали и Великія Княжны. Я съ волненіемъ ждала, когда раскроются золоченныя двери громаднаго дворцоваго зала и когда на ихъ порогѣ появятся Великія Княжны. Онѣ входили, сіяя улыбками, здороваясь за руку съ присутствующими.

Въ моемъ воображеніи я снова вижу ихъ, сидящими напротивъ меня, какъ и въ то далекое время.

Наискось отъ меня сидитъ Великая Княжна Ольга Николаевна. Къ ней меня влечетъ неодолимая сила — сила ея обаянія. Я почти не могу работать, когда она сидитъ такъ близко отъ меня и все смотрю на ея обворожительное личико. Я только тогда смущенно опускаю глаза на работу, когда мой взглядъ

встрѣчается съ ея умными, добрыми и ласковыми глазами, я смущаюсь и теряюсь, когда она привѣтливо со мною заговариваетъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова ее нельзя назвать красивой, но все ея существо дышетъ такою женственностью, такою юностью, что она кажется болѣе чѣмъ красивой. Чѣмъ больше глядишь на нее, , тѣмъ миловиднѣе и прелестнѣе становится ея лицо. Оно озарено внутреннимъ свѣтомъ, оно становится прекраснымъ отъ каждой свѣтлой улыбки, отъ ея манеры смѣяться, закинувъ головку слегка назадъ, такъ что виденъ весь ровный, жемчужный рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ. Умѣло и ловко спорится работа въ ея необыкновенно красивыхъ и нѣжныхъ рукахъ. Вся она хрупкая и нѣжная, какъ то особенно заботливо и любовно склоняется надъ простой солдатской рубашкой, которую шьетъ. Ея мелодичный голосъ, ея изящныя движенія, вся ея прелестная тонкая фигурка — олицетвореніе женственности и привѣтливости. Она вся ясная и радостная. Невольно вспоминаются слова, сказанныя мнѣ однимъ изъ ея учителей: «У Ольги Николаевны хрустальная душа».

Направо отъ меня сидитъ Великая Княжна Татьяна Николаевна. Она Великая Княжна съ головы до ногъ, такъ она аристократична и царственна. Лицо ея матово блѣдно; только чуть чуть розовѣютъ щеки, точно изъ подъ ея тонкой кожи пробивается розовый атласъ. Профиль ея безупречно красивъ, онъ словно выточенъ изъ мрамора рѣзцомъ большого художника. Своеобразность и оригинальность придаютъ ея лицу далеко разставленные другъ отъ друга глаза. Ей,больше чѣмъ сестрамъ, идетъ косынка сестры милосердія и красный крестъ на груди. Она рѣже смѣется, чѣмъ сестры. Лицо ея иногда имѣетъ сосредоточенное и строгое выраженіе. Въ эти минуты она похожа на мать. На блѣдныхъ чертахъ ея лица слѣды напряженной мысли и подчасъ даже грусти. Я безъ словъ чувствую, что она какая то особенная, иная чѣмъ сестры, несмотря на общую съ ними доброту и привѣтливость. Я чувствую, что въ ней свой цѣлый замкнутый и своеобразный міръ.

Рядомъ съ нею сидитъ Великая Княжна Марія Николаевна. Ее смѣло можно назвать русской красавицей. Высокая, полная, съ соболиными бровями, съ яркимъ румянцемъ на открытомъ русскомъ лицѣ, она особенно мила русскому сердцу. Смотришь на нее и невольно представляешь ее одѣтой въ русскій боярскій сарафанъ; вокругъ ея рукъ чудятся бѣлоснѣжные, кисейные рукава, на высоко вздымающейся груди — самоцвѣтные камни, а надъ высокимъ бѣлымъ челомъ — кокош-

никъ съ самокатнымъ жемчугомъ. Ея глаза освѣщаютъ все лицо особеннымъ лучистымъ блескомъ; они такъ сини, что по временамъ кажутся черными, длинныя рѣсницы бросаютъ тѣнь на яркій румянецъ ея нѣжныхъ щекъ. Она весела и жива, но еще не проснулась для жизни; въ ней вѣрно таятся необъятныя силы настоящей русской женщины.

Напротивъ меня сидитъ Великая Княжна Анастасія Николаевна. Ея хорошенькое личико полно живости и лукавства. Ея быстрые глазки всегда сверкаютъ неудержимымъ весельемъ и задоромъ, они неустанно зорко высматриваютъ, гдѣ бы ей нашалить. Они ничего не пропускаютъ изъ происходящаго вокругъ, они все подмѣчаютъ, а острый, подчасъ безпощадный язычекъ разсказываетъ о всемъ видѣнномъ. Всюду, гдѣ она появляется загорается неудержимая жизнь и звучитъ веселый смѣхъ. При ней «даже раненые пляшутъ», по собственному ея выраженію. Какъ ей не сидится за шитьемъ; но блѣдныя, тонкія руки Татьяны Николаевны быстро вяжутъ рукавицу, Ольга Николаевна еще ниже склонила головку надъ шитьемъ, а Марія Николаевна выбираетъ себѣ новую работу. Надо сидѣть и работать... И ея быстрая ручка беретъ первую попавшуюся дѣтскую рубашенку.

Царская Семья и въ мирное время стремилась къ самому простому образу жизни. Со дня объявленія войны жизнь ихъ стала еще проще и скромнѣе. Ихъ пища, ихъ костюмы и выѣзды были доведены до возможной простоты. Придворный этикетъ постепенно упрощался и отношенія ихъ къ своимъ подданнымъ становилось все проще и задушевнѣе.

Я помню какъ однажды въ Екатерининскомъ лазаретѣ мы были всѣ приглашены въ одну изъ залъ, гдѣ для солдатъ и офицеровъ устроенъ былъ кинематографическій сеансъ. Мнѣ пришлось задержаться съ уборкой бинтовъ въ ящики. Я вошла въ залъ, когда уже было темно. Залъ весь былъ переполненъ ранеными; они сидѣли на скамьяхъ, лежали на койкахъ или полулежали въ передвижныхъ креслахъ. Въ проходѣ сидѣли двѣ сестры милосердія; такъ какъ всѣ стулья были заняты, то онѣ сидѣли просто на полу по турецки, поджавъ подъ себя ноги и внимательно смотрѣли на картину. Чтобы пройти я слегка отодвинула ихъ за плечи и сѣла впереди на одно случайно свободное мѣсто. Когда кончилась первая часть картины и залъ освѣтился, я увидѣла, что сидѣвшія на полу сестры были Ве-

ликія Княжны. Очевидно, на лицѣ моемъ отразилось удивленіе и смущеніе, такъ какъ онѣ разсмѣялись и закивали мнѣ головками.

Великія Княжны вели довольно одинокую жизнь; у нихъ не было тѣснаго кружка молодежи, гости изъ Великихъ Князей и Княженъ ѣздили къ нимъ очень рѣдко. На настоящемъ балу была только Великая Княжна Ольга Николаевна, и то всего одинъ разъ, въ день трехсотлѣтія Дома Романовыхъ. Въ этотъ вечеръ личико ея горѣло такимъ радостнымъ смущеніемъ, такой юностью и жаждою жизни, что отъ нея нельзя было отвести глазъ. Ей подводили блестящихъ офицеровъ, она танцовала со всѣми и женственно, слегка краснѣя, благодарила по окончаніи танца кивкомъ головы. Остальнымъ Княжнамъ такъ и не удалось побывать на настоящемъ балу. Государыня не заботилась объ ихъ развлеченіяхъ; скорбной и больной, Ей казалось,что и дочерямъ Ея не нужно веселья,и Великимъ Княжнамъ не удалось пожить тѣми радостями юности, которыя имъ могла бы дать жизнь...На долю ихъ выпало совсѣмъ иное...Онѣ выпили до дна всю чашу страданія, выпили кротко и смиренно, укрѣпляясь духомъ въ своемъ заточеніи.

Такъ же какъ и въ дни своего величія, онѣ разливали вокругъ себя лишь свѣтъ и любовь, всѣмъ находили онѣ ласковое слово и не забыли тѣхъ, къ кому были привязаны и кто имъ остался вѣренъ. Даже въ заточеніи, находили онѣ свои радости и облегчали муки безграничной любовью другъ къ другу. Вѣра въ Бога и въ торжество добра, любовь къ родинѣ, всепрощеніе и любовь ко всему міру Божьему не меркли, но росли въ ихъ сердцахъ въ ужасные дни испытаній.

Онѣ умерли въ радости, какъ могутъ умереть только истинные христіане-мученики.

Во время Великой войны Наслѣдникъ Цесаревичъ все чаще и чаще уѣзжалъ на фронтъ къ Государю и все дольше тамъ оставался. Несмотря на то, что эти поѣздки вредили Его здоровью и отрывали Его отъ ученія, Государь не считалъ себя въ правѣ оставлять Цесаревича въ Царскомъ Селѣ и не исполнить Его горячаго стремленія быть среди войскъ.

Каждый разъ, какъ я снова видѣла Цесаревича, я видѣла

Его все болѣе выросшимъ и возмужавшимъ; все выразительнѣе и сосредоточеннѣе становилось Его благородное лицо; дѣтская округлость Его щекъ исчезала, но черты лица Его становились тоньше и прекраснѣе, глаза все глубже и грустнѣе... Цесаревичъ становился юношей. Это новое необыкновенное лицо Его встаетъ передо мною такимъ, какимъ я видѣла Его въ послѣдній разъ...

Я вижу храмъ Ѳеодоровскаго Собора.

Идетъ праздничная служба...Храмъ залитъ сіяніемъ безчисленныхъ свѣчей. Цесаревичъ стоитъ на царскомъ возвышеніи. Онъ почти доросъ до Государя, стоящаго рядомъ съ Нимъ. На Его блѣдное прекрасное лицо льется сіяніе тихо горящихъ лампадъ и придаетъ Ему неземное, почти призрачное выраженіе. Большіе, длинные глаза Его смотрятъ не по дѣтски серьезнымъ скорбнымъ взглядомъ... Онъ неподвижно обращенъ къ алтарю, гдѣ совершается торжественная служба... Я смотрю на Него и мнѣ чудится, что я еще гдѣ то видѣла этотъ блѣдный ликъ, эти длинные, скорбные глаза... Я напрягаю свою память и вдругъ вспоминаю... убіенные Борисъ и Глѣбъ.

Я вздрагиваю отъ этой мысли, гоню ее прочь, но она настойчиво возвращается въ мое сознаніе... Я отчетливо припоминаю два лика въ золотомъ окладѣ и вижу третій, озаренный церковнымъ сіяніемъ... Мнѣ становится жутко... хочется отвести свой взглядъ отъ Цесаревича... но чѣмъ сильнѣе я этого хочу, тѣмъ крѣпче онъ къ нему прикованъ... Молящіеся, ряды солдатъ, пѣвчіе и сіяніе алтаря, все точно сдвинулось съ мѣста, расплылось и поплыло въ одно золотое море, все потонуло въ немъ, кромѣ лица Цесаревича. Сердце сжимаетъ нестерпимая тоска и страхъ, члены мои леденѣютъ и я падаю безъ чувствъ на руки моей матери...

Послѣ этого утра я сильно заболѣла. Сходство Цесаревича съ гдѣ то видѣнными ликами Бориса и Глѣба я объяснила себѣ сильнымъ жаромъ, плодомъ больной фантазіи.Уѣхавъ изъ Царскаго Села для полнаго поправленія моего здоровья, я уже больше не вернулась обратно... Больше мнѣ никогда не пришлось увидѣть Цесаревича и Царскую Семью...

Только нѣсколько лѣтъ спустя, когда Царская Семья погибла мученической смертью, я взглянула иначе на мой бредъ...

Теперь въ моей памяти рядомъ съ ликами Бориса и Глѣба снова рисуется третій ликъ — ликъ убіеннаго Цесаревича Алексѣя.

Парижъ, 1924 годъ.

С. Я. Офросимова.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе.

1. Императоръ Николай II (опытъ біографіи), *С. С. Ольденбурга.*
2. Императоръ Николай II и русское общество въ концѣ его царствованія, въ освѣщеніи иностранцевъ, *П. П. Стремоухова.*
3. Убійство Императора Николая II, по даннымъ предварительнаго слѣдствія.
4. Памяти Н. А. Соколова.
5. Что было сдѣлано для спасенія Императора Николая II. *П. С. Боткина.*
6. Царская Семья (изъ дѣтскихъ воспоминаній), *С. Я. Офросимовой.*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

Изданіе «Русскаго Очага» въ Парижѣ.

Цѣна седьмой книги «Русской Лѣтописи»
15 франковъ.

Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris (XIe)